ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 9 (801)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 9 (801)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 9 (801)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М.С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О.К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г.Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С.С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А.И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кудрявцева Н. Б., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Германова Н. Н.
Британская нормативная грамматика эпохи Просвещения
и литературная теория классицизма: точки соприкосновения 13

Радченко О. А.
Горизонты нарративной лингвоисториографии в новом столетии 25

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Бондарчук Г. Г.
Сочетаемость английской предметной лексики:
когнитивный аспект 40

Космарская И. В., Цветаева Е. Н.
Еще раз об односоставных предложениях 48

Филичева О. С.
Функционирование синтаксических схем
в англоязычных научно-учебных текстах 58

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анищенко А. В.
К вопросу о концептуализации эмоций
в немецкоязычном комиксе 69

Борисова Е. С.
Дискурсивные маркеры несобственно-прямой речи
(на примере итальянских текстов) 78

Викулина М. А.
Лексико-семантические модификации
экспрессивно-оценочных лексем в англоязычном
правовом дискурсе (на примере прилагательного «disparate») 91

Ларина Т. С.
Директивные речевые акты
в немецкоязычных общественных знаках 102

Леонтьева А. В.
Когнитивно-прагматический анализ употребления жестов
в судебном аргументативном дискурсе 113

Мозоль Т. С.
Дискурсивный маркер устной речи корейского языка '뭐' 126

Чулкова Е. Д.
Жанрообразующая роль ономастических игр
(на материале шпионского романа Я. Флеминга
«Из России с любовью») 137

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Глушак В. М., Шамаева Е. В.
Концептуальная структура позитивного имиджа
политических партий Германии
(на материале немецкого парламентского дискурса) 144

Котенков М. С.
Политический дискурс как актуальный объект
лингвистического исследования 152

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Пискарёва А. В.
Метафоризация фонетической терминологии 161

Фэн Юэ
Метафора персонификации в народных сказках о животных
(на материале русского и китайского языков) 172

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Денисова Г. В.
Интертекстуальная компетенция личности:
вектор культурной эволюции 184

Панарина Н. С.
Гештальтность восприятия как существенный параметр механизма
вербальной репрезентации прецедентности 194

Пэй Цайся
Экспериментальное исследование структурно-содержательной
специфики антиценности 腐败 / *коррупция* 206

Яо Чжипэн
Сравнительная характеристика ассоциативных полей лексем
«отзывчивый» / 富有同情心的 по данным свободного
ассоциативного эксперимента 223

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бондарев А. П.
От разумного эгоизма к абсолютному бытию:
историческая логика смены культурной парадигмы 235

Ноздрина Л. А.
Это не совсем так 252

Ольховиков Д. Б.
Литературоведческий структурализм как форма рефлексии
взаимодействия языковых образных средств текста 263

Пищальникова В. А.
Понимание художественного текста
как междисциплинарная проблема 275

Салиева Л. К.
Концепты жизнь и смерть в художественной картине мира
романа Владимира Набокова «Дар» 292

Тибилов И. С.
К вопросу определения жанра «тауpаг» в осетинской литературе 304

Шевченко С. Н.
Образы природы как концептуально-содержательные компоненты поэтической картины мира Уильяма Каллена Брайанта 312

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Агранат Т. Б.
Миноритарные языки европейской части России с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО 324

Валиулина Т. А.
Поликультурные аспекты развития канадского языкознания в XX веке 351

Гусейнова И. А.
Ретро как ключ к пониманию геопоэтики 361

Косиченко Е. Ф.
Событийность как категория культурного текста (на примере события «Убийство Цезаря») 374

Сухарев Ю. А.
Перспективы современного «мироустройства» в контексте глобальных культурных трансформаций 386

CONTENTS

LINGUISTICS

HISTORIOGRAPHY OF LINGUISTICS

Guermanova N. N.
Rhetoric and Grammar in 18th-century Great Britain:
Some Points of Convergence 13

Radchenko O. A.
Horizons of Narrative Linguistic Historiography in the New Century 25

SYNTACTIC STRUCTURE AND SEMANTICS

Bondarchuk G. G.
Combinability of English Object Names: Cognitive Aspect 40

Kosmarskaia I. V., Tsvetaeva E. N.
More on One-Member Sentences 48

Filicheva O. S.
Functions of Syntactic Patterns in English Scientific and Academic Texts 58

DISCOURSE STUDIES

Anishchenko A. V.
On the Problem of Conceptualizing Emotions
in German Comic Strips 69

Borisova E. S.
Discursive Markers of Free Indirect Speech
(on the example of Italian texts) 78

Vikulina M. A.
Lexical and Semantic Modifications of Expressive
and Evaluative Lexical Items (an analysis of the word “disparate”) 91

Larina T. S.
Directive Speech Acts in German Public Signs 102

Leonteva A. V.
Cognitive-Pragmatic Analysis of Gesture Use
in Court Persuasive Discourse 113

Mozol T. S.
Korean Spoken Discourse Marker '뭐' 126

Chulkova E. D.
The Role of Onomastic Games in Genre Formation
(an analysis of the novel "From Russia with love" by I. Fleming) 137

POLITICAL LINGUISTICS

Glushak V. M., Shamayeva E. V.
A Conceptual Framework of the Positive Image
of German Political Parties
(an analysis of German parliamentary discourse) 144

Kotenkov M. S.
Political Discourse as an Object of Linguistic Research 152

METAPHOR IN LANGUAGE AND DISCOURSE

Piskareva A. V.
Metaphorization of Phonetic Terminology 161

Feng Yue
Personification Metaphor in Folk Tales about Animals
(an analysis of Russian and Chinese tales) 172

LANGUAGE AND COGNITIVE CONSTRUAL: ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Denissova G. V.
Intertextual Competence and Cultural Evolution Nowadays 184

Panarina N. S.
Geshtalt Character of Perception as a Significant Parameter
of Verbal Representation of Precedence 194

Pei Caixia
Experimental Study of the Structural-Content Specificity of Anti-Value 腐败 / *Corruption* 206

Yao Zhipeng
A Comparative Study of Associative Fields of the Lexeme "Compassionate / 富有同情心的" Based on the Data of the Free Associative Experiment 223

LITERARY STUDIES

Bondarev A. P.
From Rational Egoism to Absolute Being: Historical Logic of Cultural Change Paradigm 235

Nosdrina L. A.
That Is not Quite True 252

Olkhovikov D. B.
The Structuralist View of Expressive Means and Stylistic Devices of the Literary Text 263

Pishchalnikova V. A.
Literary Text Comprehension as a Cross-disciplinary Problem 275

Salieva L. K.
Concepts of Life and Death in the World Picture of Vladimir Nabokov's Novel "The Gift" 292

Tibilov I. S.
The Problem of Defining the Genre "Taurag" in Ossetian Literature 304

Shevchenko S. N.
Images of Nature as Conceptual Elements in William Cullen Bryant's Poetic Worldview 312

CULTUROLOGY

Agranat T. B.
Minority Languages of the European Part of Russia from the Point of View of UNESCO Factors of Language Vitality 324

Valiulina T. A.
Multicultural Aspects of Canadian Linguistics in 20th Century 351

Guseinova I. A.
Retro as a Key to Understanding Geopoetics 361

Kosichenko E. F.
Event as Cultural Text Category
(an analysis of the cultural text 'Assassination of J. Caesar') 374

Sukharev Yu. A.
Perspectives of the Modern World Order
in the Context of Global Cultural Transformations 386

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 81'26

Н. Н. Германова

доктор филологических наук, доцент,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

БРИТАНСКАЯ НОРМАТИВНАЯ ГРАММАТИКА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ КЛАССИЦИЗМА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Статья посвящена проблемам нормирования английского языка в эпоху Просвещения. Автор прослеживает связь между нормативными рекомендациями прескриптивной грамматики английского языка и риториками. В работе показано пересечение интересов и содержания британских грамматик и риторик XVII–XVIII вв. Авторы грамматик в своих рекомендациях учитывали стилистико-коммуникативный потенциал грамматических конструкций, который и был предметом рассмотрения риторик. Эксплицитные объяснения грамматических рекомендаций, содержащиеся в риториках, позволяют понять логику нормализационных процессов и представить их в виде определенной системе. Особое внимание уделяется влиянию на грамматические рекомендации риторик литературной теории классицизма, в частности правила трех единств, к которым риторики добавили требование единства предложения. Автор рассматривает грамматические средства, с помощью которых грамматики предлагали придать предложению единство и связность: порядок слов, упорядочение структуры предложения (разграничение между простым и сложносочиненным предложениями) ограничение вводных конструкций в середине предложения, тщательный отбор коннекторов, согласование между подлежащим и сказуемым и т. п.

Ключевые слова: нормирование языка; стандартный английский; прескриптивная грамматика; риторика; классические единства; эпоха Просвещения.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology (Dr. habil.), professor, Chair of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

RHETORIC AND GRAMMAR IN 18TH-CENTURY GREAT BRITAIN: SOME POINTS OF CONVERGENCE

The article highlights some aspects of standardization of the English language in the epoch of the Enlightenment. The author traces the links between prescriptive grammar of the English grammar and rhetorical precepts. The article demonstrates the overlapping of the interests and the subject matter of British grammars and rhetorics in the XVII–XVIII centuries. In their recommendations grammarians took into consideration the stylistic and communicative potential of grammar constructions, which was in the focus of attention in rhetorics. Explicit explanations given in rhetorics help to understand the logic of standardization process and present them as a certain system. Specifically, the article focuses on the influence of the neoclassical literary theory on grammar recommendations, in particular, on the precept of three unities, to which rhetorics added the unity of sentence. The author discusses various grammar mean used to give the sentence unity and cohesion, such as the word order, differentiation between simple and compound sentences, the disuse of parenthesis in the middle of the sentence, the judicious use of connectives, the agreement between subject and predicate etc.

Key words: standardization; Standard English; prescriptive grammar; rhetoric; classical unities; the Enlightenment.

Введение

Проблема нормирования, или, в соответствии с англоязычной терминологией, проблема стандартизации английского языка, в последние десятилетия привлекала внимание многих лингвистов [Insights into Late Modern English 2006; Perspectives on Prescriptivism 2008; Grammars, Grammarians and Grammar-Writing in Eighteenth-Century England 2008, Tieken-Boon van Ostade 2010; The Languages of Nation 2012; Curzan 2014, Yáñez-Bouza 2015; Standardising English 2018; Guermanova 2018 и др.]. Однако большое число публикаций не свидетельствует о единодушии их авторов. До последнего времени нормативная грамматика английского языка изучалась преимущественно в социолингвистическом ракурсе как попытка навязать широким массам говорящих нормы, основанные на языковой практике социальных элит. Соответственно стандартный английский рассматривался

в отрицательном ключе как социальный диалект, который, по выражению Д. Лейта, «навязывался возмущенному, а иногда сбитому с толку населению» [Leith 2005, с. 33].

Однако действительно ли британцы в XVIII в., т. е. в период, на который пришлось формирование нормативной традиции, встречали усилия нормализаторов с возмущением? Этому утверждению противоречат, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, это постоянно растущий спрос на литературу нормативного характера (словари, грамматики, риторики спеллеры и т. п.) со стороны широкой читательской аудитории. Во-вторых, это поддержка идеи нормирования английского языка выдающимися литераторами XVIII в. – Дж. Драйденом, Дж. Свифтом, Д. Дефо, Дж. Аддисоном и другими интеллектуалами эпохи Просвещения.

Естественно, потребность широкой читательской аудитории в нормативных справочниках можно объяснить сугубо социальными причинами: для неуверенных в себе низов среднего класса «правильный язык» был своеобразным социальным лифтом, который помогал подняться по социальной лестнице. Однако поддержка идеи регулирования английского языка со стороны представителей образованной социальной элиты требует другого объяснения, которое кроется не в социальном, а в культурном климате эпохи Просвещения. Поэтому, на наш взгляд, нормирование английского языка должно рассматриваться не только через призму таких проблем, как язык и власть или конструирование нации, но и в свете соотношения нормализаторской практики с философскими идеями и литературной теорией своего времени. Нормативная традиция не существовала в интеллектуальном вакууме, и, по крайней мере, некоторые из авторов нормативных сочинений (например, Р. Лаут, Дж. Пристли, С. Джонсон, Х. Блэр или Дж. Кэмбелл) принадлежали к числу наиболее образованных людей своего времени. В эпоху Просвещения существовала определенная связь между нормативной грамматикой, с одной стороны, и философией языка и литературной теорией неоклассицизма – с другой [Германова 2014; Guermanova 2018]. Доказательству этого положения и посвящено настоящее исследование, основанное на анализе двух ведущих британских грамматиках XVIII в. – «Лекций по риторике и изящной словесности» Х. Блэра (1783) и «Философии риторики» Дж. Кэмбелла (1776).

Результаты исследования

В настоящей работе предпринимается попытка проследить связи между нормативной грамматикой и эстетическими канонами неоклассицизма в той мере, в какой последние представлены в риториках XVIII в.

Следует заметить, что с эпохи Античности, когда риторика и грамматика сформировались как отдельные филологические дисциплины, между ними установились достаточно прочные связи. Это утверждение в полной мере справедливо и для Великобритании эпохи Просвещения. История взаимных контактов британской риторики и грамматики сводится к следующему: В XVII в. риторика и грамматика преподавались как отдельные предметы; впрочем, в то время риторика в основном занималась фигурами речи и не имела прямого отношения к проблемам грамматики. В первой половине XVIII в. риторика как учебный предмет оказалась несколько потесненной грамматикой, и грамматики начали включать в свой состав все больше и больше риторического материала. Однако уже во второй половине XVIII в. с появлением влиятельных риторик Х. Блэра и Дж. Кэмбелла положение риторики в качестве отдельного предмета в учебной программе упрочивается, хотя составители грамматик продолжают включать отрывки из риторик в свои учебники [Michael 1970, с. 197]. В XIX в. связи между риторикой и грамматикой сохраняются. В этот период все большую популярность получают практически ориентированные «Курсы композиции и риторики», включавшие обширные разделы, посвященные грамматике и даже пунктуации. В это время в преподавании грамматики происходят определенные изменения, в результате чего акцент смещается с изучения частей речи и их характеристик на синтаксис, что еще больше сближает грамматику с композицией (под «композицией» подразумевалось написание сочинений) и риторикой. Однако синтез грамматики и риторики теперь происходит за счет сокращения собственно риторического содержания учебных пособий: риторика из учения о вербальной коммуникации всё более превращается в пособие по вопросам правильности речи, преследующее сугубо практические цели.

Таким образом, на протяжении XVII–XIX вв. предметные области риторики и грамматики не были четко разграничены, и граница между ними была подвижной, однако в любом случае между этими

дисциплинами существовали достаточно прочные связи. Эти связи проявлялись даже в традиционном определении грамматики, которая в большинстве случаев понималась как «искусство хорошо говорить» или как «искусство говорить правильно». От этого определения, делающего акцент на языке как средстве коммуникации, нетрудно «перекинуть мостик» к риторике, которая, в свою очередь, понималась как «искусство убеждения», которое, естественно, невозможно без умения хорошо говорить.

С другой стороны, авторы риторик рассматривали изучение грамматики как первый шаг к овладению искусством красноречия. Так, Дж. Кэмбелл сравнивал искусство грамматиста с ремеслом каменщика: хотя оно проще искусства архитектора, как без работы каменщика невозможно возведение любого здания, так и без искусства грамматиста невозможно овладение вершинами риторического мастерства [Campbell 1844, с. 57]. «Ритор должен быть искусен в том языке, на котором он говорит или пишет, и должен уметь добавлять к грамматической чистоте те более высокие качества красноречия, которые сделают дискурс изящным и энергичным», заключает он [там же]. Аналогичную позицию занимал и Х. Блэр, уделявший грамматике много внимания (ср. названия глав: «Структура языка», «Структура предложения» и др.). Высоко оценивая грамматику Р. Лаута, содержавшую критический разбор литературных текстов, в том числе принадлежавших перу ведущих писателей, Х. Блэр замечал: «Многие ошибки, даже грамматического характера, многие прегрешения против чистоты языка, которые совершают писатели, отнюдь не заслуживающие пренебрежительного отношения, демонстрируют, что тщательное изучение Языка – это предварительное требование ко всем, кто ставит себе целью хорошо писать на нем» [Blair 1812, с. 211].

В свете такого пристального внимания к вопросам грамматики неудивительно, что риторики эпохи Просвещения содержат интересные суждения о грамматике английского языка как прескриптивного, так и дескриптивного характера. Особенно ценно то обстоятельство, что, в отличие от грамматистов, которые редко объясняли и обосновывали свои правила, авторы риторик, ориентированных на более подготовленную университетскую аудиторию, нередко аргументировали свои рекомендации. Так, именно в риторике Дж. Кэмбелла изложены «каноны грамматической правильности», представляющие собой

наиболее эксплицитное объяснение того, как понималась грамматическая правильность в XVIII в., и как предлагалось в спорных случаях совершенствовать узус.

Как было отмечено выше, в нашей статье речь пойдет о связях грамматики и литературной теории неоклассицизма в интерпретации Х. Блэра и Дж. Кэмбелла – авторов двух выдающихся риторик второй половины XVIII в.

Эта связь проявляется с наибольшей очевидностью в «Лекциях по риторике и изящной словесности» Х. Блэра. В отличие от риторики времен Античности, направленной на обучение устной речи, риторика Х. Блэра была адресована не столько говорящему, сколько автору и читателю литературно-письменного текста. Х. Блэр четко формулирует основные требования, вокруг которых группируются рекомендации нормативного характера. Это требования ясности (*perspicuity/clearness*), единства (*unity*) и выразительности (*strength*) [Blair 1812, с. 214–287]. Эти понятия можно назвать смысловыми доминантами нормативного дискурса [Германова 2014].

В статье речь пойдет преимущественно о требовании единства. Как известно, классические единства – это правила драматургии, сформулированные еще Аристотелем и возрожденные теоретиками европейского (прежде всего, французского) классицизма XVII–XVIII вв. В классицизме Нового времени единства, только намеченные Аристотелем, приобрели бо́льшую определенность и облигаторность. Они включали в себя единство действия (пьеса должна иметь один главный сюжет, второстепенные сюжеты сводятся к минимуму); единство места (действие пьесы происходит в одном и том же месте) и единство времени (действие пьесы ограничено сутками); к ним иногда добавляют единство характера (характер героя не должен на протяжении пьесы претерпевать изменений)[1].

Х. Блэр пошел еще дальше и, взглянув на эти единства с точки зрения грамматики, добавил к ним положение, которое можно назвать «единством предложения». Как и литературное произведение, предложение должно было отвечать требованию единства: «Превыше всего в отдельном предложении необходимо добиваться строжайшего

[1] У Аристотеля было четко представлено только единство действия и вскользь упомянуто единство времени.

единства. Ибо сама природа предложения требует, чтобы оно выражало одну пропозицию. Предложение может состоять из нескольких частей, но эти части должны быть так тесно связаны друг с другом, чтобы производить на ум впечатление одного объекта, а не многих» [Blair 1812, с. 252]. Чтобы достичь желанного единства, Х. Блэр рекомендовал придерживаться следующих правил:

- прежде всего, в рамках одного предложения, место действия должно меняться как можно реже;
- не следует загромождать предложение вещами, которые так мало связаны друг с другом, что их можно разделить на два или три предложения;
- следует избегать вводных оборотов в середине предложения [Blair 1812, с. 252 –258].

Очевидно, что второе и третье правила имеют прямое отношение к синтаксической структуре предложения и его сложности.

В риторике Дж. Кэмбелла, которая в целом носит теоретический характер, требование единства выражено не столь эксплицитно, однако и он полагает, что «когда структура предложения слишком сложная или слишком искусственная, или когда его смысл слишком затягивается вводными оборотами», это может привести к двусмысленности [Campbell 1844, с. 247].

Какими же грамматическими способами можно было, по мнению авторов нормативных сочинений, добиться единства предложения? Во-первых, большу́ю роль играл порядок слов. Как писал Х. Блэр, «слова и члены предложения, наиболее очевидно друг с другом связанные, должны стоять в предложении как можно ближе друг к другу, чтобы их взаимосвязь отчетливее проявлялась» [Blair 1812, с. 243]. Это требование легло в основу правил, касающихся расположения наречий (например, *only* или *at least*), обстоятельств и других второстепенных членов предложения. Так, предложение *Theism can only be opposed to polytheism*, с точки зрения Х. Блэра, ошибочно, не выражает со всей отчетливостью противопоставление теизма и политеизма; его следует передать в *Theism can be opposed only to polytheism* [Blair 1812, с. 244].

Дж. Кэмбелл также предостерегает читателей против неверного расположения слов. Один из его примеров таков: *It contained a warrant for conducting me and my retinue to Traldragdubb, or Trildrogdrib,*

for it is pronounced both ways, as near as I can remember, by a party of ten horse. Из-за необдуманного расположения вводного предложения предложение при буквальном прочтении становится нелепым (можно понять, что название географического пункта произносится поразному лошадьми), на что и указывает Дж. Кэмбелл: «Слова *by a party of ten horse* должны быть связаны со словом *conducting*, однако они расположены так далеко от него и так рядом с глаголом *pronounced*, что при первом прочтении предлагают совершенно смехотворное значение» [Campbell 1844, с. 243].

Стремление не разрывать связанные по смыслу слова объясняет отрицательное отношение многих нормализаторов языка к явлению *prepositional stranding* (отделению предлога от глагола). Следует отметить, что отношение авторов нормативных сочинений к этому явлению существенно варьировало [Yáñez-Bouza 2015]; даже Дж. Кэмбелл относился к нему вполне нейтрально. Однако Х. Блэр принадлежал к числу наиболее жестких критиков этой конструкции: «Необходимо избегать так называемого расчленения частиц, или отделения предлога от существительного, которое им управляет <…>. В таких случаях мы чувствуем своего рода боль от внезапного резкого перехода, или грубого разделения двух вещей, которые, в силу своей природы, должны быть тесно связаны» [Blair 1812, с. 266]. По мнению Х. Блэра, эта конструкция также противоречила требованию выразительности (*strength*) предложения, так как ослабляла силу его воздействия на читателя, который был вынужден останавливаться к конце предложения на предлоге, т. е. слове, которое не вызывало в его воображении никакого зрительного образа.

Если связанные друг с другом слова должны были стоять рядом, то не связанные друг с другом части предложения должны были, напротив, отделяться друг от друга. Как писал лорд Кеймс, «в законченной мысли и ментальной пропозиции, все члены и части взаимосвязаны, одни поверхностно, другие тесно. Чтобы облачить такую мысль в слова, недостаточно четко выразить составляющие ее идеи; необходимо также, чтобы все отношения, содержащиеся в мысли, были также выражены с учетом степени их связанности <…> Великое искусство во всех языках состоит в том, чтобы передавать разнообразные отношения, которые соединяют составные части мысли [Kames 1817, с. 39]. Характерно, что в некоторых учебниках грамматика определяется как «искусство выражения отношений между словами» [Michael 1970, с. 193].

Так, по мнению С. Джонсона, автора знаменитого словаря английского языка и несколько менее знаменитой, но все же влиятельной грамматики, «все части предложения должны соответствовать друг другу: правильная и взаимозависимая конструкция должна поддерживаться до конца предложения» [Johnson 1839, с. 63]. Исходя их этого, С. Джонсон критиковал предложение *He was more beloved, but not as much admired, as Cintheo*: при его развертывании получаем неверное словосочетание *more beloved as Cintheo*; рекомендуемый вариант позволял избежать этой погрешности: *He was more beloved, than Cintheo, though not so much admired* [там же].

Аналогичным образом следовало разделять части предложения, сказуемые которых стояли в разных временах или имели разную модальность. Соответственно, правильными признавались предложения *He lives temperately, and he has long lived temperately* (**He lives temperately, and has long lived temperately*) или *He may return, but he will not continue* (**He may return, but will not continue*), поскольку в них повторение сказуемого разделяет части предложения [Murray 1805, с. 195].

Если прибегнуть к терминологии современной семиотики, можно сказать, что нормативная традиция, в соответствии с популярной в XVIII в. концептуальной метафорой «язык есть одежда мысли», отдавала предпочтение иконическим диаграммам, т. е. знакам, структура которых отражала структуру передаваемого ими концепта: само синтаксическое построение предложения должно было передавать характер связей между частями предложения (или их отсутствие).

Акцент на связности и единстве предложения заставлял авторов нормативных трудов уделять большое внимание различного рода коннекторам – союзам, предлогам, артиклям. Блэр называл их «стыками, или петлями, на которых держится предложение» [Blair 1812, с. 265]. Употребление коннекторов способствует выявлению структуры предложения: например, по мнению Блэра, оборот *the man whom I love* лучше, чем оборот *the man I love*; последний подходит только для устной непринужденной речи [Blair 1812, с. 266–267].

Дж. Кэмбелл также подчеркивал значимость коннекторов для объединения предложения в единое целое: без коннекторов конструкция «предстанет лоскутным одеялом, а не единым целым». Он также увязывал коннекторы с принципом живости (выразительности), советуя делать их как можно менее незаметными: громоздкие союзы

«наиболее противоречат живости слога <…>. Чем они менее заметны, тем совершеннее будет единство частей, и тем легче будет читатель переходить от одного слова, оборота или части предложения к другому» [Campbell 1844, с. 405]. На основании этого Кэмбелл предлагает избегать составных союзов типа *because of*, *while that*, *unless that*, *since that, whereupon, whereunto, therewith, whereby*. Аналогичную позицию он занимает и относительно предлогов, рекомендуя заменять *until* на *till*, *unto* – на *to*, *upon* – на *on*. По его мнению, не стоит также повторять длинные союзы типа *notwithstanding* и нагромождать союзы в одном предложении (*although …nevertheless*).

На морфосинтаксическом уровне требование единства проявлялось в правилах согласования подлежащего и сказуемого (связь между главными членами предложения должна быть четко обозначена)[1] и в правилах, регулирующих выбор времен глагольных форм (в предложении должна быть единая временная перспектива)[2].

Заключение

Изучение грамматических британских рекомендаций риторик эпохи Просвещения продемонстрировало, что риторические правила единства, выразительности и ясности, уходящие корнями в поэтику неоклассицизма, оказывали определенное влияние на выбор грамматических форм: авторы грамматик в своих рекомендациях учитывали стилистико-коммуникативный потенциал грамматических конструкций, который и был предметом рассмотрения риторик. При этом структура предложения, по мысли авторов риторик и грамматик, должна была выявлять и передавать структуру мысли. В терминах современной семиотики это означало, что нормативная традиция отдавала предпочтение иконическим диаграммам, то есть знакам, структура которых соответствует структуре отражаемого ими концепта.

---

[1] В соответствии с этим, предложения *The king with the queen was happy* и *The king and the queen were happy* трактовались как предложения с различным содержанием (из первого предложения не вытекает, что королева также была счастлива).

[2] Например, неправильным считалось предложение *Lord has given, and Lord has taken* (его следовало заменить на *Lord gave, and Lord has taken*) или предложение *I found him better than I expected to have found him* (его следовало заменить на *I found him better than I expected to find him*).

Особое значение имел для грамматической правильности и риторической эффективности принцип единства предложения, восходящий к неоклассическим литературным требованиям единства действия, времени и места, а также семиотический потенциал линейной организации языка, что проявлялось в значимости порядка слов для передачи содержания предложения.

Предлагаемый в настоящей статье подход к изучению нормирования английского языка, предполагающий рассмотрение нормативной традиции не только в социолингвистическом ключе, но и с учетом интеллектуального климата своего времени, позволяет выявить логику нормативных рекомендаций и представить их не как набор разрозненных и случайных правил, но как своего рода систему, имеющую культурно-исторические основания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Германова Н. Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕЛАНД, 2014. 368 с.

Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles-lettres (1783). London: Printed for W. Strahan; T. Cadell, in the Strand; and W. Creech, in Edinburgh, 1812. Vol. 1. 420 p.

Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. New York, Harper, 1844. 435 p.

Curzan A. Fixing English: Prescriptivism and Language History. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 197 p.

Grammars, Grammarians and Grammar-Writing in Eighteenth-Century England / Tieken-Boon van Ostade I (ed.) Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 369 p.

Guermanova N. Prescriptive Grammar and the Rationalist Cultural Model of Standardisation / Standardising English: Norms and Margins in the History of the English Language // Pillière L., Andrieu W., Kerfelec V., Lewis, D. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 2018. P. 43–60.

Insights into Late Modern English / Dossena M., Jones Ch. (eds.). Bern-Berlin: Peter Lang. 2006. 378 p.

Johnson S. Complete English Grammar / Johnson's Dictionary of the English language. London: John Williamson and Co., 1839. P. 1–79.

Kames, lord. Elements of criticism. V. 2. Edinburgh: printed for Bell and Bradfute, 1817. 516 p.

Leith D. A Social History of English. London-New York: Routledge, 2005. 312 p.

Michael I. English Grammatical Categories and the Tradition to 1800. Cambridge etc: Cambridge University Press, 1970. 622 p.

Murray L. English Grammar: Adapted to the Different Classes of Learners. Hatford: Oliver D. Cooke, 1805. 336 p.

Perspectives on Prescriptivism / Beal J. C., Nocera C., Sturiale M. (eds.). Bern-Berlin: Peter Lang. 2008. 269 p.

Standardising English: Norms and Margins in the History of the English Language // Pillière L., Andrieu W., Kerfelec V., Lewis, D. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 2018. 298 p.

The Languages of Nation. Attitudes and Norms / Percy C., Davidson M. C. (eds.). Bristol-Buffalo-Toronto: Multilingual Matters, 2012. 304 p.

Tieken-Boon van Ostade I. Lowth as an icon of prescriptivism / Eighteenth-century English. Ideology and Change // Hickey R. (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 73-88.

Yáñez-Bouza N. Grammar, Rhetoric and Usage in English. Cambridge University Press, 2015. 373 p.

УДК 81-115

О. А. Радченко

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail radoleg@gmail.com

ГОРИЗОНТЫ НАРРАТИВНОЙ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИИ В НОВОМ СТОЛЕТИИ

В предлагаемой статье рассматриваются различные подходы к методологии лингвоисториографии в концепциях П. Шмиттера (1943–2006), Т. А. Амировой, Ф. Р. Анкерсмита (род. 1945), Б. Томка (род. 1949) и др. Отмечается, что метаисториография получила свое особенное институциональное оформление как лингвистическая дисциплина в XX веке. В статье историография языкознания рассматривается как концептуальная утилизация или археология знаний о языках мира и науке о них. Для характеристики результатов этой концептуальной археологии и обозначения историографической нарративной репрезентации прошлого, вслед за Анкерсмитом, используется термин «нарратив»; рассматриваются взаимосвязи между нарративной историографией лингвистики и нарративными теориями в литературоведении, в качестве фона для рассуждений избирается историографический релятивизм, в рамках которого историк языкознания выступает как «комментатор семиотических структур и документов», посредник между связанным с прошлым дискурсом «исчезающих событий» и современными ему читателями (Б. Томка). В качестве негативных традиций современного изложения истории науки о языке отмечается излишнее доверие авторов к традиционным суждениям о тех или иных теориях и ученых, ограниченное знакомство с первоисточниками и зачастую метареферативный характер отдельных глав. В этой связи подвергаются критике заключения о «прогрессе» или «регрессе» языкового знания, «парадигмах» и «революциях» в науке о языке как допущения. В статье также указывается на то, что историк науки о языке как нарративный интерпретатор фактов, без сомнения, рискует впасть в крайности, следуя своим пристрастиям, подпадая под обаяние личности и творчества героя своего исследования, либо изначально рисуя его негативный портрет («поэтическая историография»). В статье также затрагиваются проблемы множественности историографических нарративов, их автономности и взаимосвязи с «объективной исторической картиной», характер «лингвистического поворота» в историографии XX столетия, роль деконструкции истории, избирательный или тотальный метод анализа документов и уместность ранжирования фактов, требования к методологии историографии лингвистики.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; методы истории языкознания; поэтическая историография; критическая историография; нарратив; метаисториография; историографический релятивизм.

O. A. Radchenko

Doctor of Philology, Senior Professor, Department of General
and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: radoleg@gmail.com

HORIZONS OF NARRATIVE LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY IN THE NEW CENTURY

The article analyzes different approaches to the methodology of the history of language sciences in the 20th century, e.g. concepts by P. Schmitter (1943–2006), T. A. Amirova, F. R. Ankersmit (b. 1945), B. Thomka (b. 1949). It is stressed that meta-historiography received its special institutional design as a linguistic discipline in the 20th century. In the article historiography of linguistics is considered as a conceptual utilization or archeology of knowledge about world languages and the language of science itself. To refer to the results of this conceptual archaeology for a narrative representation of the past the author uses Ankersmit's term "narrative"; he also examines the relationship between a narrative historiography of linguistics and narrative theories in literary studies. As a background for discussions the article introduces the concept of historiographical relativism in which a historian of linguistics is viewed as a "commentator of semiotic structures and documents," a mediator between his discourse of "vanishing events" and his modern readers (B. Thomka). The article also discusses the modern trend in the history of language sciences, namely is the authors' enormous trust in conventional judgements on theories and scientists of the past, their limited familiarity with primary sources and often metareferential nature of individual chapters, and regards this trend as a negative feature. With this in view all conclusions about the "progress" or "regression" of linguistic knowledge, "paradigms" or "revolutions" in the language sciences are criticized as mere assumptions. The article argues that a historian of language sciences as a narrative interpreter of facts is most likely to go to extremes, following his preferences, falling under the charm of a linguist's personality and creativity, or initially drawing his/her negative portrait ("poetic historiography"). The article also touches upon plurality of historiographical narratives, their autonomy and relationships with the "objective historical picture", the nature of the "linguistic turn" in the historiography of the 20th century, the role of deconstruction of history, selective or total method of document analysis and the relevance of fact ranking, the requirements for the methodology of linguistic historiography.

Key words: narrative linguo-historiography; methods of the history of linguistics; poetic historiography; critical historiography; narrative; meta-historiography; historiographical relativism.

Основатель нарративного метода в историографии лингвистики замечательный немецкий лингвист П. Шмиттер (1943–2006) совершенно справедливо отмечал в одной из своих последних работ, что научное занятие историей языкознания не может считаться достижением

или даром двадцатого столетия; достаточно сослаться на «Хронику» Андрона Александрийского (II в. до н.э.) и его жизнеописания представителей александрийской грамматической школы [Schmitter 2003, с. 13]. Однако метаисториография получила свое особенное институциональное оформление как лингвистическая дисциплина именно в прошлом веке, в котором, во всяком случае, в Европе появились специализированные журналы и непериодические издания по истории языкознания (в частности, «Historiographia Linguistica: International Journal for the History of Linguistics», Amst., 1974–; Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft, Münster, Nodus, 1991–;), а в мировой науке были основаны международные общества по истории языкознания (к примеру, Общество истории лингвистических идей имени Генри Суита, учрежденное в 1983 г. в Оксфорде) и утвердилась традиция проведения международных конференций по проблемам зарождения и эволюции лингвистического знания (прежде всего, международные конференции по истории языкознания ICHOLS, проводимые с 1978 г.; так, в августе–сентябре 2017 г. в Париже прошла XIV конференция).

Необходимо отметить, что эти усилия были направлены в значительной степени на поиски ответа на постоянно и поныне возникающий вопрос: что такое история языкознания и для какой цели ее следует изучать [Brekle 1985]. В отечественной науке, в частности, в научной школе лингвистической историографии МГПИИЯ им. Мориса Тореза (ныне – МГЛУ), на этот вопрос уже давно был дан исчерпывающий ответ Т. А. Амировой: «Нередко обнаруживается, что многие мысли, казавшиеся забытыми и устаревшими, весьма полезны и нужны сейчас для развития современной теории. С другой стороны, нередко случается и так, что ряд мыслей и проблем, кажущихся совершенно новыми, уже фундаментально разработаны в прежнее время» [Амирова и др. 1975, с. 17]. Историография языкознания может тем самым с полным правом считаться своего рода концептуальной утилизацией или, в более благородном своем проявлении, концептуальной археологией знаний о языках мира и науке о них. Однако такое понимание истории лингвистики акцентирует ее поисковый, исследовательский аспект и не позволяет понять, каким образом будет представлен результат этого поиска. Этот результат, вслед за нидерландским философом истории Ф. Р. Анкерсмитом (род. 1945), мы будем квалифицировать как «специальный термин

“нарратив” (narratio) исключительно для обозначения историографической нарративной репрезентации прошлого» [Анкерсмит 2003, с. 38]. О необходимости нарратива Анкерсмит утверждает весьма логично: «У прошлого как такового нет нарративной структуры – нарративные структуры появляются только в нарративе» [Анкерсмит 2003, с. 128].

Впрочем, использование этого термина не может не вызывать навязчивых ассоциаций с нарративными теориями в литературоведении. Так, венгерская исследовательница Б. Томка (род. 1949) склонна усматривать параллели между литературным и историческим нарративами в рамках широко понимаемой деконструкции истории и исторической нарралотогии в целом [Thomka 2007, с. 1]. Историографический релятивизм является общим фоном для её размышлений об истории как нарративной программе в ряду подобных программ, в число коих входит и беллетристика. Речь идет вовсе не о реконструкции исторических событий, а о создании прошлого (даже псевдо-прошлого, если привлекается беллетристический дискурс). Однако, в отличие от автора рассказа, историк выступает как «комментатор семиотических структур и документов», посредник между связанным с прошлым дискурсом «исчезающих событий» и современными ему читателями [Thomka 2007, с. 2]. Б. Томка следует за суждением П. Рикёра (1913–2005) об истории как репрезентации прошлого, зависящей от воображения и интенции ее создателя, и в этой связи весьма важным представляется ей мнение Рикёра о роли историографического нарратива как фактора, смягчающего и сглаживающего лакунарность документальной базы прошлого [Ricœur 1994, с. 21–22] (более подробно об истории дискурс-анализа во Франции см. весьма информативную главу Ж. Гилому в [Guilhaumou 2003]).

Если встать за эти позиции, то основной опасностью историка языкознания, как представляется, становятся увлечение этой параллелью между беллетристическим и историографическим дискурсами, вера в собственные «референциальные иллюзии», о которых пишет Б. Томка со ссылкой на М. Рифатера (1924–2006), создание «нарративных идентичностей», сходных с персонажами литературных произведений (что, с нашей точки зрения, имеет место в случае прижизненной глорификации научного деятеля, примером чего может служить отношение к Н. Я. Марру в СССР в 1920–1930-х гг.).

Другой иллюзией создателя всякого нового нарратива, увлеченного идеей прогресса литературного творчества, может быть его уверенность в возможности «аналогово-нарративного нанизывания теорий…, при котором теория-последователь T2 является улучшением теории-предшественницы T1» [Schmitter 2003, с. 132]. С этим оптимистическим суждением трудно согласиться: любое знакомство с учебными пособиями и курсами лекций по истории языкознания, изданными как в России, так и за рубежом, обнаружит практически безграничное доверие авторов к традиционным суждениям о тех или иных теориях и ученых, ограниченное знакомство с первоисточниками и зачастую метареферативный характер отдельных глав. Это, правда, вполне объяснимо: написать всемирную историю лингвистики, основанную на чтении и интерпретации оригинальных трудов даже избранных классиков науки о языке никому пока еще не удавалось в силу необходимости знания автором историографического труда довольно значительного числа языков мира, способности их использования для чтения и анализа сложных оригинальных публикаций, в том числе прошлых веков, и существенного временного ресурса для подробнейшего, детального знакомства с личностью, взглядами и трудами каждого значимого лингвиста, что проявляется как результат в неравномерности качества отдельных глав учебных пособий и сборников по истории лингвистических учений.

В этой связи и заключения о «прогрессе» или «регрессе» языкового знания, «парадигмах» и «революциях» в науке о языке остаются допущениями (см. например [Koerner 1994]). Говоря о степени влияния лингвоисториографии как концептуальной археологии на состояние научного знания, Ф. Анкерсмит утверждает в этой связи: «Отношение между историческим повествованием и (прошлой) реальностью, между нарративной репрезентацией и тем, что она репрезентирует, является метафорическим и должно анализироваться соответствующим образом. Отсюда затем можно вывести концепцию нарративного успеха, позволяющую объяснить, что делает одно историческое повествование убедительнее и лучше другого» [Анкерсмит 2003, с. 11]. Метафоризация отношения между реальностью и историческим нарративом означает множественность возможных лингвоисториографических нарративов и принципиальную невозможность «объективной» истории науки о языке, как, впрочем, и важность конкретных

критериев желаемого нарративного успеха как весомого научного итога всякой работы по истории нашей науки. Здесь и далее наши рассуждения будут вписываться в контекст «историографического релятивизма» и «деконструкции истории» [Thomka 2007].

В поисках критериев нарративного успеха Ф. Анкерсмит выдвигает на первый план основной из них: «Деятельность историка отнюдь не ограничивается поиском фактов или детективным расследованием. Установление фактов представляет собой лишь предварительную стадию в решении задачи, которую ставит перед собой историк. Ибо для него истинная проблема заключается в том, как объединить эти факты в последовательное историческое повествование. Именно это я и называю «нарративным написанием истории»» [Анкерсмит 2003, с. 23]. Документы становятся пересказами и наоборот – в случае признания важности учебника истории языкознания для научного мира, как это случилось с классическими советскими учебниками Ф. М. Березина [Березин 1975], Н. А. Кондрашова [Кондрашов 1979], Т. А. Амировой, Б. А. Ольховикова и Ю. В. Рождественского [Амирова 1975] и др.

Классик итальянской философии Б. Кроче (1866–1952) подчеркивал в свое время важность «пересказов, ставших документами», утверждая: «По здравом размышлении, свершившуюся историю, что именуется (либо должна именоваться) «несовременной», историей «прошлого», если, конечно, это в подлинном смысле история, а не переливание из пустого в порожнее, тоже можно без оговорок назвать современной. Для этого необходимо одно условие: факт, из которого творится история, должен жить в душе историка или же (пользуясь историческим лексиконом) историк должен иметь в своем распоряжении удобопонятные документы. А если этот факт сопровождается толкованием или пересказом, это лишь обогащает его, но сам факт ни в коем случае не утрачивает своей значимости, эффекта своего присутствия. То, что прежде было толкованием, оценкой, теперь стало фактом, «документом» и в свою очередь подлежит истолкованию и оценке. Историю нельзя построить на пересказах – только на документах, либо на пересказах, ставших документами» [Кроче 1998, с. 9]. С этим отчасти согласен Ф. Анкерсмит, говоря, что «в историографии ценность исторического сочинения определяется не столько фактами, открытыми в нем, сколько нарративной интерпретацией этих фактов»

[Анкерсмит 2003, с. 13]. Очевидно, он акцентирует вторую часть доказательной базы историографии, о которой писал Кроче.

Историк науки о языке как нарративный интерпретатор фактов, без сомнения, рискует впасть в крайности, следуя своим пристрастиям, подпадая под обаяние личности и творчества героя своего исследования, либо изначально рисуя его отвратительный портрет (что, правда, далеко не всегда связано с его желаниями – достаточно вспомнить критические статьи замечательного советского германиста М. М. Гухман об американской этнолингвистике и немецком неогумбольдтианстве, написанные в существенной степени по идеологическому заказу [Гухман 1954; Гухман 1961]). В этом смысле поучительна так называемая «поэтическая историография», которой Б. Кроче дает следующую характеристику: «Многочисленными ее примерами служат трогательные биографии любимых и уважаемых людей и сатирические портреты ненавистных… Чтобы превратить поэтическую биографию в подлинно историческую, надо в себе подавить, как часто внушают биографам, страсти, слезы и гнев и заняться исследованием миссии, которую выполнял герой рассказа в области общественной или культурной» [Кроче 1998, с. 22–23].

Более критично высказывался о роли историка, как известно, Х. Уайт, считавший эту роль абсолютной, а само историческое повествование – целиком порождением писательного дара (если не сказать, буйной фантазии) историка [Уайт 2002]. Созданная им метаистория была призвана обосновать это крайнее мнение.

Во избежание этой крайности и в поисках обоснования какого-либо объективного фундамента для историографического нарратива мы вправе задаться вопросом, какие научные публикации, созданные тем или иным ученым, можно считать его master texts в классическом понимании (текстами, обладающими наивысшей степенью влияния на формирование научного знания). В понимании нарратологии, этот акцент несуществен, так как за «влиятельными текстами» в любом случае скрывается незримая мастерская лингвиста, включающая его биографические данные, дневники, переписку, черновики трудов, критические заметки в их адрес, воспоминания о них, записи бесед с ними, т. е. то, что профессор Лёвенского католического университета П. Свиггерс склонен относить к «эпи-историографии»: «Эпи-историография: эта «латеральная» отрасль историографии касается

истории «агентов» (индивидуального языка ученых и групп ученых), и материальных продуктов (папирусов, манускриптов, книг, статей электронных текстов и т.п.), причем последние формируют фонд (deposit) лингвистического знания. В дополнение, эпи-историографический компонент также интегрирует материальную документацию, созданную историографами, как средство для обоснования и подкрепления метаисториографических исследований» [Swiggers 2010, с. 5]. Будучи краеугольным камнем нарративной лингвоисториографии, эти проблемы остаются второстепенными для двух базовых, с точки зрения Свиггерса, моделей истории языкознания – истории достижений и истории моделей и программ. Гораздо более близкими к нарративной историографии лингвистики представляются рассуждения известного японского германиста М. Ватанабе о «релятивизме в лингвоисториографии» [Watanabe 2004, с. 25].

Возможно ли получить какую-либо «объективную» картину прошлого в ситуации, когда, по меткому замечанию Ватанабе, количество историй языкознания равно количеству историков? Вряд ли, полагает Ф. Анкерсмит, ибо: «Нарратив нельзя назвать «картиной» или «образом» прошлого ни в одном из принятых значений этих слов... Нарративный идеализм провозглашает автономность нарратива: в нарративах прошлое описывается с помощью сущностей, которыми не обозначаются вещи или аспекты прошлого. Построение и использование этих сущностей в нарративе подчиняется правилам, которые не являются простым отражением закономерностей, существующих в прошлом, но имеют свой собственный статус. Эти сущности воплощают то, что обычно называют «тезисами о прошлом»» [Анкерсмит 2003, с. 14] . Анкерсмит рассуждает, конечно же, о том, как формулировать тезисы о прошлом (или «нарративную субстанцию») в русле упомянутого нарративного идеализма: «Нарратив формулирует тезис о прошлом или же предлагает определенную «точку зрения», с которой следует рассматривать прошлое» [Анкерсмит 2003, с. 29]. Другой критерий – это полнота представления эпохи в нарративе: «Наилучший нарратив – это наиболее подробное историческое сочинение, т.е. сочинение, максимально приближающееся к полному описанию (фрагментов) прошлого. Идеальный же нарратив, при всей его недостижимости, – это нарратив, который дает точную и полную копию прошлого» [Анкерсмит 2003, с. 81].

В этом, как представляется, заключена слабость позиции Ф. Анкерсмита, ибо при всей апостериорности его концепции все же нечто предполагается как изначальная данность и как чрезвычайно важная основа для нарратива – представление о возможной «полноте» исторической картины, возможном «общем» знании о прошлом как некой константе. И то, и другое представляется довольно эфемерным в связи с постоянно открывающимися новыми историческими фактами и документами (см. напр. достаточно недавнюю попытку демифологизации истории лингвистической географии в [Koerner 2003]). Анкерсмит, правда, делает существенную оговорку: «В отличие от исторического романа, нарратив не пишется с какой-то определенной “точки зрения” или в соответствии с какой-то определенной интерпретацией прошлого, хотя некоторая интерпретация или “точка зрения” в нем предлагается. “Общее” историческое знание о прошлом (или о его фрагменте), сообщаемое нарративом, по сути, и определяет ту “точку зрения”, с которой нам предлагается смотреть на прошлое» [Анкерсмит 2003, с. 47]. Точкой зрения здесь предлагается считать конструирование в каждом случае «собственного Наполеона»: «Историки всегда используют одни и те же слова для своих нарративных субъектов и для своих нарративных субстанций, например “Наполеон” или “консерватизм”. Ситуация была бы другой, если бы историки имели привычку писать “Наполеон”, когда они подразумевают историческую личность, носящую это имя, и “мой Наполеон” или “Наполеон историка Н”, когда они обсуждают нарративные субстанции» [Анкерсмит 2003, с. 148]. Таким образом, любая личность в истории науки о языке выступает в нарративной историографии как некая весьма субъективная версия этой личности, нарративная субстанция, ярким примером которой можно считать В. фон Гумбольдта как философа языка: при общей позитивной оценке его личности и научного наследия во второй половине XIX – первой половине XX вв. ученые этого периода совершенно расходились во мнении, что именно он имел в виду под «внутренней формой языка», «эргоном» и «энергейей», «языковым мировидением», конструируя под его эгидой и со ссылками на одни и те же цитаты из его трудов самые разные теории, от ранней компаративистики до эстетического идеализма.

Говоря о роли прочтения и интерпретации научного наследия, уместно упомянуть «лингвистический поворот» в историографии

XX столетия, о котором М.А. Кукарцева писала: «Лингвистический поворот в историописании означает, что нельзя конструировать объект исследования в чисто объективированной манере и производить непроблематичные рассуждения о его природе. Кроме того, нельзя рассматривать язык или значение как простые инструменты исследования, и они не могут быть редуцированы до статуса просто еще одного объекта исследования. С поворотом к языку период нормальной науки в историописании заканчивается и появляется новая парадигма. Старая парадигма обязывает историка к сбору и анализу информации (предпочтительно архивной) об объекте изучения, новая – концентрирует внимание на чтении и интерпретации исторических текстов в целом на, так сказать, текстуализации истории» [Кукарцева 2005, с. 119]. Нарративное историографическое описание подпадает в этих рассуждениях под категорию антипода «нормальной науке», и в целом их автору не удается избежать критических высказываний в адрес деконструкции истории, которая, вслед за американским исследователем европейского интеллектуального дискурса Д. Ла Капра, видится ей как полный произвол капризной фантазии историографа [Кукарцева 2005, с. 122–123].

На первый взгляд, нарратив и на самом деле слишком индивидуален. По мнению Анкерсмита, «автор нарратива занимается созданием исторического знания, его накоплением или приобретением», причем «в нарративе первый уровень подготавливает второй: он предоставляет свидетельства и примеры для всесторонней интерпретации исторического периода (или его аспекта). В историческом романе имеет место обратное» [Анкерсмит 2003, с. 40]. Вопрос лишь в том, какая материя может считаться достаточной для интерпретации концепции конкретного ученого – его opus magnum, лишь основные его труды или же все его публикации? Достаточно ли для этой интерпретации опубликованных научных работ или же они станут лишь первым подходом к проблеме, открывая серию исследований личности, биографии, личных записей, воспоминаний, критической литературы, полемических публикаций, неопубликованных трудов данного ученого? Стоит ли учитывать не только позитивную, но и негативную информацию о стиле его работы и личных качествах?

Б. Кроче предостерегает в этой связи от избирательного подхода к историографии, когда документы становятся ареной не только

научного поиска, но и научного умолчания: «Не станем приводить в пример (хотя случай это далеко не редкий) историка, который намеренно, для пущего художественного эффекта, мешает свои вымыслы и домыслы со сведениями, почерпнутыми из хроник и документов, и пытается выдать их за историю, то есть идет на сознательный обман и подлог. Но неизбежное искажение, которое совершают приверженцы поэтической историографии, состоит в самом подборе и связи элементов, извлекаемых из «источников» по указке не мысли, а чувства, что, если вдуматься, ничем не отличается от вымысла или домысла» [Кроче 1998, с. 24]. Задача, тем самым, – не исказить собранное и действовать строго по принципу «lector tantum iudicabit».

Метод историографии выстраивается Б. Кроче как процесс проявления истины во всей ее целостности, хотя в современной ему историографии первой половины прошлого столетия «где-то в глубине таится ложное убеждение в том, что для строительства истории необходимы: «материал» в виде грубых фактов, «цемент» причин и «магия» целей как три последовательных или противостоящих друг другу метода» [Кроче 1998, с. 50]. В противоположность этим взглядам, с точки зрения Кроче, «история должна высказывать суждения и обязана быть решительно субъективной» [Кроче 1998, с. 54], но она «не должна квалифицировать факты и персонажей, являющихся ее материей, с позиций добра и зла и тем самым как будто населять мир добрыми и злыми делами, добрыми и злыми персонажами» [Кроче 1998, с. 54].

Одной из реализаций этого требования можно считать новое исследование В. М. Костевой, посвященное «тоталитарной» лингвистике: в нем, в частности, предпринимается попытка проанализировать лингвистические исследования в национал-социалистической Германии с позиции нарративного историографического анализа ([Костева 2013]), который именно в таких случаях превращается в поиск нового объективизма [Радченко 2000]).

В целом историограф не имеет права, с точки зрения Кроче, следовать эмоциям и даже распространенным клише в оценке личностей, научных теорий и школ: «Если некий факт кажется злом в чистом виде, а некая эпоха – исключительно временем упадка, то это значит, что перед нами факт не исторический, то есть еще не развитый исторически, не проникнутый мыслью и оставшийся во власти чувства и

воображения» [Кроче 1998, с. 54]. Задача историографа в этой связи – отбросить современную ему или унаследованную от прошлого односторонность в оценке этих личностей, идей и школ, ведь «для истории нет хороших и плохих фактов, для нее все факты хороши, когда осмыслены во всей своей глубине и конкретике; в ней нет враждующих партий, в ней все входят в одну партию – в этом и состоит суть исторического анализа» [Кроче 1998, с. 55].

Проблема истинности представления науки в исторической перспективе решается лишь в рамках истории языка, так, как это представляется Т.А. Амировой: «Истинность описания означает, во-первых, его соответствие объекту в пределах тех свойств объекта, которые описываются, и, во-вторых, его логическую непротиворечивость. Описание должно быть не только истинным, но и правильным. Правильность достигается соблюдением трех требований, предъявляемых к описанию (соблюдение традиции языка, развитие потенций языка и описание употреблений)» [Амирова и др. 1975, с. 23]. Но критическая историография науки о языке должна «отказаться от этических и практических суждений, от поэтических образов, от эмпирической иллюстративности, от всего, что допустимо в речи (но не для мысли) наравне с понятиями плохого человека и эпохи упадка» [Кроче 1998, с. 56]. В этой связи историк языкознания не может не отбросить «разделение фактов на «достойные» и «не достойные» войти в историю, на исторические и «неисторические»», поскольку это – «дело воображения, дело лексики и риторики, и к сути отношения не имеет» [Кроче 1998, с. 67].

Это же касается ранжирования фактов, с точки зрения их весомости, значимости: «Незначительные факты – это тоже факты, вернее, следы фактов, сведений, документов и памятников; так или иначе их можно рассматривать как отдельный класс, наряду с классом значительных фактов» [Кроче 1998, с. 67]. Если конкретизировать эти «незначительные факты», то, по мысли Кроче, «невозможно, например, полностью понять учение философа, не изучив в какой-то мере его как человека и не разделив человека и философа, не охарактеризовав как философа, так и человека и не сведя две эти характеристики в одну, отражающую двуединство жизни и философии. Точно так же необходимо различать в философе философа как такового и оратора или художника, человека, подверженного своим личным страстям или поднявшегося до осознания долга, и так далее» [Кроче 1998, с. 73].

Здесь Кроче более точен, с нашей точки зрения, чем Ф. Анкерсмит, который все же вводит в свои рассуждения термины «истинный», «ложный», «субъективный» и «объективный»: «Итак, мы имеем два критерия для оценки истинности нарратива: 1) истинность или ложность входящих в него высказываний и 2) степень важности данных, сообщаемых в отдельных высказываниях, для правильного понимания того, о чем говорится в нарративе. Однако… эти два критерия могут приходить в противоречие» [Анкерсмит 2003, с. 97]. В дальнейшем тексте Анкерсмит использует термины «истинный» и «ложный» только «применительно к высказываниям», а в качестве их нарративных аналогов он предлагает термины «субъективный» и «объективный». Более того: «Нарратив хорошего качества, который в обычном языке назывался бы «истинным», будет называться «объективным», нарратив же низкого качества – «субъективным» [Анкерсмит 2003, с. 116–117]. Автору историографического описания лингвистической теории, тем самым, вновь приписываются способность оценивать качество и объективность своего труда, а также знание «исторической реальности», которой должен соответствовать «объективный» нарратив [Анкерсмит 2003, с. 331–332]. В то же время, он утверждает: «Исторический ландшафт» не дан историку; историк должен его построить. Нарратив не является проекцией исторического ландшафта или некоего исторического механизма, прошлое лишь конституируется в нарративе. Структура нарратива – это структура, которая придается или навязывается прошлому, она не является результатом рефлексии над родственной структурой, объективно присутствующей в самом прошлом» [Анкерсмит 2003, с. 128]. Построенное таким образом историографическое описание научного процесса в лингвистике приобретает объективность в конкуренции с другими подобными описаниями, если оно соответствует требованию «интегральной истории», т. е. «такой историографии, когда в одну наррацию включается все, что было открыто в исторических дисциплинах, изучающих интеллектуальный, политический, социальный или экономический «пласты» исторического прошлого» [Анкерсмит 2003, с. 335–336].

Последнее рассуждение повторяет вывод, к которому задолго до этого пришел Б. Кроче: лингвистике необходима гораздо более богатая, разнообразная и гибкая история языкознания, которая принимала бы во внимание не только рассуждения о структуре и дискурсии, но и

все, что способствует обогащению запаса наших понятий, более глубокому пониманию истории и формированию той реальности мысли, в которой мы живем (см. [Кроче 1998, с. 98]).

Это означает постановку новой для отечественной науки о языке задачи: создания непредвзятой, универсальной истории лингвистики с включением множества аспектов и дискурсов, с привлечением частных методик нарративного описания (воссоздания личностного портрета ученого, его аналитического аппарата, его научной библиотеки, хронологического анализа полного корпуса его трудов, привлечения узкого и широкого научного контекста, интервьюирования и анкетирования, если они возможны, работы с архивными документами и пр.). Подобный новый горизонт историографии лингвистики достижим в краткосрочной перспективе лишь усилиями большого научного коллектива, а в долгосрочной – в рамках индивидуальных исследовательских проектов на пространстве десятилетий. Момент завершения такой универсальной истории науки о языке станет, правда, отправной точкой для нового поиска еще более далекого горизонта ее истинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М. : Наука, 1975. 558 с.

Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова ; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.

Березин Ф. М. История лингвистических учений. М. : Высшая школа, 1975. 319 с.

Гухман М. М. Э. Сепир и «этнографическая лингвистика» (Об одной из реакционных концепций в современном американском языкознании) // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 110–127.

Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 123–162.

Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М. : Просвещение, 1979. 224 с.

Костева В. М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. М. : МГПУ, 2013. 125 с.

Кроче Б. Теория и история историографии. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

Кукарцева М. А. Опыт чтения текстов в лингвистической философии истории // Философия и общество 1. 2005. С. 114–131.

Радченко О. А. Нарративная лингвоисториография: поиски нового объективизма // Язык: теория, история, типология. М. : УРСС, 2000. С .124–129.

Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с. (Серия: Studia humanitatis).

Brekle H.-E. Einführung in die Geschichte der Sprachwissenschaft. Darmstadt, Wiss. Buchgesellschaft, 1985. 211 S.

Guilhaumou J. Geschichte und Sprachwissenschaft: Wege und Stationen in der 'analyse du discours' // R. Keller und al. hrsg. Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Band 2, Opladen, Leske+Budrich ; traduction, présentation et glossaire de Reiner Keller. 2003. P. 19–65.

Koerner E. F. K. Linguistics and Revolution with particular reference to the 'Chomskian revolution' // Antwerpen Papers in Linguistics. 2004. Vol. 106. P. 3–62

Koerner E. F. K. Myths in the history of linguistics. The case of the goals of Georg Wenker's dialectology // Folia Linguistica Historica 24 (1–2), 2003. P. 1–22.

Ricœur P. Histoire et rhétorique // Diogène 168. 1994. P. 9–26.

Schmitter P. Historiographie und Narration. Metahistoriographische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. Tübingen: Narr, Seoul: Sowadalmedia, 2003. 198 S.

Swiggers P. History and Historiography of Linguistics: Status, Standards and Standing // Eutomia. Revista Online de Literatura e Linguística. 2010. V. 3/2. 17 p.

Thomka B. Historiographische Narratologie, Dekonstruierung der Geschichte und die narrative Identität // Primerjalna književnost (Ljubljana) 30. Special Issue (2007). P. 171–177. URL: www.academia.edu/36822064/Thomka_Historiographische_Narratologie_Dekonstruirung_der_Geschichte

Watanabe M. Über die Entwicklung der Sprachwissenschaft im deutschsprachigen Raum vom 18. Jahrhundert bis Anfang des vorigen Jahrhunderts // Japanische Gesellschaft für Germanistik (Hg.) Neue Beiträge zur Germanistik, Band 3 / Heft 5. Internationale Ausgabe von „Doitsu Bungaku". 2004. S. 25–40.

УДК 81'111

Г. Г. Бондарчук

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. лексикологии английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bondarchuk.gal@yandex.ru

СОЧЕТАЕМОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые вопросы сочетаемости английской предметной лексики, т. е. лексических единиц, относящихся к категориям *жилище, питание, одежда*. Работа выполнена в русле когнитивной лингвистики. Основная идея исследования заключается в том, что сочетаемость лексических единиц, относящихся к предметно-бытовой сфере английского языка, зависит от категориальных признаков, которые представлены в их лексических значениях. Автор сформулировал три основных условия, необходимых для построения правильных словосочетаний. На основании проведенного исследования сделан вывод о том, что знание набора категориальных признаков, активированных в значениях членов категории предметно-бытовой лексики английского языка, чрезвычайно важно, поскольку позволяет строить правильные словосочетания, объяснять индивидуальную сочетаемость конкретных единиц, избегать интерференции родного языка и даже прогнозировать возможные ошибки.

Ключевые слова: сочетаемость; когнитивный аспект; концептуальный признак; интерференция родного языка; предметная лексика.

G. G. Bondarchuk

Doctor of Philology (Dr. phil. habil.), Professor,
Professor at the Chair of English Lexicology,
Department of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: bondarchuk.gal@yandex.ru

COMBINABILITY OF ENGLISH OBJECT NAMES: COGNITIVE ASPECT

The article looks into some issues of combinability of English object names, that is lexical units making up the categories of Shelter, Food, Dress names. The research is carried out within the framework of cognitive linguistics. The author's main idea is as follows: combinability of lexical units included into the everyday sphere of the English

language depends to a great extent on those conceptual features that are represented in their lexical meanings. The author formulated three main conditions necessary for making correct word combinations.

On the basis on the research the author came to the main conclusion that it is quite necessary for the speaker to know the set of conceptual features activated in the lexical meanings of members of English everyday lexis. It makes it possible to build correct word combinations, explain combinability of separate lexical units, avoid interference of the native language and even predict possible mistakes.

Key words: combinability; cognitive aspect; conceptual feature; interference of the native language; object names.

В лингвистике, как и в других науках, существуют «старые» проблемы, к которым ученые обращаются вновь и вновь, стараясь, если их не решить, то, по крайней мере, несколько продвинуться в их решении, взглянув на данные проблемы с иной точки зрения и применив новые методы исследования. К таким проблемам, несомненно, относится важнейшая (как в теоретическом, так и в практическом плане) проблема сочетаемости лексических единиц.

Не вызывает сомнения тот факт, что для успешного протекания процесса коммуникации недостаточно просто знать слова и правила их формирования. Необходимо также знать правила использования слов, другими словами, правила их сочетания в потоке речи, т. е. их сочетаемость (грамматическую и лексическую).

Существуют разные определения сочетаемости. Одно из общепризнанных было дано З. А. Харитончик: «Сочетаемость есть совместное появление слов в речи, в процессе которой между словами, образующими определенную синтагматическую последовательность, устанавливаются определенные логико-семантические и морфосинтаксические связи» [Харитончик 1992, с. 194].

В результате соединения слов в речи возникают свободные словосочетания, которые представляют собой единства, состоящие как минимум из двух полнозначных слов, связанных между собой по законам и правилам данного языка.

Очевидно, что формирование словосочетаний регулируется многочисленными закономерностями. К сожалению, до настоящего времени не разработана система правил синтагматического взаимодействия слов и сложения их смыслов, это чрезвычайно сложная задача. Но были определены наиболее общие закономерности, нашедшие отражение в виде различных аспектов сочетаемости, различных типов

валентности как способности / потенции слова вступать в связи с другими словами, и, в том числе, были определены различные факторы, ограничивающие сочетаемость, т. е. ограничения на сочетаемость. Их очень четко прописала З. А. Харитончик в вышеупомянутой работе: «Аксиоматичным в современной лингвистике стало признание по крайней мере двух типов ограничений сочетаемости слов: 1) ограничений, которые определяются предметно-логически (в конечном счете денотатом и возможными его признаками) и лежат вне языка в сфере реального мира и его связей, и 2) ограничений, возникающих как итог исторического развития языка, как итог традиций языкового употребления единиц» [Харитончик 1992, с. 195–196]. Знание первого типа – экстралингвистические – вытекают из знания окружающего мира, и люди в итоге легко создают свободные словосочетания типа green grass (*зеленая трава*), green leaves (*зеленые листья*), green dress (*зеленое платье*); write a letter (*писать письмо*), write a book (*писать книгу*), write a note (*писать записку*) и т. д.

Немаловажно отметить, что экстралингвистические ограничения лежат в основе как индивидуальной сочетаемости лексических единиц, примеры которой были приведены выше, так и сочетаемости на уровне классов слов. Например, вполне естественны сочетания существительных с прилагательными и глаголами и т. д.

Кроме экстралингвистических ограничений, как уже отмечалось, действуют ограничения нормативного, чисто лингвистического, порядка, определяющие возможность / невозможность сочетаемости слов и находящие отражение в своеобразии грамматических конструкций и индивидуальных словосочетаний языка. Как результат нормативных ограничений невозможно, например, употребление в английском языке инфинитива после глагола *to suggest* (*предлагать*).

Нормативные ограничения многочисленны, легко выявляются в ходе сопоставительного анализа словосочетаний в разных языках, например, при сопоставлении английских и русских фраз. В качестве примера часто приводят русское прилагательное *толстый*, которое в плане сочетаемости гораздо более свободно, чем его английские эквиваленты *thick, stout, fat*. Так, на русском языке можно сказать *толстая книга*, *толстый мальчик*, *толстый мужчина* и т. д., в то время как в английском языке с названиями лиц прилагательное *thick*, как правило, не

употребляется, поэтому *толстая книга* – это *a thick book*, но *толстый мужчина* – это *a fat man*, *толстая женщина* – *a stout woman*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в подобных случаях словосочетания даются как данность, без каких-либо объяснений, просто как материал, который подлежит запоминанию.

Современная парадигма лингвистического знания – когнитивная лингвистика – позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, в том числе и на проблему лексической сочетаемости. Материал нашего исследования – предметно-бытовая лексика, т. е. наименования *жилища, одежды* и *питания*. В русле когнитивной лингвистики мы рассматриваем их как категории, что дает нам возможность представить как всю категорию, так и ее базовые наименования с позиций фреймовой семантики, а именно как фрейм, содержащий в качестве своих слотов категориальные признаки.

Основная идея данного исследования заключается в том, что сочетаемость лексических единиц, относящихся к предметно-бытовой сфере английского языка, зависит от категориальных признаков, которые представлены в их лексических значениях.

Прежде чем обратиться к рассмотрению примеров необходимо отметить, что при определении категориальных признаков отдельных лексических единиц необходимо анализировалась не одну дефиницию слова, а сравнивать по возможности несколько дефиниций, а также использовать собственную интерпретацию данных на основе эмпирического знания о предметах, поскольку целью анализа – установить круг референтов, к которым может быть отнесено наименование.

Так, например, в ходе анализа нами были рассмотрены четыре дефиниции нового наименования **catsuit**:

1) a one-piece pantsuit [B1, c. 84];
2) an all-in-one garment reaching from neck to feet, generally tight-fitting, and with trouser legs [S1, c. 454];
3) a one-piece or two-piece formfitting woman's garment with bell-bottomed legs [6000, c. 32];
4) women's form-fitting one-piece garment with flared legs [M, c. 47].

На основании этого было выведено следующее представление о данном виде женского костюма:

catsuit – a one-piece tight-fitting woman's garment, reaching from neck to feet, with bell-bottomed trouser legs (*цельно кроенный плотно облегающий всю женскую фигуру костюм с расклешенными брюками*).

Проблема, однако, заключается в том, что наиболее стандартными, прототипическими при описании всей предметной лексики в словосочетаниях в тексте являются часто те же обозначения, которые уже упоминались, т. е. обозначения с точки зрения *размера, формы* и *цвета*. Это представляется вполне логичным, поскольку, во-первых, соответствует общепринятым представлениям об идее предметности в сознании обычного носителя языка и, во-вторых, поскольку, как известно, «различительные» функции размера, формы, цвета проявляются в особенности в тех случаях, когда объекты сосуществуют в большом количестве экземпляров и тем самым указанные свойства служат различительными признаками, становясь с языковой точки зрения релевантными в аналитической дескрипции: например, *tiny cardigan* (*очень маленький кардиган*); *bootleg-cut trousers* (*расклешенные брюки*); *pink jacket* (*розовый жакет*).

В связи с этим при построении правильных словосочетаний в речи необходимо, на наш взгляд, соблюдать ***три основные условия***. ***Первое***: чтобы словосочетание было правильным, прилагательные, которые стоят в атрибутивной позиции, не должны «противоречить» по смыслу ни одному из «заложенных» в значении слова категориальных признаков. Например, **bungalow** – это одноэтажный дом, что следует из дефиниций этого слова в разных словарях:

bungalow – "one-storeyed house" [COD, c. 131], "**1** *British* a house that is all on one level **2** *American* a small house that is often all on one level" [MM, c. 190].

Поэтому нельзя сказать **a two-storey(ed) bungalow* (*двухэтажный одноэтажный дом) или **a multi-storey(ed) bungalow* (*многоэтажный одноэтажный дом).

В качестве другого примера можно привести сложное существительное **granny dress** (*платье, как у бабушки*), которое определяется в словарях как:

1) (1967–1968) "a loose dress reaching from the neck to the ankles, similar to those formerly worn by elderly women or "grandmothers". Some

granny dresses have long sleeves and ruffles at the neck and wrist; others have low scoop necks and high waistlines like the Empire style" [B1];

2) "women's 19th-century style dress reaching from neck to ankles, often with ruffles, sometimes with high waistline and scoop neck" [M].

Как следует из дефиниций, в значении слова присутствует категориальный признак *форма* / *фасон*: платье описывается как *широкое* / *свободное и длинное*. Поэтому в атрибутивной позиции не следует в данном случае ставить, например, прилагательное *tight* (*плотно облегающее*).

Второе условие построения правильного словосочетания также предполагает знание набора категориальных признаков, представленных в значении слова: левый компонент словосочетания (или сложного слова) не должен **повторять** категориальный признак, актуализированный в значении слова, так как в итоге мы получим избыточную информацию, или, как говорят, «масло масляное».

Например, в значении сложного слова **a disco dress** (*платье для дискотеки*), среди прочих, представлен категориальный признак *форма* / *фасон* – такое платье всегда *короткое с глубоким вырезом*:

disco dress, n. – (1964–1966) "a short, low-necked dress, often black and with frills at the hemline, originally worn by go-go girls at a discothèque" [B1].

Поэтому не нужно говорить, что на ней было a *short* disco dress (*короткое* платье для дискотеки), поскольку в данном случае это само собой разумеется. Примерно та же ситуация с названием женского пальто **duster** (от слова duster *тряпка*):

duster, n. – (1962) "a woman's loose casual full-length coat. In full, *duster coat*" [B1].

Словосочетание a loose duster (*свободное пальто*) избыточно, поскольку такое пальто всегда свободного / широкого покроя.

Деловой костюм **business suit** («a formal suit that someone wears for work» [MM, с. 195]), как следует из дефиниции слова, всегда носят на работе или в другой официальной обстановке, что делает предложение **He was wearing a formal business suit* неверным. Та же ситуация с наименованием **dinner jacket** («a man's black or white jacket worn on formal occasions» [MM, с. 412]). Как видно из описания значения слова, данный пиджак должен быть всегда белого или черного цвета,

его носят мужчины на официальных приемах. В связи с этим словосочетания, где будет указан другой цвет, кроме белого или черного, например, красный **a red business suit* будут неверными. Примеры можно было бы продолжить.

Следующий случай более тонкий, более сложный и тесно связан со вторым. Здесь надо разбираться отдельно с каждой лексической единицей, поскольку речь идет об *индивидуальных ограничениях* на сочетаемость.

Третье условие построения правильных словосочетаний: необходимо *знать* набор категориальных признаков того или иного слова, чтобы 1) *исключить интерференцию* родного языка (в нашем случае – русского) при построении фразы или запоминании / использовании сложного слова, 2) чтобы можно было *объяснить* индивидуальную сочетаемость слова.

В качестве примера сравним словосочетание *зелёный лук* в русском языке и английское – *spring onions*.

В русском языке в основу номинации данного растения положен категориальный признак *цвета* (причем только одной его части – перьев), в то время как в английском языке *spring onions* – это сложное слово, образованное по традиционной для английского языка модели n + n → N. В основу данной номинации положен иной, чем в русском языке, категориальный признак – *время года / сезон* произрастания данного овоща, т. е. spring (*весна*):

> "**spring onion** *noun* [C] *British* a small white onion with a long thin stem with *green* leaves on it that is often eaten raw in salads" [MM, с. 1445].

Категориальный признак цвета – green (*зеленый*) – актуализирован в значении слова, поэтому, согласно второму условию, нет необходимости выносить его в атрибутивную позицию слева.

На основании вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что знание набора категориальных признаков, активированных в значениях членов категории предметно-бытовой лексики английского языка, чрезвычайно важно, поскольку позволяет строить правильные словосочетания, объяснять индивидуальную сочетаемость конкретных единиц, избегать интерференции родного языка и даже прогнозировать возможные ошибки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Харитончик З. А. Лексикология английского языка: учебное пособие. Минск: Вышэйная школа, 1992. 229 с.

Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. The Barnhart Dictionary of New Words. London, 1973. 520 p. (B1)

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 1976. 1368 p. (COD)

The Morrow Book of New Words. N. Y., 1982. 465 p. (M)

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p. (MM)

6000 Words. A Supplement to Webster's Third New International Dictionary. – Springfield (Mass.). 1976. 512 p. (6000)

УДК 81-2

И. В. Космарская, Е. Н. Цветаева

Космарская И. В., кандидат филологических наук, доцент,
профессор каф. русского языка и теории словесности МГЛУ;
e-mail: kosmarsky@mail.ru

Цветаева Е. Н. , кандидат филологических наук, доцент,
заведующий каф. лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: elenatsvetaeva@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Статья посвящена рассмотрению одного из основополагающих разделов русского синтаксиса – односоставным предложениям. Проанализирована семантика односоставных предложений, особое внимание уделено безличным. Безличные предложения часто приводятся в пример как неопровержимое доказательство исключительных черт русского характера, таких как пассивность, склонность к фатализму, неконтролируемость и т. д. Выявлено, что синтаксическая безличность не уникальное «русское» явление, предложения с тем же смысловым результатом есть и в других языках. Этот вывод ставит под сомнение утверждение об уникальных национальных чертах, основанное на самом факте существования безличных конструкций. Показана необходимость полного функционально-семантического анализа всех типов односоставных предложений. Результаты этой работы будут очень полезны в практике преподавания русского языка переводчикам, журналистам и др.

Ключевые слова: односоставные предложения; синтаксическая безличность; безличные конструкции; национальный характер.

I. V. Kosmarskaia, E. N. Tsvetaeva

Kosmarskaia I. V., PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Prof. at the Department of Russian, MSLU; e-mail: kosmarsky@mail.ru

Tsvetaeva E. N., PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Head of Department of Lexicology and Stylistics of German, MSLU;
e-mail: elenatsvetaeva@yandex.ru

MORE ON ONE-MEMBER SENTENCES

The article considers one of the basic sections of the Russian syntax – one-member sentences. With reliance on the syntactic concept of Galina Zolotova the authors analyze the semantics of single-component sentences, paying special attention to the category of the impersonal. Impersonal sentences are often regarded as an irrefutable proof of the exceptional features of the Russian character, such as passivity, propensity for fatalism, uncontrollability, etc. However, syntactic impersonality is not a typically “Russian” feature, as the phenomenon in question can be registered in other languages, especially, in South Slavic, like Bulgarian, and also in German, Italian,

etc. The functional and the communicative approaches to the study of one-member proposals open up new perspectives for their interpretation that is free both from the dominance of morphology and logics and from the ungrounded tendency to connect syntactic structures with "exceptional" qualities of a national character.

Key words: one-member sentences; syntactic impersonality; impersonal sentences; national character.

Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее формы, значения и функции. Этот комплексный критерий, более объективно отвечающий сущности языковых явлений, позволяет переориентировать грамматику от классификационных задач к задачам объяснительным. Вместо ответа на вопрос, под какую классификационную рубрику подводится то или иное явление, следует искать ответы на более содержательные вопросы: что выражено (о значении), как, чем выражено (о форме), зачем (о функции). И на этой основе – почему (о выборе, значит, о смысловых, стилистических, культурных предпочтениях говорящего).

Обратимся к материалу одного из основополагающих разделов курса синтаксиса «Односоставные и двусоставные предложения». Учебники дают почти всегда однозначное определение этих терминов, учителя и преподаватели требуют от своих школьников и студентов, чтобы они легко и точно определяли, односоставно предложение или двусоставно, а если односоставно, то какое именно: определенно-личное? неопределенно-личное? обобщенно-личное? безличное? номинативное? И при этом знают, что подведение под ту или иную классификационную рубрику большинства односоставных предложений весьма условно, а иногда противоречит логике и здравому смыслу. Например, предложение *Мне грустно* – односоставное безличное? Почему? Оно же сообщает о состоянии лица. А как разобрать предложение *Подарков гора*? Почему предложение *Он нездоров* трактуется как двусоставное, а *Ему нездоровится* уже как односоставное безличное?

Эти вопросы стоят давно. Их ставили А. М. Пешковский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, еще в 1870 г. в книге «Нерешенные вопросы в грамматике» В. И. Классовский, сопоставляя пары предложений типа *Он не здоров* и *Ему нездоровится*, писал: «.... с первого взгляда уже видно, что: 1) словами *он* и *ему* говорится об одном и том же лице и 2) лицу этому в обоих случаях приписывается один и тот же признак. Даже

априори странно, что соответствие подлежащего только именительному падежу, а именительного падежа только подлежащему возведено в закон разума» [Классовский 1870, с. 37].

За прошедшие почти 150 лет лингвистика всё глубже осмысляла связи высказывания с сознанием, коммуникацией, текстом, образом говорящего и последовательно преодолевала зависимость от диктата логики и морфологии.

Многие из спорных синтаксических вопросов нашли свой ответ в концепции Г. А. Золотовой, изложенной ею в «Очерке функционального синтаксиса русского языка», в «Коммуникативных аспектах русского языка» и «Коммуникативной грамматике русского языка», написанной в соавторстве с Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой.

Г. А. Золотова выдвинула идею принципиальной двусоставности предложения как коммуникативной единицы и показала, что так называемая односоставность не является характеристикой модели предложения, не принадлежит области типового значения модели, а является либо знаком особой семантико-синтаксической модификации модели (например, по линии субъекта: неопределенно-личность, обобщенно-личность; инволюнтивность), либо регистрово обусловленным вариантом модели (например, номинативные предложения интерпретируются как особая синтаксическая структура, предназначенная для репродуктивно-описательного или репродуктивно-повествовательного типа текстов).

Современная грамматика понимает предложение как выражение речемыслительного акта, приписывающего некий признак его носителю, это значит, что отличительный признак предложения – коммуникативность, его способность быть средством общения. Предложение как коммуникативная единица не может состояться без сопряжения субъектного и предикатного компонентов. А это и означает принципиальную двусоставность предложения. Сообщение всегда состоит из того, о чем сообщают, и из того, что сообщают. Другими словами, смысловая структура предложения держится на сопряжении предикативного признака с именем его носителя, они могут предстать в разном, но всегда – во взаимообусловленном оформлении. Субъект предложения в определенных условиях может быть не выраженным вербально, но неназванность его синтаксически значима и обнаруживает связь, системную связь, с исходной моделью. Двусоставная

конструкция есть исходный вариант предложения, а конструкции с неназванным субъектом – варианты, текстово или регистрово обусловленные. Другими словами, речь идет о разных типах субъекта предложения: определенном, неопределенном, обобщенном. И, следовательно, о различных модификациях исходного варианта по линии субъекта.

Определенно-личная субъектная модификация предложения выражает действие первого или второго лица, на которые указывает личное окончание глагола:

Люблю тебя, Петра творенье (*А. С. Пушкин*).
Не поеду, пока не закончу (*В. Аксенов*).
Займись английским, наконец (*В. Токарева*).

Неопределенно-личная субъектная модификация предложения выражает действие третьего лица, не *участвующего* в коммуникации, которое не названо – либо по неведению говорящего, либо за ненадобностью:

Анну Андреевну позвали к телефону (*Л. Чуковская*).
Его любят (*В. Токарева*).
Школу здесь не построят (*Е. Орлов*).

Авторы вполне могли бы сказать, кто позвал к телефону, кто любит, кто не построит школу, но не делают этого намеренно, потому что главное в этих предложениях – это как раз неопределенность субъекта. Внимание приковано не к нему, а к событиям, оценкам, последствиям: неважно, кто позвал к телефону, важно, что нужно идти к телефону; неважно, кто любит, важна характеристика героя (он любимчик); неважно, кто не построит школу, важны причины или последствия.

Обобщенно-личная субъектная модификация предложения сообщает о действиях, которые могут быть отнесены к любому лицу. Здесь важно, что говорящий как бы объединяется со всяким, кто мог оказаться на его месте (фактически субъект этого типа предложений *я, и ты, и ты, и ты...*). Степень обобщенности субъекта может быть максимальной, в этом случае она реализуется в предложениях пословичного типа:

Маслом каши не испортишь.
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Другие разновидности регистрово обусловлены, как, например, предложения типа:

> Заходишь в лес, вдыхаешь глубоко и думаешь, как же всё-таки хорошо на природе (*повествовательно-узуальный тип*).

Второе лицо глагола, лицо собеседника, безусловно «смягчает», «утепляет» текст и максимально приближает читателя к автору. Предложения типа: *С тобой каши не сваришь* содержат оценку, основанную на отрицательном опыте говорящего и / или других лиц: предыдущие попытки что-либо сделать совместно с собеседником были безуспешными по причине его ненадежности, необязательности, безответственности, будущие попытки также обречены (оценочно-характеризующий тип).

Перейдем к тому ряду модификаций, которые в традиционной грамматике называются безличными. Термин очень спорный, не один раз подвергался критике, и действительно, его трудно хоть как-то обосновать.

Бóльшая часть безличных предложений сообщает о состоянии человека или окружающей среды, ср.:

> Мне холодно. На улице холодно. В доме холодно. Знобит. Смеркается. Студентам скучно. Светало. *и т. д.*

Есть ли субъект в этих предложениях? Да. В них говорится о различных состояниях человека (*Мне холодно. Знобит. Студентам скучно.*) и окружающей среды, природы, места (*На улице холодно. В доме холодно. Смеркается. Светало.*). Они и являются субъектом этих предложений. И значит, в так называемых безличных предложениях также обнаруживается два состава – субъект состояния и признак, ему приписанный. Гносеологическая суть этих предложений заключается в том, чтобы сообщать о состояниях, только о состояниях. Они имеют общее инвариантное грамматическое значение – независимость предикативного признака от воли субъекта, или инволюнтивность, и созданы языком исключительно для того, чтобы сообщать о явлениях и состояниях от нас не зависящих. Причина таких состояний не познана нами и представляется непознаваемой, поэтому позиция субъекта не заполняется вовсе или заполняется не именительным падежом – падежом активного субъекта, а любым другим.

Остановимся на безличных предложениях подробнее, поскольку они оказались в центре внимания исследователей русского национального характера и часто приводятся в пример как неопровержимое доказательство его (характера) исключительных черт, а именно: неконтролируемости действий и намерений, склонности к пассивности, нежелания брать на себя ответственность и т. д. Как справедливо заметила Е. Ю. Иванова, выявление национальной специфики во многих работах последних лет напоминает «охоту за лингвистическими фактами», которые должны подтвердить именно эти «исключительные» черты.

Бесспорно, утверждение о том, что всякий язык в самой своей структуре воплощает определенную точку зрения на мир. Позволим себе цитату из одного из исследований А. Вежбицкой: «В наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Это – душа, тоска и судьба. Анализ этих понятий приводит к выделению смыслового универсума русского языка, проявляющегося в следующих признаках национального характера: 1) эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на свободном их изъявлении [....]; 2) иррациональность – подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни; 3) неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; 4) любовь к морали и к крайним категоричным моральным суждениям» [Вежбицкая 1997, с. 134]. Основанием для приведенного умозаключения является наличие в русском языке большого блока безличных предложений. Еще одна цитата: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что русский язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению» [там же, с. 137].

Вызывает некоторое недоумение и сама эта мысль, и ее активная поддержка среди лингвистов, изучающих национальную специфику русского языка. Только ли в русском языке есть категория синтаксической безличности? Есть ли в других языках конструкции с тем же

семантическим результатом, что и безличные в русском? Действительно ли русские безличные предложения уникальны и в грамматическом, и в культурном отношении?

Люди, независимо от того, на каком языке они говорят, знают, что не все в их жизни подвластно им, они знают, что есть непознанные ими и, быть может, непознаваемые вообще явления, которые влияют на их жизнь, поступки и решения. Они знают, что жизнь конечна, но когда и при каких обстоятельствах наступит конец – не знают. Они знают, что главное свойство жизни (и в этом, видимо, главная интрига) – ее неопределенность (никто не знает, что будет через год, через пять и даже завтра). А это значит, что все люди признают, что не могут контролировать все события своей жизни, все состояния – они подвластны не им, а каким-то другим силам. Есть все основания предполагать, что синтаксическая безличность имеет выражение во всех языках. В пределах этой работы, заручившись научной поддержкой коллег, мы можем утверждать, что категория синтаксической безличности имеет очень широкую сферу распространения в южнославянских языках, в частности в болгарском, а также в немецком и в итальянском языках. Алла Градинарова утверждает, что безличные конструкции в болгарском языке распространены очень широко, а некоторые из них значительно превосходят по употребительности аналогичные русские: «Если особенности грамматической системы болгарского языка не препятствуют адекватному выражению смысла посредством безличной конструкции, то такие структуры не только используются в нем, но и значительно превосходят по своей употребительности и сферам распространения русские соответствия» [Градинарова, с. 68]. Наблюдаемые межъязыковые различия в составе безличных конструкций, формах их выражения, продуктивности объясняются исключительно типологическими особенностями русского и болгарского языков. В частности, болгарский язык, в отличие от русского, полностью утратил именное склонение, сохранив лишь отдельные падежные формы личных местоимений, следовательно, некоторые виды безличных с падежными формами в болгарском невозможны.

В немецком языке безличность, неопределенность, обобщенность и т. п. выражаются весьма многочисленными и самыми разнообразными средствами [Duden. Die Grammatik… 2005; Schendels 1988]. При этом наличие в предложении формального подлежащего реализует

лишь морфосинтаксические «потребности» немецкого предложения. Подробное рассмотрение всех возможных средств этого явления было бы невозможно в заданных рамках. Остановимся лишь на некоторых наиболее показательных аспектах.

В немецком языке осадки и другие связанные с ними природные явления описываются исключительно с помощью безличных глаголов, являющихся производными от соответствующих существительных. Например, *Regen* «дождь» – *regnen*, *Blitz* «молния» – *blitzen*, *Donner* «гром» – *donnern* (также о снеге, солнце, граде и т. п.). Соответственно, синтаксически предложение оформляется с помощью безличного местоимения, заполняющего обязательный субъект в немецком предложении и имеющего исключительно формальную функцию – предикат, выполняя свою синтаксическую роль должен получить соответствующие морфологические показатели. Ср.:

Es regnet. – *Идет дождь.*
Es blitz. – *Сверкает молния.*
Es donnert. – *Гремит гром.*

Те же функции выполняет безличное местоимение и в ряде клишированных глагольных конструкций. Например, *es gibt*... (*есть, имеется*) соответствует приблизительно *англ*. there is…, однако требует после себя существительного в винительном падеже, место подлежащего занято местоимением):

Es gibt in dieser Gegend viele Gärten. – *В этой местности много садов.*

Выражения *es geht um…, es handelt sich um…* (*речь идет о…*) также демонстрируют в своем составе так называемый псевдоактант, который также заполняет (обязательную к заполнению) лакуну. И эти глаголы довольно многочисленны в немецком языке. Обратим внимание на то обстоятельство, что в русском этим конструкциям как правило соответствуют двусоставные предложения с подлежащим, выраженным существительным.

Отдельно следует упомянуть пассивные конструкции. Пассивный залог в немецком языке могут образовывать лишь переходные глаголы. Как известно, в таких предложениях происходит смена формальных субъектно-объектных отношений:

Die Arbeiter bauen das Haus. – *Рабочие строят дом.*
Das Haus wird von den Arbeitern gebaut. – *Дом строится рабочими.*

Однако наиболее употребительной конструкцией является двучленная пассивная конструкция *Das Haus wird gebaut* (*Дом строится. Дом строят*), предполагающая наличие собственно пассивной конструкции, состоящей из вспомогательного глагола и смыслового глагола в форме причастия прошедшего времени, второй член конструкции – пациенс, являющийся формальным подлежащим.

Существует еще одна возможность заменить отсутствующее подлежащее: обобщенно-личное местоимение *man*:

Man baut das Haus. – *Строят дом*.

Говорящий выбирает пассивный или активный залог в зависимости от того, что он хочет подчеркнуть: действие выполняется (пассив), действие выполняется кем-то, но неважно или неизвестно кем (актив). А ограничение на образование пассива непереходных глаголов снимается в тех случаях, когда речь идет о безличных пассивных конструкциях, а сами глаголы связаны с деятельностью человека:

Im Nebenzimmer wurde gelacht. – *В соседней комнате смеялись*.

In seinen Seminaren wird immer heftig gestritten. – *На его семинарах всегда отчаянно спорят*.

Как видим, в этих конструкциях даже отсутствует подлежащее как таковое, однако это возможно лишь в предложениях с инверсией, при прямом порядке слов на первом месте вновь появится безличное местоимение *es*:

Es wird in seinen Seminaren immer heftig gestritten.

Таким образом, сфера синтаксической безличности в других языках соизмерима с русской, а различия объясняются историческими изменениями в грамматике и типологическими особенностями языков; наличие в предложении формального маркера безличности не делает субъект предложения более «ответственным» за производимое действие.

Столь же интересные и очень полезные в практике преподавания русского языка результаты даст изучение и других типов односоставных предложений: подход с функционально-семантической точки зрения открывает новые перспективы в их интерпретации, свободной, с одной стороны, от диктата морфологии, и с другой – от необоснованной связи с «исключительными» качествами национального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. 416 с.

Градинарова А. Синтаксическая безличность в русском и болгарском языках: о причинах межъязыковых несоответствий // Русистика: язык, культура, перевод. София : Изток-Запад, 2012. С. 66–71.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. М. : Наука, 1973. 352 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Наука, 2004. 544 с.

Иванова Е. Ю. Уникальна ли конструкция Мне не работается?// Филология и человек. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. № 3. С.16–23.

Классовский В. В. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб: М. О. Вольф,1870. 92 с.

Duden. Die Grammatik. 7., völlig neu erarbeitete und erweiterte Aufgabe. Duden Band 4. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2005. 1343 S.

Schendels E. Deutsche Grammatik. M. : Высшая школа, 1988. 416 с.

УДК 81.367.5 + 81.42

О. С. Филичева

старший преподаватель каф. «Языкознание»,
ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»;
e-mail: okslet1@mail.ru.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СХЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена рассмотрению существующих вариантов синтаксической организации англоязычных научно-учебных текстов, выполняющих функции доказательства, убеждения или утверждения. Подобные функции могут быть выражены вариативными соединениями языковых единиц, которые мы именуем синтаксическими схемами или моделями. Изучение структур функционального синтаксиса представляет интерес для лингвистической науки в связи с тем, что они раскрывают законы композиционного оформления отрезков речи, с целью создания необходимого смыслового коммуникативного единства. Доступность и ясность изложения научной информации во многом зависит именно от архитектоники синтаксического описания. В качестве основного подхода к анализу языкового материала было принято положение порождающей грамматики, согласно которому синтаксическое составляющее выполняет функцию порождающего элемента и помогает установить соответствие между формой и содержанием высказывания.

Содержание учебных пособий регулируется федеральными государственными образовательными стандартами. Стилистические правила оформления текста требуют от авторов учебников использовать языковые средства, которые иллюстрируют, объясняют и наглядно демонстрируют научные факты, потому что ключевая функция данных текстов – функция обучения. Языковые единицы играют роль незаменимых средств в функции утверждения или доказательства для акцентирования внимания студенческой аудитории на принципиальной, важной или спорной информации. Отдельные лексемы не всегда могут справиться с этой задачей. Нами было установлено, что авторы учебных пособий предпочитают оформлять аргументационные высказывания при помощи синтаксических схем. Эти синтаксические построения обладают соответствующим семантическим и прагматическим значением. В статье приведены примеры синтаксических описаний, которые выражают значение уникальности научных явлений, подчеркивают приоритет одного научного факта над другим, описывают количественные значения, указывающие на численное преобладание какого-либо научного феномена в контексте общей системы знаний. В ходе исследования было установлено, что определенные синтаксические схемы используются авторами научно-учебных произведений в качестве элементов языкового творчества. Более того, данные схемы становятся эффективным средством передачи системы знаний по предметам и направлениям профессиональной подготовки, а также обоснования и утверждения научных положений и фактов.

Ключевые слова: доказательство; научно-учебный подстиль; научно-учебный текст; порождающая грамматика; порядок слов; речевая деятельность; синтаксическая схема; утверждение.

O. S. Filicheva

Senior lecturer, Department of Linguistics,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian University of Transport (MIIT)»; e-mail: okslet1@mail.ru.

FUNCTIONS OF SYNTACTIC PATTERNS IN ENGLISH SCIENTIFIC AND ACADEMIC TEXTS

The article considers the problem of syntactic organization of English scientific and academic texts that perform the functions of argumentation, persuasion or assertion. These functions can be expressed by various connections of language units which we call syntactic patterns or models. Studies of functional syntactic structures present a special interest to linguistics due to the fact that these structures reveal the laws of compositional organisation of the speech fragments, in order to create the necessary semantic communicative unity. The availability and clarity of scientific information mainly depends on the architectonics of the syntactic description. The article develops the generative grammar approach to the analysis of empirical material, according to which the syntactic constituent serves as a generative element and helps to establish a correspondence between the form and the content of the statement.

Scientific and academic literature is aimed at the formation and acquisition of the basic theories and the most popular scientific trends, on the basis of which the professional skills and abilities of students are developed. Single words can fail to accomplish this task. The article proves that the authors of textbooks prefer to arrange argumentation statements with the help of syntactic patterns. These syntactic constructions have corresponding semantic and pragmatic meanings. The article provides examples of syntactic descriptions that express the uniqueness of scientific phenomena, emphasize the priority of one scientific fact over another, describe the quantitative values indicating the numerical predominance of a scientific phenomenon in the context of the knowledge system. Despite the fact that scientific and academic substyles of speech require accuracy and objectivity of narration, the authors of one of the analyzed textbooks use emphatic syntactic patterns in the narration to emphasize the importance of certain phenomena. In the course of our analysis it has been proved that certain syntactic patterns are used by the authors of scientific and academic works as elements of linguistic creativity. Moreover, these patterns become efficient means of transferring knowledge in different subjects and areas of vocational training, as well as proving and asserting scientific statements and facts.

Key words: argumentation; scientific and academic substyle; scientific and academic text; generative grammar; word order; speech; syntactic patterns; assertion.

Введение

Исследование ставит перед собой задачу проанализировать синтаксические способы выражения знаний и представлений в текстах научно-учебной речи. Актуальность подобного исследования

заключается в необходимости выявления наиболее эффективных средств в языковой системе, способствующих точному и доступному изложению сложных научных фактов и положений, связанных с подготовкой будущих технических специалистов. Немаловажную роль при этом играет автор учебного пособия, хотя их может быть несколько. Мы изучали особенности использования синтаксических конструкций и моделей в функции аргументации, убеждения и утверждения на основе текстов двух англоязычных учебных пособий: А. К. МакЛин, К. Д. Гриббл (A. C. McLean, C. D. Gribble) «Геология для студентов строительных специальностей» и Р. С. Нараянан, А. В. Биби (R. S. Narayanan, A. W. Beeby) «Введение в проектирование для студентов строительных специальностей».

Исследование

Для понимания научно-учебного стиля речи, мы опираемся на определение, предложенное Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняевой в книге «Стилистика современного русского языка и культура речи»: «Научно-учебный подстиль предполагает обращение специалиста к неспециалисту или будущему специалисту, который уже владеет начальными сведениями в той или иной области науки, достаточными для усвоения сообщаемой новой научной информации» [Солганик, Дроняева 2002]. Несомненно, что в роли ведущей функции текстов данного подстиля выступает функция обучения. Научные данные и информация, которые отбирает автор для создания учебного пособия, предназначена для получения образования или приобретения профессиональных знаний адресатом.

В отличие от академических текстов научного жанра: диссертаций, монографий и т. п., учебная литература содержит уже известные и устоявшиеся научные факты, которые сопровождаются объяснениями и дополнениями адресанта. Именно поэтому научно-учебные тексты изобилуют примерами, иллюстрациями, таблицами, сравнениями и толкованиями, а в некоторых случаях тексты могут содержать образную и эмоционально-экспрессивную лексику и синтаксические построения, которые облегчают процесс восприятия информации и активизируют умственную деятельность.

Тем не менее объем сообщаемой информации ограничивается государственными стандартами, учебными планами и учебными

программами. С. И. Шумарин и М. Р. Шумарина обращают внимание на то, что «учебные пособия для вузов – ближе к собственно научному подстилю, а для начальной школы – ближе к научно-популярному» [Шумарин, Шумарина 2008]. Однако независимо от того, для какой ступени обучения создается тот или иной текст, он разъясняет ключевые вопросы и понятия, связанные с тематикой повествования. Если реципиенты обладают небольшим объемом знаний по основному содержанию текста, в этом случае отправитель осуществляет выбор лексических и грамматических единиц с тем, чтобы иметь возможность подробно, детально объяснить научные сведения.

Следует подчеркнуть, что всякое текстовое произведение создается в соответствии с требованиями оформления того или иного стиля речи. Установленные правила вынуждают автора сообщения действовать избирательно при использовании языковых единиц. Несмотря на подобное положение дел, каждое новое высказывание представляет собой уникальный и неповторимый текст, который одновременно служит выражением индивидуального стиля речи адресанта.

В этом смысле подход В. И. Карасика к изучению идиостиля представляет для нас особый интерес. Он связывает это понятие с характеристикой языковой личности и предлагает следующее определение: «Идиостиль человека можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор» [Карасик 2002].

Таким образом, идиостиль адресанта, с одной стороны, является способом проявления языковой компетенции в ситуациях речевой коммуникации. С другой – идиостиль адресанта можно трактовать как средство выражения говорящим творческого начала в языке и собственного творческого мышления. Данное положение находит отклик в высказывании И. П. Ивановой, В. В. Бурлаковой и Г. Г. Почепцова в работе «Теоретическая грамматика современного английского языка»: «Человек – существо творческого мышления и естественно ожидать от него проявления творчества в такой области, тесно связанной с сознанием, как речевая деятельность, пользование языком» [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981].

Ясно, что коммуникативный акт состоит из предложений, которые в английском языке имеют строгий и установленный порядок соединения лексических и грамматических элементов. Количество

структурных схем соединения ограничено правилами синтаксического построения. Однако в сочетании с изменяющимися условиями и участниками коммуникации, человек получает возможность создания неограниченного количества новых предложений. Как отмечают И. П. Иванова, В. В. Бурлакова и Г. Г. Почепцов, «построение говорящим каждого предложения является творческим актом. Из конечного числа слов, используя конечный набор правил, носитель языка способен строить бесконечное множество разных по архитектонике структуры и по содержанию предложений» [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981].

Н. Хомский особо подчеркивал роль грамматической системы в процессе коммуникации, отмечая, что «порождающая грамматика – это система правил, которая соотносит сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов. Она дескриптивно адекватна в той мере, в какой это соотношение соответствует компетенции идеального говорящего-слушателя» [Хомский 2010]. Одним из центральных понятий в теории порождающей грамматики является «синтаксическое описание», под которым Н. Хомский понимает «объект некоторого вида, ассоциируемый с предложением» [Хомский 2010]. В свою очередь, синтаксическое описание представляет собой сложный объект, в состав которого входят «семантический компонент, который приписывает фонетическую интерпретацию глубинной структуре и фонологического компонента, который приписывает фонетическую интерпретацию поверхностной структуре» [там же]. Соответственно, языковое общение становится возможным в случае, если коммуниканты устанавливают одинаковые связи между звучанием и значением отрезка речи, где синтаксический компонент играет роль порождающего элемента данного языкового описания.

Именно поэтому представители американского структурализма, такие как: Л. Блумфилд, З. Херрис, Н. Хомский, Д. Старрок, Б. Аартс, сфокусировали свои научные исследования на синтаксисе. По их мнению, синтаксические единицы обладают явным преимуществом по отношению к единицам других уровней языковой системы. Во-первых, синтаксические структуры более заметны в речи. Во-вторых, синтаксис можно представить в виде структуры с условной организацией, в которой слова вступают в разные формальные отношения друг с другом. Согласно утверждению Д. Старрока, «мы слышим синтаксис,

когда говорим и видим его, когда читаем. Его структуры заметны, потому что они находятся на поверхности языка» [Sturrock 2003].

Более того, синтаксическое оформление способствует объяснению, почему слова группируются вместе. Для этого применяется термин «составляющее», обозначающий цепочки из одного или более слов, которые синтаксически и семантически выступают в качестве единого целого. По представлению Б. Аартс, «наши правила синтаксиса должны быть составлены таким образом, чтобы они основывались на том факте, что носители английского языка знают, что любое изменение порядка слов приводит к изменению значения <…>. Синтаксис описывает способ, который дает нам возможность разбить предложения на мелкие составляющие, включающие отдельные слова и словосочетания; и способ, которым эти единицы могут сочетаться и реорганизовываться» [Aarts 2001]. Таким образом, значение всего синтаксического описания или предложения напрямую зависит от функций, которые выполняют его составляющие. Вместе с тем определенная функция может быть выражена различными соединениями слов.

Необходимо отметить, что под синтаксическими схемами, мы понимаем соединение слов или синтагмы, обладающие значением и служащие средством выражения той или иной функции. В данной статье мы представляем результаты исследования синтаксических схем, выполняющих функцию доказательства, обоснования и утверждения научных знаний и положений в англоязычных учебных текстах:

I. Nearly all + N/N of N …
Most + N …

II. All + N (of) …

1. *Nearly all identification of minerals* in hand specimens in the field is made with the proviso that the specimen being examined is not a rare mineral but is one of a dozen or so common, rock-forming minerals, or one of a couple of dozen minerals commonly found in the sheet-like veins that cut rocks [McLean, Gribble 1985].
2. *Nearly all ore minerals* are chemically simple substances such as native elements, sulphides (where a metallic element is combined with sulphur), or oxides (where a metal is combined with oxygen) [McLean, Gribble 1985].
3. *Most modern soils* are developed on top of other superficial deposits, which are either transported or residual [McLean, Gribble 1985].

4. *All grades of weathering* may be visible in a large rock mass, with variation in grade related to the relative ease with which water has penetrated at different points [McLean, Gribble 1985].
5. *Most modern soils* develop profiles related to the climatic and vegetational zones in which they occur, and for this reason they are referred to as zonal soils [McLean, Gribble 1985].
6. *All materials* deform under load [Narayanan, Beeby 2001].
7. Assuming that the load is applied exactly on the centroid of the section, *all sections of the strut* will be subjected to a uniform stress that is equal to the applied load divided by the cross-sectional area of the member [Narayanan, Beeby 2001].
8. In the UK, *most sites* do not now have their own concrete-making facility and it is usual to have concrete delivered from a ready-mix plant [Narayanan, Beeby 2001].

Данная синтаксическая схема указывает на количество, которое подтверждает частотность или объем некоего явления. Расположение количественных местоимений *most* и *all* в начале предложения, лишь усиливает утверждение, высказанное адресантом.

II. Of the ... N + Ved/V3, …

1. *Of the hundred or so elements known*, only eight are abundant at the Earth's surface [McLean, Gribble 1985].

Данная синтаксическая схема указывает на узкий круг или ограниченное количество явлений, которые обладают тем или иным свойством. Используя подобное соединение слов, адресант подчеркивает редкость некоего явления.

III. Only + Adv

1. Native elements, such as copper, silver or gold, occur *only rarely* [там же].
2. *Only occasionally* is the development of soils taking place immediately on top of solid bedrock, with a continuous gradation into it [там же].

Данная синтаксическая схема указывает на то, что наречие *only* используется адресантом в значении «чрезвычайно, довольно, очень». Если данное соединение слов располагается в начале предложения, тогда наречие *only* приобретает значение «исключительно, лишь».

IV. Where + N +V …,

1. *Where they are in harness* (for example, in the English Channel, prevailing winds and flood tides both come from the south-west), longshore drift is appreciable [там же].
2. Where the sea is eating into a stretch of wind-blown sand, the shore will be a flat sandy beach [там же].
3. Where a near-horizontal, strong, rigid layer, such as a bed of sandstone or limestone, rests on clays, superficial movement may produce cambering [там же].
4. At a geological boundary where hard and soft rocks abut, there is likely to be a break of slope (a scarp) and the boundary may be traced by following the surface feature [там же].
5. They may occur very locally in drift *where sand or gravel lenses are covered by clays*, or they may affect hundreds of square kilometres underlain by a permeable rock group [там же].
6. *Where the stress varies*, the force is equal to the area over which the stresses act multiplied by the average stress [Narayanan, Beeby 2001].
7. *Where the loaded length is* sufficient to admit more than one vehicle, a governing condition will occur when traffic is brought to a standstill, minimising the separation between vehicles [там же].

Данная синтаксическая схема выступает в качестве придаточного предложения местоположения и используется адресантом для указания конкретной локации некоего явления. Если подобная синтаксическая модель располагается в начале предложения, то все синтаксическое описание выступает в роли тезиса.

V. Bare Infinitive + N …
Modal Verb + N + V, …

1. *Should the tower fall down*, the prime cause will be a rotational translation of the tower [Narayanan, Beeby 2001].
2. *Take the load off* and the wire will return to its original position, showing that the material from which the wire was made has not been overstressed [там же].
3. *Suppose we measure* the deformation of a short member subjected to pure compression: we will find that the member shortens slightly [там же].
4. *Put another way*, we decide arbitrarily what load W2 we wish to put on the cantilever and how far from the support we wish to put it (the distance x2) [там же].

5. *Had we done this,* the final step in the argument would have left us with a structure that was entirely in tension [там же].
6. *Take the case* of a rectangular building with a flat roof [там же].

Данная синтаксическая схема встречается всегда в начале предложения и служит для наглядного описания явления в значении «Предположим, что …», «Если мы …, то …». Подобное соединение слов усиливает значение описываемого действия и, по-нашему мнению, помогает адресанту придать высказыванию некий эмоциональный оттенок.

VI. N/P + did V …

1. He *did make* one fundamental mistake which, considering the level of knowledge at the time, was excusable and will be explained later [Narayanan, Beeby 2001].

Данная синтаксическая схема акцентирует действие, выраженное смысловым глаголом в соединении с вспомогательным глаголом *did*, и является одним из обычных способов передачи эмоционально-экспрессивного состояния говорящего в разговорном стиле или художественном подстиле речи. В научном жанре данная синтаксическая модель встречается крайне редко, а ее использование лишь усиливает значение смыслового глагола и добавляет личностную оценку синтаксическому описанию.

VII. Adv + N/P + V ...

1. *Structurally walls carry out* the same function as columns, that is, they transmit loads downwards [Narayanan, Beeby 2001].
2. *Architecturally they serve* to divide up a building into compartments and to provide an outer skin [там же].
3. *Generally walls are* fairly lightly loaded [там же].
4. *Generally the elastic modulus is* the same but the strength in tension and the ductility may be very different [там же].

Данная синтаксическая схема указывает на приоритетную роль явления, выраженного наречием образа действия и может переводиться на русский язык соответствующим номинативным значением в составе вводной конструкции «С точки зрения N, N + V …».

Заключение

Анализируя вышеизложенные примеры, мы можем сделать следующие выводы:

1. Порядок слов в предложении передает отношение составных элементов синтаксического описания друг к другу. Чем ближе их непосредственное расположение, тем теснее их смысловая связь. Смысловые группы образуют синтаксические схемы или модели, обладающие собственным значением, независимо от семантического значения слов, входящих в состав подобной схемы. Более того, разные синтаксические схемы могут использоваться для выражения определенной функции. В нашей работе – функции убеждения, доказательства или утверждения.

2. В случаях, когда начальную позицию в предложении занимает языковая единица, которой не свойственно подобное расположение, например наречие образа действия или модальный глагол в утвердительном предложении, тогда мы имеем дело с выражением смысловых интенций адресанта, задача которого заключается не только в объективном и точном изложении научно-учебного материала, но и в способности выразить его такими средствами языка, которые обеспечивают наглядность, доступность и непротиворечивость в восприятии многоаспектной научной информации.

3. При сравнении индивидуальных стилей речи авторов двух учебных пособий, нами было выявлено, что авторы пособия «Введение в проектирование для студентов строительных специальностей», Р. С. Нараянан и А. В. Биби, повествуют о научных фактах и явлениях более красочно, эмоционально и наглядно, чем авторы пособия «Геология для студентов строительных специальностей», А. К. МакЛин и К. Д. Гриббл. Подобный эффект достигается использованием в текстах синтаксических схем № V, VI, VII.

Таким образом, синтаксическая организация слов оказывает влияние на содержательный и функциональный аспекты целого предложения. Авторы научно-учебных текстов используют разнообразные синтаксические схемы для убеждения, аргументации или утверждения научных фактов, что облегчает процесс восприятия информации и повышает эффективность обучения студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М.: Высш. школа, 1981. 285 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002. 256 с.

Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики / Философия языка ; ред.-сост. Дж. Р. Серл : пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 99–140.

Шумарин С. И., Шумарина М. Р. Теория и практика научной речи: учебно-методический комплекс. Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2008. 406 с.

Aarts B. English syntax and argumentation / Bas Aarts. Palgrave, 2001. 312 p.

McLean A. C., Gribble C. D. Geology for civil engineers. E & FN Spon, 1985. 333 p.

Narayanan R. S., Beeby A. W. Introduction to design for civil engineers. London : Spon Press, 2001. 196 p.

Sturrock J. Structuralism / John Sturrock. Blackwell Publishing Ltd, 2003. 170 p.

УДК 811'112

А. В. Анищенко
кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: allan031@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КОМИКСЕ

Динамика популярности комикса как феномена массовой культуры и коммуникации требует научного осмысления как с социокультурной, так и с лингвистической точки зрения. Актуальность предлагаемого исследования связана с необходимостью изучения способов трансляции эмотивных смыслов в различных жанрах и типах текста в условиях растущей роли инфотейнмента. Этот информационно-развлекательный способ организации и подачи материала обусловливает трансформацию механизмов кодирования эмоциональных реакций в креализованном тексте, одним из видов которого является комикс.

Цель исследования – проследить особенности процесса передачи эмоций в пространстве креализованного текста, где многомерная палитра чувственных переживаний естественной коммуникации воспроизводится путем комбинации вербального и невербального компонентов. Методом контекстуального анализа выявляются способы объективации эмоциональных концептов в немецкоязычном веб-комиксе. Установлено, что развлекательная составляющая комикса связана с акцентуализацией эмоциональных параметров изображаемого действия. Адекватная трансляция эмотивных смыслов достигается через комбинацию вербальной и невербальной составляющей. Анализ материала выявил ведущую роль невербальной составляющей, представленной в комиксе графическими и параграфическими компонентами. Индикаторы эмоциональных состояний обнаруживаются прежде всего в изображениях мимики и положения тела персонажей. Трудности при дифференциации эмоции снимаются путем ее упрощенного конструирования, что способствует однозначной типологизации эмоциональной реакции. Для элиминации трудностей декодирования визуальный ряд дополняется вербальным компонентом. Таким образом, речь идет о моделировании эмоций, которая реализуется в соответствии с прототипической моделью каждой эмоции. Прототипическая модель является основой для манифестации эмоциональных состояний в комиксе. Она может быть трансформирована или расширена в зависимости от интенции автора и коммуникативного контекста. Подобная схематизация эмоциональных

состояний в комиксе допускает только ограниченную манифестацию базовых эмоций (радости, печали, ярости, страха, удивления, отвращения). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в качестве механизма категоризации эмоций в креализованном тексте выступает стереотипизация.

Ключевые слова: эмоции; эмоциональный концепт; инфотейнмент; креализованный текст; комикс; эмотив; стереотипизация.

A. V. Anishchenko

PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Department of Lexicology and Stylistics of German,
Faculty of German, MSLU; e-mail: allan031@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING EMOTIONS IN GERMAN COMIC STRIPS

The growing popularity of comic strips viewed as a phenomenon of popular culture and communication requires scientific consideration from both sociocultural und linguistic perspectives. The relevance of the proposed study is conditioned by the necessity to explore emotive meanings transmission in different genres and types of text with regard to the increasing role of infotainment. This informative-entertaining method of organizing and transmitting the contents determines the transformation of mechanisms of emotional reactions in creolized texts, one type of which is comics.

The aim of this research is to reveal specific ways of transmitting emotions in creolized text with a special focus on the multidimensional variety of sensuous experience of natural communication which is reproduced by a combination of verbal and pictographic elements. The method of contextual analysis serves to detect emotional concepts in German webcomics. It is proved that the entertaining component of a comic strip is rooted in the emotional aspect of the depicted action. An adequate transmission of emotive meanings is achieved through a combination of verbal and nonverbal components. An analysis of the empirical data has revealed the leading role of the nonverbal component, which is represented in comics by graphic and paragraphic components. Indicators of emotional states are revealed first of all in the representation of kinesics (facial expressions) and position of the characters' bodies. Difficulties in differentiating emotions are eliminated by constructing simplification, which contributes to the directness of the emotional reaction. To eliminate the difficulties of decoding the visual imagining is completed by a verbal component. So, it is about modeling emotions which is realized according to the prototypical model of each emotion. The prototypical model is the basis for the manifestation of emotional states in comics. It can be transformed or expanded, it depends on the author's intention and the communication context. This kind of schematization of emotional states in comics provides for a limited manifestation of the basic emotions (joy, sadness, rage, fear, surprise, disgust). It can therefore be concluded that stereotyping is the very mechanism responsible for categorizing emotions in creolized texts.

Key words: emotions; emotional concept; infotainment; creolized text; comics; emotive; stereotyping.

Интенсивный рост информационных потоков любого типа и содержания заставляет продуцента информации искать новые способы привлечения реципиента к информационному продукту. Этот поиск привел к возникновению нового формата подачи информации – формата, который предполагает преподнесение сообщения в развлекательной, легкой для восприятия, часто утрированно упрощенной форме. Инфотейнмент, т. е. комбинирование информации (information) и развлечения (entertainment), проник во все сферы коммуникации и вызвал изменения в способах и механизмах трансляции информации, в том числе и эмотивной. Акцент на визуальной составляющей, игровые формы подачи информации, юмор, апелляция к эмоциям реципиента, фрагментарность (клиповость) информационного потока характерны и для комикса как феномена современной массовой культуры.

Возникнув преимущественно в малограмотном обществе, «истории в картинках» стали в XX в. одним из популярных жанров культуры и сейчас завоевывают просторы Интернета, пользуясь возможностями современных технологий и преимуществами новой коммуникационной среды. Комикс расширил свой функциональный потенциал далеко за пределы информирования и развлечения. У. Эко, объясняя феномен комикса, говорит о его рекреационной, психотерапевтической функции: «Современному индустриальному обществу свойственны изменчивость норм, разрушение традиций, социальная мобильность, недолговечность всех образцов и принципов – иначе говоря, люди в таком обществе испытывают постоянное информационное давление, порой даже мощные информационные удары, которые требуют непрерывной перестройки восприятия, непрерывного приспособления психики и столь же непрерывной переквалификации интеллекта. В этом контексте “избыточные повествования” оказываются снисходительным приглашением к отдыху, они дают своему потребителю уникальную возможность по-настоящему расслабиться» [Эко 2007, с. 203]. С рекреационной и психотерапевтической функциями связана гедонистическая, реализуемая при помощи приема повторения (итерации), который лежит в основе некоторых механизмов “бегства от действительности”, предвиденное и ожидаемое заключение

доставляет небольшое, но неоспоримое удовольствие. В героических персонажах комиксов У. Эко видит «инструмент педагогики», а повествовательную структуру комикса характеризует как носительницу педагогического “сообщения” [Эко 2007, с. 201–205]. Развлекательная составляющая комикса связана с акцентуализацией наиболее привлекательных для реципиента лингвистических и экстралингвистических факторов.

Целью предлагаемой работы было проследить способы и механизмы трансляции эмотивной информации в немецкоязычном веб-комиксе как особом типе крелизованного текста, под которым мы, вслед за Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, понимаем тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей» [Сорокин, Тарасов 1990, с. 180–181].

Веб-комиксы – комиксы, которые создаются на компьютере и выкладываются в сеть, что определяет их структурные и содержательные особенности. Благодаря своим лингвомедийным характеристикам они удовлетворяют потребности реципиента в разнообразии, активном действии, креативности. Как правило, это лаконичные креализованные тексты на бытовые темы, которые публикуются авторами на собственных веб-сайтах или на сайтах, предоставляющих специальные сервисы. Их задача – удержать внимание массового реципиента, что достигается оригинальностью, серийностью, оперативностью реагирования на актуальные события, а также способностью передавать эмоциональные параметры изображаемого действия. Трансляция эмотивных смыслов осуществляется через взаимодействие вербальной и невербальной составляющей креализованного текста.

Комикс, как особый способ повествования, представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, репрезентирующее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку – графическое пространство вербального компонента (далее – ГПВК), или филактер. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст представляют собой органичное смысловое единство [Сонин 1999, с. 12].

Вербальная составляющая представлена речью персонажа и авторским текстом (заголовки, титры, различные виды комментариев как к отдельным кадрам, эпизодам, так и ко всему комиксу). Речь или мысли персонажа оформлены графически внутри ГПВК, имеющего

форму «облачка» и на профессиональном жаргоне называемого *баллоном.* Невербальная составляющая несет основную смысловую нагрузку и представлена графическими (последовательность кадров, оформленных в рамку) и параграфическими (способы оформления вербального текста, элементы, создающие «звук» в комиксе) компонентами, сопровождающими вербальный текст и обеспечивающие его динамичность и экспрессивность.

Кодирование эмотивных смыслов происходит на основе знаний продуцента об эмоциях, накопленных на основе социокультурного опыта. Эти знания формируют концептуальное значение эмоции в форме ментального конструкта – эмоционального концепта (ЭК). Н. А. Красавский определяет ЭК как «этнически, культурно обусловленное, структурно-смысловое, как правило, лексически и / или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо самого понятия, образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский 2001, с. 60]. ЭК может быть объективирован не только вербально, но и посредством смысловых единиц неязыкового уровня, что является особенно актуальным для креализованных текстов.

Рассмотрим, как происходит объективация ЭК в комиксе. Как показывает анализ, индикаторы эмоциональных состояний персонажей обнаруживаются прежде всего в изображениях мимики. Лица персонажей передают существенную часть информации об их настроении, чувствах и эмоциональных состояниях. Выражение лица должно однозначно обеспечивать возможность декодирования эмоции. Чем более упрощенным является изображение эмоции, тем меньше деталей должен воспринимать и перерабатывать реципиент, тем быстрее происходит процесс узнавания эмоции. Можно говорить о стереотипизации эмоций в комиксе. Характеристика стереотипа как средства категоризации состоит в том, что он представляет собой упрощенную схему, фиксирующую лишь некоторые, легко различимые черты явления, на основе которых производится приблизительная группировка объектов. Стереотип носит выраженный эмоционально-ценностный характер и формируется и транслируется в пределах конкретного социума. «Стереотип выполняет функцию оперативного построения

образа, позволяющего адекватно отреагировать на ситуацию даже человеку, не обладающему богатым социальным опытом и не способному самостоятельно правильно интерпретировать сложный социальный объект» [Полев 2009].

Подобная стереотипизация эмоциональных состояний в комиксе допускает ограниченную манифестацию базовых эмоций (универсальных, общих для всех людей и заложенных генетически), среди которых называют радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение и страх [Изард 1999, с. 64].

Так, например, наиболее простой для кодирования и декодирования является эмоция *радости*. Это связано, прежде всего, с тем, что радость, как простейшая эмоция с точки зрения мимического и кинетического выражения, а также возможности расшифровки часто не требует вербального подтверждения. Типичным репрезентантом эмоции радости является улыбка – мимическое движение, возникающее в результате сокращения всего одной пары мышц. Эти мышцы, сокращаясь, оттягивают и слегка приподнимают уголки рта. В случае простой открытой улыбки при выражении эмоции радости рот приоткрыт, глаза округлены (см. рис. 1). Графический элемент «звезды» в анализируемом фрагменте выступает в качестве знака эмотивной фразеологической единицы *über das ganze Gesicht strahlen* (ср.: рус. *сиять от радости*), указывая на наивысшую степень эмоционального проявления.

Рис. 1. Выражение эмоции радости в комиксе Heiligabend (*sarahburrini.com/wordpress/comic/heiligabend/*)

Невербальное выражение эмоции *радости* оказывается достаточно информативным и не требует вербальной конкретизации. Это

подтверждается тем, что в материале исследования не обнаружилось большого разнообразия языковых единиц, непосредственно манифестирующих эмоцию радости.

Искусственная улыбка физиологически отлична от улыбки естественной тем, что при ее произвольном воспроизведение мимика глаз не может быть задействована [Изард 1998, с. 149].Эмоциональное состояние героини комикса *Nina* также манифестирует улыбка, которая, однако, не выглядит естественной (см. рис. 2, фрагмент 3).

Рис. 2. Выражение эмоции радости в комиксе *Nina* (*comics.orf.at/comics/42*)

Знак-символ «лягушка», помещенный в филактер, форма которого указывает на мыслительный процесс персонажа, свидетельствует о том, что девушка пытается скрыть эмоцию отвращения. Известно, что лягушка в европейской традиции является животным, вызывающим отвращение, прежде всего, у женщин. Комментарий героини *Es kostet mich enorme Überwindung!* (ср.: рус. *Мне стоит это огромных усилий!*) в филактере более интенсивного цвета, чем предыдущие, сигнализирующего об интенсивности негативной эмоции, убеждают читателя в том, что собеседник ей крайне неприятен.

Одной из характеристик эмоциональных реакций является динамика, которая в комиксе также может транслироваться на разных уровнях. На примере фрагмента комикса *Der Todund das Mädchen 1* (см. рис. 3) можно проследить изменение эмоционального состояния героини. Динамика эмоции женщины создается семантикой

инфлективов, выражающих разную степень интенсивности эмоционального напряжения, а именно его акустическую характеристику. Инфлективы *schnff* (schnaufen: *сопеть, пыхтеть*), *heuuul* (heulen: реветь, рыдать), *schluchz* (schluchzen: *рыдать, всхлипывать*) отражают изменения в эмоциональном состоянии персонажа. Эту же роль выполняет и цвет филактера, наиболее интенсивный во втором кадре, где эмоциональное напряжение достигает наивысшей точки.

Рис. 3. Динамика эмоциональной реакции в комиксе *Der Tod und das Mädchen 1* (*comics.orf.at/comics/381*)

Акустические характеристики репрезентируемой эмоции в комиксе передает размер букв: крупный и жирный шрифт показывает, что реплика произносится громко. Форма букв также может отражать эмоциональное состояние: персонажем овладел страх, если буквы дрожат; если буквы неровно расположены, герой взволнован. Эмотивные звукоподражания обеспечивают динамичность повествования, создают естественный эмоциональный фон, оживляют действие.

Таким образом, трансляция эмотивных смыслов в комиксе достигается благодаря комбинации рисунка и минимального текстового сопровождения, от последнего автор комикса может отказаться, если эмоциональное состояние персонажа может быть однозначно декодировано реципиентом на основе изображения. Среди вербальных конкретизаторов эмоциональных реакций в комиксе преобладают междометия и производные междометные единицы. Функционирующие в комиксе междометные единицы представляют собой уже не просто вербальные

репрезентанты эмоциональных реакций, объективирующие эмоциональные концепты: происходит их превращение в вербально-иконические эмотивные единицы, которые в совокупности с изобразительными средствами манифестации эмоциональных реакций – мимикой и жестами персонажей, графическими элементами, цветом – образуют оригинальную семиотическую систему [Анищенко 2009, с.120].

Особенностью объективации эмоциональных концептов в креализованном тексте является, таким образом, ее семиотизация. Речь идет о формировании эмотивной семиотической системы, в которой в процессе взаимодействия вербального и невербального компонентов создаются специфические семиотические единицы, позволяющие моделировать различные эмоции. Механизмом категоризации эмоций в комиксе выступает стереотипизация, которая позволяет сократить признаки изображаемой эмоции до ее основных черт. Стереотипизация обеспечивает адекватное распознавание эмотивного смысла реципиентом, обладающим обобщенным социально и культурно обусловленным знанием о категоризации эмоций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анищенко А. В. Комикс как тип видео-вербального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 559. С. 116–122.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Полев Д. М. Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2009. №18 (151). URL: cyberleninka.ru/article/n/etalon-prototip-i-stereotip-kak-mehanizmy-vospriyatiya-cheloveka-chelovekom (дата обращения: 04.07.2018).

Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 111 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.

Эко У. Миф о Супермене // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. С. 177–207.

УДК 811.131.1+81'42+81-114.2

Е. С. Борисова

кандидат филологических наук,
зав. каф. итальянского языка переводческого факультета
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
(на примере итальянских текстов)

Дискурсивные единицы, имеющие в лингвистической литературе множество названий (дискурсивные слова, логические частицы, модальные частицы, коннекторы и др.), – один из формальных критериев, отличающих несобственно-прямую речь (далее – НПР) от косвенной. Термин «маркеры» выбран по той причине, что эти единицы, являясь показателями субъективной модальности, сигнализируют читателю о появлении голоса персонажа, иными словами, они «маркируют» текст персонажа в нарративе. С формально-грамматической точки зрения под НПР мы подразумеваем конструкцию, в которой независимо от наличия высказывания, вводящего «чужую речь», и ее пунктуационного оформления происходит обязательное изменение персональных дейктиков в тексте персонажа, насыщенного эгоцентрическими элементами, в частности – дискурсивными маркерами (далее – ДМ), анализ которых предлагается в этой статье.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; несобственно-прямая речь; нарратив; субъективная модальность.

E. S. Borisova

PhD (Philology), Head of Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

DISCURSIVE MARKERS OF FREE INDIRECT SPEECH
(on the example of Italian texts)

Discursive units that have a lot of names in linguistic literature (discourse words, logical particles, modal particles, connectors, etc.) are important formal criteria that distinguish free indirect speech from indirect. The main reason for using the term "markers" is that these units, being indicators of subjective modality, refer to the character's text in the narrative. From the formal-grammatical point of view free indirect speech is defined as a construction in which, irrespective of the presence of a statement introducing "another's speech," and its punctuation, there is a mandatory change in personal deictics in the text of a character saturated with egocentric elements, in particular discursive markers, the analysis of which is done in this article.

Key words: discursive markers; free indirect speech; narrative; subjective modality.

В отечественном языкознании уже достаточно давно исследуются и описываются с различных теоретических позиций дискурсивные слова русского языка. Интерес исследователей к служебным (незнаменательным) словам повысился со второй половины 70-х гг. XX в. в связи с коммуникативно-прагматическим поворотом в лингвистике. Результаты их описания в рамках традиционной грамматики и лексикографии отражены в грамматиках и толковых словарях русского языка, дающих, по замечанию И. М. Кобозевой и Л. М. Захарова [Кобозева, Захаров 2007] неполное и неточное представление об их функционировании. Существуют опыты описания тех или иных ДМ с позиций теории моделей «Смысл – Текст», лингвистической прагматики, теории контекстно-семантического описания, в рамках когнитивного подхода, суть которого состоит в стремлении описать и объяснить функционирование данных единиц в зависимости от состояний и процессов, локализованных в сознании говорящего. Появились даже специальные словари, синтезирующие многоаспектную информацию об основных дискурсивных словах русского языка (подробнее об истории вопроса см. [Кобозева, Захаров 2007, 2004]). В диссертационном исследовании Е. Ю. Викторовой дискурсивы рассматриваются как «особая транскатегориальная система единиц, не образующих естественного класса» и разрабатывается их коммуникативно-прагматическая типология на материале русского и английского языков в русле функционального, дискурсивного, антропоцентрического, социо- и психолингвистического направлений современной лингвистики [Викторова 2016].

В отечественной итальянистике, к сожалению, данной проблематике отводится сравнительно небольшое место. Можно назвать только ранние работы Е. С. Хачатурян, но, начиная с 2005 г., ее исследования ведутся на базе университета г. Осло и сосредоточены, прежде всего, на дискурсивных словах глагольного происхождения в рамках семантико-контекстуального анализа и контрастивной лингвистики на материале русского, итальянского и французских языков. В Италии проблемой дискурсивных слов занимается Карла Баццанелла, которая рассматривает их как «типично прагматические языковые элементы, распространенные, главным образом, в разговорной речи». Значение этих единиц зависит от контекста: «Они структурируют текст, соединяют фразовые элементы, выделяют значимые

элементы высказывания и маркируют когнитивные лингвистические процессы»[1] [Bazzanella 2011]. В трактовке Баццанеллы дискурсивные единицы выполняют следующие функции: интеракциональную, метатекстовую и когнитивную [Bazzanella 2001]. Под интеракциональной понимается передача коммуникативной роли собеседнику, например, в диалоге. «Эта функция подчеркивает дейктическую «привязку» высказывания к месту, времени и субъекту высказывания» [Bazzanella 2011], и ДМ, выполняющие эту функцию, встречаются, прежде всего, в спонтанной разговорной речи. ДМ, выполняющие метатекстовую функцию, структурируют текст (вступление, продолжение, заключение), главным образом, фигурируют в письменной речи. ДМ когнитивной функции, в трактовке Баццанеллы обобщают высказывание, создают эпистемическую модальность текста и указывают на степень интенсивности сопровождаемых текстовых элементов.

ДМ могут быть представлены разными частями речи: союзными и наречными операторами согласования (*e, ma, eppure; cioè*), фразовыми наречиями (*praticamente*), междометиями или частицами (*eh?*), глаголами (*guarda, diciamo, dai*), предложными синтагмами (*in qualche modo*), фразовыми выражениями (*per così dire, come dire*), некоторые из которых часто рассматриваются как модальные и вводно-модальным слова и выражения.

Поскольку специфика плана содержания лексических единиц в дискурсивном употреблении интерпретируется либо как отсутствие у них лексического значения, либо как десемантизация слова в данном употреблении, с нашей точки зрения, их классификация может быть основана только на функциональном критерии. Важно также понимать, что дискурсивные единицы могут быть многозначны, а определение их значения субъективным, поскольку зависит от конкретной семантической теории.

При выделении голоса персонажа из текста важно то, что дискурсивные слова не используются в косвенной речи (далее – КР), в которой все эгоцентрические элементы, подчиняясь тексту нарратора, либо исчезают ($КР_1$), либо заменяются описательными оборотами ($КР_2$):

A: Gianni è svenuto.
B: <u>E</u> ha ripreso conoscenza?

[1] Здесь и далее перевод теоретической литературы наш. – *Е. Б.*

$КР_1$: B chiede se ha ripreso conoscenza.
$КР_2$: B, ricollegandosi all'informazione di A («Gianni è svenuto»), chiede se ha ripreso conoscenza[1].
НПР: B chiese, e Gianni aveva ripreso conoscenza?[2]

При устранении дискурсивных маркеров в косвенной речи сохраняется пропозициональное содержание, но исчезает эмоциональная окраска высказывания, характерная для спонтанной разговорной речи, которой наделяется персонаж в конструкциях прямой, свободной прямой и НПР, включенных в нарратив. В следующих примерах астериском обозначена конструкция косвенной речи, в которой невозможно появление дискурсивных слов:

ПР: Mi ha detto: «Guardi, così non si va più avanti».
КР: Mi ha detto che così non si può più andare avanti.
КР: *Mi ha detto che guardi così non si può più andare avanti.

Однако в НПР включение дискурсивных слов возможно, более того, именно эти слова, наряду с другими эгоцентрическими элементами языка, позволяют читателю выделить голос персонажа из повествования. При передаче «чужой» речи в косвенной форме удаление дискурсивных слов не влияет на содержание, их информативное значение частично может быть передано пропозициональным предикатом:

ПР: (*Mario*) Scusa, sai, ma non ce la faccio proprio, capisci.
КР: Mario dice scusandosi che non potrà soddisfare la richiesta.

В косвенной речи пропозициональное содержание такое же, как в прямой речи, но элиминация дискурсивных слов влечет за собой потерю коммуникативной направленности высказывания и его эмоциональности.

Краткий сравнительный обзор разных способов включения «чужой» речи в нарратив позволяет сделать вывод о необходимости рассмотрения дискурсивных единиц, как эгоцентрических элементов, указывающих на включение голоса персонажа в нарратив.

---

[1] Примеры из Bazzanella 2001, с. 226.
[2] Пример наш. – *Е. Б.*

Опираясь на критерии выделения ДМ в работах Карлы Баццанеллы, Е. Ю. Викторовой и собственные наблюдения, обозначим две их основные функции: организаторскую / метатектовую, ориентированную на связность, логичность и последовательность дискурса, и регулятивную / интеракциональную, направленную на взаимодействие коммуникантов и выражение отношения и оценок говорящего.

При выделении голоса персонажа из нарратива в конструкции НПР, прежде всего, обращает на себя внимание метатекстовая функция, при которой ДМ устанавливают границы НПР: соединяют тексты одного или разных субъектов высказывания, вводят, продолжают или завершают высказывание персонажа. В этом случае ДМ представлены операторами согласования:

> Leo la guardava, le parve, maliziosamente <…> [ma a cosa sarebbe servito resistere?][1] [Moravia 2007, c. 30].

Важно понимать, что операторы согласования, присутствующие в высказывании одного субъекта речи, не имеют дискурсивного значения. Ср. примеры использования союза *e* в недискурсивном (1) и в дискурсивном (2) употреблении:

1) Sei giorni dopo Gesù prese con sé Pietro, Giacomo e Giovanni suo fratello, e li condusse in disparte, su un alto monte. E apparve trasfigurato davanti a loro <…>. Ed ecco, apparvero loro Mosè ed Elia <…>. E dalla nube si udì una voce che diceva <…>. [Vangelo, Matteo 17,5]

2) [E perché mai], si chiese, [doveva esporsi a una figura del genere? Per far rabbia a Botta?] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 178]

Смена субъектов повествования может также маркироваться коммуникативами согласия или отрицания:

> Rimenando lo zucchero nella tazzina ragionò che [sì, quella sua gran corsa da Zavattaro non aveva fruttato niente di concreto <…>] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 235].

> Dando un'altra spintarella al macigno perlustrò i tratti della possibile pecora [*No, non lo era di certo*] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 242].

[1] Квадратными скобками здесь и далее в примерах выделяется голос персонажа в конструкции НПР.

В первом примере НПР возникает после изъяснительного союза, его наличие подтверждает тот факт, что НПР может включаться в текст, как зависимая пропозиция.

Метатекстовая функция ДМ проявляется также при связи новой мысли персонажа с предыдущим текстом. В следующем примере мысли персонажа, сосредоточенные на движении к дому, вдруг перебиваются неожиданно увиденной героиней, союз *ma* и оператор согласия *sì* указывают читателю на внезапную смену событий:

> Violentemente gli si ricompose la coscienza <…> del suo stato presente <…> e s'arrestò affannato nella corsa che aveva preso. [A casa! a casa! <...> Se non che, davanti al portoncino... ma sì, lei... lei ch'era scesa... Annetta, sì.] [Pirandello 1990, c. 202].

Интересен пример, в котором ДМ помогает автору сделать своеобразный монтаж разорванных частей, соединить две главы:

> [Ma se voleva invitarla a colazione, perché non si decideva a parlare, benedetto uomo?] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 242].

На смену мысли в словах персонажа могут указывать и соединительные союзы, которые часто оказываются в начале предложения из-за парцелляции высказывания:

> Aveva perso l'orientamento. [Avevano imboccato la stessa galleria dell'andata? O si erano persi?] [Mazzucco 2009, c. 383].

Как и в спонтанном разговорном дискурсе, операторы согласования могут завершать высказывание без передачи коммуникативной роли или же обрывать мысль персонажа:

> Ancora sconvolto, Lello ingranò precipitosamente la marcia indietro <…> [Aveva sbagliato lui, però.] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 234].

Они вводят контраргументацию и указывают на колебания персонажа в принятии решения:

> Lina pensò a suo padre, ma scaccio subito il pensiero. [Lui aveva rinunciato alla vita: era come se fosse morto. Eppure…] [Fazioli 2012, c. 14].

НПР, являясь косвенной имитацией спонтанной разговорной речи, может диалогизироваться. В этом случае ДМ указывают на смену

высказываний персонажей и выполняют функцию передачи коммуникативной роли, иными словами – регулятивную или интеракциональную:

> Il signore barbuto <…> domandò se, (НПР$_1$)[1] [a ogni modo, questo figliuolo, a giudizio nostro, non era stato frutto e conseguenza dell'eroismo. <абзац> (НПР$_2$) Eh via, sì, questo almeno era innegabile. <абзац> (НПР$_1$) Oh dunque! Innegabile? E se frutto e conseguenza dell'eroismo era stato il figliuolo, frutto e conseguenza dell'eroismo era anche la morte di lei][2] [Pirandello 1990, с. 293–294].

Для создания эффекта спонтанной разговорной речи возможно объединение ДМ в синонимичные ряды, как в этом примере: *Eh via, sì*, где *via = certo = sì*. Эмоциональная окраска высказывания персонажа усиливается за счет сопровождения ДМ первообразными междометиями *Eh, Oh!*.

В следующих примерах дискурсивы завершают реплики персонажей, передавая коммуникативную роль слушающему:

> Aveva telefonato a Desolina per ottenere altre informazioni. (НПР$_1$) [Chi era l'uomo assieme a suo padre, per esempio?] (НПР$_2$) [Martignoni, probabilmente] [Fazioli 2010, с. 161].

НПР в 80 % случаев диалогизируется во внутренней речи. Дискурсивные единицы маркируют слова персонажа и выражают согласие / несогласие персонажа со своим же ранее выраженным мнением, часто переданным риторическим вопросом:

> Curvo, carezzava un cagnolino lungo lungo, basso basso, di pelo nero; e quel cagnolino gli faceva un mondo di feste <…> [{Ma non era Liri, quello?}[3] {Sì, Liri, il cagnolino di sua moglie.}] [Pirandello 1990, с. 155].

> Erano sparsi brandelli di un ritratto che Antonio non riusciva a decifrare. <…> [{Era buona? Era generosa? Aveva luce?} {No.}] [Buzzati 1997, с. 159].

---

[1] Индексация указывает на смену участников диалога.

[2] «Поскольку семантика многих дискурсивных слов проясняется, как правило, в контексте большем, чем содержащее их предложение, пример употребления должен представлять собой диалогическую пару или сверхфразовое единство» [Кобозева, Захаров 2004].

[3] Фигурные скобки указывают на смену диалогических реплик во внутренней речи.

В условиях субъективного повествования значение операторов связи в НПР могут приобретать междометия:

> Non fu senza stupore che riconobbe l'avvocato Giorgio Calgari <…>. [{E cosa vuole a quest'ora?} {Vabbè, in fondo era più divertente di una serata fra amiche.}] [Fazioli *L'uomo*…, c. 232].

«В спонтанной разговорной речи первичной функцией для формирования семантики дискурсивных единиц является коммуникативная» [Кобозева, Захаров 2004]. Этот факт подтверждает, что наличие ДМ, выполняющих ту же функцию в нарративе, указывает читателю на появление голоса персонажа в тексте, формально зависящем во временном плане и в плане дейксиса от текста нарратора.

В диалогизированной НПР разграничение реплик-стимулов и реплик-реакций не всегда проходит четко, поскольку вторые реплики, как уже было сказано, – часто отклики на собственную мысль персонажа, прямая реакция на гипотетическое положение дел:

> Più tardi, Lina avrebbe ripensato più volte a quel dialogo. [<…> Svaligiare una banca! Sembravano parole uscite da un film. <...> Anche se… anche se forse nell'idea di Matteo c'era qualcosa di buono] [Fazioli 2012, c. 23].

> Jean Salviati ebbe paura. <…> [Che stavolta avesse cambiato idea? Ma perché?] [там же, с. 18].

В последнем примере оператор *ma* вводит реплику-сомнение в ответ на предыдущую мысль-предположение. Интересно, что в переводе появляется дополнительное дискурсивное слово, компенсирующее вопросительную модальность с оттенком удивления, переданную конъюнктивом в независимом предложении:

> Похоже, на сей раз передумала? Но почему? (*пер. Харитонова 2013, с. 13*)

В НПР слова персонажа редко являются репликой-стимулом, на которую предполагается реакция адресата, но чаще – репликой-реакцией на описание некой ситуации, данной в тексте нарратора. Тем не менее эгоцентрические элементы, включенные в нарратив, маркируют появление голоса персонажа в тексте практически так же, как они это делают в спонтанной разговорной речи.

Одной из важных коммуникативных функций дискурсивных единиц является фатическая, т. е. функция привлечения внимания собеседника. В спонтанной разговорной речи ее выполняют глагольные дискурсивы, междометия или обращения: *capisci, sai, come sai, lo sapete, lei dice, come dice lei, eh?*

Приведем примеры из спонтанной разговорной речи:

> Senti mi viene in mente una cosa... Sai, in America la prima cosa ti insegnano quando vai a scuola è che bisogna vincere nella vita [там же].

Как показал корпус более чем из 3000 примеров, в НПР глагольные дискурсивы отсутствуют, однако встречаются обращения, абсолютно несвойственные косвенной форме передачи «чужой» речи:

> *Disse che lui <…> si sedeva sempre nel posto accanto al finestrino*. [*Aveva visto quasi tutto il mondo, dall'alto. E la indovinava una cosa, Emma*?] (Mazzucco 2009, p. 349)

Причем часто формы вокатива, как в следующем примере *Dio!*, десемантизируются и сопровождаются междометием *oh*. Такие обращения, утрачивая свою первоначальную коммуникативную функцию, передают внутреннее состояние персонажа:

> [Ah se almeno avesse potuto sapere con certezza come, perché fosse morto il suo bambino <…> Oh povero innocente abbandonato, senza la mamma sua accanto, senza il padre, senza nessuno, morto lí, fra mani estranee, oh Dio! oh Dio!] [Pirandello 1990, c. 499].

Обращение к слушающему персонажу может быть представлено дискурсивным предикативным выражением контроля восприятия информации. В силу интроспективности НПР эти дискурсивы часто не имеют адресата. Однако в следующем примере вопросительное *è vero?* обращено к конкретному слушателю, Джинетте, а ее реакция на вопрос передана в тексте нарратора:

> *Gli diceva che stesse bene attento <…>*. [*Sul serio, veh! non scherzava. E Ginetta <...> avrebbe abbandonato il babbo, la mamma, è vero? <...>*] *Ginetta diceva di sí* [Pirandello 1990, c. 162].

Регулятивную функцию выполняют также ДМ логического вывода, хезитативы и интенсификаторы. Еще Л. А. Соколова на материале

НПР в русском языке указывала на роль напоминающих о прежде сказанном или подводящих ему итог вводных слов или выражений при определении голоса персонажа в тексте [Соколова 1968, с. 103–105]. В итальянском языке ДМ логического вывода *insomma, dunque, comunque, del resto, in fondo* и пр. также позволяют выделить НПР из нарратива, поскольку они передают субъективную модальность высказывания, маркируя умозаключения персонажа:

> [Insomma, la verità era semplice. Questo professore <…> era proprio giusto per Emma.] Olimpia non si capacitava che finalmente sua figlia l'aveva trovato [Mazzucco 2009, c. 323].

> Drogo si mise a sedere. [Quello era dunque un rumore a ripetizione; gli ultimi tonfi non erano poi stati minori del primo, non poteva essere dunque stillicidio in via di esaurimento. Come era possibile dormire?] [Buzzati 2007, c. 33].

Как уже говорилось, многие лексические единицы приобретают дискурсивное значение благодаря их десемантизации. Например, наречие *poi* в этом примере, утрачивая временное значение, выполняет функцию оператора логического вывода.

Логический вывод может быть сделан персонажем на основе увиденного:

> Guardò macchinalmente in giro. [Che c'era dietro l'angolo della casa verde? un'altra uscita? Comunque la rete metallica era allentata in più punti, facile da scavalcare] [F&L 2008, c. 225].

Как отмечает И. В. Труфанова, ДМ логического вывода в НПР «выступают знаками синхронизации мысли персонажа и ее речевого воплощения» [Труфанова 2001, с. 135]:

> Per queste cose Contini aveva un certo istinto. [Ma che cosa avrebbe dovuto fare? Poteva tentare in ogni modo di evitare quella rapina. Ma alla fine <…> doveva essere al fianco di Jean] [Fazioli 2012, c. 110]. Lina gli aveva creduto. [D'altronde, non aveva scelta] [там же, с. 25].

Имитация спонтанной разговорной речи без отрыва от текста нарратора в конструкции НПР осуществляется также за счет включения хезитативов, которые помимо своей основной функции – указывать на проблематичность суждения – создают у читателя впечатление

отсутствия предварительного речевого планирования в тексте персонажа:

> Si ripromise di fare qualcosa per quella finestra. [<…> Chissà, forse il problema non era la finestra, ma la rondine. Forse era una rondine cieca, forse era pazza…] [Fazioli 2014, c. 36].

Эти ДМ придают высказыванию модальность ограниченного знания, которая в большинстве случаев не свойственна тексту нарратора.

ДМ неуверенности могут означать не только нехватку информации для трактовки ситуации, но и колебания персонажа при выборе ответа на волнующий его вопрос:

> Francesca bevve un po' di vino. [Quante altre coppie per evitare un litigio si buttano a parlare di volpi? Ma forse era colpa sua, forse era il suo destino quello di uscire con tipi strani] [Fazioli 2010, c. 41].

К ним же относятся интенсификаторы – вводно-модальные слова и выражения *praticamente, circa, in qualche modo, in un certo senso, a dir poco*, уменьшающие степень достоверности сообщаемого.

Дискурсивные маркеры могут усиливать точность утверждения персонажа, выражая согласие / подтверждение / разрешение или несогласие / отрицание:

> Carla si stupì ugualmente del gran numero di persone che si fermavano a comprare mazzi grandi e piccoli da portare al cimitero. [Un culto gentile, senza dubbio <…>] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 236].

> Lello rovesciò indietro la testa <…> lieto di aver dato retta a quel piccolo impulso di curiosità: [un sopralluogo inutile, da una parte, ma dall'altra… In pochi giorni <…> uno poteva abbronzarsi come un arabo <…>. E a dieci minuti, a dir tanto, dal centro] [там же, c. 244].

Для выделения предиката в отрицательных предложениях используется отрицательная частица *affatto*, причем, как видно из следующего примера, хезитативы могут сочетаться с интенсификаторами в одном высказывании, поскольку относятся к разным текстовым единицам: *forse* – ко всей пропозиции, *affatto* – только к предикату:

> Le venne il dubbio di aver intuito l'opposto della verità: [forse lui non voleva affatto invitarla a colazione <…>] [Fruttero, Lucentini 2008, c. 242].

Итак, мы рассмотрели дискурсивные единицы, маркирующие появление голоса персонажа в конструкции НПР. Выделение организаторской и регулятивной функций позволило классифицировать единицы различной частиречной принадлежности. Их роль в сложной полифонической структуре художественного текста определяется тем, что как в спонтанной разговорной речи, так и в имитирующей ее НПР, ДМ, устанавливая отношение между двумя и более составляющими дискурса, обеспечивают связность текста, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, выражают субъективную модальность высказывания персонажа, диалогизируют текст, тем самым указывают читателю на появление «чужого» голоса в нарративе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования : автореф. … д-р филол. наук. Саратов, 2016. 49 с.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно-ориентированного описания: проблема метаязыка // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Международный конгресс исследователей русского языка / Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. 20–23 марта 2007. М., 2007. 466 с.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог'2004». М. : Наука. 2004. URL : www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications.html

Соколова Л. А. Несобственно-авторская речь как стилистическая категория. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 280 с.

Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи : дис. ... д-р филол. наук. Н.-Новгород, 2001. 706 с.

Фациоли А. Как ограбить швейцарский банк / пер. Л. Харитонова. М. : Текст, 2013. 350 с.

Bazzanella C. Redundancy, repetition, and intensity in discourse // Language Sciences 33(2). 2011. P. 243–254.

Bazzanella C. I segnali discorsivi // Grande grammatica di consultazione a cura di Cardinaletti A., Renzi L., Giampaolo S. Vol. III. Bologna: Il Mulino, 2001 [1995]. P. 225–257.

Buzzati D. Un amore. Milano : Mondadori, 1997. 270 p.

Buzzati D. Il deserto dei Tartari. Milano : Mondadori, 2007. 245 p.

Fazioli A. Come rapinare una banca svizzera. Milano : TEA, 2012. 341 p.
Fazioli A. L'uomo senza casa. Parma : Ugo Guanda Editore, 2010. 264 p.
Fazioli A. Il giudice e la rondine. Parma : UGE, 2014. 126 p.
Fruttero C., Lucentini F. La donna della domenica. Milano : Mondadori, 2008. 422 p.
Khachaturyan E. Discourse markers in Romance languages // Oslo Studies in Language 3 (1). 2011. C. 95–116.
Mazzucco M. G. Un giorno perfetto. Milano : BURextra, 2009. 409 p.
Moravia A. Gli indifferenti. Milano : Bompiani, 2007. 285 p.
Pirandello L. Novelle per un anno. Milano : Mondadori, 1990. 669 p.
Radio Rai. URL : www.rai.it/dl/portaleRadio/media/ContentItem-973f7520-4863-4314-b4a8-048c91608d56.html

УДК 81'42

М. А. Викулина

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ЛЕКСЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

(на примере прилагательного «disparate»)

В статье речь идет о том, что в процессе применения законодательства судьи сталкиваются с проблемой адекватной интерпретации правовых понятий, тем более что в текстах законов присутствуют понятия и определения, допускающие неоднозначное толкование. Наибольшую сложность с точки зрения толкования представляют собой экспрессивно-оценочные лексемы, так как оценка, как правило, предполагает определенную долю субъективности, в связи с чем категория оценки представляет особый интерес для юрислингвистики. В данной статье на примере слова *disparate* (несопоставимый), а также правовых понятий *disparate treatment* (дифференцированное отношение) и *disparate impact* (дифференцированное влияние) рассматривается проблема семантических изменений, которым подвержены используемые в правовом дискурсе слова с оценочным значением; при этом во внимание принимаются как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, способствующие семантическим трансформациям. Под лингвистическими факторами понимаются языковые единицы, оказывающие влияние на лексико-семантические модификации экспрессивно-оценочных лексем, тогда как к экстралингвистическим факторам следует отнести компоненты коммуникативной ситуации и особенности правовой системы, принимаемые во внимание судом в процессе толкования правового понятия. Среди лингвистических факторов, влияющих на семантические трансформации, стоит отметить использование контекстуальных синонимов, не обладающих интенсифицированной оценкой, тогда как в качестве экстралингвистического фактора, способствующего сужению оценочного значения экспрессивно-оценочной лексемы *disparate,* выступает статистический показатель, принимаемый во внимание судами. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в результате использования статистических данных в процессе толкования правового понятия для юридического контекста оказывается нерелевантной изначальная интенсифицированная оценка слова *disparate*, зафиксированная в толковых словарях. В юридических текстах слово *disparate* используется как контекстуальный синоним слова *different* (иной, другой), являющегося нейтральным на шкале оценке и располагающегося ближе к понятию «нормы», и слова *adverse* (неблагоприятный), не содержащего значения разницы и отражающего негативный результат влияния политики работодателя. Контекстуальные синонимы «нейтрализуют» интенсифицированное оценочное значение слова *disparate*.

Таким образом, как показывает проведенный анализ текстов и словарных статей, влияние лингвистического и экстралингвистического факторов приводит к сужению семантики слова *disparate* в юридическом контексте.

Ключевые слова: толкование; оценочный стереотип; лингвистический фактор; экстралингвистический фактор; юридический текст; законодательство; интенсификация; оценочная шкала; контекстуальные синонимы; сужение значения.

M. A. Vikulina

Postgraduate student at the Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

LEXICAL AND SEMANTIC MODIFICATIONS OF EXPRESSIVE AND EVALUATIVE LEXICAL ITEMS
(an analysis of the word "disparate")

While applying laws judges face the problem of adequate interpretation of terms and definitions used in legislation, mostly owing to the fact that legislations of different countries contain legal terms and definitions that are ambiguous and leave room for interpretation. Interpretation of expressive and evaluative lexical items has long been a highly challenging problem of linguistics, especially of jurolinguistics, as the subjective nature of evaluative words often becomes a major hindrance in law implementation. This article deals with lexical and semantic modifications as exemplified by the word 'disparate' that possesses an evaluative meaning and is interpreted by judges within such legal terms as 'disparate treatment' and 'disparate impact'. As the analysis of texts and lexical entries shows, both linguistic and extralinguistic factors influence the semantics of the word 'disparate' which results in its narrowing.

Key words: interpretation; evaluative stereotype; linguistic factor; extralinguistic factor; legal text; legislation; intensification; evaluative scale; contextual synonyms; narrowing of meaning.

В процессе применения законодательства в любой стране правоприменители сталкиваются с проблемой адекватной интерпретации установленных законодательством понятий и заложенного законодателем содержания. Как отмечает Т. В. Ускова, «в последние годы, в странах, использующих англо-саксонскую систему права, появилось немало ученых, призывающих упростить английский юридический язык, сделать юридические документы более понятными любому человеку, а не только профессионалу [Ускова 2017, с. 182]. Выбор терминов на этапе проработки законопроекта, чтений и дискуссий не бывает случайным, и, тем не менее, в законодательстве любой страны

имеются понятия и определения, допускающие неоднозначное толкование, зависящее от правовой ситуации, восприятия судьи или слишком пространного определения самого понятия.

М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер считают, что «человек приступает к изучению отстоящего от него по времени текста, имея предмнение, предсуждение, предрассудок, то есть он не может быть полностью объективным, не может полностью отрешиться от груза знаний, предрассудков»[1]. Как справедливо подчеркивает Х. Рекош, «это происходит потому, что язык в сознании человека создает определенную картину мира (обыденную или научную)» [там же, с. 213]. Таким образом, при восприятии, понимании и интерпретации текста, в частности юридического, в сознании «включаются» все структуры знаний и «предрассудки», которые, по мнению Х.-Г. Гадамера, «в гораздо большей степени, чем его (человека) суждения, составляют историческую действительность его бытия» [Гадамер 1988, с. 329].

Определяя границы и источники толкования правовых текстов и ссылаясь на постулаты римского права, К. Х. Рекош особо отмечает два основополагающих принципа, озвученных в Дигестах: первый звучит как «то, что впервые устанавливается, следует определить путем толкования или путем конституции принципса», а второй – «... если дело идет о толковании закона, то прежде всего следует выяснить, каким правом пользовалось государство ранее в случаях такого рода, ибо обычай является лучшим толкователем закона» [Рекош 2011, с. 210]. Таким образом, еще в римском праве подчеркивались два важных момента: 1) толкование в юридическом дискурсе, как в континентальном, так и в англо-саксонском праве, является неотъемлемой частью применения законодательства; 2) необходима опора на обычай или на интерпретацию данного положения органами, имеющими возможность выйти за рамки буквального толкования.

Проблема толкования терминов и терминологизированных понятий в юридическом дискурсе не является новой и уже давно и тщательно изучается как юристами, так и лингвистами. Как результат, существует несколько подходов к толкованию. Так, разными учеными выделяется, во-первых, внутреннее и внешнее толкование, а также предлагается деление на телеологическое, системное, эволютивное и лингвистическое толкование.

[1] Цит. по: [Рекош 2011, с. 211].

Внутреннее толкование основывается на элементах конкретного юридического текста и ставит целью определить логику, смысл и цель авторов данного толкуемого текста. Тут важны именно лингвистические составляющие: использование времен, модальность, использование артиклей или конкретных лексических единиц. При внешнем толковании важную роль играют экстралингвистические факторы. Как отмечает Ж.-Л. Бержель, толкователи исходят из более общего принципа справедливости и совершенства закона, а также из того, что правовая норма полностью (по крайней мере, имплицитно) заложена в законодательном акте [Bergel 2001, с. 236].

Эволютивный подход к толкованию предполагает интерпретацию нормы таким образом, словно она была создана непосредственно в момент интерпретации, тогда как системный метод учитывает весь комплекс юридических текстов (законов и прецедентов) и построен на том, чтобы при достаточной лингвистической обоснованности толкование не противоречило логике правовой системы.

К. Х. Рекош считает, что «среди методов юридического толкования наиболее «объективным» по отношению к дискурсу с лингвистической точки зрения является метод «буквального» толкования, остальные же методы: телеологический (*Выяснение целевой направленности нормы права. – Прим. авт.*), системный и особенно эволютивный – являются довольно «агрессивными» в том смысле, что они оказывают радикальное воздействие на дискурс», а также, что «язык и право – единый объект, следовательно, правовой дискурс не может изучаться лингвистами в отрыве от содержания и принципов соответствующего правового отдела знания» [Рекош 2011, с. 216].

Вместе с тем, каким бы ни был подход к толкованию термина или входящего в состав правового понятия оценочного определения, в основе всегда лежат два «вектора»: лингвистический и экстралингвистический, при этом, хотя первый является базовым, ведущим, толкование идет одновременно в двух плоскостях.

В данной статье представляется целесообразным обратиться к толкованию судами слова с оценочным значением *disparate*, входящего в состав правовых понятий *disparate treatment* и *disparate impact*, которые являются основополагающими в законодательстве о дискриминации.

Правовые понятия *disparate treatment* и *disparate impact* употребляются в системе англо-саксонского права, которая, по справедливому

замечанию А. В. Леонтьевой, «основана на прецедентном праве и имеет ряд особенностей, проявляющихся в юридическом дискурсе, в котором отражается многоаспектность отношений “человек – право”» [Леонтьева 2017, с. 39].

Несмотря на то, что толкование понятий часто составляет основу для принятия судебного решения, в Статье 7 «Unlawful Employment Practices» не дается определение правовых понятий *disparate treatment* и *disparate impact*. Речь в данном нормативном акте идет, в основном, о бремени доказывания и о том, какие действия работодателя можно квалифицировать как законные или противоречащие закону (т. е. дискриминирующие). Квалификация действий работодателя (*an unlawful employment practice based on disparate impact is established... if...*) определяется как раз через понятие *disparate impact* (*a particular employment practice ... causes a disparate impact on the basis of race, color, religion, sex, or national origin*), однако в документе не содержится определения слова *disparate*. Таким образом, понимание значения этого слова и его трактовка остаются в большей степени на усмотрение суда или иных лиц, принимающих решение по делу.

Как уже отмечалось выше, толкование оценочных понятий и терминов в правовом дискурсе происходит на двух уровнях – лингвистическом и экстралингвистическом, поэтому в первую очередь суды опираются именно на «внутреннее толкование», т. е. рассматривают термин или определение непосредственно с точки зрения языкового значения, а затем уже принимают во внимание контекст, обстоятельства, систему или другие актуальные экстралингвистические факторы.

Первое, на что стоит обратить внимание в ситуациях, когда приходится иметь дело с оценочными словами, это то, что большую роль здесь играют оценочные стереотипы. Как отмечала Е. М. Вольф, «оценочный стереотип в его отношении к оценочной шкале является основным элементом, на который опирается система абсолютных оценок … следовательно, взаимопонимание возможно потому, что в «картине мира» имеется представление о том, что такое хороший / плохой слесарь, человек, хорошее / плохое состояние, настроение и т. п .... очевидно, что на шкале оценок стандартные признаки стереотипов соотнесены с зоной нормы» [Вольф 2002, с. 46].

Более того, согласно Е. М. Вольф, характерной особенностью выражения оценки является возможность ее интенсификации и

деинтенсификации, что отражает движение по оценочной шкале (как в зоне «+», так и в зоне «-») [Вольф 2002, с. 35].

Если проанализировать прилагательное *disparate* и его употребление в разных текстах с этой точки зрения, то становится очевидным, что это прилагательное расположено дальше от «нормы» в зоне «+» на шкале оценки, и, как следствие, выраженная с его помощью оценка является интенсифицированной.

Например:

- It is recognized that there are inherent difficulties in trying to link ***disparate*** planning tools and approval and practices in different entities.
- Unfortunately, however, their ***disparate and diverse*** character dilutes the collective momentum to which the Partnership gave rise in the continent.
- There are conflicting assessments and ***disparate*** approaches.
- The Assembly's first responsibility will be to draft a new constitution that can help reunify Nepal's ***disparate*** communities.

Интенсифицированность прилагательного *disparate* отражается и в толкованиях, данных в англо-английских словарях. Так, Oxford dictionary дает следующее определение *disparate*: ***essentially different*** *in kind and* ***unable to be compared****, or containing elements very different from one another*, и далее в качестве существительного *disparates* (*archaic*): *things* ***so unlike that*** *there is no basis for comparison*.

Cambridge dictionary предлагает следующее определение: *different* ***in every way*** и дает пример, конкретизирующий значение определения:

> The two cultures were so ***utterly disparate*** that she found it hard to adapt from one to the other.

Longman dictionary of contemporary English определяет *disparate* как *consisting of things or people that are* ***very different*** *and* ***not related to each other***.

Если словарь антонимов предлагает относительно нейтральные противоположные по значению слова: *agreeing, similar, uniform, equal, same, alike*, то словарь синонимов предлагает в качестве наиболее близких по значению прилагательные *contrasting, discordant, dissimilar, divergent, contrary, discrepant, distant, incommensurate, incompatible, inconsistent* и идиоматические выражения ***far cry***, ***poles apart*** и ***like night and day***, которые наилучшим образом акцентируют идею очень

сильного, «несопоставимого» различия, а следовательно интенсифицированность выражаемой данным прилагательным оценки.

Соответственно, исходя из неюридического толкования, отношение и воздействие, которые являются результатом политики работодателя, должны быть *несопоставимо* (*существенно*) разными для представителей разных социальных групп и серьезно сказываться на пострадавшей стороне.

Однако, если обратиться к контекстуальным синонимам прилагательного *disparate* в юридических текстах той же тематики, то чаще всего ими становятся прилагательные *adverse* и *different,* а также в текстах, касающихся *disparate impact* и *disparate treatment,* часто используются однокоренные с *adverse* и *different* слова:

- an employment practice that has an ***adverse impact*** on individuals within the protected age group on the basis of older age is discriminatory unless the practice is justified by a ‘reasonable factor other than age;
- It shall be unlawful for a labor organization … (2) to limit, segregate, or classify its membership, or to classify or fail or refuse to refer for employment any individual, in any way which would deprive or tend to deprive any individual of employment opportunities, or would limit such employment opportunities or otherwise ***adversely affect*** his status as an employee or as an applicant for employment, because of such individual’s age;
- It shall not be unlawful for an employer, employment agency, or labor organization (1) to take any action otherwise prohibited under subsections (a), (b), (c), or (e) of this section where age is a bona fide occupational qualification reasonably necessary to the normal operation of the particular business, or where the ***differentiation is based*** on reasonable factors other than age, or where such practices involve an employee in a workplace in a foreign country, and compliance with such subsections would cause such employer, or a corporation controlled by such employer, to violate the laws of the country in which such workplace is located;
- ***Adverse impact*** refers to employment practices that appear neutral but have a discriminatory effect on a protected group;
- ***Adverse impact*** may occur in hiring, promotion, training and development, transfer, layoff, and even performance appraisals. It may be found in an overall procedure or in any step in the overall procedure;

- ***Disparate impact*** ... refers to practices in employment, housing, and other areas that ***adversely affect*** one group of people of a protected characteristic more than another;
- An employee who makes a ***disparate treatment*** claim alleges that he or she was ***treated differently*** than other employees who were similarly situated, and that the difference was based on a protected characteristic.

В некоторых комментариях к законодательству напрямую указывается синонимичность терминов *adverse impact* и *disparate impact*:

> Adverse impact is often used interchangeably with “disparate impact” – a legal term coined in a significant U.S. Supreme Court ruling on adverse impact.

Таким образом, законодатель ставит знак равенства между *disparate, different* и *adverse*. При этом, толковые словари определяют прилагательные *adverse* и *different* следующим образом:

Adverse – preventing success or development; harmful; unfavourable: “taxes are having an adverse effect on production”, “adverse weather conditions”.

Different – **1.** Not the same as another or each other; unlike in nature, form, or quality: “you can play this game in different ways”, “the car is different from anything else on the market”. **2.** Separate “on two different occasions”.

Первое прилагательное не имеет прямого отношения к синонимическому ряду со значением «различия» и соответственно только косвенно влияет на изменение оценочности слова *disparate*, а второе является базовым для ряда синонимов определением.

Оба прилагательных *different* и *adverse* не имеют интенсифицированной эмоциональной окрашенности, как видно из толкований, более того, на оценочной шкале *different* находится в зоне нормы, тогда как *adverse* предполагает отклонение от нормы в зону «минус», но шкала оценки будет отличной от пары *different / disparate*. Тем не менее можно отметить, что контекстуальная синонимичность определений *disparate, different* и *adverse* влияет и на значение *disparate*, лишая его эмоциональной оценки и интенсификации в юридическом контексте.

Юридический толковый словарь Black’s Law Dictionary определяет термин *disparate impact* как:

the adverse effect of a facially neutral practice (esp. an employment practice) that nonetheless discriminates against persons because of their race, sex, national origin, age, or disability and that is not justified by business necessity – «***неблагоприятное воздействие*** политики работодателя, которая, на первый взгляд, кажется нейтральной, но, тем не менее, дискриминирует граждан по расовому, половому, национальному, возрастному признакам или на основании ограниченной дееспособности и не может быть оправдана с точки зрения деловой необходимости».

Иначе говоря, в словарном определении юридического понятия слово с «усиливающим» значением уже опущено. То же самое касается определения *disparate treatment*: юридический словарь определяет *disparate treatment* как:

the practice, esp. in employment, of ***intentionally dealing with persons differently*** because of their race, sex, national origin, age, or disability – «политика (работодателя), подразумевающая намеренно ***разное*** / ***дифференцированное*** отношение к гражданам на основании их расовой принадлежности, пола или ограниченной дееспособности».

Исходя из определения в толковом юридическом словаре, можно сделать вывод, что в дефиниции нашло свое отражение сужение значения слова *disparate*.

Далее остановимся на том, какие именно экстралингвистические факторы принимает во внимание судья при толковании слова *disparate*.

В деле *Ward's Cove Packing v. Antonio,* 490 U.S. 657 (1989) Верховный Суд США постановил, что истец обязан «*isolate and identify the specific employment practices that are allegedly responsible for any* ***observed statistical disparities***», т. е. вычленить и идентифицировать конкретные аспекты политики работодателя, которые приводят, по мнению истца, к ***очевидному статистическому несоответствию***, т. е. эти аспекты имеют статистически подтвержденное **неравное** влияние на положение и условия труда разных групп работников. В деле *Smith v. City of Jackson,* 544 U.S. 228 (2005) Верховный Суд подтвердил решение о применении ***статистического критерия*** и об обязанности истца доказать, что подобная разница в официальной статистике существует, и тем не менее, постановил, что, даже если истцу удастся доказать это, но ответчик сможет привести аргументы,

продемонстрировав, что эта политика оправдана и не основана на дискриминирующем факторе, например, на факторе возраста, то дело будет решено в пользу ответчика.

Таким образом, для определения *disparate* судом вводится экстралингвистический – статистический – критерий, т. е. политика работодателя будет только тогда считаться *disparate*, т. е. различной по отношению к конкретным группам лиц и дискриминирующей, когда это будет подтверждено статистически. Поскольку вину работодателя в нарушении, связанном с дискриминацией, бывает трудно доказать (умысел работодатель может легко маскировать за объективными причинами предпочтения одних работников другим), статистические данные, доказывающие, что работники, принадлежащие к определенным социальным группам, оказываются в менее выгодном положении, могут играть решающую роль в доказательстве вины. Если статистическая разница ощутима, у суда не возникнет сомнений, что подход на самом деле является дифференцированным (*disparate*) и потому дискриминационным. Однако в случаях, когда эта разница в статистике незначительна, решение о том, является ли воздействие «несопоставимым» или нет, остается на усмотрение суда, и различные судьи в зависимости от своего прошлого опыта могут применять различные критерии при определении понятия *statistical disparity*. Это подтверждается тем, что многим истцам было отказало в рассмотрении иска о дифференцированном воздействии в суде округа Джэксон, штат Орегон (суде первой инстанции для дела *Smith v. City of Jackson*, 544 U.S. 228 (2005)). Суд назвал следующие основания для отказа в рассмотрении дела:

> (1) failure to isolate and identify a specific employment practice that caused a disparate impact; (2) ***absence of <u>sufficient</u> statistics to support their claims***; and (3) failure to identify a protected group affected by the alleged discriminatory practice or policy).

То есть предоставленные аргументы – статистические показатели – не воспринимались судьей как ***достаточные*** для того, чтобы соответствовать понятию «несопоставимый».

Таким образом, несмотря на спорность представлений о достаточности или недостаточности статистических данных, при рассмотрении дела для правоприменителей на первый план выходит именно

экстралингвистический фактор, а лингвистическое определение правового понятия в данном случае уже не нуждается в том «усиливающем» слове, которое встречается в неюридических словарях, так как релевантным для дела становится именно ***просто «разное» отношение*** (***внутреннее толкование***), ***подтвержденное статистическим показателем*** (***внешнее толкование***). Именно это сужение семантики *disparate* находит свое отражение в определении юридического понятия (т. е. усиление, выраженное словами *very*, *too*, *essentially*, *in every* way в неюридических словарях, уходит, и, как результат, само слово становится менее эмоциональным, а его применимость к ситуации зависит от экстралингвистического, т. е. ***статистического***, фактора).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.

Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Леонтьева А. В. Судебный нарратив в аспекте полимодальности: анализ жестов в речи // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 1 (768). С. 38–47.

Рекош К. Х. Влияние толкования на правовой дискурс // Вестник МГИМО. 2011. № 6. URL : file:///C:/Users/Мария/Downloads/vliyanie-tolkovaniya-na-pravovoy-diskurs.pdf

Ускова Т. В. Типичные трудности использования английского юридического языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 182–188.

Bergel J.-L. Methodologie juridique. Paris : PUF, 2001. 454 p.

Black's Law Dictionary. URL : thelawdictionary.org/

Cambridge dictionary. URL : dictionary.cambridge.org/

Civil Rights Act 1964. Title VII «Unlawful Employment Practices».

Longman dictionary of contemporary English. URL : www.ldoceonline.com/dictionary/disparate

Oxford dictionary. URL : en.oxforddictionaries.com/

Smith v. City of Jackson, 544 U.S. 228 (2005).

Ward's Cove Packing v. Antonio, 490 U.S. 657 (1989).

УДК 811.11

Т. С. Ларина

преподаватель каф. немецкого языка МГИМО МИД России;
e-mail: Tanusik9209@gmail.com

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ

На материале немецкоязычных общественных знаков, которые могут быть рассмотрены в качестве поликодовых текстов, в статье выделяются и анализируются различные типы директивных речевых актов (ДРА). Поскольку фактура поликодового текста негомогенна и включает в себя как вербальную, так и невербальную часть, в работе исследуются особенности взаимодействия вербальных и невербальных средств в составе выделенных типов (далее – ДРА) в немецкоязычном языковом пространстве. Невербальные средства важны для адекватной интерпретации текста, так как они не только преследуют цель создания оригинального текста, но и используются для того, чтобы сделать структуру текста наглядной, а его содержание понятным для всех. С помощью контекстуального анализа, используемого для установления функциональной специфики слов и их значений, определяются условия реализации ДРА в зависимости от контекстуального окружения, а также условия успешности рассматриваемых видов ДРА в коммуникации. В работе проводится детальная каталогизация типов ДРА, входящих в корпус настоящего исследования. При помощи статистического метода подсчета устанавливается частотность использования определенных типов ДРА в общественных знаках Германии и Австрии, выделяются их общие и вариативные черты, объясняется отсутствие или слабая представленность некоторых типов ДРА в немецкоязычных общественных знаках. Исследуемые общественные знаки делятся на две группы – иконические знаки и символы. Анализу подвергаются только общественные знаки, являющиеся по своей природе знаками-иконами; знаки-символы из анализа исключаются, так как являются конвенциональными и не имеют видимой связи между знаком и объектом. Составляется базовый список ДРА, встречающихся в общественных знаках Германии и Австрии и являющихся неотъемлемой частью немецкоязычной лингвокультуры. Анализ прагматического контекста позволяет определить не только набор факторов, влияющих на выражение волеизъявления говорящего, но и характер речевых актов и их приемлемость в данной ситуации с точки зрения слушающего.

Ключевые слова: немецкоязычный общественный знак; директивный речевой акт; поликодовый текст; анализ прагматического контекста.

T. S. Larina
Lecturer of the German Language Department, MGIMO University;
e-mail: Tanusik9209@gmail.com

DIRECTIVE SPEECH ACTS IN GERMAN PUBLIC SIGNS

The article considers various types of directive speech acts in German public signs, which are regarded as creolized texts. The aim of the paper is to single out certain types of directive speech acts, to analyze their expressive means and their linguocultural aspects, to single out certain models of implementation of the analyzed directive speech acts. Various directive speech acts are compared, common features and differences, as well as conditions of their successful functionality in communication are highlighted. Verbal and non-verbal means of implementation of directive speech acts in German public signs and their interaction are explored. The relevance of this study is conditioned by the importance of determining special features of different types of directive speech acts that secure successful intercultural communication.

Key words: German-speaking public sign; directive speech act; creolized text; the analysis of pragmatic context.

Немецкоязычная лингвокультура часто ассоциируется с понятием «порядок», именно поэтому в Германии и Австрии можно встретить большое количество общественных знаков. Актуальность данной научной работы заключается в необходимости исследования вербальных и невербальных средств выражения отдельных типов директивных речевых актов (далее – ДРА) в поликодовом тексте, так как комбинация изобразительного и вербального компонента в поликодовом тексте не составляет сумму семиотических знаков, а образует сложный смысл.

Центральное место в речевом акте занимает иллокуция, тип речевого воздействия. По мнению В. И. Карасика, наиболее важным признаком для выделения того или иного типа речевого действия является интенция говорящего. «Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции» [Карасик 2002]. Но существует тип речевых актов, для которых воздействие на партнера является ведущей характеристикой. Рассмотрим подробнее директивы как тип речевых актов. Правильное понимание языковых средств, выражающих директивность в немецкоязычной лингвокультуре важно, в противном случае можно иметь дело с прагматическими последствиями. Тем не менее часто на нашу коммуникацию воздействуют не языковые, а невербальные средства,

особенности взаимодействия которых в рамках поликодового текста мы будем рассматривать в данной статье.

Целью исследования является выявление лингвокультурных особенностей ДРА, используемых в немецкоязычных общественных знаках. Для реализации поставленной цели исследования был сформулирован ряд задач: выделить типы ДРА, используемых в немецкоязычных общественных знаках; сравнить ДРА, используемые в немецкоязычных общественных знаках; выделить наиболее употребительные языковые средства для реализации данных ДРА; проанализировать модели реализации выделенных ДРА; рассмотреть немецкоязычные общественные знаки как поликодовые тексты и исследовать особенности взаимодействия вербальных и невербальных средств для реализации выделенных ДРА; охарактеризовать значимость используемых в общественных знаках ДРА для реализации успешной коммуникации.

Теоретическую основу исследования составили работы зарубежных и отечественных исследователей, занимавшихся вопросами речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Т. А. Ван Дейк, В. И. Карасик, Е. И. Беляева, М. Д. Городникова, Д. О. Добровольский) и поликодовых текстов (А. Г. Сонин, Е. Е. Анисимова).

В качестве материала исследования были выбраны немецкоязычные общественные знаки, которые могут быть рассмотрены в качестве поликодовых текстов. Поликодовыми текстами являются тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к знаковым системам, отличным от системы естественного языка) [Сорокин, Тарасов 1990]. В современном мире отчетливо прослеживается тенденция включения невербальных средств в текст, вследствие чего текст становится поликодовым. В ходе исследования были отобраны и проанализированы 225 немецкоязычных общественных знаков. Так как все выделенные знаки содержат ДРА, целесообразно дать определение термина ДРА.

В самом общем виде директивный речевой акт представляет собой выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата, что означает, что в логической структуре директивного речевого акта есть компонент воли – Да будет так! [Беляева 1992]. Прагматическая теория приписывает каждому высказыванию

статус определенного речевого акта. Для верной идентификации ДРА и восприятия адресатом *приказа* именно в качестве *приказа*, *угрозы* в качестве *угрозы* и так далее, адресату необходимо владеть информацией о разных типах ДРА. Руководствуясь синтаксическим, семантическим и коммуникативно-прагматическим принципами, ученые выделяют следующие виды ДРА: *приказ, просьба, мольба, приглашение, распоряжение, совет, разрешение, запрет, наказ, завет, убеждение, упрашивание, инструкция, предложение, предписание, заказ, требование, команда, наставление, принуждение, заклинание, рекомендация, запрос совета, запрос разрешения, увещевание, призыв, указание* [Петрова 2008].

Классификация общественных знаков, входящих в корпус нашего исследования, позволила провести более детальную каталогизацию ДРА. Статистический метод подсчета помог установить частотность использования определенных типов ДРА в немецкоязычных общественных знаках. Таким образом, нами были выделены следующие виды ДРА в составе немецкоязычных общественных знаков: *запрет*, *предупреждение*, *просьба*, *приказ*, *угроза*. Составив базовый список ДРА, встречающихся в немецкоязычных общественных знаках и являющихся неотъемлемой частью немецкоязычной лингвокультуры, мы определили принципы их классификации и дали им характеристику. Анализ прагматического контекста позволил определить характер речевых актов и их приемлемость в данной ситуации с точки зрения слушающего, а с помощью контекстуального анализа, используемого для изучения функциональной специфики слов и их значений, были определены условия реализации ДРА в зависимости от того или иного контекста. Мы провели анализ примеров ДРА и к таким факторам, как *свобода выбора у адресата, заинтересованность / бенефактивность, статус / приоритетность, выполнение действия, среда, обусловленность, нормативность* [Петрова 2008] был добавлен ряд дополнительных факторов, изложенных в таблице 1.

В проанализированных 225 немецкоязычных общественных знаках находят свое отражение следующие типы ДРА: *запрет* (130), *предупреждение* (61), *просьба* (23), *приказ* (10), *угроза* (1). Как видно из статистических подсчетов, наибольшей популярностью в Германии и Австрии (были проанализированы общественные знаки этих двух стран) пользуются именно запрещающие знаки. В число

Таблица 1

ДРА / Факторы	**Категоричность побуждения**	**Обязательность исполнения**	**Заинтересованность адресата**	**Прагматические последствия для адресата**	**Употребление жестов без словесного сопровождения**	**Сопротивление адресата**	**Обстановка (оф.\ неоф.)**	**Социальный статус адресанта (высокий (в), низкий (н), равен (р))**
Просьба (Bitte)	-	-	-	-	+	+\-	оф. / неоф.	в, н, р
Требование / приказ (Forderung / Befehl)	+	+	+	+	-	-	оф.	в
Предупреждение / предостережение (Warnung)	+\-	-	+	+	+	-	оф. / неоф.	в, р
Угроза (Drohung)	+	+\-	-	+	+	-	неоф.	в
Запрет (Verbot)	+	+	+	+	+	-	оф./ неоф.	в

130 запрещающих знаков входят 56 знаков, в которых отсутствует вербальная составляющая. Запрет представлен исключительно в виде знака-символа. Согласно Ч. Пирсу, символ не имеет видимой связи между знаком и объектом, он конвенционален, т. е. люди договорились между собой о его трактовке [Mersch 1998]. Поскольку для настоящего исследования важно изучение взаимодействия вербальной и невербальной составляющих, целесообразно будет остановиться на 74 запрещающих знаках, в которых представлена как вербальная, так невербальная части. Таким образом, число запретов (74) и число предупреждений (61) в немецкоязычных общественных знаках приблизительно одинаково.

ДРА представлены широким спектром лексических единиц. Остановимся на базовых единицах и рассмотрим лексемы выделенных нами типов ДРА согласно немецкому толковому словарю DUDEN [DUDEN Wörterbuch]:

1. Verbot: Befehl, Anordnung, etwas Bestimmtes zu unterlassen (*запрет: приказ, предписание, прекратить что-либо делать*).
2. Warnung: Hinweis auf eine Gefahr (*предупреждение: указание на опасность*).
3. Bitte: an jemanden gerichteter Wunsch (просьба: желание, направленное на кого-либо).
4. Befehl: mündlich oder schriftlich gegebener Auftrag, der genau befolgt werden muss; Anordnung eines Vorgesetzten, einer höheren Instanz (*приказ: обязательное к исполнению, устное или письменное поручение; распоряжение начальника или высшей инстанции*).
5. Drohung: Versuch, jemanden durch Gesten oder nachdrückliche Worte einzuschüchtern, damit er etwas nicht zu tun wagt (*угроза: попытка запугать адресата жестами или настойчивыми словами так, чтобы адресат не решился выполнить какое-либо действие*).

Из сравнения данных лексем, а также характеристик ДРА в вышеприведенной таблице, следует вывод о том, почему так редко в общественных знаках встречается, например, *угроза*. Общественный знак не имеет цели запугать адресата. К тому же, *угроза*, как правило, реализуется в ситуациях неофициального общения, и при ее выражении должен существовать альтернативный план действий.

Соответственно, те общественные знаки, которые, на первый взгляд, выглядят как *угроза*, являются по своей сути лишь *предупреждением* (62).

Очень схожими по своему лексическому значению являются ДРА *приказ* и *запрет*. Они оба являются категоричными требованиями, исполнение которых является обязательным, в противном случае со стороны адресанта могут последовать санкции. Но, в отличие от *приказа*, *запрет* является требованием **не** выполнять какое-либо действие. Казалось бы, можно было бы *попросить*, а не *приказать* или *запретить* выполнить или не выполнить какое-либо действие. Однако *просьба* не является столь категоричной, а исполнение действия, подразумеваемого *просьбой*, не является обязательным. Таким образом, исчезает сама необходимость создания общественного знака с *просьбой*, направленной на то, что, по сути, выполнять не обязательно. В немецкой лингвокультуре все же встретились общественные знаки с выражением данного типа ДРА (23). Это значит, что адресант всё же надеется на понимание со стороны адресата и не считает нужным требовать что-либо в категоричной форме. Требование сделать что-либо в категоричной форме, т. е. *приказ*, встретилось лишь на 10 общественных знаках. В 74 случаях это все же было требование **не** выполнять действие, т. е. *запрет*.

Не всегда вышеперечисленные типы ДРА встречаются в общественных знаках в чистом виде. Очень часто они представляют собой смешение двух типов, как, например, *запрет-просьба* (*Um Gottes Willen, machen Sie das nicht!*) или *запрет-допущение* (*Parken nur für Besucher des Schlossmuseums und Restaurants!*) или *предупреждение-угроза* (*Wir warnen Sie zum letzten Mal!*). Чтобы верно интерпретировать тип ДРА в общественном знаке, необходимо иметь представление о моделях разных типов ДРА, чаще всего используемых в общественных знаках.

Различные аспекты побуждения к действию также могут быть выражены посредством междометий или междометных единиц, которые способны выступать в качестве функциональных эквивалентов перформативных высказываний [Анищенко 2006], тем не менее в процессе анализа установлено, что междометия и соотносительные с ними языковые единицы не находят свое отражение в немецкоязычных общественных знаках.

Для ДРА *запрет* характерны следующие модели:

– конструкции с перформативными глаголами для выражения запрета (*Eintritt verboten!*);
– императив + *nicht* (*Nicht betätigen bevor der Zug halt!*);
– инфинитив глаголов со значением «завершить действие» (*Stehenbleiben!*);
– пассивные конструкции (*Hier wird nicht geraucht!*);
– ограничительная модель «nur» (*Parken nur mit Berechtigungskarte!*);
– модель «kein» (*Kein Eintritt!*).

Для ДРА *просьба* характерна модель:

– инфинитив + *nicht* (*Bitte verzichten Sie auf das Rauchen!*).

Предупреждение выражается следующим образом:

– пассивные конструкции (*Hier wird abgeschleppt!*);
– слова-предостережения (*Achtung! Vorsicht! Lebensgefahr!*).

Приказ находит свое отражение в общественных знаках в форме инфинитива (*Einfahrt freihalten!*).

Угроза характеризуется словами, указывающими на прагматические последствия в случае невыполнения действия адресатом (*kostenpflichtig*).

Невербальные средства важны для интерпретации текста. Они используются не только с целью создания оригинальности, но также для того, чтобы сделать структуру поликодового текста наглядной и понятной для всех [Анисимова 1999]. Во время декодирования текста, содержащего изобразительный компонент, восприятие текста реципиентом сужается. Проанализированные в ходе исследования поликодовые тексты (225 немецких общественных знака) можно классифицировать по типам взаимосвязи изображения и текста.

1. Взаимосвязь, доминантой которой является текст

В 82 поликодовых текстах на первый план выходит вербальная составляющая. Изображение является тем элементом, который делает текст нагляднее. Примером данной взаимосвязи может послужить следующий запрещающий знак (см. рис. 1), где прослеживается взаимодействие вербальных и невербальных компонентов.

Рис. 1

Рис. 2

Цвет, шрифт, расположение текста, рамка – всё имеет большое значение. Красный цвет контрастирует с белым фоном, что привлекает внимание к знаку, так как текст становится более наглядным. Знак содержит информацию о том, что путь возможен только в исключительных случаях, иначе следует опасаться денежного штрафа. Перформативный глагол *verbieten* в сочетании с контрастными цветами делают запрет категоричным.

2. Взаимосвязь, доминантой которой является изображение

Рис. 3

В 42 проанализированных поликодовых текстах доминантным является изображение. Изобразительный и вербальный компоненты выражают одно и то же, но на первый план выходит изображение. Текст уточняет или поясняет изображение (см. рис. 2, 3). Символы, содержащиеся в данных запрещающих знаках, являются международными. Они общеприняты и понятны во всех культурах. Текст уточняет символы, хотя эти символы могли бы существовать и без текста. Строго сформулированный запрет выражается здесь перформативным глаголом *verbieten*, а также моделью с частицей *nicht*.

3. Взаимно-однозначная взаимосвязь

45 поликодовых текстов представлены взаимно-однозначным типом связи. При данном типе взаимосвязи вербального и невербального

компонента как текст может быть не понятен без изображения из-за его многозначности, так и изображение может быть не понятно или же неправильно истолковано при отсутствии текста (см. рис. 4) [Анисимова 1999]. Символ на этом запрещающем знаке является общепринятым и мог бы существовать и без текста. Текст уточняет изображение. При отсутствии вербального компонента сам символ означал бы, что курение запрещено на всей территории здания, а не в данном конкретном месте. Это строго сформулированный запрет, который мог бы быть неправильно истолкован при отсутствии текста.

В ходе анализа директивных речевых актов в немецких общественных знаках, удалось выявить, что директивные речевых акты, в большинстве своем, выражены эксплицитно. Это связано с тем, что они должны иметь четкую и ясную структуру, чтобы быть понятными для всех. Следовательно, одной из выделенных нами лингвокультурных особенностей немецкоязычных общественных знаков является их эксплицитный характер. Из всех типов ДРА в немецкоязычных общественных знаках встречаются лишь некоторые из них: *запрет*, *предупреждение*, *просьба*, *приказ*, *угроза*. Иными словами, в немецкоязычных общественных знаках преобладают ДРА, которые являются категоричными побуждениями (за исключением *просьбы*), не вызывают сопротивление со стороны адресата, реализуются в основном в официальной обстановке среди людей с разным социальным статусом, а невыполнение действия, предписанного одним из выделенных ДРА (за исключением *просьбы*) может привести к прагматическим последствиям для адресата. Отсутствие знаков, содержащих ДРА *угрозы,* обусловлено тем, что адресант не преследует цель запугать адресата. Преобладание в немецкоязычных общественных знаках ДРА *просьбы* (23) над *приказом* характеризуется тем, что адресант не считает нужным требовать что-либо в категоричной форме, а надеется на понимание со стороны адресата. Тот факт,

Рис. 4

что тот или иной ДРА не всегда встречается в чистом виде, говорит о том, что для немецкоязычной культуры не всегда характерна та степень категоричности, которая проявляется во многих общественных знаках. Очень часто категоричный запрет превращается в менее категоричный запрет-просьбу или запрет-предупреждение.

Из 130 запрещающих знаков 56 знаков являются символами и без труда воспринимаются изолированно от вербальной составляющей. Предупреждения же в свою очередь не встречаются в виде знаков-символов. Они всегда представляют собой сочетание вербального и невербального, так как не могут однозначно быть интерпретированы в случае отсутствия того или иного элемента, будь то изображение либо текст. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изобразительный и вербальный компоненты в поликодовом тексте не составляют сумму семиотических знаков. Их взаимосвязь образует сложный смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимова Е. Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте : учебное пособие по интерпретации текста. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. 148 с.

Анищенко А. В. Функциональный аспект междометных единиц (на материале современной австрийской художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 124–133.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция//Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

DUDEN Wörterbuch [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.duden.de (дата обращения 21.07.2018).

Mersch D. Zeichen über Zeichen. Texte zur Semiotik von Peirce bis Eco und Derrida. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1998. 299 s.

УДК: 81’373.46

А. В. Леонтьева

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
аспирант Свободного университета Амстердама,
факультета гуманитарных наук; e-mail: lentevanja27@gmail.com

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЖЕСТОВ В СУДЕБНОМ АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В статье на материале американского судебного дискурса рассматривается взаимодействие между субъектом аргументации и адресатом аргументации, т. е. представителем обвинения и судом присяжных в рамках первого судебного этапа – вступительной речи. Говорящий представляет свою версию произошедшего в виде монолога с целью завоевать доверие слушающих, привлечь их на свою сторону и убедить в правдивости предоставляемых событий. В процессе вступительной речи говорящий даёт установку присяжным с помощью различных речевых тактик, убеждая их в своей правоте и используя как вербальные, так и жестовые средства. Материалом для анализа послужило выступление прокурора Мартинеса по делу Джоди Энн Ариэс, которая обвинялась в особо тяжком преступлении – убийстве своего бывшего молодого человека Трэвиса Алекзандра. Время выступления составляет 1 час 09 минут 41 секунду. Был проведен анализ тактик говорящего, а также небольшой корпусный анализ лексических средств на базе Корпуса современного американского английского языка (далее COCA). Актуальность данной работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа как вербальной, так и невербальной стороны используемых тактик. Обе составляющие рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, в частности теории концептуальной интеграции. Данная теория основывается на понятии ментальных пространств, которые являются инструментом для анализа построения значений в дискурсе обвинения, так как моделируют семантические процессы на когнитивном уровне. Развертывание ментальных пространств происходит в процессе выступления говорящих и одновременно в процессе восприятия информации слушающими. Активация таких пространств происходит с помощью языковых и неязыковых средств, используемых во время выступления, что позволяет ему влиять на мнение присяжных и приговор. В процессе анализа было отмечено, что значительная часть выступления уделяется описанию непосредственно самого преступления: событиям, времени и месту. Для описания такого ключевого события говорящий использует определенные лексические и жестовые средства. Вербальные и невербальные компоненты речи вместе образуют ментальное пространство «преступление», которое реконструирует картину событий, произошедших в прошлом, непосредственно перед слушающими. Анализ также показал большое количество репрезентативных жестов, которые участвуют в создании таких пространств. Репрезентативные жесты иконически изображают объекты, события и их свойства. В процессе анализа было выявлено, что данные жесты выполняют комплиментарную или усилительную функцию по отношению к информации,

передающейся вербально. Интеграция вербального и жестового пространств образует бленды, лежащие в основе нескольких пересекающихся тактик: смены перспективы, эмоциональной настройки и построения образов участников – образа жертвы и образа преступника. Все перечисленные тактики способствуют созданию эффекта эмпатии за счет слияния точек зрения говорящего на вербальном уровне и перспективы жертвы на жестовом.

Ключевые слов: юридический дискурс; судебный дискурс; аргументативный дискурс; невербальная коммуникация; ментальное пространство; перспектива; жест.

A. V. Leonteva

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
PhD student, Free University of Amsterdam, Faculty of Humanities;
e-mail: lentevanja27@gmail.com

COGNITIVE-PRAGMATIC ANALYSIS OF GESTURE USE IN COURT PERSUASIVE DISCOURCE

The present study of American court discourse focuses on the interaction between the subject and the object of argumentation or between the prosecutor and the jury during the very first step of a trial – the opening statements. The speaker presents his version of the past events as a monologue in order to gain the trust of the listeners, to take his side and to convince them in the credibility of the presented events. During the opening statements the speaker "tunes" the jury using different tactics. He proves convinces them using various verbal and gesture means. The analyzed material is 1 hour 9 minutes 41 seconds video of the opening statements of the prosecutor Martinez, from the infamous case of Jodi Ann Aries. The defendant was accused of killing her ex-boyfriend Travis Alexander. We performed the analysis of the tactics used by the speaker and also a brief analysis of the lexical units based on Corpus of Contemporary American English (COCA). The present work is salient as it analyzes tactics used in court not only from verbal, but also from nonverbal point of view. Both constituents are analyzed in terms of cognitive-discourse paradigm, in particular in terms of the conceptual integration theory. The theory is based on the notion of mental spaces which serve as an instrument to analyze the means of meaning constructions in prosecution discourse as they profile semantic processes on the cognitive level. The expansion of mental spaces happens both during the speech process as well as during the perception process of that speech by the audience. Such spaces are activated with the help of verbal and nonverbal means used during the speech. This process enables the speaker to influence the jury's opinion and, as a result, the verdict. The analysis showed, that the most part of the speech is devoted to the description of the crime itself: its events, time and place. In order to describe this key event the speaker uses specific lexical and gestural means. The analysis also showed quite a large number of representative gestures, which are used to construct such spaces. The representative gestures iconically reflects objects, events and their characteristics. It was also elicited that such gestures can have complimentary or highlighting functions in respect to the

verbal information. The integration process of verbal and nonverbal spaces creates blends which serve as a basis for several overlapping tactics: the shift of perspective, emotional setting and participants image generation – the image of the victim and of the criminal. All the mentioned tactics contribute to empathy effect created with the merge of standpoints of the speaker on the verbal level and of the victim on the nonverbal level. The elicited processes allow the speaker to manipulate the jury's attitude, encourage sympathy towards the victim and provoke negative feelings in relation to the defendant.

Key words: law discourse; court discourse; argumentation discourse; nonverbal communication; mental space; perspective; gesture.

Введение

Внимание лингвистов к употреблению языка в институциональных контекстах привело к появлению нового направления – юрислингвистики, занимающейся особенностями взаимодействий языка и права. С 1970–1980-х гг. в судах начинает использоваться лингвистическая экспертиза, которая также привлекает внимание ученых к феномену судебного дискурса, его аргументативных стратегий и языковых средств их реализации. В настоящее время отмечается, что юридическая аргументация имеет ряд особенностей: она обладает коммуникативной направленностью, обоснованностью, персуазивностью, наличием спорной ситуации и конфликта. В рамках судебной аргументации используются разнообразные риторические приемы, логические ходы, вещественные доказательства и другие методы убеждения [Бачалиашвили 2013], к которым прибегают участники аргументации. Необходимо отметить, что к последним относятся не только выступающие, приводящие те или иные доказательства и доводы – активные участники аргументации, но и слушающие, которые дают оценку приводимым доводам – пассивные участники аргументации. К. В. Чуешов разделяет участников судебной аргументации на субъектов – аргументирующих лиц, приводящих доводы в защиту своей позиции, и объектов – лиц, которым данные аргументы адресованы [Чуешов 2008]. Другие исследователи выделяют аргументаторов – лиц, которые обосновывают тезис, и реципиентов – лиц, для которых такой тезис обосновывается [Тимофеева 2005].

Участники судебной аргументации различаются не только по принципу «продуцент – реципиент», но и в зависимости от распределения

институциональных ролей. По мнению В. И. Кириллова и А. А. Старченко, в ходе судебного дискурса в силу его инстуциональности происходит четкое разграничение функций. Участники делятся на пропонентов – лиц, выдвигающих тезис; и оппонентов – лиц, выражающих несогласие с позицией противоположной стороны или аудитории [Кириллов, Старченко 2007]. К. В. Карагин, в свою очередь, определяет состав участников, выделяя субъекта аргументации, приводящего аргументы с целью убеждения в правильности занимаемой позиции, с целью принятия решения в пользу представляемой им стороны; адресата аргументации, на которого направлено воздействие субъекта и его доводы; а также лиц, способствующих юридической аргументации. В рамках судебных заседаний по особо тяжким делам в США участвующие адвокат защиты и прокурор являются субъектами аргументации, главная задача которых – убедить в своей правовой позиции, в соответствии с которой подбираются аргументы с целью привлечь на свою сторону адресата аргументации, иными словами суд присяжных, от которого зависит исход дела [Карагин 2013]. Лицами, способствующими аргументации, в рамках данной судебной системы являются потерпевшие, свидетели, медицинские эксперты, а также судья, задачей которого является лишь поддержание порядка и обеспечение правовой консультации присяжных.

В статье на материале американского судебного дискурса будет рассмотрено взаимодействие между субъектом аргументации (адвокатом обвинения) и адресатом аргументации (судом присяжных в рамках вступительной речи. Выступающий представляет свою версию произошедшего в виде монолога. Цель такого монолога – завоевать доверие слушающих, привлечь их на свою сторону. В процессе вступительной речи говорящий дает установку присяжным с помощью различных тактик, убеждая их в своей правоте и используя как вербальные, так и жестовые средства.

Материал анализа и методы исследования

Речевые тактики, используемые адвокатами в судебных процессах, давно являются предметом изучения в лингвистике. Однако внимание, в основном, уделялось лишь вербальному аспекту судебных тактик, в то время как значительная часть информации в процессе коммуникации передается и на невербальном уровне,

особенно с помощью жестов. Мы полагаем, что жесты, используемые говорящими, могут выполнять несколько функций: 1) комплиментарную, так как содержат в себе дополнительную информацию; 2) усилительную, фокусируя внимание аудитории на определенных выражениях.

Материалом анализа послужило выступление прокурора Мартинеса по делу Джоди Энн Ариэс, которая обвинялась в убийстве своего бывшего партнера, Трэвиса Александра. Видео взято с электронного ресурса YouTube и находится в открытом доступе. Время выступления составляет 1 час 09 минут 41 секунду. Анализ видео состоит из двух этапов: 1) анализ тактик, используемых выступающим; 2) корпусный анализ.

В статье вербальная и невербальная составляющие речи и анализ аргументативных тактик говоряших рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, в частности, теории концептуальной интеграции, которая интерпретирует дискурс как последовательное развертывание ментальных пространств [Fauconnier 1985, 1994; Turner, Fauconnier 1998; Fauconnier, Sweetser 1996] – когнитивных структур (сценариев), содержащих репрезентации реальности, которые мгновенно возникают в уме реципиентов при восприятии дискурса [Fauconnier 1994].

Понятие ментальных пространств рассматривается как инструмент для анализа построения значений в дискурсе обвинения, который позволяет смоделировать семантические процессы на когнитивном уровне. Мы исходим из того, что ментальные пространства активируются языковыми средствами, которые также указывают на определенные компоненты ментальных пространств: участников, их действия, оценочные характеристики. В данном случае структурирование ментальных пространств будет рассмотрено на примере репрезентации событий, а именно – репрезентации сцены преступления выступающим. Таким образом, в судебном дискурсе развертывание ментальных пространств происходит в процессе выступления говорящих и, одновременно в процессе восприятия данных историй слушающими. Благодаря указанному процессу выступающие, представители защиты и обвинения, влияют на то, как присяжные заседатели воспринимают произошедшее, следовательно, влияя и на исход дела и вынесения приговора. В силу этого для аргументативного судебного

дискурса важно то, с чьей точки зрения (перспективы) выстраиваются ментальные пространства (в том числе бленды).

В процессе анализа было отмечено, что особое внимание во вступительных выступлениях в суде уделяется описанию преступления, места, времени и обстоятельств свершения. Преступление классифицируется в зависимости от его жертвы: в американской судебной системе различаются преступления против личности (crime against an individual), общества (crime against Government/State) или всего человечества в целом (crime against Humanity) [Евтушок 2004]. В данной статье будут рассмотрены выступления на суде по особо тяжким преступлениям против личности: убийству и покушению на убийство. Во время вступительной речи характеристика и описание преступления дается выступающими – представителями защиты или обвинения, которые преследуют противоположные цели, что оказывает влияние на то, как конструируются события. Задача стороны государственного обвинения – убедить присяжных в виновности подсудимого и назначить ему максимальную меру пресечения, в то время как стороне защиты необходимо доказать невиновность своего клиента, добиться оправдательного приговора.

Аргументативные тактики выступлений в суде: результаты полимодального анализа

Анализ видеозаписей показал, что достичь поставленной задачи в суде можно различными способами при условии оказания воздействия на присяжных слушателей. Такое воздействие возможно за счет влияния на когнитивную область индивида – область взаимодействия живых систем, которая не обладает четко обозначенными границами и может расширяться за счет размышлений, общения с другими людьми и открытия своего личного пространства для другого человека, который может существовать рядом с индивидом [Матурана, Варела 2001; Евтушок 2004]. Отсюда следует, что, выступая в непосредственной видимости присяжных с монологом, т. е. осуществляя процесс коммуникации, говорящий оказывает влияние на когнитивную область слушающих, расширяя ее различными манипуляциями, способами и средствами. Но какими именно способами оказывается данное влияние и на чем оно основывается?

Одним из способов манипуляции и оказания влияния на слушателей является использование речевых жестов и подбора лексических

средств выступающими при описании непосредственного акта преступления. Вербальная и невербальная составляющие судебного нарратива вместе образуют ментальное пространство «преступление» с целью воссоздания картины произошедшего преступления.

Как отмечает Ж. Фоконье, ментальные пространства моделируют механизмы языкового понимания. В их основе лежит понятие референции как связи между объектами, относящимся к разным когнитивным областям. Референция с помощью языкового выражения, называющего один объект, предоставляет говорящему доступ и к другому объекту.

Языковое выражение выступают в роли инструкции, в соответствии с которыми осуществляется ментальное конструирование ситуаций: реальных, предполагаемых или вымышленных. Из этого следует, что ментальное пространство являет собой сценарий конкретной ситуации, а не абстрактный домен [Fauconnier 1985]. Автор определяет ментальные пространства как «небольшие концептуальные области, которые конструируются в процессе мышления и говорения в целях локализованного понимания и действия» [Fauconnier 1985, с. 3]. Таким образом, ментальные пространства, генерируемые в процессе повествования во вступительной речи, воссоздают определенную картину событий, произошедшую в прошлом. Другими словами, говорящий предоставляет свой сценарий случившегося с помощью определенных языковых выражений. Так, например, при описании преступления происходит интеграция нескольких ментальных пространств, а именно – реального события в прошлом и его репрезентации в актуальный момент речи.

Рассмотрим процесс концептуальной интеграции на примере вступительной речи по делу Джоди Ариэс. Данная речь является сложным поэтапным дискурсом. Развертывание событий происходит постепенно и с некоторыми комментариями говорящего. В рамках судебного выступления конструируются следующие пространства: пространство актуальной реальности – непосредственный момент выступления говорящего, в данном случае прокурора; пространство зала заседания; пространство совершенного преступления; пространство субъективной оценки прокурора; а также пространство фактического дискурса, которое делится на два подпространства: вербальное и невербальное (жестовое). За исключением пространства совершенного

преступления, все указанные пространства являются актуальными, так как относятся к реальным событиям, происходящим непосредственно в зале заседания. Пространство совершенного преступления относится к прошлым событиям. В процессе интеграции данные пространства создают бленд «преступление», которое выстраивается с определенной точки зрения (перспективы). При этом, как показал анализ, именно жесты оказываются теми единицами, которые указывают на смену перспективы. Далее рассмотрим одно из указанных пространств, а именно – невербальное (жестовое) пространство и его роль в создании бленда.

В процессе работы над видеоматериалом было отмечено большое количество репрезентативных жестов, которые иконически изображают объекты и события, а также их свойства. Такие жесты несут в себе информацию, комплементарную по отношению к информации, содержащейся в речи [McNeill 1992].

Рассмотрим несколько фрагментов из вышеуказанного видеоматериала.

Рис. 1. …[whatever is going on] ... his defenses are down…

Рис. 2. …[and began to stab him] when he was in that defenseless sitting position

В первом фрагменте адвокат обвинения «примеряет» на себя роль жертвы, реализуя тактику смены перспективы. Несмотря на то, что он говорит о потерпевшем, используя местоимения *him* и *his*, смена перспективы реализуется через невербальное поведение. В первом

случае об этом сигнализирует репрезентативный жест (см. рис. 1), на котором говорящий держит руки в центральной зоне перед собой, довольно близко к груди, ладонями от себя. Данный жест подчеркивает беззащитность жертвы, его безоружном состоянии. Поднятые таким образом руки сигнализируют о готовности сдаться (*defenses are down*). Следовательно, вербальные и невербальные пространства сливаются, образуя бленд – состояние захваченной врасплох жертвы. Подобный бленд выстраивается и в случае, представленном на рисунке 2.

Обратим внимание на то, что представитель обвинения использует слово *defenseless,* которое повторяет предыдущее высказывание *his defenses are down*, профилирует беззащитность жертвы, используя тактику эмоционального воздействия через описание состояния жертвы. Невербальное пространство вновь конструируется с помощью репрезентации и не только выводит в центр внимания состояние жертвы, но также имплицитно характеризует обвиняемую, напавшую на безоружного человека и жестоко убившего его. Таким образом говорящий реализует тактику построения образа участников, в данном случае – образа обвиняемой. Жестокость убийства раскрывается с помощью создания бленда «атака // нападение», конструируемого в результате интеграции пространства репрезентативного жеста, в котором точка зрения говорящего и жертвы сливаются, создавая эффект эмпатии (проводит указательным пальцем по своему горлу), и вербального пространства «slitting [from ear to ear]» (см. рис. 3).

Рис. 3. … slitting [from ear to ear]…

Заметим, что данный бленд говорящий конструирует вербально несколько раз на протяжении всей речи с незначительными модификациями (*slit, slitting*). Примечателен выбор данного глагола для описания преступления. Oxford dictionaries online дает следующую дефиницию данного глагола: *to slit – make a long, narrow cut* (*en.oxforddictionaries.com/definition/slit*). Mariam Webster online dictionary определяет глагол следующим образом: *a) to make a slit in; b) to cut off or away (sever); c) to form into a slit* (*www.merriam-webster.com/dictionary/slit*). Данная лексическая единица акцентирует внимание на нарушении целостности и выводит в фокус причинение вреда. Отметим, что анализ американского корпуса Corpus of Contemporary American English (*corpus.byu.edu/coca/*) показал, что различные формы и производные от глагола *to slit* указывают на некий разрез или процесс разрезания, тем самым акцентируют внимание на нарушении целостности объекта:

This is Heidi (ph) and this is the ***slit***. So the ***slit*** is coming back for the pencil skirt?

Oh, it's going to be rejected because a ***slit*** in the front.

I didn't see the ***slit*** either but it's approved.

В приведенных примерах *slit* является существительным и означает разрез в одежде (*a long*, *narrow cut or opening*), т. е. указывает на намеренное нарушение целостности ткани.

Анализ контекстов встречаемости глагола *to slit* показал высокую частотность употребления в корпусе словосочетания *slit + throat* (*corpus.byu.edu/coca/*):

…seen evil up close, had trailed men who'd ***slit*** a fellow's ***throat*** without a second thought….;

…he said. " They had their ***throats slit*** while they were asleep in bed. No sign of a struggle. Probably…;

…the hair, pulled his head back, and efficiently ***slit*** his exposed ***throat***.

…it was only a matter of time before the guy ***slit his throat*** with a bejeweled dagger. Looking back, it was a pretty…;

…bruises. My knees protested as I crouched down and ***slit his throat***. The girl dropped the last few feet and landed next to…;

...under the ground. They came up behind you and ***slit your throat***. This way, they couldn't get behind you;

…from his head. I jumped on its back and ***slit its throat***. “I gasped and then asked, “ How long ago….;

…under the ground. They came up behind you and ***slit your throat***. This way, they couldn’t get behind you.

Таким образом, данное сочетание встречается довольно часто и является устоявшимся в языке. В силу этой конвенциональности образ жертвы стирается, поэтому говорящий воссоздает картину произошедшего с помощью жеста, который дублирует семантику выражения, тем самым усиливая эффект воздействия на слушающих. В данном случае на невербальном уровне полимодальный кластер «выражение + речь» совокупно реализует тактику смены перспективы за счет слияния точки зрения говорящего и жертвы, что свидетельствует об альтероцентричности данного типа дискурса [Ирисханова 2014], а также тактику привлечения внимания в силу экспрессивности данного выражения.

Продолжая повествование, выступающий говорит также о том, что подсудимая застрелила жертву.

Для описания он использует выражение *put that bullet* [*right in his temple*]. Как и в вышеуказанном случае, фраза сопровождается указательным жестом (см. рис. 4), при этом правая рука говорящего находится на уровне головы, т. е. в правой верхней зоне, а указательный палец немного согнут и направлен на висок. Интеграция вербального и жестового ментальных пространств сопровождается слиянием нескольких перспектив: дистанцированной перспективой внешнего нарратора вербального пространства (см. употребление дейктических местоимений *that, his* и формы прошедшего времени *put*) и перспективой жертвы из жестового пространства (например, представитель защиты показывает место, в которое был произведен выстрел, на себе). Таким образом, слияние перспектив

Рис. 4. …put that bullet [right in his temple]

нарратора и жертвы нацелено на сближение перспективы слушающего (присяжных) и жертвы преступления, что способствует созданию эффекта эмпатии. В данном примере мы можем вновь наблюдать сочетание тактик смены перспективы и эмоционального воздействия.

Выводы

Проведенный анализ показал, что в рамках судебного дискурса в процессе описания одного из ключевых событий повествования – момента совершения преступления, говорящий использует такие тактики, как смена перспективы, эмоциональной настройки и построения образа участников события. В основе указанных тактик лежит когнитивный процесс слияния ментальных пространств словесного и жестового модусов коммуникации, причем для данных пространств характерно наличие разных точек зрения. При этом говорящими нередко используются репрезентативные жесты, которые, в сочетании с лексическими средствами, формируют механизм слияния точек зрения говорящего и жертвы, что позволяет эффективно манипулировать мнением и отношением слушающих, поощряя их проявлять сочувствие по отношению к жертве, в то же время вызывая отрицательные чувства к подсудимому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бачиалиашвили О. В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2013. С. 169–175.

Болдырев Н. Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов, 2000а. 22 с.

Евтушок Ю. Г. Языковая репрезентация концепта Crime: На материале американского варианта английского языка : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 180 с.

Ирисханова О. К. Интерсубъектность конструирования событий в полимодальном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). Анализ дискурса и стилистика: проблемы и решения. С. 31–41. (Языкознание).

Ирисханова О. К. О распределении внимания в нарративных текстах анализ рассказа Дж. Апдайка «Daughter, Last Glimpses of» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 17 (677). Стилистика и конструирование мира. С. 18–37. (Языкознание).

Каргин К. В. Участники юридической аргументации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. No 2 (26). С. 164–169.

Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юрид. вузов. М. : Проспект, 2008. 240 с.

Кубрякова Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) / Е.С. Кубрякова // Категоризация мира: пространство и время: матер. науч. конф. М. : Филологический факультет МГУ, 1997. С. 3.

Матурана У. Р. Древо познания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 21 с.

Тимофеев А. И. Аргументация: теория и практика: учеб. пособие. СПб., 2005. 80 с.

Чуешов К. В. Аргументация как средство социальной востребованности юристов и ее логико-лингвистические аспекты // Проблемы управления. 2008. № 2 (27). С. 173–176.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. N.Y. : Cambridge University Press, 1994. 190 p.

Fauconnier G. Spaces, worlds, and grammar / Fauconnier G., Sweetser E. Chicago : University of Chicago Press, 1996. 206 p.

Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, Mass. : MIT Press. 1985. 185 p.

Merriam Webster Dictionary Online. URL : www.merriam-webster.com/dictionary/slit

McNeil, D. Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago and London : University of Chicago Press, 1992.

Oxford Dictionary Online. URL : en.oxforddictionaries.com/definition/crime.

Turner M. Conceptual Integration Networks / Turner M., Fauconnier G. // Cognitive Science. 1998. Vol 22 (2). P. 133–187.

УДК 811.531

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук; доцент каф. восточных языков МГЛУ;
e-mail: yoondanhee@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР УСТНОЙ РЕЧИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА '뭐'

Основной целью данной статьи является анализ прагматических функций широко употребляемого дискурсивного маркера устной речи корейского языка 뭐 (*мво*) и обсуждение возможных способов обучения дискурсивным маркерам. Кроме того, в статье подчеркивается важность обучения дискурсивным маркерам устной речи в целях повышения коммуникативных навыков обучающихся.

Дискурсивные маркеры помогают слушающему лучше понимать намерения и позицию говорящего, в связи с чем их можно рассматривать в качестве одного из важнейших инструментов, которые способствуют повышению эффективности речевого общения и взаимопонимания коммуникантов. Конечной целью обучения корейскому языку как иностранному является разностороннее формирование коммуникативных навыков, которое подразумевает под собой не только простое развитие грамматических навыков, но и совершенствование социолингвистической, дискурсивной и стратегической компетенций обучающихся.

В связи с этим знание и эффективное владение дискурсивными маркерами представляет собой неотъемлемый элемент реального использования языка на практике, а значит, играет важную роль в обучении иностранному языку. Несмотря на важность изучения дискурсивных маркеров данная тема является малоизученной в российском корееведении и требует дальнейшего всестороннего исследования.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; корейский язык; обучение корейскому языку; коммуникативные навыки.

T. S. Mozol

Ph.D. in Education, Associate professor, Department of Oriental languages, MSLU;
e-mail: yoondanhee@gmail.com

KOREAN SPOKEN DISCOURSE MARKER '뭐'

The aim of the present study is to give a pragmatic description of the discourse marker 뭐 (*mwo*) in Korean and to suggest a teaching method of discourse markers for non-native learners of Korean. The current paper stresses the importance of teaching spoken discourse markers in order to improve Korean language learner's communicative competence.

Since discourse markers express speaker's psychological attitudes and the intention of utterance, they play a role in leading smooth conversation as discourse tactics, reducing discord in conversation and letting listeners who are conversation

participants know speaker's intention. Considering the fact that the ultimate purpose of Korean education is to foster communication competence evenly possessing not only learners' grammatical competence but also sociolinguistic competence, discourse competence, and strategic competence, the accurate understanding and usage of discourse markers, which is an indispensable element in the aspect of using language in actuality, is very important in the area of the education of a foreign language. However, the discourse markers of Korean language and discourse markers teaching methods is a poorly researched topic in Russian Korean studies and more research is needed.

Keywords: discourse markers; Korean language; Korean language education; communicative competence.

В отличие от письменной речи, спонтанная устная речь обусловлена конкретными ситуативными условиями, в такой речи часто возникают опущения, исправления, паузы, устной речи характерно использование более простых грамматических форм, дискурсивных маркеров (далее – ДМ) устной речи и пр. Носители языка с детства привычны к подобным особенностям, в то время для иностранцев они могут стать серьезным препятствием в коммуникации [Brown 2001, с. 252–254].

Обучение ДМ устной речи, которые позволяют лучше понять коммуникативные намерения говорящего, должно быть частью процесса обучения аудированию и говорению на корейском языке. С приходом коммуникативного метода, в котором язык рассматривается как средство обмена информацией, наметился отход от приоритета обучения грамматике и большую значимость стало приобретать обучение использованию языка в реальных коммуникативных условиях, а формирование коммуникативных навыков обучающихся вышло на первый план. Понятие «коммуникативные навыки» было введено Д. Хаймсом [Hymes 1972], а в работах М. Канали и М. Свейна [Canale & Swain 1980; Canale 1983] были выделены основные составляющие коммуникативных навыков, такие как грамматические, дискурсивные, социолингвистические и стратегические навыки. Подобная классификация подразумевает под собой то, что говорящий не просто грамотно пользуется языковыми единицами в соответствии с правилами орфографии, произношения, грамматики и пр., а использует и понимает грамматические формы в соответствии с социокультурным и дискурсивным контекстом, может формировать связанный дискурс, применять разные стратегии для преодоления коммуникативных преград и повышения эффективности коммуникативного процесса.

Следовательно, для осуществления языкового обучения, ориентированного на коммуникацию, необходимо обеспечение в учебном процессе развития всех четырех видов навыков и максимальное приближение учебного процесса к реальным языковым условиям.

ДМ, использование которых свойственно устной речи, являются составляющей языковых и коммуникативных навыков говорящего. Непонимание намерений участников коммуникации может стать серьезным коммуникативным барьером, так же как грамматические или лексические ошибки. ДМ несут в себе важную дискурсивную функцию передачи психологического состояния или намерений говорящего, поэтому использование ДМ представляет собой дискурсивную стратегию, позволяющую эффективно осуществлять коммуникацию. ДМ – это важные элементы, свойственные реальной коммуникации. Следовательно, для обучающихся корейскому языку важно освоение различных стратегий, соответствующих целям и контексту коммуникации. Данная работа посвящена анализу дискурсивных функций одного из наиболее употребительных маркеров[1] устной речи корейского языка 뭐, а также разработке модели обучения дискурсивным маркерам.

Существуют разные подходы к определению понятия ДМ. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что ДМ представляют собой независимые языковые элементы, не оказывающие влияния на пропозиционное значение высказывания, но необходимые для эффективной реализации коммуникативной стратегии и тактики, а также выполняющие определенные функции (связанность высказываний в дискурсе, маркировка структуры дискурса, обеспечение цельности и логичности дискурса, эффективное выражение отношения и намерений говорящего, воздействие на адресата и пр.). ДМ могут иметь разную структуру: начиная от слова (в случае корейского языка, начиная от морфемы, такой как, например, частица), словосочетания и заканчивая предложением [Мозоль 2017, с. 70]. ДМ 뭐 выполняет разные дискурсивные функции. Проанализируем основные дискурсивные функции данного маркера[2].

[1] Согласно исследованию Син Чхольбома [신철범 2011], в рамках которого была проанализирована частотность употребления дискурсивных маркеров устной речи, маркер 뭐 входит в число наиболее употребительных.

[2] Приведенные ниже примеры взяты из корпуса устных текстов Национального института корейского языка и исследования Ли Хангю [이한규 1999].

1. Сомнение

(1) 너 머리 깎았냐? – 예, 아니요.
(2) 뭐 너 머리 깎았냐? – 왜요? 안 깎은 것 같아요?

(1) – простой вопрос: сделал ли собеседник стрижку. Подобный вопрос может быть задан в ситуации, когда говорящий не видит собеседника. В вопросе; (2) говорящий считал, что собеседник сделал стрижку, однако, увидев его, испытал сомнения в том, была ли сделана стрижка в действительности. Подобный вопрос может быть задан только в ситуации, когда говорящий видит собеседника. ДМ 뭐в данном случае несет функцию передачи недоверия, сомнения.

2. Недовольство

(1) 너도 머리 염색할 거냐?
(2) 나는 염색하면 안 돼요?
(2)' 뭐 나는 염색하면 안 돼요?

(2) – это простой вопрос в ответ на реплику (1). Следует отметить, что данный ответ может быть истолкован как выражение недовольства, однако подобная интерпретация должна будет опираться на экстралингвистическую информацию. С другой стороны, (2)' – это не вопрос о том, можно ли покрасить волосы, это выражение недовольства предыдущим высказыванием собеседника.

3. Ирония

(1) 철수가 제 말을 듣겠어요?
(2) 뭐, 철수가 제 말을 듣겠어요?

(1) – это простой вопрос. В зависимости от ситуации данный вопрос может быть истолкован как риторический, однако подобная интерпретация должна будет опираться на экстралингвистическую информацию. (2) – это выражение иронии. Содержит элементы недоверия и недовольства, однако в данном случае ирония возникает как следствие этого недовольства и недоверия.

4. Снижение значимости, проявление скромности

(1) 민수 이번에 일등 했어.

(2) 수영이도 일등 했어.

(2)' 뭐 수영이도 일등했어.

(2) – нейтральное сообщение о том, что Суён тоже занял первое место, как и Минсу. Сообщение (2)' передает отношение говорящего к победе Суёна как к факту, в котором нет ничего особенного и которым не стоит хвастать. Таким образом, ДМ 뭐 в данном контексте играет роль снижения значимости сообщения собеседника.

Начальник департамента Пак: 이번 일에 김 과장의 공이 컸어요.
Начальник отдела Ким: 저야 뭐 한 일이 있나요?

В данном примере начальник отдела Ким ведет себя скромно, отмечая, что он ничего особенного не сделал. Поскольку признание собственных достоинств может быть воспринято как признание превосходства над собеседником, что представляет собой угрозу позитивному лицу слушающего, т. е. лицеугрожающим актом по Брауну и Левинсону [Brown & Levinson 1987]. В этой ситуации начальник отдела Ким использует ДМ 뭐, подчеркивая, что его вклад невелик, снижая значимость своей роли, тем самым успешно демонстрируя свою скромность.

5. Хвастовство

Минсу: 현정이 너 예뻐졌다.
Хёнчжон: 원래 예쁜데요. 뭐

В данном случае говорящий, словно шутя, хвастливо признает свои достоинства. Данная дискурсивная функция может быть использована, если собеседники находятся в достаточно близких отношениях, и признание собственных достоинств не станет лицеугрожающим актом для собеседника. Говорящий самоуверенно признает собственные достоинства с уверенностью в том, что слушающий охотно примет его хвастовство [이한규 1999, с. 152–153].

6. Решительный отказ

(1) 내일 또 놀러 와.

(2) 내일을 서울 가.

(2)' 뭐 내일은 서울 가.

(2) – нейтральное сообщение причины, по которой невозможно выполнить просьбу собеседника. (2)’ – это категоричный отказ, подразумевающий полное непринятие говорящим предложения собеседника. Не может употребляться, если человек отказывает в нерешительной форме

7. Критика

(1) 너는 만화책을 보냐? – 응, 만화책 봐.
(2) 너는 뭐 만화책을 보냐? – 왜? 만화책 보면 안 돼?

(1) – это нейтральный вопрос. В данном вопросе может отражаться отрицательное отношение к предмету разговора, однако, если не принимать во внимание возможные экстралингвистические факторы, вопрос (1) может быть интерпретирован как нейтральный. На данный вопрос собеседник вероятнее всего, даст нейтральный ответ (Да, я читаю комиксы). В вопросе (2) в результате использования ДМ 뭐 появляется оттенок критического отношения к предмету разговора, что подталкивает собеседника к защите (*А что мне нельзя комиксы читать?*).

8. Безразличие

(1) 미자는 헬스 다니더라.
(2) 뭐 미자는 헬스 다니더라.

(1) – нейтральное сообщение информации, в сообщении (2) добавление ДМ 뭐 вносит оттенок безразличия, нежелания вмешиваться.

9. Вызов собеседнику

(1) 너 누가 언니 옷 입으라고 했어?
(2) 엄마가 입으라고 했어.
(2)’ (뭐) 엄마가 입으라고 했어. 뭐

(2) – нейтральный ответ, полученный на заданный нейтральным тоном вопрос. Ответ (2)’ вероятнее всего прозвучит, если вопрос был задан с недовольством. Ответ (2)’ содержит в себе вызов собеседнику и может быть продолжен вопросом 어쩔 거야? (*Ну и что ты мне сделаешь?*)

10. Нерешительность

(1) 나 이 책 읽어 봤어?
(2) 응, 읽어 봤어.
(2)' 응, 뭐 읽어 봤어.

ДМ 뭐 в ответе (2)' передает нерешительность, неуверенность в ответе, что нужно сказать: прочел книгу или нет.

11. Возражение

(1) 방이 춥구나.
(2) 따뜻한데요.
(2)' 따뜻한데요. 뭐

ДМ 뭐 в ответе (2)' подчеркивает желание возразить по поводу высказывания собеседника.

12. Нерешительность

(1) 이 돈으로 뭐 하실 거예요?
(2) 옷도 사고 부모님께도 드리고 나머지는 저축해야지요.
(2)' 뭐, 옷도 사고, 뭐 부모님께도 드리고, 뭐 나머지는 저축할 거예요.

В ответе (2) собеседник уверен в своем ответе. В ответе (2)' используется ДМ 뭐, который добавляет оттенок нерешительности, колебания: говорящий еще не решил окончательно, как он потратит деньги.

13. Акцентирование

(1): 요즘 재기 뭐하니?
(2): 공부하지 뭐.

Собеседник (1) знает, что Чеги мало занимается в последнее время. Он спрашивает о Чеги у их общего знакомого (2). Собеседник (2) знает о недовольстве собеседника (1) по поводу плохой успеваемости Чеги, поэтому нарочно делает акцент на том, что он учится, а не занимается чем-либо еще другим. Добавление ДМ 뭐позволяет говорящему сделать акцент на содержании своего высказывания.

– 솔직히 논문은 석사가 더 급하지 않나요? 박사야 뭐 십년 안에 하면 되는 건데.

В данном высказывании говорящий делает акцент на слове 박사 (докторант), противопоставляя его магистрантам.

14. Заполнение пауз

– 저도 뭐 그 문제를 뭐 많이 뭐 생각해 보았는데요. 뭐 이 선생님 뭐 그 일은 뭐 양보해야 될 것 같아요.

– …불어 하기는 좀 힘들잖아요. 그치, 음. 뭐 제일 낮은 과는, 철학과 아닌가? 그치, 뭐, 철학과나, 뭐 지리학과, 뭐 이런 데야…

ДМ 뭐 в данных примерах не выражает психологического состояния или позиции говорящего, он используется для того, чтобы заполнить паузы, во время которых говорящий может сосредоточиться с мыслями. При этом слушающий интерпретирует это послание как необходимость дать собеседнику время собраться с мыслями.

15. Самоисправление

– (우리 학생이) 학교를 그만 둘 것 같애서… 문을 열고 뭐..문도 없으니까…그냥 들어갔죠. 방으로 들어갔죠.

– 저는요, 소비자 주권을 별로 안 들어 봤어요. 기표, 뭐, 상표, 이런, 그냥 상징, 이렇게는 들어 봤는데, 씸 씸볼 토큰인가?

В данных примерах говорящий поправляет сам себя, подбирая более подходящие слова или выражения.

Конечной целью обучения корейскому языку как иностранному является формирование навыков, позволяющих успешно и грамотно добиваться поставленных коммуникативных целей. Однако обрести эффективные коммуникативные навыки невозможно лишь за счет теоретических знаний, они формируются через использование языка в реальной коммуникативной ситуации. Обучение ДМ устной речи поможет обучающимся лучше понять особенности разговорной речи, позволит лучше понимать прагматический смысл, который вкладывает говорящий в свое высказывание.

Грайс [Grice 1975] рассматривает дискурс как имеющее определенную цель действие. Иными словами, говорящий рационально строит

высказывания, чтобы достичь своей цели, а слушающий прилагает усилия к считыванию целей говорящего. Таким образом, в процессе коммуникации требуются совместные усилия со стороны говорящего и слушающего, основанные на принципе кооперации. Согласно принципу кооперации говорящий высказывается с определенной целью, полагая при этом, что слушающий сможет распознать цель высказывания. Говорящий также уверен, что слушающий достаточно разумен, чтобы определить цель высказывания. Слушающий также полагает, что говорящий высказывается с определенной целью, при этом стараясь определить, в чем эта цель заключается. При этом даже если внешне слова говорящего не кажутся связанными напрямую с его истинной целью, слушающий верит, что слова говорящего имеют определенную цель, пытаясь соотнести слова говорящего с той целью, которую слушающему удалось определить в высказывании.

Действия по считыванию целей высказывания помогают понять разницу между буквальным смыслом и намерениями говорящего, а также поддержать процесс коммуникации [이한규 1999, с. 138–139]. Для обучающихся корейскому языку на продвинутом уровне также важно помимо дословного понимания услышанного научиться считывать намерения говорящего, которые он вкладывает в свои слова. Знание ДМ корейского языка может помочь обучающимся в этой задаче.

ДМ 뭐 имеет различные дискурсивные функции. Для более простого изложения материала о функциях ДМ 뭐 можно разделить их на три большие группы: смягчение высказывания, отрицание, акцентирование. В процессе обучения представляется эффективным использовать несложные аутентичные материалы, содержащие диалоги на повседневные темы. Такими материалами могут стать диалоги из фильмов и сериалов. В целях преодоления недостатков существующей методики PPP (presentation-practice-production), в которой недостаточно уделяется внимания активному самостоятельному наблюдению обучающимися за использованием языковых форм, явлений и пр., предлагается добавить в занятие элементы дискурсивного анализа. Урок можно разделить на четыре этапа: *введение*, *наблюдение и обнаружение*, *анализ*, *систематизация и применение*.

На первом этапе преподаватель должен объяснить обучающимся, что такое ДМ. Данное понятие непривычно для обучающихся,

поэтому необходимо обобщить и активировать имеющиеся у них знания о ДМ, которые так или иначе у них уже есть. После этого нужно объяснить цель занятия, рассказать кратко о ДМ, который им следует обнаружить в процессе аудирования. На следующем этапе предлагается прослушать или просмотреть аутентичный материал и выявить в нем изучаемый ДМ. Это позволит повысить интерес обучающихся, улучшить запоминание изучаемого ДМ. При этом преподаватель должен помочь активировать полученные обучающимися базовые представления о ДМ и их функциях.

Затем обучающимся предлагается проанализировать обнаруженный ДМ: в какой ситуации он был употреблен, какую позицию занимает в высказывании, с какой интонацией был употреблен, какие намерения говорящего он передает. Самостоятельный анализ изучаемого ДМ может повысить степень вовлеченности обучаемых в учебный процесс. На следующей стадии систематизируются все имеющиеся знания и новые наблюдения.

М. Свейн [Swain 1985] подчеркивает, что в процессе обучения языку важен не только доступный для понимания ввод (comprehensive input), но и понятное воспроизведение информации (comprehensive output). В связи с чем на данном этапе обучающимся следует предложить работу в парах по самостоятельному составлению диалогов с использованием изучаемого маркера. Затем обучающимся можно предложить выполнить более сложные задания, максимально приближенные к реальной коммуникативной ситуации: озвучить сюжет из фильма, подготовить и разыграть небольшую сценку, пьесу, самостоятельно проанализировать небольшой сюжет из фильма или сериала, объяснив использование ДМ и пр. [Мозоль 2018, с. 289–290].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мозоль Т. С. Дискурсивные маркеры корейского языка // Вестник российского корееведения. № 9. 2017. С. 64–76.

Мозоль Т. С. Развитие коммуникативных навыков корейского языка: обучение дискурсивным маркерам устной речи // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных статей. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2018. С. 288–290.

Brown H. D. Teaching by principles: an interactive approach to language pedagogy. NY : Longman, 2001. 668 p.

Brown P. & Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy // Language and communication / Ed. by J. C. Richards, R. W. Schmidt. London : Longman, 1983. P. 1–27.

Canale M. & Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics 1 (1). 1980. P. 1–47.

Grice H. P. Logic and Conversation. Syntax and Semantics // Speech Acts / Ed. by P. Cole and J. Morgan. NY: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics / Ed by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 269–293.

Swain M. Communicative Competence: Some Roles of Comprehensible Input and Comprehensible Output in its Development // Input in Second Language Acquisition. Ed. by S. Gass & C. Madden. Rowley, MA. : Newbury House. 1985. P. 64–81.

신철범. 국어 감탄사의 담화표지 기능 연구 – 화자의 담화 전략 중심으로 –. 석사학위논문. 서울, 2011.

이한규. 한국어 담화 표지어 '뭐'의 의미 연구 // 담화와 인지. 6(1). 1999. P. 137–157.

УДК 81'42

Е. Д. Чулкова

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: chulkova.evdokia@gmail.com

ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИГР (на материале шпионского романа Я. Флеминга «Из России с любовью»)

В статье осуществляется лингвосемиотический анализ шпионского романа Яна Флеминга «Из России с любовью», направленный на выявление и описание структурообразующего потенциала ономастических игр с особым акцентом на установление их роли в жанрообразовании. При трактовке ономастической игры за основу берется концепция языковой игры Л. Витгенштейна, который отмечал способность слов приобретать и актуализировать новые значения в заданном контексте.

В работе феномен ономастических игр рассматривается на материале художественного текста в рамках оппозиции «свой – чужой», которая является базовой для жанра шпионского романа. В статье делается предположение о том, что данная оппозиция, будучи универсальной категорией, часто актуализируется в произведениях художественной литературы посредством ономастических игр, а именно – благодаря способности имен собственных реализовывать в тексте свой лингвостилистический потенциал. В качестве примеров ономастической игры в работе рассматриваются такие приемы, как смена имен агентов, актуализация внутренней формы имени, противопоставление имени и фамилии персонажа, а также использование иностранных имен.

В статье подчеркивается, что, реализуясь в тексте через серию аналогичных ономастических игр, оппозиция «свой – чужой» способствует созданию образов главных героев, представляя их как двух идеологических соперников, и тем самым участвует в создании атмосферы противостояния. Данная параллель прослеживается на протяжении всего романа. Например, главный герой романа, британский шпион МИ-6 Джеймс Бонд по сюжету меняет свое имя и фамилию на подставные, к такому же приему прибегает противник Бонда, советский шпион ирландского происхождения Донован Грант. Данный прием не только способствует жанрово-стилистической организации текста, но также создает эффект реалистичности повествования. В статье также рассматривается роль онимов в создании художественных образов на основе способности данных языковых знаков репрезентировать наиболее существенные характеристики персонажей. Например, фамилии Грант и Наш, будучи социокультурными знаками, одновременно описывают персонажа и реализуют базовую оппозицию шпионского романа «свой – чужой». Помимо вышеперечисленных приемов, реализация оппозиции «свой – чужой» осуществляется посредством противопоставления личного имени и фамилии персонажа.

Ключевые слова: жанр; шпионский роман; ономастическая игра; структура текста; имя собственное; «свой – чужой».

E. D. Chulkova

Postgraduate student of the Department of General
and Comparative Linguistics of MSLU;
e-mail: chulkova.evdokia@gmail.com

THE ROLE OF ONOMASTIC GAMES IN GENRE FORMATION (an analysis of the novel "From Russia with love" by I. Fleming)

The article provides a linguo-semiotic analysis of the novel "From Russia with love" by Ian Fleming aimed at establishing and describing structure and genre forming potential of onomastic games that lay the basis for this study.

The undertaken onomastic analysis of the novel reveals that such devices of onomastic games as changing name techniques, the etimology of names, their inner form, the opposition of first name and family name and the use of foreign names actualize the opposition 'self – other' that is considered to be the basic opposition of any spy novel.

The received data show that the opposition in question with the help of onomastic games contributes to the creation of the protagonists' significant features and brings to the surface the role the personal names play in genre formation and in conveying the author's message.

Key words: genre; spy novel; onomastic game; text structure; personal name; «self – other».

Центральным понятием проводимого в статье исследования является понятие «ономастическая игра», в трактовке которого мы опираемся на концепцию языковых игр Л. Витгенштейна, изложенную им в работе «Философские исследования», где автор подчеркивает необходимость анализа языка в его реальном употреблении. По мнению ученого, язык представляет собой систему конвенциональных правил, согласно которым говорящий через языковые игры актуализирует значения слов, не имеющих вне контекста никакого значения. При этом контекст, обеспечивающий адекватное понимание созданного значения и способствующий успешной коммуникации, Л. Витгенштейн рассматривает как социальные практики, которые выполняются согласно определенным правилам. Таким образом, успешное взаимодействие собеседников возможно при условии, если они заранее знают «правила игры», согласно которым будет строиться общение [Витгенштейн 1956].

Концепция Л. Витгенштейна получила преломление во многих более поздних теориях и подходах. Так, Т. А. Гридина понимает под языковой игрой особую форму «лингвокреативного мышления,

в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного» [Гридина 2011, с. 219]. По мнению исследователя, языковые игры помогают обнаружить новые возможности интерпретации языковых знаков и, таким образом, выявить их ассоциативный потенциал. Т. А. Гридина отмечает, что новой ассоциативной обработке нередко подвергаются имена собственные, в частности, антропонимы, так как они несут устоявшиеся для общества этносоциокультурные коннотации [там же].

Таким образом, Т. А. Гридина выводит определение ономастической игры, которая понимается как «особая разновидность языковой игры, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, что достигается при помощи различных приемов трансформации и контекстуальной / референтной актуализации» [там же].

Мы, в свою очередь, разделяем позицию Е. Ф. Косиченко, которая отмечает, что эффект ономастической игры достигается за счет способности онимов реализовывать в произведении художественной литературы свой когнитивно-семиотический потенциал, т. е. участвовать в создании фикционального мира литературного произведения с опорой на знания о правилах использования онимов в культуре [Косиченко 2017].

Далее с учетом изложенного и на основе анализа текстового материала будет предпринята попытка доказать, что в шпионских романах ономастическая игра выполняет жанрообразующую роль и является важным структурообразующим приемом художественного текста. Уточним, что к ономастическим играм мы относим прием многократной смены имен агентов, актуализацию внутренней формы имени, противопоставление имени и фамилии персонажа, а также использование иностранных имен. В качестве исследовательского материала нами был выбран классический шпионский роман времен «холодной войны» «Из России с любовью» Яна Флеминга (Ian Fleming, ‘From Russia with love’).

По сюжету романа руководитель отдела СМЕРШ генерал Грубозабойщиков дает указание уничтожить особо опасного британского шпиона Джеймса Бонда. Выполнение этой миссии поручается сержанту КГБ Татьяне Романовой и шпиону ирландского происхождения, работающему на советскую разведку, Доновану Гранту (Donovan Grant). Важную роль в создании художественного образа и передаче

идейного содержания произведения играет английская фамилия *Grant*, которая созвучна со словом «гранит» (granite) и, должно быть, по этой причине становится кодовым именем данного персонажа.

> ‘His real name was Donovan Grant, or ‘Red’ Grant. But, for the past ten years, it had been Krassno Granitski, with the code-name of ‘***Granit***’ [Fleming 2012, c. 13].

Роль имени *Grant* в создании образа персонажа заключается также в том, что соответствующее прозвище *Granit* коррелирует с его внешностью, дополняя образ героя и делая его завершенным. Грант предстает как сильный, мускулистый, стойкий человек – такой агент сможет выполнить любую задачу, именно поэтому ему доверяют самые опасные и рискованные операции, в частности убийство британского шпиона Джеймса Бонда.

> The man was immensely ***strong*** and the bulging muscles at the base of the neck hardly yielded to the girl’s thumbs <…>. The masseuse worked up the arm to ***the huge biceps***. Where had the man got these ***fantastic muscles*** from? Was he a boxer? What did he do with his ***formidable body***? [Fleming 2012, c. 7–11].

При выполнении данного задания, находясь на чужой территории (действие разворачивается в поезде «Восточный экспресс», следующим из Стамбула в Европу), Донован Грант выступает под именем *Норман Наш* (Norman Nash). На наш взгляд, смена имени агента является еще одним ярким приемом ономастической игры, роль которого в тексте неоднозначна, поскольку, во-первых, данный прием создает эффект реалистичности повествования (профессия шпиона связана с необходимостью скрываться под вымышленными именами), во-вторых, раскрывает наиболее важные характеристики персонажа. Согласно словарному источнику, фамилия *Nash* относится к жителям деревни с одноименным названием в графствах, входящих в состав Англии [Рыбакин 2000, с. 328]. Одновременно с этим фамилия Наш созвучна с русским притяжательным местоимением «наш», что вызывает подозрение у спутницы Джеймса Бонда, Татьяны Романовой.

> Did you know him before?
> No. But he belongs to my firm.
> What did you say his name is?
> Nash. Norman Nash.

> I suppose you know what that means in Russian. *Nash* means ***'ours'.*** In our Services, ***a man is nash when he is one of*** '***our***' ***men*** [Fleming 2012, с. 313].

Однако Бонд отказывается верить девушке, утверждая, что такая фамилия является достаточно распространенной в Британии.

> Bond laughed. Really, Tania. <…> Nash is quite a common English name [Fleming 2012, с. 314].

Действительно, фамилия *Nash* входит в ономастикон английского языка [Рыбакин 2000, с. 328] и может свидетельствовать о британском происхождении персонажа. Являясь социокультурным знаком данная фамилия позволяет иностранному шпиону войти в доверие к агенту МИ-6 и не вызвать подозрений. С другой стороны, благодаря созвучию с русским притяжательным местоимением «наш», данный оним участвует в создании художественного образа и раскрывает подлинную сущность шпиона, перешедшего на сторону советской разведки, одновременно способствуя актуализации базовой оппозиции «свой – чужой».

Для установления роли имени *Норман* в создании образа главного антагониста обратимся к его этимологии. Имя Норман (Norman) восходит к древнеанглийскому *Northmann* и обозначает буквально «житель севера, скандинав» [Рыбакин 2000, с. 154]. Таким образом, данное имя благодаря своей выраженной внутренней форме, участвует в создании художественного образа героя и в реализации идейного содержания романа.

Главный герой романа Джеймс Бонд (James Bond) также прибегает к приему смены имени. Во время путешествия на «Восточном экспрессе» он и его спутница Татьяна Романова используют вымышленные имена и фамилию и представляются женатой парой Дэвидом и Керолайн Сомерсет (David, Caroline Somerset). Данные имена и фамилия широко распространены в англоязычной культуре и не привлекают к себе лишнего внимания, что коррелирует с профессией шпиона, который по долгу службы вынужден скрывать свое истинное происхождение.

> 'Somerset. <…> David Somerset. Profession, Company Director. That ***means nothing*** [Fleming 2012, с. 178].

Татьяна Романова – советская шпионка, сержант КГБ, является еще одним исполнителем поставленной СМЕРШем задачи – уничтожить английского шпиона Бонда. Происхождение имени *Татьяна* точно не установлено, по некоторым данным, оно происходит от имени сабинского царя *Tatius* (лат.). Существует также версия, что это имя греческого происхождения, означающее «устроительница», «повелительница» [Петровский 1980, с. 207]. Следует отметить, что имя *Татьяна* широко распространено не только в славянской культуре, но вошло в употребление и в зарубежной литературе и ассоциируется главным образом с произведениями русских классиков, что позволяет сделать вывод о том, что оно выступает, прежде всего, маркером этнической принадлежности своего носителя.

По сюжету романа основной задачей Татьяны является влюбить в себя Бонда и заставить его уехать вместе с ней в Лондон. Для достижения данной цели КГБ выбирает одну из самых красивых шпионок, преданно служащую советской разведке.

> ‘One of her early boy-friends had said she looked like ***the young Greta Garbo***. <…> ***Fine dark brown silken hair*** brushed straight back from a tall brown and falling heavily down almost to the shoulders, there to curl slightly up at the ends, <…> *a good, soft pale skin* with an ivory sheen at the cheekbones; wide apart, level ***eyes of the deepest blue*** under straight natural brows <…>, a ***straight*** rather imperious ***nose*** – and then the mouth <…> ***the lips*** **were** ***full and finely etched***’ [Fleming 2012, с. 93–94].

Во время путешествия на «Восточном экспрессе» из Стамбула в Лондон Татьяна Романова использует вымышленное имя Кэролайн Сомерсет (Caroline Somerset). Согласно источнику, имя *Кэролайн* является женским вариантом имени Чарльз (Charles), которое обозначает «мужественный, сильный» [Рыбакин 2000, с. 58].

> And the girl? Let us say Caroline. She looks like Caroline [Fleming 2012, с. 178].

Замена русского имени на имя из английского ономастикона необходима для того, чтобы героиня могла скрыть свое истинное намерение, данный прием также соотносится с профессией шпиона.

Проведенный анализ дает основание заключить, что художественные онимы, содержащие в себе устойчивые этносоциокультурные

коннотации, выступают средствами создания реалистичности, достоверности описываемых событий. Такие приемы как актуализация внутренней формы, противопоставление личного имени и фамилии, смена имен агентов, а также использование иностранных имен раскрывают существенные характеристики персонажей, участвуя в создании художественного образа и актуализации базовой оппозиции шпионского романа «свой – чужой».

Таким образом, приведенные примеры показывают, что ономастической игре принадлежит важная роль в структурообразовании и в жанровой организации произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Витгенштейн Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с нем. Л. Добросельского]. М. : АСТ : Астрель, 2010. 347 с.

Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. 2011. V., I. 1. С. 219–223.

Косиченко Е. Ф. Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 294 с.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен / спец. науч. ред. О. Д. Митрофанова. 2-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1980. 384 с.

Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. 3-е изд., испр. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2000. 224 с.

Fleming I. From Russia with Love. London : Vintage Books Ltd, Random House, 2012. 356 p.

УДК 409.34

В. М. Глушак, Е. В. Шамаева

Глушак В. М., доктор филологических наук; профессор каф. немецкого языка МГИМО МИД России; e-mail: glushakvm@mail.ru

Шамаева Е. В., магистрант факультета журналистики МГИМО МИД России; e-mail: sham-katya@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ
(на материале немецкого парламентского дискурса)[1]

В статье описывается концептуальные составляющие позитивного имиджа политических партий Германии с помощью метода когнитивного моделирования. Анализируются обширный корпус речей депутатов германского Бундестага и выявляются слоты, которые являются обязательными для презентации партии как успешной политической силы и, соответственно, достойной в очередной раз быть избранной в парламент, а в идеале – создать правительство, заручившись поддержкой большинства избирателей. В статье также описываются конкретные терминалы, с помощью которых реализуется позитивный имидж политических партий Германии.

Ключевые слова: политический имидж; парламентский дискурс; концепт; слот; терминал.

V. M. Glushak, E. V. Shamayeva

Glushak V. M., Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO MFA of Russia; e-mail: glushakvm@mail.ru

Shamayeva E. V., Master Student of the Department of Journalism, MGIMO MFA of Russia; e-mail: sham-katya@yandex.ru

A CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE POSITIVE IMAGE OF GERMAN POLITICAL PARTIES
(an analysis of German parliamentary discourse)

The article applies the cognitive modeling method to consider conceptual components of a positive image of German political parties. We analyze a

[1] Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук.

comprehensive framework of speeches of the German Bundestag deputies and identify slots which are compulsory for the presentation of a party as a successful political power that, therefore, should be reelected in the parliament with the ultimate aim of forming a government, supported by the majority of voters. The article also describes concrete terminals by means of which a positive image of German political parties is created.

Key words: political image; parliamentary discourse; concept; slot; terminal.

Введение

В политическом дискурсе под «имиджем» (от англ. *image* – образ, представление) понимается эмоционально окрашенный образ политика или политической силы, целенаправленно и последовательно формируемый с помощью всех возможных средств и призванный воздействовать на акторов политических процессов (в первую очередь, на избирателей) с целью популяризации, политической рекламы и т. д. [ср.: Калинин 2015, с. 79; Политическая энциклопедия 2000, с. 427].

Долгое время исследования имидж-объектов политического дискурса проводились в рамках политической коммуникации и связей с общественность. В связи со становлением политической лингвистики политический имидж стал также объектом лингвистических изысканий. Были описаны его сущностные характеристики [Почепцов 2001, с. 66], этапы формирования [Политическая имиджелогия 2006, с. 208], а также стратегии дискредитации позитивного имиджа конкурирующих партий [Крячкова 2015].

Что касается структуры имиджа политических акторов, то данный вопрос пока не получил достаточного освещения в лингвистической литературе. В связи с этим, целью статьи является определение концептуальных составляющих имиджа политической партии, релевантных для представления этой партии в глазах избирателей как эффективной и успешной политической силы.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили протоколы пленарных заседаний германского Бундестага в период с 2013 по 2018 гг. (*www.bundestag.de/dokumente/protokolle/plenarprotokolle*). В качестве основного метода использовалось когнитивное моделирование. Для этого были проанализированы высказывания политиков на предмет их

попыток представить конкурирующие партии в невыгодном свете. При этом было установлено, что вербальные атаки совершаются на различные стороны общественно-политической жизни партии, представляющие интерес для избирателей и обозначаемые нами как слоты концепта ПОЗИТИВНЫЙ ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. Выделенные слоты эксплицируются с помощью более мелких составляющих – терминалов.

Слоты концепта ПОЗИТИВНЫЙ ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В качестве первого слота концепта ПОЗИТИВНЫЙ ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ выступает СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ. Он включает в себя как общечеловеческие ценности, морально-нравственные обязательства, так и нормы политического и правового характера. Посредством определенных стратегий и тактик говорящий совершает вербальные атаки, направленные на дискредитацию имиджа конкурирующей партии. К составляющим частям данного слота относятся следующие терминалы: «продвижение необходимых реформ», «приверженность общечеловеческим ценностям», «следование законам», «проведение ответственной политики» и «приверженность прогрессивным идеям».

Первым терминалом данного слота является «продвижение необходимых реформ». В рамках разрушения позитивного имиджа партии говорящие стремятся упрекнуть конкурирующую партию в нежелании или неспособности содействовать продвижению реформ. Примером к данному терминалу служит высказывание депутата от СвДП Харфрида Вольффа (Harfrid Wolff) в адрес СДПГ и ХДС/ХСС, входящих в Большую коалицию: «Wegducken hilft nicht. Dringende Reformen sind nötig».

В качестве следующего терминала выделим «приверженность общечеловеческим ценностям». Данный терминал является важнейшей составляющей позитивного имиджа партии. В процессе парламентских дискуссий политики критикуют своих оппонентов за отступление от норм общечеловеческой морали. Ярким примером подобного рода критики служит замечание представительницы СДПГ Беттины Хагедом (Bettina Hagedom) в отношении законопроектов, предложенных СвДП и партией «Зелёные»:

> In Wahrheit bringt also der … Kompromiss, was den Familiennachzug angeht, den Menschen … deutlich mehr Humanität als der Gesetzentwurf der FDP und übrigens auch mehr als der Vorschlag der Grünen.

Третьей составляющей слота является «следование законам». Под данным терминалом подразумевается действие партии в правовом поле. Соответственно, вербальные атаки в рамках данного терминала направлены на разоблачение незаконных действий конкурирующей партии. Так, например, депутат от партии «Левые» Сара Вагенкнехт (Sahra Wagenknecht) обвиняет ХДС в использовании нелегальных финансовых схем:

> Nun weiß man zwar, dass die CDU selbst einschlägige Erfahrungen mit Schwarzgeldkonten und Schattenfinanzen hat…

Следующий терминал, конкретизирующий содержание данного слота, – «проведение ответственной политики». Совершая нападки по данному пункту, говорящий ссылается на ненадежность и несерьёзность действий партии-оппонента. Он также может указать на отсутствие обязательств по успешному выполнению политики. Иногда подобные обвинения могут звучать весьма имплицитно, посредством метафор. Как, например, в высказывании свободного демократа Йоганнеса Фогеля (Johannes Vogel):

> Liebe Kolleginnen und Kollegen von SPD und CDU/CSU, das ist so, als würden Sie sich in ein Restaurant setzen, ein Menü bestellen und sich beim Dessert Gedanken darüber machen, wie Sie das überhaupt bezahlen wollen. Das ist in der Rentenpolitik unverantwortlich.

К последнему терминалу слота отнесем «Приверженность прогрессивным идеям». Стоит отметить, что под прогрессом подразумевается позитивное развитие с применением инновационных разработок. Несоответствие данным требованиям порождает критику со стороны оппонентов, как, например, в высказывании Кристиана Кюна (Christian Kühn) от партии «Союз 90 / Зелёные»:

> Warum wollen Sie dann die Standards zurückdrehen bzw. einfrieren? Das macht doch gar keinen Sinn. Das, was Sie hier vorschlagen, ist klimaschutzfeindlich und technologiefeindlich.

Второй слот концерта позитивного имиджа партии – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ. Взаимодействие включает в себя

честное отношение к избирателям, отчет перед народом, уважение интересов избирателей и заботу о социально-незащищенных слоях населения. Выделим данные пункты в соответствующие терминалы. Тематический блок, представленный в данном слоте, имеет непосредственное отношение к партийной деятельности, заключающейся, прежде всего, в представительстве населения и направленной на улучшение жизни граждан.

Рассматривая первый терминал «честное отношение к избирателям», стоит отметить, что он включает в себя также такие понятия, как «справедливость» и «добросовестность». Именно к этим понятиям апеллирует политик от партии «Левые» Сара Вагенкнехт (Sahra Wagenknecht), обращаясь к партнерам по Большой коалиции, СДПГ и ХДС / ХСС:

> Ich finde wirklich, dass man das einfach so wegredet, ist ein Für-dumm-Verkaufen der Öffentlichkeit.

Ещё одной задачей депутатов является «отчет перед избирателями», который мы выделили в следующий терминал. Он заключается в информировании избирателей о проделанной или предстоящей работе, в прозрачности принимаемых решений, в открытости народных представителей. Соответственно, оппоненты предпринимают действия по доказательству обратного в отношении конкурирующих партий. Примером служит критика депутата от партии «Левые» Дитмара Бартча (Dietmar Bartsch) в адрес СПДГ и ХДС / ХСС:

> Morgen soll eine neue Kredittranche aus dem sogenannten Rettungsschirm an Portugal freigegeben werden. Wollen Sie das den Menschen verschweigen? Wollen Sie verhindern, dass Ihre Europapolitik debattiert wird?

В качестве следующего терминала данного слота выступает «уважение интересов избирателей». Данный терминал также относится к непосредственным обязанностям представителей народа. Партии-оппоненты, критикуя отсутствие уважения к интересам населения, призывают прислушаться к мнению простых людей, как это делает, например, Картин Гёринг-Экардт (Katrin Göring-Eckardt), политик от Союза 90 / Зелёных в адрес Большой коалиции:

> Deswegen fordere ich Sie auf: Machen Sie Schluss mit den Lebenslügen! Machen Sie Schlussmit der Bürokratie! Hören Sie auf mit dem kleinkarierten Streit in der Koalition!

Четвертый терминал в рамках слота, посвященного взаимодействию с избирателями, – это забота о социально-незащищенных слоях населения. К данной группе относятся, прежде всего, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, дети, студенты, малообеспеченные, неполные или многодетные семьи. Иллюстрацией вербальных нападок на конкурирующую партию по данному вопросу служит цитата из речи Йоханнеса Фогеля (Johannes Vogel) от партии Свободных демократов:

> Wie wollen Sie das bezahlen? Soll der Rentenbeitragssatz explodieren, was gerade die Jüngeren und insbesondere auch die Menschen mit kleinem Einkommen überfordern würde? Werden alle Bürgerinnen und Bürger bis über 70 arbeiten? … Oder wollen Sie die Steuern erhöhen?

Третий слот, представленный нами к рассмотрению, это ЭФФЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ, он охватывает целый спектр задач, стоящих перед политиками. Выделим в них отдельные терминалы: соблюдение правил межпартийной борьбы, активные действия, обдуманные решения, адекватные политические шаги, состоятельность аргументации, согласованность действий и открытое высказывание своей позиции.

Первый терминал – «соблюдение правил межпартийной борьбы», он предполагает знание норм и условий ведения парламентских дебатов и дискуссий. Так, например, политик Филипп Амтор (Philipp Amthor), представляющий блок ХДС / ХСС, с долей иронии раскритиковал партию АдГ за редкое проявление конструктивной парламентской работы:

> Ihr Vorschlag, eine Enquete-Kommission, ein gemischtes Gremium aus Experten und Abgeordneten, einzusetzen, hat mich ein bisschen zum Schmunzeln gebracht. Es wäre neu, dass die AfD nicht nur großes Getöse, sondern auch Sacharbeit im Parlament machen will. Damit haben wir bisher nicht so viel Erfahrung.

Вербальные атаки, проводимые в рамках терминала «активные действия», направлены на дискредитацию инициативного и энергичного начала конкурирующей партии. Атаки подобного рода предпринял депутат от СвДП Хартрид Вольфф (Hartrid Wolff):

> Es ist unglaublich, wie teilnahmslos einige agiert haben… Kein weiteres Lavieren! Kein weiteres Taktieren!

Следующий терминал, в русле которого ведутся вербальные нападки на партию-оппонента, представляет собой «обдуманные решения». Оппоненту вменяется в вину недостаточная проработка инициатив, отсутствие основательного подхода к рассматриваемым проблемам. Именно на это указывает, например, Бритта Хассельман (Britta Haßelmann) от партии «Союз 90 / Зелёные» в отношении АдГ:

> Das liegt daran, dass Sie hier schnell etwas zusammengeschustert haben, um am Mittwochmorgen einen Antrag vorlegen zu können. Das Thema ist aber zu ernst, meine Damen und Herren, als dass wir uns wegen eines schlechten Antrags und eines solchen Mimimi mit diesem Thema befassen.

Политические действия партий-конкурентов часто оцениваются через призму адекватности. Терминал «адекватные политические шаги» представляет собой иллюстрацию стратегий и тактик, посредством которых говорящий указывает на неадекватность проводимой политики. Как, например, это делает депутат от партии «Левые» Сары Вагенкнехт (Sahra Wagnknecht):

> Sie, sowohl CDU/CSU als auch SPD, tun mit Ihrer Europapolitik … tatsächlich Ihr Bestes, dass die Zahl der alten Menschen, die auf der Straße leben müssen, in Europa steigt und nicht sinkt.

В качестве следующего терминала в рамках данного слота выделим «состоятельность аргументации». Демонтаж имиджа конкурирующей партии происходит через апеллирование к неубедительности приводимых аргументов. Примером служит критика Александра Графа Ламбсдорффа (Alexander Graf Lambsdorff) от СвДП:

> Aber die Art und Weise, wie Sie hier argumentieren, indem Sie absurde Behauptungen aufstellen, um die Verteidigungspolitik der Bundesrepublik insgesamt zu diskreditieren, halte ich für unseriös. Das ist nicht vertrauenswürdig. Daraus spricht auch keine politische Verlässlichkeit.

Способность открыто высказывать свою позицию также считается важнейшей составляющей позитивного имиджа и одновременно возможностью его дискредитации. Такую возможность использовал политик от партии «Левых» Грегор Гизи (Gregor Gysi) в отношении партий Большой коалиции, ХДС/ХСС и СДПГ:

> Was sind Sie eigentlich für ein Koalitionspartner, der sich dagegen nicht einmal öffentlich äußert?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ пленарных выступлений депутатов германского Бундестага дает основания утверждать, что концептуальным основанием построения позитивного имиджа политических партий в Германии выступают три основных слота: СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ и ЭФФЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ, которые реализуются с помощью обширного терминального корпуса. Наличие описанных слотов и их терминалов являются обязательными условием для того, чтобы любая политическая партия Германии воспринималась избирателями как успешная и эффективная политическая сила, достойная быть избранной в парламент на очередной срок или даже заручиться поддержкой большинства электората, чтобы сформировать после выборов правительство. В политической борьбе представители конкурирующих партий совершают различные речевые действия, чтобы элиминировать как можно больше терминалов, и демонтировав тем самым позитивный имидж оппонентов в глазах избирателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Калинин И. О. Политический имидж как объект лингвистических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (52). 2015. Часть 1. С. 79–83.

Крячкова А. П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе Германии // Вестник МГИМО-Университета. № 3 (42). 2015. С. 157–161.

Политическая имиджелогия: учеб. пособие / под ред. А. А. Дергача, Е. Б. Перелыгиной. М. : Аспект Пресс, 2006. 400 с.

Политическая энциклопедия. Т. 1. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г. Ю. Семигин ; науч. ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2000. 750 с.

Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. 698 с.

УДК 81'27

М. С. Котенков

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
тел.: 8-962-265-48-62

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК АКТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор выявляет основные теоретические вопросы, связанные с формированием методологии исследования политического дискурса. Политический дискурс воплощает информационно-коммуникационные процессы социально-политической сферы и поэтому представляет собой относительно замкнутую, специфически структурированную информационную систему. В текстах СМИ, затрагивающих политические темы, взаимодействуют разные коммуникативные процессы – от стратегий самопрезентации до манипулятивных тактик агитационного текста. Это взаимодействие порождает неоднозначные дискурсивные интерпретации событий в социально-политической сфере и требует многоаспектного их изучения. Автор выделяет актуальные направления теоретико-прагматического исследования внутри политической лингвистики, формулируя понятие объекта политической лингвистики как порождаемое субъектом политической деятельности многообразие политических текстов и речей, функционирующих в политическом дискурсе, а также их анализ с учетом лингвистических и экстралингвистических признаков. При этом указывается, что объектная область современной политической лингвистики расширяется за счет анализа новых аспектов функционирования языка в коммуникативных процессах «власть – общество», включения в исследование дискурса терроризма и дискурса «нового мирового порядка», изучения языковой репрезентации политкорректности, социальной толерантности и других вопросов. В рамках собственно лингвистических исследований разграничиваются два подхода к анализу политической коммуникации: дескриптивный и критический. Политическая коммуникация воздействует на распределение и использование власти, влияя на сознание принимающих политические решения людей. Специфика ее состоит в том, что любая политическая информация всегда эмоциональна и оценочна, поэтому она корректирует и видоизменяет содержание сознания человека.

Ключевые слова: политический дискурс; речевое событие; медиакоммуникация; методология; речевое действие; манипулирование сознанием; образ мира.

M. S. Kotenkov

Postgraduate Student of the Department of General
and Comparative Linguistics MSLU; tel 8-962-265-48-62

POLITICAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

In the article the author raises basic methodological questions of political discourse studies. Political discourse reflects information-communicative processes of

the social-political sphere and thus, presents relatively closed, specifically structured system. In mass media texts on political themes different communicative processes interact with each other – from self-presentation strategy to manipulative tactics of propaganda text. This interaction generates multiple interpretations of social-political events and requires various methods of analyzing them.

The author highlights contemporary trends in the theory-pragmatic studies within the framework of political linguistics and defines the object of political linguistics as a bulk of political texts and speeches generated by politicians. The article analyzes different aspects of functioning of political discourse with regard to linguistic and paralinguistic factors. It is shown that the sphere of contemporary political linguistics expands due to the communicative process POWER – SOCIETY, that includes the terrorism discourse and the discourse on the world's new order, research into verbal representation of political correctness, social tolerance and other issues. The important goal of political linguistics is to reveal and to describe the distinctive features of political communication with reliance on political speeches.

Another significant aspect of this study is contemporary political cyber reality that unites different social, ethnic and age groups and makes them equal, thus, creating a totally different global electronic political discourse with new rules and ways of communication. Thorough research into these problems is bound to lay the basis for an original concept of modern political discourse.

Key words: political discourse; speech event; media communication; methodology; speech act; consciousness manipulation; the image of the world.

Введение

Современную эпоху называют информационным обществом, обществом знаний, сетевым обществом и эпохой Интернета. Современное общество немыслимо без организующей и информирующей функций средств массовой информации, которые обеспечивают его целостность и жизнедеятельность. Сегодня жить в современном обществе и быть свободным от СМИ невозможно.

Интенсивное развитие политических технологий, находясь фактически в прямой зависимости от параллельного интенсивного развития СМИ, всё большая театрализация политической деятельности, непрерывное повышение внимания общества к теории и практике политической коммуникации способствуют активному формированию специфического политического дискурса, изучение которого уже на протяжении последних 30 лет является актуальной проблемой политической лингвистики.

Чем объясняется эта актуальность? Политическая деятельность сегодня в цивилизованном мире в принципе невозможна без средств

массовой информации и воспринимается уже как часть единого коммуникативного процесса, диалектически протекающего на фоне непрерывного прогресса и развития информационных технологий. Особенно стремительное развитие за последнее десятилетие средства массовой информации претерпели в связи с развитием сети Интернет и появлением электронных социальных сетей, приобретших глобальный статус и продолжающих развиваться и разрастаться в геометрической прогрессии. Каждый пользователь Интернета теперь сам может создавать средство массовой информации разного масштаба: школьник, ведущий видеоблог на популярную тему, имеет больше подписчиков и читателей, чем какая-либо региональная газета или журнал; человек, размещающий пост на любую, в том числе и политическую тему в группе в Facebook или Vkontakte, собирает несколько тысяч «лайков»-откликов за несколько минут; реакция американского президента в Twitter на любое, даже самое незначительное с глобальной точки зрения событие моментально доходит до миллионов пользователей данной социальной сети.

Но несмотря на то, что обозримые двадцать лет мир до неузнаваемости изменился, именно в сфере политики, являющейся, по утвердившемуся мнению, концентрированным выражением экономики, по-прежнему решается судьба государств и их лидеров; здесь сосредоточиваются основные противоречия между странами и народами, возникают конфликтные ситуации, которые требуют своего мирного разрешения. И по этой причине речевая деятельность продолжает оставаться одной из самых значимых средств реализации политических устремлений.

Современные СМИ моментально реагируют на актуальные социально-политические проблемы и события, именно поэтому в текстах СМИ находят отражение основные тенденции в использовании всех средств языка, в том числе эмоционально-экспрессивных. А значит, отражаются осуществляющиеся «здесь и сейчас» семантические и словообразовательные процессы [Пищальникова 2017], устанавливаются наиболее выигрышные тактики и стратегии коммуникации. Именно эти живые процессы в речевой деятельности и привлекают прежде всего внимание лингвистов.

При определенных условиях тексты СМИ могут оказывать значительное влияние на аудиторию, а также манипулировать ею, поэтому проблема манипулирования сознанием потребителей СМИ рассматривается

лингвистами и как социолингвистическая, и как риторическая, и как прагматическая. Необходимо также отметить, что в текстах СМИ, затрагивающих политические темы, взаимодействуют разные коммуникативные процессы – от стратегий самопрезентации до манипулятивных тактик агитационного текста. Это взаимодействие порождает неоднозначные дискурсивные интерпретации событий в социально-политической сфере, и необходимость ориентации человека в этом конгломерате дискурсивно-текстовых практик требует многоаспектного, глубокого, детального и всестороннего их изучения.

Политический дискурс воплощает информационно-коммуникационные процессы социально-политической сферы, поэтому представляет собой относительно замкнутую, специфически структурированную информационную систему. Вместе с тем содержание политического текста репрезентирует явно выраженную позицию его автора, который очевидно ограничен форматом и целями издания. Прагматическая интенция автора текста в этом случае обусловлена прагматикой издания, решающего те или иные задачи по формированию определенных идеологических, политических, морально-этических и прочих ценностей.

Повышению внимания общества к практике политической коммуникации способствует быстрое и непрерывное развитие политических и коммуникативных технологий и интенсификация политической деятельности, а, следовательно, необходимо и теоретическое осмысление фундаментальных проблем этой коммуникативной области.

Большое количество публикаций, исследующих методологическую и прагматическую проблематику политического дискурса, факторы, способствующие его институционализации, способы и средства языкового и невербального воздействия в ходе политической коммуникации, постепенно сформировали особую прикладную область языкознания – политическую лингвистику, активно развивающуюся как в России, так и за рубежом.

Исследование

В ходе изучения современных публикаций по проблемам политической коммуникации представляется возможным выделить следующие направления теоретико-прагматического исследования внутри названной области.

1. Методы исследования. Политическая лингвистика как направление использует методы разных научных парадигм (коммуникативной, прагматической, когнитивной). Однако при этом ведущими остаются следующие аспекты исследования: традиционные риторический (Р. Айви, Р. Д. Андерсон, А. А. Ворожбитова, Р. Карпентер, С. Э. Кегеян, М. Осборн, В. Риккерт, С. Томпсон и др.), семантико-стилистический, где политический дискурс изучается с позиций его репрезентации языковыми средствами (Г. Лассвелл, Н. Лейтес, Л. Н. Синельникова, А. П. Чудинов, С. Якобсон и др.), а также когнитивный, в котором политическая коммуникация анализируется как ментальный феномен (Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Н. Д. Арутюнова и др.). Наиболее естественным в условиях функционирования политической речи является использование методов, ориентированных на различные взаимодействующие аспекты исследования, например, совмещение когнитивного метода с критическим анализом дискурса или контент-анализом, т. е. одновременное использование как традиционных, так и когнитивных методов (Е. С. Кубрякова, И. А. Макарова, А. П. Чудинов и др.).

2. Национальная специфика политического дискурса. Здесь рассматриваются универсальная и национально обусловленная (идиоэтническая) совокупности средств вербальной репрезентации политических взглядов, в частности, политические метафоры, средства представления национальных авто- и гетеростереотипов (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). Особое значение приобретают работы, исследующие перечисленные проблемы в сравнительно-сопоставительном аспекте, – это важно не только для данной прикладной области языкознания, но и для теории и практики межкультурной коммуникации, для овладения иностранным языком, для обеспечения лингвистической безопасности социума (Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, В. И. Герасимов, М. В. Ильин, В. З. Демьянков и др.).

3. Дискурсивные варианты использования политического языка. В исследованиях подобного типа рассматриваются конкретные события, происходящие в сфере функционирования политического дискурса (война, выборы, политические скандалы, коррупция и др.), дискурсы отдельных политических партий и политических движений (правые, левые, экологисты, антиглобалисты, националисты,

коммунисты и др.) или отдельных политических лидеров и так называемой политической элиты (П. Серио, Т. ван Дейк и др.).

4. Источники исследования политического языка. Чаще всего это политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, программы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях (П. Серио).

5. Темпоральная и динамическая характеристика политического дискурса. Здесь предполагается диахроническое исследование с целью выявления общих закономерностей структурирования этого вида коммуникации, доминантных семантических характеристик, тенденций развития способов и средств вербальной репрезентации и, возможно, установления законов развития политического дискурса (Р. Андерсон, В. Бенуа).

Объект современной политической лингвистики формулируется в зависимости от определяющих черт современной языковедческой методологии, которая, по мнению Е. С. Кубряковой, характеризуется использованием методологий различных наук в связи с усложнением лингвистического объекта и холистическим его рассмотрением), антропоцентризмом (предполагающим рассмотрение языкового явления в обязательной и необходимой связи с порождающим его человеком, а следовательно, включающим в анализ эти сложнейшие содержательно-формальные связи), тенденцией к комплексному использованию в языковедческом анализе свойств многоаспектного объекта), изучением языка в дискурсе, стремлением установить и объяснить связи не только между языковыми фактами, но и между языковым фактом и средовыми характеристиками, опосредованно детерминирующими этот факт [Кубрякова 1995].

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, объектом политической лингвистики является порождаемое субъектом политической деятельности многообразие политических текстов и речей, функционирующих в политическом дискурсе, а также их анализ с учетом лингвистических и экстралингвистических признаков.

Объектная область политической лингвистики расширяется за счет анализа новых аспектов функционирования языка в коммуникативных процессах «власть – общество», включения в исследование дискурса терроризма и дискурс «нового мирового порядка», изучения

языковой репрезентации политкорректности, социальной толерантности и др.).

В рамках собственно лингвистических исследований разграничиваются два подхода к анализу политической коммуникации: дескриптивный и критический. Дескриптивный подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, представленной в трудах Аристотеля, Цицерона. В современной лингвистике один из аспектов дескриптивного подхода связан с изучением языкового поведения политиков; языковых средств, риторических приемов и стратегий манипуляции, используемых политиками в целях убеждения, их ценностные доминанты, отраженные в речевых произведениях, склонность к конфликту или, наоборот, сотрудничеству, репрезентированные в их публичных выступлениях, особенности картины мира, влияющие на характер представления определенного содержания в речи, и др. Следует подчеркнуть, что если в рамках дескриптивного подхода исследователь остается нейтральным, независимым экспертом, то для критического анализа характерна ангажированность исследователя: подразумевается, что исследователь открыто занимает сторону политика, речевую деятельность которого исследует.

Критический анализ политического дискурса направлен на изучение вербальных способов, с помощью которых социальная власть осуществляет манипулирование обществом, способы предписывания и воспроизводства социального неравенства через тактики и стратегии коммуникативной деятельности, выделяет способы языкового сопротивления.

В критическом анализе политического дискурса на основе используемых различий в базовых теоретических основаниях и ведущих методах исследований Э. В. Будаев, А. П. Чудинов выделяют четыре относительно автономных научных направления, при этом между выделенными направлениями нет резких границ, в практических исследованиях: контент-анализ политического дискурса, риторический анализ, когнитивное исследование политического дискурса, которое направлено на моделирование структур сознания участников политической коммуникации на основе анализа фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений [Будаев, Чудинов

2006]. С учетом позиции А. П. Чудинова можно выделить основные проблемные области политической лингвистики: 1) обоснование теоретико-методологических основ политической лингвистики и методов исследования политической речи; 2) дискурсивное исследование коммуникативных ролей, регламентов, стратегий и тактик политической речи; исследование идиостилей различных политических партий, направлений, лидеров; 3) фундаментальные отличия нормативного и дескриптивного подходов к изучению политической речи; 4) сравнительно-сопоставительные исследования политической речи, в том числе и в аспекте межкультурной коммуникации; 5) идеологическая ангажированность политической речи и др. [Чудинов 2003].

В соответствии с выделенными проблемными областями политической лингвистики, собственно лингвистические исследования политической коммуникации в зависимости от характера рассматриваемого объекта можно разделить на три группы: языковые, текстовые и дискурсивные. И если первые две имеют сложившиеся традиции изучения, последняя остается проблематичной уже в силу не вполне определенного понятия «дискурс». Распространение его на другие смежные с лингвистикой области знания, такие как психология, культурология, социология, привело к его разностороннему рассмотрению и соответственно отсутствию единства в толковании. По словам В. И. Карасика, «само понятие “дискурс” стало шире понятия “язык”» [Карасик 2002, с. 271]. Поэтому актуальным является исследование языковых, текстовых или дискурсивных феноменов в синхроническом и диахроническом аспектах, что позволит установить общие закономерности политической коммуникации и разновидности политического дискурса – институционального, медийного и иных.

Выводы

Основная цель политической лингвистики – исследовать специфику политической коммуникации через анализ речи субъектов политической деятельности. Политическая коммуникация оказывает большое влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата,

преобразует, корректирует и видоизменяет существующую в сознании человека политическую картину мира.

Быстро меняющаяся политическая реальность, связанная с прогрессом в компьютерной и телекоммуникационной областях, оказывает кардинальное влияние на современный политический дискурс, значительно видоизменяя его и заставляя всех его участников искать новые формы и методы взаимодействия с непрерывно изменяющейся языковой средой. Политическая коммуникация не только информирует, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, что приводит к значительному видоизменению политической картины мира. Новая современная политическая киберреальность объединяет и уравнивает различные социальные, этнические и возрастные группы, формируя глобальный электронный политический дискурс со своими правилами, законами и порядками. Их исследование представляет актуальную задачу лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляевская Е. Г. Стратегии формирования скрытых смыслов в медиадискурсе (на материале британской прессы) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 109–123. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург : УрГПУ, 2011. 252 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафорика политического дискурса // Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург : УрГПУ, 2006. 206 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Российский гос. ун-т, 1995. С. 144–238.

Пищальникова В. А. Функциональные эквиваленты понятия как ментальная основа динамики значения слова [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (777). 2017. С. 78–96. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ, 2003. 248 с.

УДК 81.373.46

А. В. Пискарёва
аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена анализу процесса метафоризации фонетических терминов. Метафоры в области фонетической терминосистемы рассматриваются в рамках общих изменений в требованиях к терминам и в понимании самой метафоры, вызванных современными тенденциями развития науки в целом и лингвистики, в частности. Метафора трактуется как средство мышления, основанное на аналогии. В статье отмечается влияние когнитивной науки на исследования в области метафоры, обусловившее открытие в ней таких свойств, как эвристическая и объяснительная сила, участие в образовании новых смыслов, категоризация окружающего мира и т. д. Материалом исследования послужили русские и немецкие фонетические термины-метафоры, взятые из словарей на русском и немецком языках. Вошедшие в список метафоры были распределены по группам в зависимости от сферы-источника. Объем анализируемого материала позволяет представить в первом приближении круг метафор, употребляемых в фонетической русскоязычной и немецкоязычной терминологии. Особое внимание при анализе было сконцентрировано на описании разнообразия ассоциаций, лежащих в основе метафор этих групп, а также сходстве и различиях сфер-источников фонетической метафоры в русском и немецком языках.

Проведенный анализ показал, что сферы-источники метафор в большинстве своем совпадают, однако это не означает тождественности относящихся к ним единиц. Выводы, сделанные на основе проанализированного материала, не претендуют на абсолютную точность, а показывают только достаточно общий обзор метафор, характерных для фонетики как части лингвистической науки и содержащих некоторые специфические особенности в зависимости от языка-источника. В статье представлена таблица, содержащая примеры метафор и информацию о соответствии каждой из выявленных групп метафор в русском и немецком языках, для чего используются знаки «больше», «меньше», «равно» или «приблизительно равно». Установлено, что в фонетической терминосистеме обоих языков используются аналогии звучащей речи с природными объектами, строениями и вещами, созданными человеком, абстрактными понятиями, а также литературными образами.

Ключевые слова: метафора; метафоризация; термин; фонетика; сфера-источник метафоры; русская, немецкая терминология.

A. V. Piskareva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

METAPHORIZATION OF PHONETIC TERMINOLOGY

The article analyzes the process of metaphorization of phonetic terms. It is stressed that for understanding the nature of metaphor it is important to consider phonetic terminology in the context of general changes caused by modern linguistic trends. Metaphor is considered as a means of thinking based on analogy. The article stresses the influence of cognitive science on research in the field of metaphor, which has led to the discovery of its heuristic and explanatory power, its role in creating new meanings and categorizing the surrounding world. The analysis is based on Russian and German phonetic terms that are used metaphorically. The analyzed material reveals a wide range of metaphors used in Russian and German phonetic terminology. Attention was paid to describing the variety of associations that underlie metaphors of certain groups and to discussing similarities and differences in the spheres-sources of phonetic metaphors in Russian and German.

The analysis has shown that to a great extent the sphere-sources of metaphors coincide, however this does not suggest that linguistic units related to them are identical. It is proved that phonetic terminology in both languages relies on analogies between sounds, on the one hand, and natural objects, structures and things created by man, abstract notions, and also literary images, on the other hand. Specificity of German phonetic metaphors is the representation of consonant sounds through associations with friction, slip, click, etc., whereas Russian metaphors appeal to the image of noise, whistle, hissing of some kind. Examples illustrating the main features of Russian and German phonetic metaphors are described and partially translated in the text of the article. The importance of research into metaphorized terms, viewed as elements of the language of science and factors that influence understanding and thinking is stressed.

Key words: metaphor; metaphorization; term; phonetics; sphere-source of metaphor; Russian, German terminology.

Терминология, оформившаяся, по мнению В. А. Татаринова, в 30-е гг. XX в., долгое время испытывала трудности, предпринимая попытки определить основные характеристики предмета своего исследования – термина [Татаринов 1995]. Стремясь сделать термин идеальным инструментом мышления, на протяжении многих десятилетий его искусственно очищали от двусмысленности и образности [Татаринов 1995, Алексеева 1998].

Однако результаты множества современных работ, посвященных изучению терминосистем разных предметных областей, всё чаще фиксируют отступление от «строгого классического понимания терминов и подчеркивают их многофункциональность» [Братцева 2017 с. 22].

Когнитивная наука, обобщившая достижения лингвистики, психологии, нейронаук, антропологии, во многом повлияла и на исследования терминологии. Новый взгляд на лингвистические проблемы стал возможен, как отмечает Е. С. Кубрякова, благодаря объединению различающихся между собой направлений и школ общей задачей «дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают» [Кубрякова 2001 с. 9].

В когнитивной лингвистике сформировался взгляд на метафору как связующее звено между мышлением и языком [Лакофф 2008], опираясь на эту точку зрения, мы считаем изучение терминов-метафор перспективным направлением терминоведения.

Целью нашего исследования является анализ метафоризации русскоязычной и немецкоязычной фонетической терминологии.

Сборник статей «Теория метафоры», опубликованный 1990 г., представил новое понимание свойств метафоры: «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990, с. 6].

Метафора была признана наиболее удобным средством познания. Многократно подчеркивалась ее эвристическая сила, ее способность рассматривать сложные многоуровневые предметы познания через простые, уже известные, представлять ненаблюдаемое через чувственно данное [Кубрякова 1996]. Также за метафорой закрепилась роль способа оценки и объяснения мира [Будаев 2007].

Участие метафоры в процессе образования новых смыслов была сопоставлена со способностью естественного языка «извлекать значение из образа» [Арутюнова 1990, с. 10]. Метафору стали рассматривать как механизм введения новых значений слова.

Кроме того, метафора становится средством создания новых понятий благодаря ее способности «высвечивать» сходство исследуемых объектов [Кубрякова 1996, Арутюнова 1990].

Однако использование метафоры влечет за собой важные последствия. Как отмечет Дж. Лакофф, выдвигая гипотезу инвариантности, в метафоре частично сохраняется структура сферы-источника, которая оказывает определенное влияние на дальнейшие выводы об объекте

познания [Лакофф 2008]. Таким образом, использование конкретной метафоры в рассуждении обусловливает и выводы, которые мы можем сделать. В этом заключается значительная исследовательская ценность, так как если такие метафоры, лежащие в основе терминов, в каждом языке специфичны, т. е. ориентированы на различные образы, то и модели того или иного явления не будут совпадать.

Метафора с точки зрения когнитивной науки получила статус концептуальной, в которой отображена связь между двумя сферами понятий [Костева 2017]. Анализ сфер-источников концептуальной метафоры представляет собой большой интерес, так как позволяет выявить, какие аналогии были положены в основу термина, и, соответственно, какие преимущества и ограничения у этого термина существуют.

Анализируя проблему соотношения терминов-метафор в разных языках, мы обратились к немецкой и русской фонетической терминологии. В описанный нами языковой материал вошли словари русских и немецких фонетических терминов. Интерес представляло не только выявление метафоризированных единиц, но и определение соотношения терминов-метафор и обычных терминов. Так, из 310 немецких фонетических терминов 61 – это термины-метафоры, что составило 20 % от общего количества. В русском языке было проанализировано 350 словарных единиц, из них 85 оказались терминами-метафорами, т. е. 24 % от всего объема.

Особенности произношения звука, изменение тона, выделение определенного слога или слова в потоке речи составляют часть предмета фонетики, наиболее доступную восприятию, однако ее осмысление происходит преимущественно через метафору. Первое, что ассоциируется с термином «звук» – это его характеристика «высокий» / «низкий».

В русской и немецкой терминологической традиции звук понимается через метафору пространства: расположения вверху или внизу. В основе образа лежит как абстракция (например: *рус.* высота голоса, восходящая и нисходящая интонация; *нем.* Tiefbetonung, Tonhöhe), так и конкретный образ горы (например, *рус*. мелодическая вершина, акцентная вершина, *нем.* Tongipfel). Термин *tonaler Bogen* можно считать сочетанием сменяющих друг друга направлений – вверх и вниз.

Динамичность речи описывается метафорой реки, например: *рус*. поток речи, *нем*. Redefluß, Vorlauf, Nachlauf. В немецком языке

подчеркивается, что этот поток речи направленный: *Tonführung* (дословно: направление тона).

Звучащая речь объективно существует, но не имеет характеристик, которые относятся к материальным объектам. Рассматривая фонетические термины, мы обнаруживаем у речи подобные характеристики. Например: *рус.* мелодический вес, сила голоса; *нем.* Schwerpunkt (*досл.* 'центр тяжести').

Метафорически распространяя на поток речи значение «действующей силы», лингвисты понимают выделение слога и слова в потоке речи как воздействие этой силы: *рус.* ударные звуки, безударные гласные. В немецком языке подобным термином является *Akzent,* содержащий в себе латинский корень *accentus* – ударение.

Интересно отметить также цветовую метафору. Набор сопровождающих произносимый звук призвуков в немецком языке обозначается термином *Klangfarbe*, что соответствует русскому *окраска звука*. Характеристики этой окраски также связаны с цветовой метафорой: *dunkle Klangfarbe – helle Klangfarbe.* В сфере русскоязычной прикладной и математической лингвистики цветовая фонетическая метафора достаточно сильно распространена. Например, диссертационное исследование М. В. Григорьевой посвящено изучению влияния на распознавание речи разного типа шумов, а именно *розового* и *белого* [Григорьева 2016].

Особую группу образуют термины, называющие согласные звуки по виду артикуляции. Несомненно, все они, как и согласные по месту образования, являются результатом метонимии, где объект действия заменяется самим действием либо его характеристикой (например, *рус*. переднеязычные, заднеязычные или *нем*. Zweilippenlaute, Vorderzungelaute).

При рассмотрении терминов, обозначающих особенности преодоления воздухом преграды при произнесении согласного звука, невольно проводится аналогия между звуком работающего механизма, в котором дребезжат и дрожат запчасти, смыкаются и размыкаются отдельные детали. Отсюда термины: *щелевые, смычно-взрывные, смычно-проходные, смычно-щелевые, дрожащие звуки*; а также *свистящие, шипящие согласные.*

Несколько отличающиеся ассоциации лежат в основе немецкоязычных подобных терминов. Подтвердим нашу мысль примерами.

Так, компонент *Verschluß* в составе фонетических терминов переводится как «смычка», однако одно из его значений в общеупотребительной лексике – зажим, крышка.

Таким образом, можно предположить следующее:

Verschlußöffnungslaut (смычно-проходной звук) – аналогия со звуком при размыкании зажима, открытии крышки чего-либо.

Verschlußsprenglaut (смычно-взрывной звук) – аналогия со звуком отталкивания с силой верхней закрывающей части чего-либо.

Verschlußengelaut (смычно-щелевой звук) – звук, образованный прохождением воздуха через узкое отверстие.

Звук подобный тому, который возникает при трении через что-то узкое – *Engereibelaut* (щелевой звук) и *Zitterlaute* – звуки дрожания, дребезжания – также могут быть отнесены на счет созданного образа.

Несмотря на то, что мы описали некоторое различие в русских и немецких терминах-метафорах, называющих согласные звуки, их сфера-источник нам представляется всё-таки общей: действующий механизм или предмет, заключающий в себе определенный запас энергии.

Напротив, в терминах, называющих гласные звуки, подчеркивается статичность. И в русском, и в немецком языках используется образ контейнера, например *рус*. открытые, закрытые гласные; *нем.* offene Vokale, geschlossene Vokale.

Перечислим другие сферы-источники метафоры, специфичные для русского языка: свойство вещества (*рус*. твердые, мягкие согласные); музыкальный инструмент (*рус*. барабанящие согласные).

Говоря о звуках, уместно рассмотреть и термины-метафоры артикуляционного аппарата. На наш взгляд, это самая образная часть фонетической терминологии, представленная в значительной мере прямыми эквивалентами. Например, *рус*. адамово яблоко, *нем.* Adamsapfel. Это метафора, указывающая на сходство по форме с яблоком, отсылающая нас к библейскому персонажу, имя которого, несомненно, прецедентное и ассоциируется с яблоком.

Растительная метафора является частью вошедших уже в состав общеупотребительной лексики терминов, например *рус.* корень слова, корень языка, *нем.* Zungenwurzel.

Названия хрящей, относящихся к строению артикуляционного аппарата, содержат яркий образ, описывающий их внешнюю форму.

Так, в русском языке мы встречаем термины со сферой-источником «постройка»: *пирамидальные хрящи.* Как в немецкой, так и в русской традиции встречается уподобление по форме разновидности посуды: *рус*. черпаловидные хрящи, *нем.* Gießbeckenknorpel (*досл.* 'емкость, которой что-то наливают'), уподобление по форме предмету воинских доспехов: *рус.* щитовидный хрящ, *нем*. Schildknorpel.

Важно отметить, что источником метафоры служат не только предметы, находящиеся вокруг человека, но и названия частей тела, например *рус*. спинка языка (также *нем.* Zungenrücken) – аналогия со спиной человека, *нем*. Kehlkopf – подчеркивается сходство расширяющейся части гортани с головой.

Голова человека и названия ее частей служат источником метафоры для терминов, обозначающих элементы артикуляционного аппарата, например, язык и *язычок мягкого нёба.* В немецком языке подобным образом метафорически используется термин губы – *Lippen*: *Stimmlippen* (*досл.* 'голосовые губы'), несмотря на это, есть и синоним *Stimmbänder* (*досл.* 'голосовые ленты'), эквивалентный русскому *голосовые связки*.

Аналогии, проводимые немецкими фонетистами при назывании полости рта и полости носа, указывают на сходство с пещерой: *Mundhöhle* (*досл.* 'ротовая пещера'), *Nasenhöhle* (*досл.* 'носовая пещера') – и с помещением, комнатой: *Mundraum*. Очень оригинален в этом отношении термин *Mundvorhof – досл.* 'преддверие рта' либо 'передний двор' рта. Так метафорически описано место артикуляции.

Образ преград, а также образ речи как потока хорошо дополняет образ плотины, дамбы: *нем*. Zahndamm – альвеолы (*досл.* 'зубная дамба').

Русский термин *нёбная занавеска*, обозначающий фактически определенный набор мышц, благодаря метафоре пробуждает в нашем сознании образ ткани, в котором, тем не менее, отображена основная функция этих мышц – отгораживание, «завешивание» прохода.

Немецкий аналог этого термина *Gaumensegel* также образный (*Segel* – парус). Однако следует, что в немецком варианте метафора не способствует более четкому пониманию назначения групп мышц.

Таким образом, не группируя термины по значению, а взяв за основу сферу-источник метафоры, можно составить следующую таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды фонетических терминов-метафор по сфере-источнику

Русскоязычный материал	Соотно-шение	Немецкоязычный материал
Метафора-библеизм *адамово яблоко*	=	Метафора-библеизм *Adamsapfel*
Метафора контейнера *закрытые гласные*, *открытые гласные*	=	Метафора контейнера *geschlossene*, *offene Vokale*
Растительная метафора *корень слова*, *корень языка*	=	Растительная метафора *Wurzel*, *Zungenwurzel*
Метафора геометрического объекта *округленные гласные*	=	Метафора геометрического объекта *gerundete Vokale*
Метафора потока *поток речи*	=	Метафора потока *Redefluß*
Метафора ширины объекта *узкие*, *широкие гласные*	=	Метафора ширины объекта *enge*, *breite Vokale*
Метафора чистоты *чистые гласные*	=	Метафора чистоты *reine Vokale*
Пространственная метафора *акцентная вершина*, *высота голоса*, *мелодическая вершина*	≈	Пространственная метафора *Tongipfel*, *Tonhöhe*, *Tonhöhestufe*, *tonaler Bogen*, *Tiefbetonung*, *Mundraum*
Метафора свойства вещества *мягкие и твердые согласные*, *мягкий и твердый приступ*	≈	Метафора свойства вещества *weiche*, *harte Konsonanten*

Русскоязычный материал	Соотно-шение	Немецкоязычный материал
Метафора цепи *цепь*, *акцентная цепь*, *звено*, *акцентное звено*	≈	Метафора цепи *Kette*
Метафора силы *гортанный взрыв*, *носовой взрыв*, *ударение*, *ударные звуки*, *безударные гласные*, *сила голоса*	>	Метафора силы *Explosion*, *Sprengung*
Цветовая метафора *окраска звука*, *розовый шум*, *белый шум*	>	Цветовая метафора *Klangfarbe*
Метафора веса *мелодический вес слога*, *акцентный вес*	>	Метафора веса *Schwerpunkt*
Метафора постройки и помещения *пирамидальные хрящи*	<	Метафора постройки и помещения *Mundhöhle*, *Mundvorhof*, *Nasenhöhle*, *Rachenhöhle*, *Resonanzhöhle*, *Rachenwand*, *Zahndamm*
Метафора части тела *спинка языка*	<	Метафора части тела *Zungenrücken*, *Kehlkopf*
Метафора музыкального инструмента *барабанящие согласные*	≠	
	≠	Метафора трубы *Ansatzrohr*
	≠	Метафора острого предмета *Zungenspitze*

В таблице наглядно показано, что сферы-источники метафоры в большинстве своем совпадают, но встречаются и нюансы, характерные для каждого языка. Так, например, произносимые согласные звуки у носителей немецкого языка вызывают ассоциации трения, скольжения, щелчка, а также звука, порождаемого при открывании и закрывании чего-либо. Русскоязычные термины содержат отсылку к образу шума, свиста, шипения и т. д. какого-либо механизма.

В рассмотренном нами языковом материале метафора музыкального инструмента была представлена только в русском языке.

В качестве особенности немецкой фонетической терминологии следует отметить метафору пространства, описывающей области (рта, носа), участвующие в порождении звуков речи.

Таким образом, среди метафор, входящих в фонетическую терминосистему, одинаково успешно используются указания на аналогии и сходства звучащей речи с природными объектами, строениями и вещами, созданными человеком, абстрактными понятиями, а также литературными образами. Это то, что входит в окружающую человека реальность, отражает его жизненный опыт. Создавая метафору, ученый следует ей в процессе работы. Она позволяет вычленить часть изучаемого предмета, вызывает в сознании образ, моделирующий то, что недоступно непосредственному восприятию. Благодаря метафоре легче найти причинно-следственные связи, а значит, понять суть явления.

Изучение и сопоставление терминов-метафор разных языков имеет большое значение, так как одно и то же явление в разных традициях может быть представлено различающимися образами, знание о которых может привести к лучшему пониманию, облегчит общение исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5-32.

Братцева А. Л. О семантической неопределенности специальных лексических единиц [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 21–31. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Будаев Э. В. Становление когнитивной метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.

Григорьева М. В. Влияние зашумлённости речи на восприятие смысловой информации : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 23 с.

Костева В. М. «Тоталитарная лингвистика» и ее дискурсивные практики [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 381–390. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 4–10.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. А. Н. Баранова. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. Кн. 1. М. : Московский лицей, 1995. 334 с.

Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart : Kröner, 2002. 904 S.

Duden Das Bedeutungswörterbuch. – Bibliographisches Institut, 2010. 1152 S.

Glück H. Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart : Metzler, 2000. 817 S.

Hall T. A. Phonologie: eine Einführung. Berlin : de Gruyter, 2000. 338 S.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin : de Gruyter. 1999. 921 S.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. Tübingen : Niemeyer, 2002. 782 S.

УДК 81.3

Фэн Юэ

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: fengy4011@gmail.com

МЕТАФОРА ПЕРСОНИФИКАЦИИ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ (на материале русского и китайского языков)

В статье рассмотрены проблемы метафоры персонификации в русских и китайских народных сказках о животных. В работе проанализирована теория метафоры персонификации под ракурсом когнитивной лингвистики, а также ее лингвистические аспекты.

В основу исследования положена концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предложивших выделять три типа концептуальных метафор – структурные, пространственные и онтологические. Персонифирующая метафора, в соответствии с указанной классификацией, относится к третьему типу и, следовательно, является разновидностью онтологической метафоры.

Персонификация понимается в данной работе как наделение предметов и явлений природы свойствами живых существ, например такими человеческими качествами, как способностью мыслить, чувствовать, говорить и т. д., а также антропоморфным обликом. Данный вид метафоризации встречается в различных видах текста, однако чаще всего он наблюдается в сказках, в том числе в сказках о животных, являющихся материалом данного исследования.

Универсальной метафорической моделью данного вида народных сказок является ЖИВОТНОЕ – ЭТО ЧЕЛОВЕК, где сфера-источник – ЧЕЛОВЕК, а сфера-цель – ЖИВОТНОЕ, в силу чего животные-персонажи сказок наделяются человеческими чертами.

Метафора персонификации может быть выражена различными единицами языка, в первую очередь – лексемами и фразеологизмами. В данной статье анализу подвергались преимущественно лексические средства языка, которые были охарактеризованы с точки зрения их принадлежности к той или иной части речи.

Ввиду разнообразия мнений на проблему частей речи в китайском языке, в том числе их полного отрицания, была избрана наиболее распространенная концепция, разделяемая большинством специалистов: на основе синтаксического критерия выделяются части речи, в основном совпадающие с теми, которые имеются в языках других типов.

В статье рассматриваются случаи персонификации глаголов, имен существительных, прилагательных и наречий. Наиболее всего процессу метафоризации подвержены глаголы. Персонификация имен существительных встречается реже, при этом особый интерес представляют апеллятивы, отражающие особенности русской и китайской культур. В русских сказках было обнаружено мало прилагательных и наречий персонификации, в китайских сказках их количество значительно больше.

Ключевые слова: концептуальная метафора; персонификация; часть речи; русские сказки; китайские сказки.

Feng Yue

Post-graduate, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: fengy4011@gmail.com

PERSONIFICATION METAPHOR IN FOLK TALES ABOUT ANIMALS (an analysis of Russian and Chinese tales)

This article deals with the problems of personification metaphors in Russian and Chinese folk tales about animals. The article analyzes the theory of metaphor of personification in terms of cognitive linguistics, as well as its linguistic aspects.

This research is based on the concept of George Lakoff and Mark Johnson, who proposed to distinguish three types of conceptual metaphors – structural, spatial and ontological metaphors. The personifying metaphor, according to this classification, belongs to the third type. Therefore, it is a kind of ontological metaphor.

In this work personification is understood as follows: a natural thing or phenomenon is given human attributes and appearance, for example, the ability to think, feel, talk, etc. This type of metaphorization can be found in various texts, but more often it occurs in folk tales, including tales about animals, which is the material of this study.

Universal metaphorical model of this type of folk tales is ANIMAL IS HUMAN, where the source domain – HUMAN, the target domain – ANIMAL, whereby animals in the folk tales endowed with human traits.

The metaphor of personification can be expressed by different language units, first of all – lexemes and phraseological units. The article mainly analyzes the lexical means of language, which was characterized from the point of their belonging to one or another part of speech.

In view of the diversity on the problem of parts of speech in the Chinese language, including their complete denial, the most common concept shared by the experts was chosen: on the basis of the syntactic criterion, parts of speech, mostly coinciding with those available in other types of languages, are distinguished.

The article considers personification of verbs, nouns, adjectives and adverbs. Verbs are the most liable to the process of metaphorization. Personification of the nouns is less common, while special interest is represented by appellative that reflect the featurs of Russian and Chinese cultures. In Russian fairy tales, only few adjectives and adverbs of personification have been found, in Chinese tales, their number is much larger.

Key words: conceptual metaphor; personification; part of speech; Russian folk tales; Chinese folk tales.

В науке о языке трудно найти явление, имеющее столь длительную историю изучения (от Аристотеля и до наших дней), использующееся

в разных сферах коммуникации и обладающее мощным потенциалом воздействия в силу своей образности, яркости и в чем-то парадоксальности выражения мысли. При этом внимание к данному явлению не ослабевает, а, напротив, растет (особенно с появлением когнитивной лингвистики). Речь идет о метафоре, одной из разновидностей которой посвящена данная статья.

«Традиционно под метафорой понимается троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [ЛЭС 1990, с. 296].

Будучи многоаспектным явлением, метафора составляет предмет изучения ряда отраслей знания и разделов лингвистики. Как определённый вид тропов метафора изучается в поэтике (стилистике, риторике, эстетике), как источник новых значений слов – в лексикологии, как особый вид речевого употребления – в прагматике, как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи – в психолингвистике и психологии, как способ мышления и познания действительности – в логике, философии (гносеологии), когнитивной психологии и когнитивной лингвистике.

В данной работе мы опираемся на теорию концептуальной метафоры, сложившуюся в 70–80-е гг. XX в. на основе трудов американских ученых – лингвиста Дж. Лакоффа и философа М. Джонсона, рассматривавших метафоризацию как один из центральных процессов в концептуализации мира [Лакофф, Джонсон 1990]. В их работе «Метафоры, которыми мы живем» метафорика языка предстает не как перечень случаев семантической деривации, а в более системном виде – как блоки метафоризации, опирающиеся на базовые концептуальные метафоры типа ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

В России подобную точку зрения на метафору разделяют Н. Д. Арутюнова, В. И. Заботкина, М. Н. Коннова, М. В. Никитин, Е. О. Опарина и др.

В работах упомянутых выше лингвистов метафора трактуется как понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида. Таким образом, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры

«источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping) [Лакофф, Джонсон 2004, с. 9].

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают следующую типологию концептуальных метафор, неоднократно воспроизводимую в работах других лингвистов:

1) структурные метафоры, метафорически структурирующие одно понятие в терминах другого;
2) пространственные метафоры (ориентационные), где главными являются параметры *верх – низ, внутри – снаружи, над – под*;
3) онтологические метафоры, представляющие в языке действия и события как объекты, деятельность как субстанцию, состояние как контейнер [Лакофф, Джонсон 2004].

Разновидностью онтологической метафоры является персонификация, которая «заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, часто даже человеческими: способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликом и т. д.» [Иванова 2010]. По словам Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «это позволяет осмысливать опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей [Лакофф, Джонсон 2004, с. 59].

В качестве материала исследования выступают сказки о животных на русском и китайском языках. Очевидно, правомерность отнесения животных к «неживым сущностям» может вызывать сомнения. Действительно, олицетворение в сказках явлений природы, времен года, фрагментов ландшафта, бытовых предметов не противоречит теории персонификации. Что касается животных, то ряд ученых, рассматривая сказки, мифы и притчи, выделяют в живой природе человека и животных, говорят при этом о персонификации применительно к последним [Гончарова 2010, с. 232; Третьякова 2014, с. 113]. Мы разделяем данную точку зрения, о чем свидетельствует не только анализируемый ниже материал, но и название данной статьи. Сошлемся также на тот факт, что в психологии под персонификацией понимается «наделение *животных* (выделено нами. – *Ф. Ю.*) и растений, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы

человеческими свойствами, представление их в лицах». [Краткий психологический словарь 1985, с. 241]

Возвращаясь к рассмотренной выше типологии концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, проиллюстрируем каждый тип примерами концептуальных метафорических моделей [Заботкина, Коннова 2012, с. 52–53]:

1) в структурных метафорах сфера опыта и деятельности (например, *время, жизнь*) концептуализируется благодаря наложению на нее структур других областей (денег, путешествия): ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ, ЖИЗНЬ – ПУТЬ;

2) пространственные (ориентационные) метафоры структурируют абстрактные и предметные сферы в соответствии с ориентациями в пространстве, появившимися в результате сенсомоторного опыта, например: БОЛЬШЕ – ВЕРХ, ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО, ПО КОТОРОМУ МЫ ДВИЖЕМСЯ :БУДУЩЕЕ – ВПЕРЕДИ, ПРОШЛОЕ – ПОЗАДИ;

3) онтологические метафоры структурируют абстрактные сущности (события, действия, эмоции, идеи) на основе человеческого опыта, связанного с физическими объектами (предметами и веществами), когда свойства, присущие материальным объектам (форма, консистенция, размер) проецируется на абстрактные объекты, например: ОБЩЕСТВО – ЭТО ЗДАНИЕ. Соответственно, рассматриваемая нами метафорическая модель персонификации в русских и китайских народных сказках о животных – ЖИВОТНОЕ – ЭТО ЧЕЛОВЕК. В этой метафоре сфера-источник – ЧЕЛОВЕК, сфера-цель – ЖИВОТНОЕ. Аспекты человеческого существования бесчисленны, так что когнитивный процесс метафорической категоризации в терминах персонификации чрезвычайно разнообразен. Поэтому животные-персонажи сказок наделяются человеческими чертами: они могут говорить, думать, петь, одеваться, жить в избушке, хотя в живой природе это невозможно.

Обратимся к более подробному рассмотрению объектов персонификации в русских и китайских народных сказках.

По В. Я. Проппу, русские сказки подразделяются на три вида: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. В первом виде сказок животные являются основным объектом или субъектом повествования. Количество русских сказок о животных невелико – они

составляют около 10 % всего русского сказочного репертуара [Пропп 2000, с. 356]. В сборнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (в 5 томах) [Афанасьев 2008] сказки о животных содержится только в первом томе в количестве 41.

В анализируемом материале встречается довольно много названий животных, включая млекопитающих (это наиболее часто упоминаемая группа номинаций, в том числе *лиса, волк, медведь, заяц, кот, собака, баран, боров, козел, овца*), птиц (*петух, курица, журавль,дятел, цапля, дрозд, тетерев, орел, ворона*), рыб (*рак, щука*), насекомых (*комар, муха, пчела*) и т. д.

Первое место по частоте встречаемости в русских сказках о животных занимает *лиса* (21 сказка из 41). Остальные часто упоминаемые животные – *волк, медведь, курица, петух, заяц, кот, козел, баран.*

Китайские народные сказки, как и русские, подразделяются на сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Эту точку зрения разделяют китайские ученые (Чжун Цзинвэнь, Хуан Тао) и русские ученые (Б. Л. Рифтин, Е. М. Мелетинский). Китайский фольклорист Хуан Тао утверждает, что сказки о животных – это те сказки, в которых главными героями являются персонифицированные животные, растения и другие живые существа [Хуан Тао 2013].

Количество китайских народных сказок о животных значительно, но меньше волшебных. В сборнике «Китайские народные сказки о животных» содержится 91 сказка, однако, общее количество сказок данного вида больше, что подтверждается обращением к другим изданиям сказок. В настоящей статье анализируются тексты 41 русской и 45 китайских сказок указанного вида.

Чаще других в китайских народных сказках встречаются названия следующих животных: *тигр, заяц, лиса, обезьяна, черепаха, волк, лягушка, лошадь, козел, корова, кот, мышь, петух, лев, воробей*. Помимо этого, упоминаются *утка, осел, леопард, медведь, верблюд, павлин, дятел, светлячок* и т. д.

Обращает на себя внимание наличие в данном перечне названий животных, нехарактерных для китайской фауны – в первую очередь *лев* и *леопард*. Очевидно, это объясняется огромным размером территории Китая и проживанием на этой территории не только народа хань, но и представителей других этнических групп, в фольклоре которых сохранились образы животных, не встречающихся на территории страны.

Сопоставительный анализ названий животных в русских и китайских сказках свидетельствует о совпадении большей части персонажей-животных. Наиболее заметным отличием является образ самого сильного животного – в русских сказках это медведь, в китайских – тигр.

Обратимся непосредственно к рассмотрению явления персонификации и его лингвистическому аспекту.

Выше уже приводилось определение персонификации, данное Е. В. Ивановой, которого мы придерживаемся. Целью статьи является анализ лингвистической стороны упомянутого явления.

Прежде всего возникает вопрос: какие единицы языка реализуют само понятие персонификации, т. е. их значение является вторичным и применительно к животным выступает в качестве метафоры, перенося характеристики человека на животное. Ответ на вопрос, какие части речи включаются в процесс метафоризации, упирается в кардинальные различия грамматики китайского и русского языков. Проблема частей речи сама по себе является одной из сложнейших в языкознании, дополнительные трудности возникают при сопоставлении разноструктурных языков. Если рассматриваются части речи как классы слов, выделяющихся по морфологическим признакам, то следует признать, что в китайском языке частей речи нет. По мнению С. Е. Яхонтова, эту точку зрения не поддерживает почти никто из специалистов по китайскому языку. Ученый строит свою концепцию на том, что «синтаксические признаки частей речи гораздо более устойчивы и постоянны, чем морфологические, и меньше изменяются от языка к языку. Основные синтаксические функции частей речи для большинства, а может быть и для всех языков, одинаковы. Но все же в некоторых языках тем или иным частям речи может быть свойственна совершенно непривычная для нас роль в предложении» [Яхонтов 2016, с. 168].

Таким образом, мы исходим из наличия в китайском языке частей речи, выделяемых на основе не морфологического, а синтаксического критерия.

Далее будут рассмотрены случаи персонификации на примере таких частей речи, как глагол, имя существительное, прилагательное и наречие.

Глаголы наиболее всего подвержены процессу метафоризации [Хахалова 2011, с. 99]. Персонифицирующие глаголы описывают

человеческие действия, совершаемые животными. Чаще всего животные в сказках обладают даром речи. В русских народных сказках о животных это выражается такими глаголами, как *говорить, спрашивать, отвечать, повторять, кричать* и т. п. Например*:*

Каша съедена; лисица и ***говорит***: «Не обессудь, любезный кум! Больше угощать нечем!» (*Лиса и журавль*)

(*Козел*) Увидал там лису и ***спрашивает***: – Что ты там, лисонька, поделываешь? – Отдыхаю, голубчик, – ***отвечает*** лиса. (*Лиса и козел*)

Приходит и ***говорит***: «Цапля! Я ***вздумал*** на тебе ***жениться***, ***пойди*** за меня! (*Журавль и цапля*)

В китайских народных сказках способность говорить выражается такими глаголами, как 说 (*говорить*), 问 (*спрашивать*), 回答 (*отвечать*), 叫道 (*закричать*). Например:

乌鸦担心起狐狸来了，急忙飞到洞口**叫道**: “请问狐狸老妈妈，你下石洞去干什么呀?” – Ворона начала беспокоиться о лисе и ***закричала***: «Скажи, пожалуйста, лиса-тетушка, почему ты в каменном гроте?»

狐狸笑着对乌鸦**说**：“唉，不幸的很呀,” – Смеясь, лиса ***говорит*** вороне: «Ай, как жаль» (乌鸦为什么哇哇叫. – *Почему ворона кричит ва-ва*.)

Кроме того, животные совершают действия, которые свойственны только человеку, например в сказках животные могут подружиться, жениться, пригласить друзей в гости, петь, молчать, научиться чему-нибудь и т.д. В русских народных сказках о животных нами были отмечены следующие примеры:

Лиса с журавлем ***подружилась***, даже ***покумилась*** с ним у кого-то на родинах. – Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя ***угощу***! Лиса ***наварила*** манной каши.

(*Журавлль*) ***Положил*** в кувшин с малым горлышком. – ***Кушай***, кумушка! Право, больше нечем ***потчевать*** (*Лиса и журавль*).

Поклонилась лиса коту и спрашивает: – Скажись, добрый молодец, кто ты таков? А кот вскинул шерсть свою и говорит: – Я из сибирских лесов ***прислан*** к вам бурмистром, а ***зовут*** меня Котофей Иванович (*Кот и лиса*).

Петух ходил по избе да ***молчал***. – Нет, лиса, не ***обманешь*** меня! Не выгляну в окошко. – А то вишь – я тебя ***люблю***, хочу тебе свет ***показать***,

уму-разуму тебя ***наставить*** и ***научить***, как нужно жить (*Кот, петух и лиса*).

В китайских народных сказках животные также могут совершать ряд человеческих действий. Это выражается такими глаголами, как 唱歌 (*петь*), 数 (*считать*), 报复 (*отомстить*), 吃惊 (*удивиться*), 鞠躬 (*поклониться*), 信 (*верить*). Например:

蚯蚓脾气很好，时常**唱歌**给虾子听，帮他减少寂寞和痛苦。 – Характер у земляного червя хорош, он часто ***поет*** раку, чтобы уменьшать его тоску и горе (蚯蚓和虾子 – *Земляной червь и рак*).

兔子**说**："他们都在家里哩，你没看见。你不**信**，咱两家**比比**看，看谁家人多！" – Заяц говорит: «Они все дома, ты не видишь. Если ты не ***веришь***, давай ***сравним*** количество членов вашей и нашей семей!»

...兔子说："今天先**数**你的儿女，明天再**数**我们的弟兄。" – Заяц говорит: «Сегодня ***посчитай*** количество ваших детей, завтра ***посчитай*** количество наших» (兔子的尾巴 – *Хвост зайца*).

老虎听了**大吃一惊**。 – Услышав это, тигр ***очень удивился*** (鹿和老虎 – *Олень и тигр*).

谁也想不出个办法**报复**他（狐狸）一下。 – Никто не придумал как ***отомстить*** лисе (狐狸、猴子、兔子、马 – *Лиса, обезьяна, заяц, лошадь*).

老虎连忙**跪下叩头**，**求**猫把全套本事教给他。 – Тигр поспешно ***опустился на колени***, ***попросил***, чтобы кот научил его всем навыкам (猫和老虎、老鼠 – *Кот, тигр и мышь*).

Кроме того, в текстах китайских сказок обнаружены следующие примеры глаголов персонификации: 盖 (устроить), 教 (учить), 哀求 (умолять), 保证 (обещать), 同情 (сочувствовать), 搬家 (переселять), 后悔 (сожалеть), 取笑 (высмеивать), 暴跳如雷 (взбеситься от злости) и др.

Имя существительное реже, чем глагол, используется в персонифицирующей функции, при этом отмечены случаи использования как отдельных существительных в составе предложения, так и существительных в функции обращения. В сказках животные испытывают человеческие эмоции: печаль, радость, стыд и т. д. Они могут стать мужем и женой, бурмистром и т. д. Например:

Цапля заплакала со ***стыда*** и воротилась назад (*Журавль и цапля*).

– Здравствуй, ***кумушка***! – Здравствуй, ***куманек****!* (*Лисичка-сестричка и волк*).

– Скажись, ***добрый молодец***, кто ты таков? – Я из сибирских лесов прислан к вам ***бурмистром***, а зовут меня Котофей Иванович... Кот согласился, и начался у них пир да ***веселье*** (*Кот и лиса*).

– Попомнишь, ***блудник и пакостник*** про свои худые дела! (*Лиса – петуху*)

Премудрая княгиня! (Петух – лисе) (*Лиса-исповедница*)

В китайских народных сказках наблюдается подобная картина: так, в качестве обращений используются: 姐姐 (сестра), 老朋友 (старый друг), 大妈 (тетушка), 大哥 (старший брат), 老弟 (младший брат), 先生 (господин), 兄长 (старший брат), 大王 (царь), 师父 (учитель), 徒弟 (ученик). Например:

"狮子**先生**，"狐狸敬佩的**鞠了一躬**，"你是世界上最大的动物，谁都**敬佩**你，我们愿立你为王，听你摆布..." – «***Господин*** лев», – лиса уважительно (*с уважением*) поклонилась, – «ты – самое большое животное в мире, все тебя уважают, мы с удовольствием поставим тебя как нашего царя, все слушают твои приказы...» (狮子 – *Лев*)

老鼠在背后取笑老虎："猫**教师**，虎**徒弟**，大汉倒给小汉骑。" Мышь за спиной высмеивает тигра: «Кот-***учитель***, тигр-***ученик***, маленький едет на большом» (猫和老虎、老鼠 – *Кот, тигр и мышь*).

Кроме того, некоторые слова, описывающие эмоции человека, присутствуют в китайских народных сказках, например, 寂寞 (тоска), 痛苦 (горе).

В русских народных сказках было обнаружено мало прилагательных и наречий персонификации – их буквально единицы. Например,

Журавлю показалось ***скучно*** жить одному (*Журавль и цапля*).

Кот ***жалостно*** плачет (*Напуганные медведь и волки*).

В китайских сказках количество прилагательных и наречий персонификации значительно больше. Среди прилагательных обнаружены следующие: 得意的 (самодовольный), 谦虚 (скромный), 友好 (дружелюбный), 善良的 (добрый), 聪明的 (умный). Например:

狼说：“救救我吧，善**良的**山羊。” – Волк сказал: «Спаси меня, ***добрый*** козел» (兔子判官 – *Заяц-судья*).

小骆驼有些**好奇**。 – Маленький верблюд ***любознателен*** (小骆驼的遭遇 – *Приключения маленького верблюда*).

Примерами наречий персонификации в китайском языке являются 不耐烦 (нетерпеливо), 殷勤地 (любезно), 奇怪地 (странно), 恭敬 (уважительно), 疑惑地 (сомнительно / с сомнением), 欢快友好地 (весело и дружелюбно), 快乐地 (весело). Например:

孔雀**疑惑地**看了天鹅一眼，**悻悻地**走了。 – Павлин ***с сомнением*** посмотрел на лебедя и ***грустно*** ушел.

…这时，飞来一只**不起眼的**小麻雀，它**欢快友好地**对天鹅说:“来参加我们的聚会吧!” – В это время прилетел ***незаметный*** маленький воробей, он ***радостно*** и ***дружелюбно*** сказал лебедю: «Давай участвовать в нашем собрании!» (骄傲的天鹅 – *Гордый лебедь*).

Анализ примеров свидетельствует о наличии как сходства, так и различия в персонифицирующих метафорах, выделенных в тексте русских и китайских сказок. Перечень животных, являющихся героями сказок, примерно одинаков, однако, если в русских текстах несомненным лидером является *лиса*, то в сказках на китайском языке назвать какое-то одно животное не представляется возможным, хотя чаще других упоминаются *тигр, лиса и заяц.*

Характерной чертой сопоставляемых сказок является специфика обращений героев друг к другу, отражющая национально-культурные особенности систем апеллятивов в двух языках: *кумушка, куманек, добрый молодец, батюшка*; 姐姐 – *Сестра*, 大哥 – *старший брат*, 老弟 – *младший брат,* 徒弟 – *ученик,* 先生 – *господин* и т. д.

Таким образом, метафора персонификации, подобно волшебной фее, способной превращать животных в людей, населяет мир сказок существами, говорящими, чувствующими и поступающими как человек и тем самым «перебрасывает мостик» из реальной жизни в вымышленный мир, соответствующий не фактической, а ИНОЙ картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 5 т. Т. 1 / предисл. А. Афанасьева. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 320 с.

Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа : учеб. пособие для студ. филол. ф-к. высших учебных заведений. М. : Академия, 2010. 352 с.

Заботкина В. И., Коннова М. И. Теория концептуальной метафоры // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. Монография / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 44–74.

Иванова Е. В. Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 159–162.

Карпенко Л. А. и др. Краткий психологический словарь. М. : Политиздат, 1985. 431 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Пропп В. Я. Русская сказка (собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., комм. Ю. С. Рассказова. М. : Изд. Лабиринт, 2000. 416 с.

Третьякова Е. В. Метафора и персонификация: иерархия отношений (на примере рекламного туристского дискурса Германии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 111–116.

Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 292 с.

Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / отв. ред. Е. Н. Колпачкова. СПб. : Студия «НП-Принт», 2016. С. 160–170.

Китайские народные сказки о животных. Шанхай : Шанхай вэньи, 1978. 305 с. 上海文艺出版社. 中国动物故事集[M]. 上海：上海文艺出版社, 1978. 305.

Хуан Тао. Введение в китайскую народную литературу. 3-е изд. Пекин : Китайский народный университет, 2013. 366 с. 黄涛. 中国民间文学概论 (第三版) [M]. 北京： 中国人民大学出版社, 2013. 366.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

УДК 81.11

Г. В. Денисова

кандидат филологических наук,
доцент департамента филологии, литературоведения и языкознания
Государственного Пизанского университета;
доцент, факультет психологии Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова; e-mail: galina.denissova@unipi.it

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЕКТОР КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В работе рассматриваются интертексты как ключевые центры лингвокультуры, отражающие интерактивный процесс взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры. Комплекс постоянно востребуемых текстов, получивших статус значимых в определенный исторический момент, предлагается называть интертекстуальной энциклопедией. Исходя из того, что знания личности закладываются в рамках определенной лингвокультуры, представляется возможным различать следующие типы интертекстуальной энциклопедии: универсальную, национальную и индивидуальную. Современная ситуация информационно-культурной глобализации привела к изменению принципов взаимодействия разных энциклопедических кодов, что вылилось в эклектичную мультикультурность «постнациональных» картин мира и выявило необходимость определения того, какого рода культурная компетентность требуется в изменившихся условиях.

Ключевые слова: лингвокультура; интертекстуальная энциклопедия; культурная компетентность; постнациональные картины мира.

G. V. Denissova

PhD, Associate Professor, the Department of Philology, Literature
and Linguistics, Pisa State University; Associate Professor,
Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University;
e-mail: galina.denissova@unipi.it

INTERTEXTUAL COMPETENCE AND CULTURAL EVOLUTION NOWADAYS

The article considers intertexts that reflect the interaction between the two semiotic systems, i. e. language and culture, as key concepts of linguistic world view.

Inside the intertextual encyclopaedia that encompasses a repertoire of representative and cited works, utterances, themes, stereotypes, and clichés, it seems possible to distinguish between universal, national, and individual encyclopaedias. The current situation of cultural globalization, however, determines certain changes in the principles of interaction of different types of the intertextual encyclopaedia and reveals the necessity to reconsider the kind of cultural competence required nowadays.

Key words: linguistic world view; intertextual encyclopaedia; cultural competence; cultural globalization; post-national world view.

Интертекст в лингвокультурологической перспективе

Механизм работы лингвокультурного сообщества (далее – ЛКС) можно представить как процесс, опосредованный словом и протекающий согласно индивидуальной психической деятельности, но под контролем социально выработанных норм, значений и оценок. Интертекстуальность является категорией коммуникации, которая «играет фундаментальную роль в структуре человеческого существования, и значение ее выходит далеко за пределы художественного творчества в слове – и сферы “художественного” и сферы “словесного”» [Топоров 1993, с. 16]. Фактически это означает, что любая языковая личность формируется в рамках определенного лингвокультурного сообщества под воздействием сложившейся системы интертекстов. Интертекст является феноменом лингвокультурологической (а не собственно лингвистической) природы и функционирует как единица дискурса, за которой стоит формирующий смысл прецедентный текст.

Рассматривая формы существования, организации и функционирования знаний, которые условно делятся на знания коллективные и индивидуальные, У. Эко утверждает, что любая семантическая компетенция есть предмет абдукции в определенных контекстах согласно индивидуальным представлениям носителя языка, поэтому «формальная» (жесткая) семантика не существует [Eco 1995, с. 70]. Исходя из сказанного, при изучении интертекстов представляется целесообразным использовать дихотомию «словарный код (словарь) / энциклопедический код (энциклопедия)», где «словарь» понимается как вербально-семантическое единство, а «энциклопедия» подразумевает комплекс понятий коллективной памяти ЛКС, сформированный на основе пользования естественным языком. Именно энциклопедический код обеспечивает адекватное понимание наиболее существенных

типологических признаков и черт той культурно-ценностной системы, которая доминирует в ЛКС.

Носители языка / культуры могут относить то или иное знание (и его лингвистическое выражение) к «словарю» или к «энциклопедии» на основании трех основных критериев его оценки: обязательное, универсальное и составляющее семантическую компетенцию носителей языка знание относится к «словарю» (например, высказывание «холостяки не женаты»). Факультативное знание, не формирующее семантическую компетенцию, относится к «энциклопедии» (например, «Наполеон умер в мае 1821 года») [Marconi 1999, с. 49]. Содержащееся в высказывании «Наполеон умер в мае 1821 года» знание не составляет семантической компетенции, поскольку для его понимания совсем не обязательно помнить, когда умер Наполеон, однако знать, что речь идет об историческом деятеле, который не является, например, нашим современником, также необходимо, как и то, что золото – это металл.

Языковая (семантическая) и энциклопедическая компетенции тесно «переплетаются» и в совокупности составляют культурную компетентность личности. Комплекс систематических знаний и представлений, традиций и ценностных ориентаций, формирующих культурную компетентность личности, означает «ту условно достаточную степень социализированности и инкультурированности индивида в обществе проживания, которая позволяет ему свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных (неспециализированных) знаний, а отчасти и специализированных, но вошедших в обиход, составляющих норму общесоциальной эрудированности человека в данной среде, сумму правил, образцов, законов, обычаев, запретов, этикетных установок и иных регулятивов поведения, вербальных и невербальных языков коммуникации, систему общепринятых символов, мировоззренческих оснований, идеологических и ценностных ориентаций, непосредственных оценок, социальных и мифологических иерархий и т. п.» [Флиер 2000, с. 152].

Языковая компетенция подлежит систематизации, в то время как энциклопедическая компетенция во многом является виртуальной, хотя именно она аккумулирует социальный опыт представителей ЛКС, составляет основу культуры и интерпретативно-оценочных критериев. Такое понимание энциклопедического кода предполагает, что он не подлежит описанию именно как исчерпывающая система, что

не отрицает возможности выявления обязательных в определенный исторический момент энциклопедических знаний, без которых коммуникативный акт может не состояться.

В сознании людей, объединенных языком и историей, существует определенный набор текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, за которыми закреплено определенное содержание. Все они составляют культурную память носителей определенного языка / культуры («инвариантные образы мира» – в терминологии А. А. Леонтьева [Леонтьев 1997, с. 273], без наличия которых невозможно существование ни одной коммуникативной системы. Инвариантные образы мира являются социально выработанными и не соотносятся с индивидуально-смысловыми образованиями как таковыми. В ракурсе интертекстуальности это означает, что в лингвоментальном комплексе задана презумпция интертекстуальности, т. е. предречевая готовность носителя, его текстовой потенциал, который активизируется в зависимости от прагматических условий коммуникации, выливаясь в стратегию интертекстуальности.

Исходя из гипотезы Д. Б. Гудкова [Гудков 1999] о том, что когнитивная база задает систему оценок, бытующую в том или ином обществе, и выполняет функцию, аналогичную той, которую ранее выполнял миф, в лингвокультурологической перспективе предлагается считать интертексты ядерными элементами языковой картины мира, которые требуют изучения национально-обусловленных инвариантов их восприятия, коннотаций и фрейм-структур [Красных 2003, с. 273–298].

Интертекстуальная энциклопедия: определение понятия и функционирование

Лингвокультурное пространство есть совокупность индивидуальных и когнитивных пространств, существующих и потенциально возможных знаний носителей ЛКС. Комплекс постоянно востребуемых текстов, получивших статус значимых в определенный исторический момент вне зависимости от эстетического качества, предлагается называть интертекстуальной энциклопедией. Аналогично указанному Л. С. Выготским различию между индивидуальной и коллективной психикой [Выготский 1986, с. 25–26], а также исходя из того, что знания личности закладываются в рамках определенной лингвокультуры, получая затем дальнейшее индивидуальное развитие, представляется

возможным различать разные виды интертекстуальной энциклопедии – универсальную, национальную, индивидуальную.

Методы исследования отдельных энциклопедических кодов различаются, поскольку различается сам предмет изучения. Анализ универсальной энциклопедии предполагает рассмотрение текстов мировой семиосферы, которые Ю. М. Лотман называет «вечными образами культуры» [Лотман 2000, с. 616]. Изучение национальной энциклопедии, представленной текстами, которые входят в традиционный, начиная с эпохи Просвещения, набор социально-гуманитарных дисциплин, предполагает рассмотрение коллективных проявлений знаний, т. е. направлено на определение путей взаимоотношения отдельных индивидов в обществе и на сглаживание индивидуальных различий на основе интертекстуального канона, общего для представителей одного ЛКС.

Если рассматривать культуру как разделяемую всеми членами общества совокупность ментальных структур и признаков, состоящую, в свою очередь, из субкультур, которые выбирает для себя каждый отдельный индивид или группа, то станет очевидно, что при всей важности инвариантных образов мира неотъемлемую часть лингвокультурного сознания представляют индивидуальные варианты. Индивидуальная энциклопедия – это «замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением, интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития» [Лотман 2000, с. 564]. Наличие индивидуальной энциклопедии объясняется полиглотической структурой самой культуры, при усложнении которой происходит индивидуализация набора кодов, которые составляют содержание сознания личности. Индивидуальная энциклопедия неизбежно формируется в контексте национальной и / или универсальной энциклопедии и без последней существовать не может, однако при этом полностью с ней никогда не совпадает.

Интересный пример «переплетения» разных энциклопедических кодов наблюдается у Вен. Ерофеева в следующем отрывке, представляющим собой контаминацию цитат и аллюзий:

> «Но теперь – “довольно простоты”, как сказал драматург Островский. И – финита ля комедиа. Не всякая простота – святая. И не всякая комедия – божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить, – пора ловить человеков!..» [Ерофеев 1995, с. 77].

«Довольно простоты» восходит к заглавию комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» и является частью национальной энциклопедии носителей русского языка / культуры. «Не всякая комедия – божественная» – аллюзия на «Божественную комедию» Данте, которая входит в мировую семиосферу. К универсальной интертекстуальной энциклопедии относятся также «в мутной воде рыбку ловить» (слова Христа «отныне будешь ловить человеков» (Лк. 5: 10) и выражение «финита ля комедиа» (*ит.* finita la commedia), ставшее известным русскому читателю по реплике Печорина из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова [Левин 1992, с. 57]. Что же касается «не всякая простота – святая», которое восходит к «Sancta simplicitas!» и приписывается Яну Гусу, то этот интертекст должен классифицироваться, скорее, как индивидуальное знание.

Коллективная память и, прежде всего, ее ядро, является относительно стабильной составляющей структуры ЛКС. Однако корпус интертекстуальных элементов не остается неизменным во времени. Еще Р. О. Якобсон указывал на то, что «отбор классиков и их реинтерпретация современными течениями – это важнейшая проблема синхронического литературоведения. Любое современное состояние переживается в его временнóй динамике; с другой стороны, как в поэтике, так и в лингвистике при историческом подходе нужно рассматривать не только изменения, но и постоянные, статические, элементы. Полная, всеобъемлющая историческая поэтика, или история языка, – это надстройка, возводимая на базе ряда последовательных синхронических описаний» [Якобсон 1975, с. 196–197]. Это означает, что интертекстуальная энциклопедия не является чем-то неизменным в своей сущности: каждая эпоха и каждое поколение обладает собственными интертекстуальными кодами, по которым осуществляет отбор актуальных для себя текстов и / или прочитывает старые.

Таким образом, в структуре интертекстуальной энциклопедии позволительно выделять устойчивое ядро, которое представлено постоянно востребуемыми идиостилями / идЕостилями (термин В. П. Григорьева [Григорьев 2007], получившими статус значимых в определенный исторический момент вне зависимости от эстетического качества («сильные интертексты»), и динамичный пласт, который составляют интертексты, представляющие собой моментальные снимки ассоциативно-языкового сознания («слабые» интертексты),

актуализация которых ограничена временн*ы*ми рамками и связана с социальными факторами. «Сильные» и «слабые» тексты, одинаково участвующие в формировании коллективного сознания, являются категориями исторически и социально обусловленными и отличаются исключительно активностью бытования в социуме. Становление одного текста «сильным» и вытеснение другого на периферию культурной памяти не всегда представляет собой процесс рациональный и составляет первоочередной предмет для культурологического анализа.

Интертекст в эпоху информационно-культурной глобализации: вектор культурной эволюции

Принципиально важным событием для состояния национально-культурной сферы стала информационная революция конца XX столетия, давшая толчок стремительному развитию информационных сетей и транснациональных мультимедийных систем. Речь в данном случае идет о зарождении принципиально новой ситуации, практически не встречавшейся ранее в истории: «социокультурная компетентность человека впервые становится персонифицирующим признаком его личности, чертой его индивидуальности, приобретаемой главным образом посредством образования и личного духовно-интеллектуального развития, а не в связи с происхождением или принадлежностью к той или иной социальной, этнической, конфессиональной или иной группе. Каждая личность во все большей мере становится автономным интерпретатором усвоенных и творцом новых культурных образцов» [Флиер 2000, с. 160, 163].

Информационная глобализация и повсеместное распространение разговорно-письменных жанров (форумов, чатов и пр.) совершили революцию в коммуникации, которая проявилась, с одной стороны, в настройке формальной письменной речи на устное общение, что неизбежно повлекло за собой возникновение новых речевых портретов, а с другой – в общей «мемизация» речи.

Термин «мем» восходит к теории Р. Докинза, который при изучении механизма передачи идеологем показал, что как «сильный ген» утверждается за счет гена «слабого», так некоторые идеи и концепции заменяют уже существующие. Единицу культуры Докинз предложил называть мемом и высказал предположение о том, что мемы

распространяются аналогично генам, переходя из одного мозга в другой [Докинз 2016, с. 295].

Современный мем представляет собой новое явление в коммуникации и обычно имеет комплексную структуру, совмещая в себе язык и рисунок. Вербальные мемы строятся на цитате и схожи с такими интертекстами, которые приобрели статус автономных и характеризуются: 1) широкой известностью (т. е. имеют «сверхличностный характер»); 2) актуальностью в когнитивном плане; 3) частотностью воспроизведения в речевой деятельности; 4) высокой степенью клишированности, что позволяет им легко «вплетаться» в «речевую ткань» и принимать активное участие в языковой игре; 5) утратой связи с породившим их источником. Разновидность интертекста, отличающуюся принципиальной нерелевантностью авторства и функционирующую в речи аналогично клишированному выражению, мы предлагаем называть интертекстом-стереотипом (например: «всерьез и надолго», «а ларчик просто открывался», «свежо предание, а верится с трудом», «как говорит наш дорогой шеф...» и пр.). В свете учения А. А. Потебни интертексты-стереотипы можно определять как словесные произведения, т. е. как совокупность образа (сказуемого), представления (Tertium comparationis) и значения (психологического подлежащего) [Потебня 2003, с. 339–340].

Тем не менее разница между мемами и интертекстами-стереотипами имеет принципиальное значение и состоит, во-первых, в том, что последние в большинстве своем связаны с национальным интертекстуальным кодом, в то время как одни и те же мемы часто присутствуют в разных лингвокультурах, что придает национальным энциклопедиям черты эклектичной мультикультурности; а во-вторых, интертексты-стереотипы обычно укрепляются в речи, а мемы рождаются, мгновенно распространяются и практически сразу умирают (по наблюдению М. А. Кронгауза (*www.knife.media*), мемы живут не больше года). Поскольку сами по себе мемы мгновенно исчезают, существенен сам механизм их образования, который работает с большей скоростью и с большим постоянством, чем раньше [Кронгауз, Литвин, Мерзлякова 2017]. Наблюдающаяся «мемизация» современной коммуникации сигнализирует о «растворении» языковой личности в усредненном узусе и отчасти о снижении общего уровня энциклопедической прослойки.

Выводы

В процессе коммуникации каждый из ее участников пользуется национальным лингвокультурным кодом, преломляемым через индивидуальную энциклопедию. При отсутствии областей пересечения вербально-семантического и когнитивного уровней коммуникация состояться не может. Информационно-культурная глобализации и «мемизация» современной коммуникации привели к изменению принципов взаимодействия универсальной, национальной и индивидуальной интертекстуальных энциклопедий и дали толчок к формированию «постнациональных» лингвокультурных картин мира, выявив необходимость перехода на новую стратегию культурологической парадигмы образования и определения того, какого рода культурная компетентность требуется в изменившихся условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 352 с.

Григорьев В. П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина / ред.: Е. Земская, М. Каленчук. М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 138–150.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. 149 с.

Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ, Corpus, 2016. 512 с.

Ерофеев В. Москва-Петушки. М. : Х.Г.С., 1995. 101 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 374 с.

Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н. Словарь языка интернета.ru. М. : АСТ-Пресс, 2017. 288 с.

Левин Ю. И. Семиосфера Венички Ерофеева // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту : Тартуский университет, 1992. С. 486–500.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Наука, 1997. 268 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 703 с.

Потебня А. А. Теоретическая поэтика. СПб., 2003, 200 с.

Топоров В. Н. О «резонантном» пространстве литературы // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Atlanta : Rodopi, 1993. С. 16–60.

Флиер А. Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 151–165.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
Eco U. Interpretazione e sovrainterpretazione. Milano : Bompiani, 1995. 208 p.
Marconi D. La competenza lessicale. Roma-Bari: Laterza, 1999. 198 p.

УДК 81'23

Н. С. Панарина

кандидат филологических наук,
доцент каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: panarinans@gmail.com

ГЕШТАЛЬТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ПАРАМЕТР МЕХАНИЗМА ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Автор предлагает краткий анализ традиционно выделяемых параметров прецедентности, доказывает необходимость учета деятельностных факторов при построении модели прецедентности, вводит параметр гештальтности восприятия и определяет его содержание. Особое внимание уделяется методике выявления гештальтности восприятия в ассоциативном эксперименте.

Ключевые слова: прецедентность; речевая деятельность; речевое действие; гештальтность восприятия; ассоциативный эксперимент.

N. S. Panarina

Candidate of Philological Sciences, Associate professor,
Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: panarinans@gmail.com

GESHTALT CHARACTER OF PERCEPTION AS A SIGNIFICANT PARAMETER OF VERBAL REPRESENTATION OF PRECEDENCE

The author presents a summary analysis of traditionally allocated precedence parameters, proves the need for accounting activity factors by the precedence model building, introduces the parameter of gestalt character of perception and describes its content. A special attention is paid to the detection of the perception gestalt character in an associative experiment.

Key words: precedence; speech activity; speech act; gestalt character of perception; associative experiment.

В современной лингвистике проблема вербальной репрезентации культурно специфического знания решается, в основном, в рамках лингвокультурологической и лингвокогнитивной парадигм. Выявляя закономерности такой репрезентации, исследователи, как правило, обращаются к понятию прецедентности, но моделируют прецедентный объект по-разному. Модели двух типов различаются в зависимости от того, полагается прецедентность качеством материальных или

идеальных объектов – конкретных элементов и текстов культуры или совокупности идей и представлений.

Модель прецедентного объекта первого типа составляет абстрактную совокупность признаков текста, который в силу особенностей функционирования в культуре вербализует национально специфическое содержание. Регулярность такой вербализации определенными языковыми средствами закрепляет национальную специфику сначала в самих средствах, а затем может способствовать возникновению особых типов текстов.

Теоретический анализ параметров таких моделей [Бурвикова, Костомаров 1994; Караулов 2010]; и др. показал, что *частотность* функционирования языковых единиц не коррелирует с *познавательной значимостью* культурного текста как источника единиц. Кроме того, *воспроизводимость* прецедентных феноменов как культурно обусловленных смыслов, отличная от частотности оперирования вербальными репрезентантами прецедентных феноменов, также не является маркером прецедентности, так как не коррелирует с познавательной значимостью текста, которая может актуализироваться / не актуализироваться в зависимости от условий речевой деятельности. А потому модели первого типа не могут объяснить закономерностей репрезентации культурологического знания структурными элементами текста.

Иной тип модели прецедентного объекта представлен Ю. А. Сорокиным ([Сорокин 1993; Сорокин 1997]), акцентировавшим функциональную сторону прецедентности. На этой основе разрабатывались модели национально специфических *представлений* как существенных компонентов прецедентности, определяющих характер функционирования прецедентных феноменов в качестве ядерных элементов когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Тем не менее анализ работ В. В. Красных, Г. Г. Слышкина, Н. Д. Бурвиковой и В. Г. Костомарова позволяет, во-первых, утверждать, что *связь с исходным текстом / реалией* не является сущностным параметром прецедентности, так как не всегда влияет на формирование смысловой доминанты контекста и не имеет специфических регулярных средств выражения. Во-вторых, параметр *общности знаний* как фактор реализации прецедентности не всегда определяет актуальное содержание значения единиц, актуальность дифференциальных признаков общепринятого представления и их соответствие признакам культурного объекта.

Таким образом, объяснительной силы вышеуказанных моделей недостаточно для того, чтобы выявить устойчивые способы представления ценностного компонента значения единиц, называемых прецедентными, а также четко противопоставить прецедентные и непрецедентные имена, тексты и т. д. Поэтому проблема выделения сущностных параметров прецедентности остается актуальной. Цель статьи – обоснование введения нового параметра, характеризующего *восприятие* прецедентных феноменов и определяющего сущность процесса вербализации культурного знания. На наш взгляд, закономерности *оперирования* таким знанием можно объяснить только с позиций теории речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Развивая идеи Ю. Н. Караулова [Караулов 2010], следует акцентировать вопрос о *характере образности* прецедентного феномена (заметим, что с психолингвистической точки зрения отличие типов прецедентных феноменов (имен, текстов, высказываний и ситуаций) несущественно, так как все они выступают средствами осуществления речевого действия). Так, деятельностная природа связи стереотипов мотивационного уровня языковой личности – символов, образов, знаков «повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, т. е. существующего в межпоколенной передаче текста» [Караулов 1997, с. 671]; указание на то, что прецедентный текст *намекает* на явление социально-психологического порядка, а его образ формируется на основе иерархии компонентов – чувственного опыта говорящих, вида деятельности, актуализирующей образ – всё это позволяет предположить, что в основе явления прецедентности лежит деятельностный фактор, фиксирующий характер опосредования познавательной деятельности, в том числе языковыми средствами.

Как отмечает А. Н. Леонтьев, «для того, чтобы в голове человека возник … образ предмета, необходимо, чтобы между человеком и этим предметом сложилось деятельное отношение» [Леонтьев 2004, с. 29]. В психолингвистике значение – это психологически актуальное содержание, которое субъект связывает с предметом конкретной деятельности. «Значение единиц языка, репрезентирующих культурное знание, функционально и актуально демонстрирует не столько определенное содержание, сколько отношение индивида к этому содержанию» [Панарина 2017, с. 62]. Личностное отношение индивида к предмету деятельности выступает структурообразующим

компонентом речевого действия актуализируемой в речевой деятельности познавательной модели прецедентного феномена.

Весьма перспективная идея о том, что прецедентный феномен – это познавательная модель акцентируется в работах многих исследователей [Воробьев 2006; Феномен прецедентности… 2004; Моисеенко 2015] и др. Такая модель способна формировать динамичные системы смыслов, организуемых некоторой смысловой доминантой в зависимости от цели и условий речевой деятельности. При этом слово выступает условием осуществления речевого действия, а не замещает некоторое устойчивое содержание.

Восприятие как познавательный процесс детерминировано множеством компонентов личностно значимого содержания, возникающего, в том числе, в конкретной деятельности, поэтому компоненты познавательной модели могут быть в разной степени актуализированы. Поэтому, в частности, имя может быть или не быть поставлено в отношение прецедентности, ему может сообщаться / не сообщаться функция репрезентанта культурного смысла. «Культурный смысл только тогда выступает доминантным компонентом значения прецедентного имени, когда субъект выстраивает ценностное отношение к нему» [Панарина 2017, с. 100]. В случае, если актуальный для говорящего смысл выражается с опорой на социально значимое содержание единицы языка, при этом доминантой познавательной модели становится именно ценностное отношение индивида к культурному смыслу единицы, следует говорить о реализации прецедентности, а также выделить параметр прецедентности, фиксирующий соотношение *языковой единицы и структуры речевого действия – гештальтность восприятия*.

При удовлетворении только одного из указанных условий гештальтность установлена не будет. В значении прецедентного имени могут актуализироваться лишь некоторые компоненты культурного смысла, но доминанта значения, определяющая характер связи компонентов, может представлять иное деятельностное отношение говорящего. Рассмотрим пример:

> «По мне, так лучше бы Колумб её не “открывал”. Случай, когда его “открытие” обернулось огромным вредом для Человечества»[1].

[1] Запись в соцсети *twitter.com*. 07.09.2016.

Культурно значимый признак ‘первооткрыватель’ актуализирован, но не является доминантным, а функционально включается в формирование личностного смысла ‘тот, чье открытие бедственно, кто лучше бы ничего не открывал’. В таком случае указание на открытие включается в речевое действие с целью актуализации разрушительного влияния США, социальной опасности Америки, но ценностное отношение к факту открытия Америки не является структурообразующим компонентом речевого действия, что фиксирует нарушение гештальтности, «размыкание» системы значения прецедентного имени.

В другом примере: «У меня и резисторы сдохли, и карлсон заклинил, подшипник умер» – общекультурное представление о литературном герое *Карлсоне* также может быть актуализировано, но не выступает личностно значимым. Ассоциативная связь ‘*Карлсон – пропеллер’* становится основанием для номинации USB-вентилятора для комплектующих персонального компьютера и таким образом способствует формированию нового «узла ассоциаций», в то время как другие компоненты культурного содержания теряют свою актуальность.

Гештальтность характеризует не сам феномен, а процесс объективации смыслового содержания индивида. Такое содержание, выраженное с опорой на культурный смысл элемента языка, делает для индивида наблюдаемым его собственное ценностное отношение к культурному смыслу слова. Например, специфичны случаи употребления прецедентного имени *Сусанин* при освещении подвига И. Сусанина в публицистике:

> «Я попытался посмотреть на Сусанина с другой стороны. Бог с ним, с царём. Важно другое: его подвигом фактически закончился период Смуты в России. Сусанин – символ выхода из Смуты, символ реванша...» [Соколов 2002].

В данном случае культурное содержание прецедентного имени выступает основой для формирования личностного смысла, который значимо репрезентирует ценностное отношение к культурному смыслу, а значит, реализуется гештальтность восприятия. Но частотность такой актуализации невелика, что свидетельствует об активном процессе семантического изменения имени, совершающемся под воздействием экстралингвистических факторов и прежде всего, содержания мышления носителей языка, сформированного под влиянием новых базовых ценностей.

Мы выделяем специфическое свойство *восприятия* прецедентных феноменов – гештальтность, опираясь на термин «гештальт», так как любое культурное содержание всегда предполагает неразрывное единство понятийного и ценностного компонентов. Изначально гештальты – это целостные структурированные образы, содержание которых принципиально не выводимо из образующих их компонентов [Вертгеймер 1987]. Сформировавшиеся гештальты всегда являются целостностями, завершенными, но *не осознаваемыми* структурами. Ценностный компонент не осознается, а принимается как общее положительное представление. Однако, как было показано выше, завершенность структуры любой системы может нарушаться, будучи включенной в мыслительную деятельность, в силу различных причин, что означает начало разрушения прецедентности феномена. Если прецедентный феномен имеет фиксированную языковую форму, именно гештальтность позволяет ему оставаться *языковой* единицей – лексической (*ловелас, меценат, иуда* и т. д.), фразеологической (*блудный сын, умыть руки* и др.). Именно гештальтность в совокупности с другими признаками прецедентных феноменов, на наш взгляд, позволяет отграничить последние от других репрезентантов культурного знания.

Как деятельностный параметр гештальтность интерпретируется в терминах психолингвистики. Таковыми выступают прежде всего *речевое действие*, предполагающее *сознательное* (подчиненное цели) использование языковой единицы для характеристики объекта, и *речевая операция*, не соотносимая с какой-либо целью и определяемая условиями действия. Операции не «личностны», они лишь средство осуществления речевых действий [Леонтьев 2004, с. 223]. Различая действия и операции, возможно обнаружить разное деятельностное отношение субъекта к предмету речевой деятельности: одинаковые операции могут представлять существенно разные действия (смыслы). Тогда прецедентное имя выступает вне связи со своим значением и целью субъекта, тогда как система мотивов речевой деятельности определяет характер динамики его значения. Анализ соотношения речевых действий и операций позволяет установить ведущие мотивы деятельности, а также определить характер нарушения гештальтности как внутренний фактор динамики значения прецедентных имен.

Речевое действие может быть описано через соотношение психологического значения и личностного смысла, характеризующее то отражаемое содержание, на которое направлена деятельность субъекта в данной конкретной ситуации [Леонтьев 1983]. Это позволяет установить *личностную значимость культурного содержания прецедентного имени*. Функциональная актуальность культурно не значимых признаков означает нарушение гештальтности восприятия, а потому применение модели А. Н. Леонтьева позволяет установить, какие культурные компоненты стабильны и каков характер их вхождения в структуру актуального значения. Такая психолингвистическая задача решается нами, в том числе, в рамках ассоциативного эксперимента.

Специфика психолингвистической интерпретации данных ассоциативного эксперимента задана следующими положениями:

- Стимул и ассоциат представляют собой единое речевое действие, где стимул становится мотивом порождения высказывания, а ассоциат выражает коммуникативное намерение автора [Пищальникова 1991].
- Стимул и ассоциат составляют смысловую единицу, имеющую определенное психологическое значение и личностный смысл, позволяющие понимать их ассоциативную связь.
- Модель ассоциативного поля слова обнаруживает реальную для носителя языка психологическую структуру содержания слова.
- Все структурные компоненты ассоциативного поля слова, как ядерные, так и периферические, могут быть функционально важными для понимания речевого произведения [Пищальникова 1991].

Нами установлено, что «важнейшее структурное свойство речевого действия – организация его компонентов личностным смыслом» [Панарина 2017, с. 95], отражающим при заполнении анкеты ассоциативного эксперимента субъективно переживаемое отношение к содержанию слова-стимула. Мотив действия – стимул – задан экспериментатором.

Моделируя ассоциативные поля с целью выявить гештальтность, следует определить: действительно ли намерением носителей языка при оперировании именем является выражение ценностного отношения к культурному содержанию речевых действий. Как замечает

В. А. Пищальникова, «нельзя связывать *отношение* стимул – реакция напрямую с *содержанием* реакции – в этом случае деятельностное отношение огрубляется. Надо исследовать характер действий и операций, проявляющихся в отношениях стимул – реакция, а не считать конечным пунктом исследования приписывание этому отношению определенного “содержания”» [Пищальникова 2007, с. 179] (курсив наш. – *Н. П.*). Поэтому структура ассоциативного поля задается характером связывающих стимул и ассоциат интеллектуальных операций. Так, в ассоциативном поле (значении) мы выделяем следующие компоненты, фиксирующие определенный способ оперирования прецедентным именем: (а) понятийный компонент, соотносящий слово с понятием и фиксирующий операцию категоризации; (б) представление, фиксирующее образное наглядное содержание, связываемое с именем в опыте оперирования им; (в) предметное содержание, которое актуализирует тот или иной сенсорный способ получения значения, связанный с физической или духовной деятельностью, производимой с обозначенной словом реалией [Леонтьев 1983, с. 180]; (г) эмоциональный компонент, актуализируемый оценочно-экспрессивными словами и словами, представляющими эмоцию, связанную со словом-стимулом; (д) иное содержание, представленное ассоциациями, которые не могут быть соотнесены ни с одним из выделенных элементов.

Ядерные компоненты ассоциативного поля отражают наиболее функционально важные для носителей лингвокультуры операции, стоящие за именем. В той мере, в которой такие операции служат репрезентации компонентов культурного смысла, можно говорить о гештальтности восприятия прецедентного феномена (вопрос отнесения тех или иных смысловых компонентов к культурному содержанию имени см. подробнее в [Панарина 2017]). Поэтому в основу классификации ассоциатов положены два принципа: 1) характер репрезентации отношения субъекта к миру в структуре личностного смысла; 2) участие культурного смысла в формировании этого отношения.

В нашем исследовании был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, целью которого стало подтверждение теоретического положения о том, что актуальные ассоциативные значения прецедентных имен отражают тенденции нарушения гештальтности (деактуализации значения) прецедентных имен, установленные в практическом анализе речевых действий. На этапе планирования эксперимента был

выбран экспериментальный материал и сформулированы экспериментальные гипотезы:

1. Культурно значимое содержание прецедентных имен представляется в реакциях в случае, если ценностный компонент прецедентного имени является для респондента актуальным и доминирующим. В таком случае констатируется гештальтность восприятия прецедентного имени.

2. Поскольку речевое действие отличается от речевой операции целенаправленно выражаемым смыслом, то речевое действие апеллирует к культурному смыслу, а речевая операция может осуществляться с использованием «прецедентной» акустической оболочки, не представляющей прецедентного содержания.

3. Степень представленности культурно значимого содержания в ассоциатах может быть разной (подробнее см.: [Панарина 2017]).

В эксперименте приняли участие 1500 студентов в возрасте от 19 до 32 лет. В качестве стимулов использовались прецедентные имена: *Бетховен, Гагарин, Карлсон, Колумб, Лев Толстой, Макаренко, Моцарт, Наполеон, Немо, Папа Римский, Пикассо, Пушкин, Стаханов, Сусанин, Цезарь, Шаляпин, Штирлиц.* Так как предметом анализа являлся способ связи стимула и ассоциата, мы должны были предупредить «адаптацию» респондентов к культурному характеру содержания слова, для чего в списках стимулов прецедентные имена перемежались словами-дистракторами, произвольно отобранными и относящимися к разным частям речи.

На I этапе осуществлялся опрос испытуемых. В контрольной группе был представлен список прецедентных имен без слов-дистракторов, что позволяло респондентам выявить в качестве общего свойства стимулов – возможность обращения к некоторой культурной познавательной модели, что влияло на формирование коммуникативного намерения и способствовало актуализации гештальтности.

На II этапе эксперимента испытуемые комментировали реакции в тех случаях, когда связь стимул-ассоциат требовала дополнительных сведений для интерпретации (например, *Пушкин – странно*: жизнь поэта, по мнению респондента, сложилась странно). Полученные ассоциаты были систематизированы и сведены в таблицы.

Рассмотрим пример интерпретации реакций на стимул *Бетховен*. Ядерные компоненты ассоциативного поля не всегда детерминированы

культурным смыслом имени. Так, наряду с доминантным культурно значимым компонентом *композитор* (18 %), в структуру ядра включаются близкий первому компонент *музыка* (14 %), но также и ассоциат *собака* (12 %). Ближняя периферия поля включает культурно обусловленные ассоциаты, апеллирующие к произведениям композитора (10 %), его глухоте (7 %), и к не связанному с творчеством композитора фильму (8 %). В ближней периферии отмечены ассоциаты (6 %), соотносимые с культурным содержанием имени. Дальняя периферия не только включает указания на произведения Л. Бетховена, его известность и выдающиеся способности, но и отражает возможный путь метонимического развития значения (*зоомагазин* (3 %)).

Таблица 1

Состав компонентов ассоциативного поля Бетховен

Состав компонентов	Ассоциаты	Количество реакций (%)
Понятие	композитор (20); музыка (15); классик (3)	35
Представление	собака / пес / сенбернар (13); фильм (9) зоомагазин (3) Лунная соната, соната(9); К Элизе (1); свет (1) глухой (7); ухо (1) Людвиг (2); Бах (2); Моцарт (1); Штраус (1) скрипка (2)*[1] гений (2) Германия (1); немец (1) известный (2); способный (1)	23 10 7 6 2 2 2 3
Предметное содержание	фортепиано, пианино рояль (7)*[2] ноты (3) музыкальная школа (1)	 10

Актуальность аксиологического содержания может быть незначительной. В некоторых случаях отнесение ассоциатов к той или иной группе не было очевидным. Такие ассоциаты отмечены звездочкой,

[1] Комментарий: «Потому что музыка»

[2] Комментарий: «Все играют на фортепиано «Лунную сонату» Бетховена».

и отнесение их к той или иной группе обосновано ответами респондентов, называющих мотивы их ассоциирования. В таком случае, как показывает эксперимент, репрезентация культурно значимого для *ии.* содержания прецедентного имени не является ведущим мотивом.

Состав ассоциативного поля *Бетховен* свидетельствует о том, что как в его ядре, так и в периферии совмещаются ассоциаты, соотносимые ии., с одной стороны, с прецедентным именем *Бетховен*, с другой – с кличкой широко известного «героя» фильма – собаки Бетховен, а значит, гештальтность восприятия прецедентного феномена в значительной мере нарушена. Под влиянием внешних факторов активно формируются новые ассоциативные связи у слова *Бетховен*, что, с одной стороны, практически приводит к созданию омонимов, с другой – косвенно свидетельствует об уменьшении частотности и разрушении ценностного компонента прецедентного имени. Анализ реакций на все предъявленные стимулы позволил выявить центральные компоненты содержания прецедентных имен, которые демонстрируют изменение собственно ценностного отношения к содержанию слова, а следовательно, нарушение гештальтности его восприятия.

Таким образом, представленная методика выявления гештальтности восприятия прецедентных феноменов позволяет фиксировать реальное функционирующее в данный момент культурно значимое содержание имен / высказываний / текстов и характер включения последнего в речевую деятельность. При этом любой сдвиг в ценностной доминанте репрезентантов культурно специфического содержания маркирует нарушение гештальтности восприятия феноменов, называемых прецедентными, а значит, дает основание утверждать, что в конкретном речевом действии прецедентность не реализуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.

Вертгеймер М. Продуктивное мышление: пер. с англ. / Общ. ред. С. Ф. Горбова, В. П. Зинченко. М. 1987. 336 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 2006. 112 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. 703 с.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В., Захаренко И. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №3. 1997. С. 62–75.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2004. 352 с.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. Т. II. М. : Педагогика, 1983. 320 с.

Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 403 с.

Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности : дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 257 с.

Пищальникова В. А. Концептуальный анализ художественного текста : учебное пособие. Барнаул, 1991. 87 с.

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2007. 200 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.

Сорокин Ю. А. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : ИЯ РАН, 1993. С. 98–118.

Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 2. С.13–25.

Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. 321 с.

УДК 81'23

Пэй Цайся

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
тел.: +7 963 639 22 25

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ АНТИЦЕННОСТИ 腐败 / КОРРУПЦИЯ

Работа посвящена экспериментальному исследованию содержательно-структурной специфики антиценности 腐败 / коррупция в китайской и русской культурах и представляет собой описание одного из этапов свободного ассоциативного эксперимента с носителями китайской и русской культур. Ее научная значимость заключается в установлении факторов, детерминирующих развитие содержательной структуры исследуемого понятия. Практическая ценность определяется возможностью применения полученных результатов не только в практике вузовского преподавания лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, межкультурной коммуникации, но также и в социальных проектах, направленных на борьбу с коррупцией. Свободный ассоциативный эксперимент и сопоставительный анализ являются главными методами нашего исследования, которые позволяют раскрыть структурно-содержательную специфику исследуемого понятия. Заявленный анализ потребовал обращения к Уголовному кодексу (далее УК. – *П.Ц.*) КНР и РФ с целью сопоставления содержания статей, посвященных коррупции как уголовно наказуемому деянию. Это позволит установить характер одного из важнейших внешних факторов, формирующих представление о коррупции как антиценности.

Для выявления психологически актуального содержания антиценности «коррупция» в языковой картине мира русских и китайцев был проведен эксперимент, более непосредственно выявляющий это содержание. Анализ ассоциатов показал, что при совпадении понятийного ядра лексем, означающих исследуемую антиценность, характер самих реакций обнаруживает существенную разницу в психологически актуальном содержании исследуемых понятий.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; базовая ценность; коррупция; структура значения; национальная специфика; менталитет.

Pei Caixia

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
тел.: +7 963 639 22 25

EXPERIMENTAL STUDY OF THE STRUCTURAL-CONTENT SPECIFICITY OF ANTI-VALUE 腐败 / CORRUPTION

The article highlights the results of an experimental study of the content-structural specificity of anti-value 腐败 / corruption in Chinese and Russian cultures and describes one of the stages of a free associative experiment with native Chinese

and Russian speakers. Its scientific significance lies in the establishment of factors that determine the development of the content structure of the studied concept. Practical value is determined by the possibility of research results' application not only to the practice of university teaching of linguoculturology, ethno-psycholinguistics, intercultural communication, but also to social projects aimed at combating corruption. Free associative experiment and comparative analysis are the main methods of our research, which allow us to disclose the structural-content specificity of the investigated concept.

The foregoing analysis requires reference to the Criminal Code (hereinafter CC. – *P. C.*) of the People's Republic of China and the Russian Federation in order to compare the content of articles on corruption as a criminal offense. In order to reveal the psychologically relevant content of the anti-value "corruption" in the language picture of the world of Russians and Chinese, we conducted an experiment that reveals this content in a more straightforward way. The analysis of associations has shown that when the concept cores of lexemes that signify an anti-value coincide, the nature of the reactions reveals an essential difference in the psychologically relevant content of the investigated concepts.

Key words: associative experiment; basic value; corruption; structure of meaning; national specificity; mentality.

Введение

В последнее время коррупция как социальное явление, быстро проникающее во все сферы общества и изнутри подрывающее основы государственности, становится актуальным объектом изучения в юриспруденции, социологии, психологии и других наук, которые основываются, как правило, на статистических данных, анкетировании и опросах.

С помощью таких методов психолингвистики, как ассоциативный эксперимент, шкалирование, семантический интеграл и дифференциал, ментальное содержание, стоящее за той или иной лексемой, может быть исследовано напрямую, что позволяет диагностировать внешне не всегда очевидное отношение общества к этому социальному явлению и тем самым создать объективную базу для корректирования политики противодействия коррупции. Этим определяется социальная значимость нашего исследования.

Определим содержание объекта исследования – антиценности коррупция / 腐败. Различают материальные, духовные, общественно-политические, нравственные, жизненно-бытовые и др. ценности [Большой энциклопедический словарь 2000].

Базовые ценности общества формируются исходя из целей и задач, которые стоят перед ним в определенный исторический период и отображают фундаментальные общественные потребности, сменяющие друг друга в социально-историческом времени и пространстве. При этом значимость объектов окружающего мира для человека и общества может быть положительной и отрицательной. Поэтому можно говорить о ценностях и антиценностях. Критерием их разграничения становятся нравственные принципы [Щекин 2000]. Антиценности ориентированы не на укрепление и развитие социума, а на ее ослабление [Багдасарян 2012].

Коррупцию социологи и этнологи однозначно относят к антиценностям. Она настолько глубоко внедряется в разные сферы общества, настолько разнообразно проявляется, что трудно дать ей объективную статистическую оценку. Тем более сложно сформулировать словарную дефиницию. Обычно под коррупцией понимают подкуп, продажность, моральное разложение государственной власти, когда ее представители используют служебное положение для получения материальных благ лично для себя и для своего ближайшего окружения. В современных русских толковых словарях отмечается следующее.

Коррупция – **-и**, *ж*. (*книжн*.). Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами. К. государственных чиновников. К. во властных структурах» (*slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12029*)

Коррупция – обобщенное наименование преступлений, заключающихся в использовании должностными лицами и служащими государственного аппарата своего служебного положения для личного обогащения в ущерб обществу и государству; взятки, подкуп» (*gufo.me/search?term=коррупция*)

Коррупция – **-и**; *ж*. «Коррупция – *от лат.* corruptio – подкуп, порча. Подкуп взятками, продажность должностных лиц и политиков» (*gufo.me/search?term=коррупция*)

Обратимся к исследованию одного из важнейших внешних факторов, определяющих содержание термина «коррупция», – к Закону, регулирующему деятельность общества во всех сферах его функционирования. В Федеральном законе РФ от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017 г.) «О противодействии коррупции» (с изменениями

и дополнениями вступил в силу с 28.06.2017 г.) даются два определения коррупции:

Статья 1 п. 1: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица (*legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/statja-/*)

В 2016 г. в УК РФ наказание за получение и дачу взятки было значительно смягчено: получение и дача взятки на сумму до 10 тыс. руб. выделено в отдельный нетяжкий состав (ст. 291.2, которая предусматривает максимальное наказание до 1 года лишения свободы или иные виды наказания), а суд вновь получил право назначать по статьям 290 и 291 УК штрафы, не являющиеся кратными сумме взятки.

В УК КНР [1979年7月1日第五届全国人民代表大会第二次会议通过，根据2015年8月29日第十二届全国人民代表大会常务委员会第十六次会议通过的《刑法修正案(九)》修正]от 01.07.1979 г. принят на втором заседании пятого ВСНП, ред. от 29.08.2015 на основании «Поправки Уголовного Кодекса № 9», принятой на 16 заседании постоянного комитета двенадцатого ВСНП)в восьмой главе, которая содержит 14 статьей, дается дефиниция коррупции и определяются соответствующие санкции за коррупционную деятельность. Согласно данной главе, в состав коррупции входят такие преступления, как казнокрадство, использование общественных средств не по назначению, взяточничество, дача взятки, посредничество во взяточничестве, самовольный раздел государственного имущества и др. Первым пунктом, определяющим коррупцию, является положение о казнокрадстве:

> «国家工作人员利用职务上的便利，侵吞、窃取、骗取或者以其他手段非法占有公共财物的，是贪污罪。
>
> 受国家机关、国有公司、企业、事业单位、人民团体委托管理、经营国有财产的人员，利用职务上的便利，侵吞、窃取、骗取或者以其他手段非法占有国有财物的，以贪污论。

与前两款所列人员勾结，伙同贪污的，以共犯论处» [中华人民共和国刑法：第八章382条УК Китая: Гл. 8, ст. 382. URL : www.66law.cn/tiaoli/9.aspx #第八章贪污贿赂罪].

В качестве казнокрадства расцениваются присвоение государственными служащими, получение мошенническим путем, незаконное завладение иными способами общественным имуществом с использованием своих служебных преимуществ, а также воровство общественного имущества. Казнокрадством признаются те же деяния, совершенные лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом. Сговор с лицами, упомянутыми в частях первой и второй представленной статьи, расценивается как групповое преступление [中华人民共和国刑法：第八章382条/ УК Китая: Гл. 8, ст. 382. URL : www.66law.cn/tiaoli/9.aspx #第八章贪污贿赂罪][1].

В ст. 383 рассматриваемого УК по отношению к лицам, совершившим действия, подпадающие под определение казнокрадства, в зависимости от тяжести обстоятельств, применяются следующие весьма строгие меры наказания. Рамки статьи и ее задачи не позволяют нам привести все данные этой статьи УК КНР, поэтому ограничимся только некоторыми: (а) индивидуальная коррупция в размере свыше 100 тыс. юаней (по нынешнему курсу приблизительно 884000 руб. – *П. Ц.)* наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишенцем свободы с конфискацией имущества или без таковой; (б) при особо отягчающих обстоятельствах те же деяния наказывается смертной казнью и конфискацией имущества; (в) индивидуальная коррупция в размере свыше 50 тыс. юаней (по нынешнему курсу приблизительно 440600 руб. – *П.Ц.*), но менее 100 тыс. юаней, наказывается лишением свободы на срок более 5 лет с конфискацией имущества или без таковой; (г) при особо отягчающих обстоятельствах те же деяния наказывается бессрочным лишением свободы и конфискацией имущества … индивидуальная коррупция в размере менее 5 тыс. юаней (приблизительно 44060 руб. – *П. Ц.*) при отягчающих обстоятельствах, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет или арестом [УК Китая: Гл. 8, ст.383. URL : www.66law.cn/tiaoli/9.aspx#第八章贪污

[1] Здесь и далее перевод авт. – *П. Ц.*

贿赂罪]. В УК Китая введено понятие «индивидуальная коррупция», что влечет за собой и необходимость индивидуальной ответственности государственных чиновников. В Китае есть специальный орган Коммунистической партии по проверке и контролю – Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК, которая непосредственно руководит антикоррупционной работой. В целях реализации такой работы к руководителям всех уровней с целью улучшения стиля работы Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в 2014 г. выдвинул три требования строгости и три требования реалистичности. Эти требования расшифровываются так: строгость в работе над собой, строгость в использовании властных полномочий и строгая самодисциплина; реалистичный подход в планировании дел, реализм в начинаниях, честность и реализм в поведении (*russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/07/content_36587598.htm*).

Понятие коррупции в УК РФ раскрывается в части 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗт и гл. 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Определено, что коррупция – это: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» (*docs.cntd.ru/document/902135263*). Согласно Федеральному закону, к коррупционным деяниям относят вымогательство и получение взятки должностным лицом, а также злоупотребление своими должностными полномочиями, их использование в личных интересах или интересах близких лиц. В состав правонарушений, обладающих коррупционными признаками, относятся: (1) мошенничество (ст. 159 УК РФ), (2) присвоение или растрата государственного имущества (ст. 160 УК РФ); (3) воспрепятствование законной предпринимательской деятельности или иной деятельности (ст. 169 УК РФ); (4) регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК

РФ); (5) злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); (6) нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов или иное нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ и ст. 285.2 УК РФ); … 10) получение, дача и провокация взятки (ст. ст. 290, 291, 304 УК РФ), (11) служебный подлог (ст. 292 УК РФ), (12) халатность (ст. 293 УК РФ). При этом преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях (глава 23 УК РФ) не относятся к числу коррупционных, поскольку они непосредственно не причиняют вреда интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления.

Если сравнить УК двух стран, нетрудно обнаружить сходство в определении коррупции и детальном представлении правонарушений, связанных с коррупцией. Однако в УК Китая наказания за коррупционную деятельность более дифференцированны – от смертной казни, конфискации имущества, лишения свободы на разные сроки и ареста до возможного снятия уголовного наказания и замены его административным наказанием в случае возмещения украденной небольшой суммы денег.

Гипотеза

Это позволяет предположить, что в сознании носителей китайской и русской культур коррупция, воспринимаемая как безусловная антиценность (что закреплено в УК стран), вместе с тем представлена в разных ассоциативно-вербальных связях, способных обнаружить специфику ее содержания как фрагмента языковой картины мира [Пищальникова 2017].

Исследование

Для доказательства выдвинутого предположения исследуем словарные дефиниции лексем 腐败 / *коррупция* и сравним их содержание с составом ассоциативных полей анализируемых слов. Цель такого сопоставления – путем анализа характера ассоциатов установить национально-культурную специфику значения исследуемых лексем и содержание обозначаемых ими антиценностей [Пищальникова 2010].

Обратимся сначала к авторитетным китайским лексикографическим источникам: толковым китайским словарям: Большому китайскому словарю [罗竹风汉语大词典上海：汉语大词典出版社

1993], Цихай [夏征农陈至立辞海. URL : cihai.supfree.net/], и Словарь «Синьхуа» [商务印书馆出版新华字典. URL : zd.eywedu.com/zi.asp?id=15430]:

«1.指有机体腐烂。 2.指文章内容陈腐。 3.指制度、组织机构、措施等混乱黑暗。 4.指人的思想陈腐或行为堕落» [《汉语大词典》罗竹风1993年12225页]/ 1. Процесс гниения в организме. 2. Устарелость и тривиальность содержания статьи. 3. Непрозрачность, бессистемность и несправедливость в (государственном) режиме, организационной структуре и мерах. 4. Идейное отставание от времени и испорченность нравов, низкий моральный уровень поведения;

«1.腐烂 2.（思想）陈旧；（行为）堕落 3.制度、组织、机构措施等混乱、黑暗» [夏征农陈至立辞海. URL : cihai.supfree.net] / 1. Растление 2. Идейное отставание от времени и испорченность нравов, низкий моральный уровеньповедения. 3. Непрозрачность, бессистемность и несправедливость в (государственном) режиме, организационной структуре и мерах;

«1.食物、物体腐烂。 2. 行为堕落。 3. 制度、组织、机构措施等混乱、黑暗在线新华字典» [商务印书馆出版新华字典. URL : zd.eywedu.com/zi.asp?id=15430]. – 1. Тление предмета. 2. Низкий моральный уровень поведения. 3. Непрозрачность и бессистемность в (государственном) режиме, организационной структуре, мерах, политическая коррупция.

На основе словарных определений лексемы 腐败 / *коррупция* выделим концептуальные семы слова: растление, низкий моральный уровень поведения, непрозрачность, бессистемность и несправедливость.

Для определения психологически актуального содержания лексемы 腐败 / *коррупция* нами был проведен пилотный свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте принимали участие 1) 110 китайских студентов Синьцзянского университета, обучающихся на разных факультетах, в возрасте от 18 до 25 лет, из них 87 респондентов женского и 23 мужского пола; 2) 110 русских русских студентов Московского государственного лингвистического университета, обучающихся на разных факультетах, в возрасте от 18 до 23 лет, из них 90 респондентов женского и 20 мужского пола.

Результаты ассоциирования со словом *коррупция* / 腐败 сведены в таблицу 1. Ассоциаты представлены в порядке уменьшения

частотности. Цифры, указанные в конце списка ассоциатов, обозначают последовательно общее число реакций, число разных реакций, число отказов испытуемых и число единичных реакций.

Таблица 1

Количественный состав ассоциативных полей лексем 腐败 и коррупция

чиновник 13	钱 / деньги 21
взятка 10	贪官 / продажный чиновник 15
власть 9	贪污 / казнокрадство 8
деньги 9	官员 / чиновник 7
государство 8	反腐败 / антикоррупция 5
Россия 5	廉洁 / неподкупность 5
полицейский 5	政府 / правительство 5
плохо 4	高官 / высокопоставленный чиновник 3
органы 3	贿赂 / взятка 3
преступление 2	社会 / общество 3
воровство 2	受贿 / получение взятки 3
везде 2	肮脏 / грязь 2
Навальный 2	体制 / система 2
мошенничество 2	思想 / мысль 2
проблема 2	政治 / политика 2
политика 2	现象 / явление 2
чиновничество	廉政 / честное и неподкупное правительство
безнаказанность	无能 / неспособный
система	金牙 / золотой зуб
общество	官场 /официальные (правительственные) круги
срок	官僚体系 / бюрократическая система
костюм	官僚 / бюрократия
тюрьма	公款吃喝 / устроить банкет за счет государства
правительство	罪恶 / злодеяния
безысходность	没钱 / безденежный
отстой	治国无方 / неумелое управление государством
борьба	丑陋 / безобразие
в наше время	苍蝇 / муха
телевизор	黑暗 / тьма
безнадежный	胡吃海喝 / объедаться
жадность	钱贿赂和性贿赂 / дача взятки деньгами и сексом
в стране	黑帮 / банда

презентация	正直 / честный
анти	坏 / плохо
аппарат	滋生 / порождать
болезнь	Отказ 0
должность	110/35/0/19
управление	
подлость	
несправедливость	
омерзение	
зло	
грязь	
депутаты	
обман	
отказ	
110/46/1/30	

Отметим сначала, что количество разных реакций на русском и китайском языках значительно отличается: соответственно 41.8 % и 31.8 %, так же, как и разнообразие единичных реакций: 27.3 % и 17.3 %, что свидетельствует о значительной разнице количественного и качественного состава ассоциативных полей слов 腐败 и *коррупция*.

Для выявления состава ядра ассоциативных полей исследуем наиболее частотные реакции, входящие в них. Это в русском языке *чиновник* 13, *взятка* 10, в китайском – 钱 / деньги 21 и 贪官 / продажный чиновник 15. По сути эти ассоциаты совпадают, отражая два понятийных компонента слов 腐败 и *коррупция*: «государственный служащий», «взяточничество» как наиболее частое материальное проявление коррупции. Однако в ядро китайского слова уже входит стабильный негативно-оценочный компонент, что свидетельствует о единообразном отношении к самому явлению коррупции со стороны носителей китайской культуры. При этом продажность как устойчивая характеристика коррумпированного чиновника у русских не отмечена даже в единичных ассоциатах, хотя эмоционально-оценочных ассоциатов у них значительно больше (32.6 %). Преобладание у китайцев понятийных ассоциатов может свидетельствовать о том, что ситуации противодействия с коррупцией двух стран отличаются: у китайских испытуемых есть четкое понимание о жестком наказании за коррупцию, у русских, напротив – четкое представление

о безнаказанности коррупционеров, что проявляется в различных эмоционально-оценочных ассоциатах: *безнаказанность, безысходность, безнадежность, система, несправедливость, везде*.

В состав ядра ассоциативного поля включаем также в русском языке частотные реакции *власть,деньги, государство, Россия, полицейский*, в китайском языке – 钱 / деньги, 贪官 / продажный чиновник, 贪污 / казнокрадство, 官员 / чиновник, 反腐败 / антикоррупция, 廉洁 / неподкупность и 政府 / правительство. Более разнообразный состав ядра поля в китайском языке может быть объяснен системной борьбой с коррупцией, последовательно проводимой антикоррупционной политикой государства. Поэтому, например, в 2017 г. огромную популярность в Китае приобрел телесериал «Именем народа», который продемонстрировал, что в настоящее время в Китае идет сложная, упорная и разнонаправленная борьба с коррупцией. По официальной статистике в Индексе восприятия коррупции (ИВК), уровень коррупции в России растет с каждым годом. ИВК вычисляется на основании независимых опросов, проводимых международными экспертами из финансовых и правозащитных институтов, и отражается в отчете международной неправительственной организации TransparencyInternational. По мнению аналитиков, в стране не создано целостной программы борьбы с этим явлением и принимаются разрозненные и бессистемные меры. По состоянию на 2016 г., статистика коррупции в России вывела ее на 131 место из 176 стран мира (Китай в этом списке занимает 79 место. Динамика ИВК в России такова: с 2012 г. по 2015 г. – 119, 136, 127, 133 (*transparency.org.ru/*), в Китае – 83, 100, 80, 80 (*www.360doc.com/content/16/0803/18/276037_580549487.shtml*). Таким образом, данные ассоциативного эксперимента вполне коррелируют с данными независимых международных опросов.

Помимо отличий в ядре ассоциативного поля может быть выявлена разница в его структуре, для этого необходимо установить состав ассоциатов в соответствии с принятой в психолингвистике классификацией [Пищальникова 1993].

Таблица 2

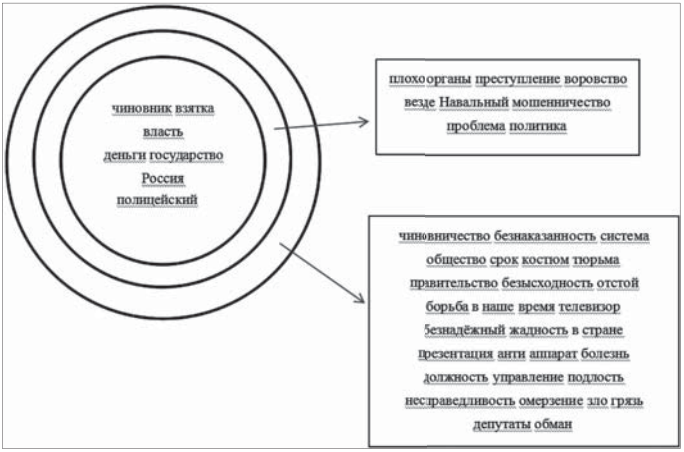
Классификация ассоциатов по характеру выражаемого значения

Понятийные (34.8 %)	Понятийные (60 %)
власть 9 государство 8 чиновник 13 взятка 10 органы 3 преступление 2 политика 2 мошенничество 2 чиновничество общество аппарат должность управление обман депутаты борьба	钱 / деньги 21 贪官 / продажный чиновник 15 贪污 / казнокрадство 8 官员 / чиновник 7 廉洁 / неподкупность 5 反腐 / антикоррупция 5 政府 / правительство 5 高官 / высокопоставленный чиновник 3 贿赂 / взятка 3 社会 / общество 3 受贿 / получение взятки 3 体制 / система 2 政治 / политика 2 现象 / явление 2 官场 / официальные (*правительственные*) круги 官僚体系 / бюрократическая система 官僚 / бюрократия 治国无方 / неумелое управление государством 廉政 / честное и неподкупное правительство 正直 / честный 钱贿赂和性贿赂 / дача взятки деньгами и сексом

Продолжение таблицы 2

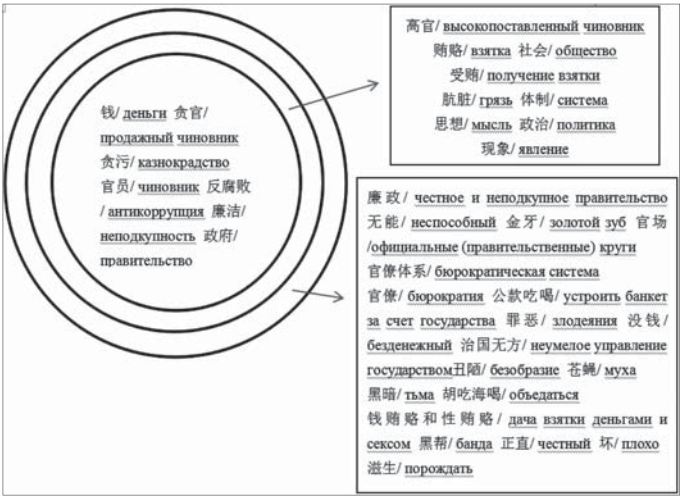
Эмоционально-оценочные (32.6 %)	**Эмоционально-оценочные (22.9 %)**
плохо 4, зло 1, воровство 2, грязь, проблема 2, безнаказанность, система, безысходность, отстой, безнадежный, жадность, болезнь, подлость, несправедливость, омерзение	肮脏 / грязь 2 坏 / плохо 无能 / неспособный 罪恶 / злодеяния 丑陋 / безобразие 坏 / плохо 黑帮 / банда 胡吃海喝 / объедаться
Представления (21.7 %)	**Представления (17.1 %)**
деньги 9 Россия 5 полицейский 5 Навальный 2 срок, костюм, тюрьма, правительство, телевизор, презентация	思想 / мысль 2 金牙 / золотой зуб 公款吃喝 / устроить банкет за счет государства 没钱 / безденежный 苍蝇 / муха 黑暗 / тьма
Операциональные (8.7 %)	**Операциональные (2.9 %)**
везде 2, в наше время в стране, анти-	滋生 / порождать

Схема 1



Ассоциативное поле стимула *коррупции*
по данным ассоциативного эксперимента

Схема 2



Ассоциативное поле стимула 腐败
по данным ассоциативного эксперимента

Толкование некоторых реакций вызывает трудности, и поэтому мы по возможности обращаемся к испытуемому с просьбой объяснить характер ассоциирования. Респондент, давший реакцию *Навальный,* объяснил это тем, что слово сразу напоминает ему российского политика Алексея Навального, председателя «Партии Прогресса», учредителя «Фонда борьбы с коррупцией», получившего известность своими расследованиями коррупции в России. Респондент, давший реакцию 苍蝇 / *муха*, объяснил, что после прочтения слова он вспомнил антикоррупционный лозунг «Бить тигров и мух», который выдвинул председатель Китая Си Цзиньпин и который призывает к искоренению коррупции на всех уровнях: как среди высокопоставленных «тигров», так и среди «мух» с зарплатой в пять тысяч юаней (около 60 тысяч рублей). В китайском языке один из синонимов слова 腐败 / *коррупция – тлеть*, *гнить*, а когда продукты испорчены, вокруг них обязательно много мух. Поэтому распространено переносное значение слова 腐败 / *коррупция* – моральное растление. Респондент, давший реакцию 胡吃海喝 / *объедаться*, толкует коррупцию не как социальное понятие, а как интернет-слово: *развлечение, наслаждение*. В китайских социальных сетях молодые люди часто пользуются словом *коррупция* в сокращенном виде: *FB*, что означает: *собраться с друзьями объедаться и развлекаться*. Для объяснения реакции *тьма* мы обратились к Большому китайскому словарю:

> «1.没有光。 2.比喻社会落后、政治腐败。 3.犀角的别称。» [Большой Китайский Словарь http://www.guoxuedashi.com/hydcd/571515s.html] / 1. Отсутствие света 2. *Метафора социальной отсталости и политической коррупции*. 3. Другое название рога носорога.

Второе значение слова проясняет характер ассоциирования и свидетельствует о его национальной специфике.

Сказанное позволяет построить модель ассоциативных полей слов 腐败 / коррупция.

Сравним состав ближней и дальней периферии представленных ассоциативных полей. Если условно ограничить состав ближней периферии ассоциатами с частотностью 5, то выявятся очевидные различия. Так, в ближнюю периферию китайцев включаются слова, актуализирующие понятийные ядерные признаки: *казнокрадство* 8, *чиновник* 7, *правительство* 5, но одновременно демонстрирующие

сформированную позицию противостояния антиценности: *неподкупность* 5, *антикоррупция* 5, у русских – только реакции, представляющие понятийные признаки коррупции, частую форму ее реализации, прямое ассоциирование антиценности с Россией и наиболее частое бытовое столкновение с проявлением коррупции: *власть* 9, *деньги* 9, *государство* 8, *Россия* 5, *полицейский* 5.

Выводы

Таким образом, результаты ассоциирования со словом коррупция / 腐败 в пилотном эксперименте позволяют выявить структурно-содержательную специфику антиценности в картине мира русских и китайцев, что проявляется как в содержании ядра и ближайшей периферии ассоциативного поля, так и в его общем составе и структуре. Эксперимент также обнаружил актуальные культурные компоненты в ассоциативных полях русских и китайцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багдасарян В. Э. Высшие ценности Российского общества. М.: Научный эксперт, 2012. 73 с.

Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1632 с. URL : dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990 (дата обращения 16.12.2017).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 1209 с. [Электронный ресурс]. URL : efremova-online.ru/slovar-efremovoy/otzyvchivyj/63728/ (дата обращения 25.12.2017).

Три требования строгости и три требования реалистичности [Электронный ресурс]. Режим доступа : russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/07/content_36587598.htm (дата обращения 4.01.2018).

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL : gufo.me/dict/kuznetsov/ отзывчивый (дата обращения 25.12.2017).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2010 [Электронный ресурс]. URL : slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19121 (дата обращения 25.12.17).

Пищальникова В. А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 5 (584). Языковое существование человека и этноса. С. 73–83. (Языкознание). URL: elibrary.ru/download/elibrary_15569801_35894448.pdf

Пищальникова В. А. Теория и история психолингвистики. Ч. 1. М. : Ин-т язния РАН–МГЛУ, 2005. 296 с.

Пищальникова В. А. Функциональные эквиваленты понятия как ментальная основа динамики значения слова [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 78–96. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 28.06.2017 [Электронный ресурс]. URL : legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/statja-1/

Щекин Г. В. Социальная теория и кадровая политика. К. : МАУП, 2000. 576 с. [Электронный ресурс]. URL : psyera.ru/5169/bazovye-cennosti-obshchestva (дата обращения 22.12. 2017 г.).

中华人民共和国刑法第八章29.08.2015 [Электронный ресурс]. URL : www.66law.cn/tiaoli/9.aspx #第八章贪污贿赂罪

商务印书馆出版新华字典 [Электронный ресурс]. URL : zd.eywedu.com/zi.asp?id=15430

罗竹风.汉语大词典上海：汉语大词典出版社，1993年，12225页.夏征农陈至立辞海 [Электронный ресурс]. URL : cihai.supfree.net/ (дата обращения 17.12.2017).

УДК 81'23

Яо Чжипэн

аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
тел.: 89855730700

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ ЛЕКСЕМ «ОТЗЫВЧИВЫЙ» / 富有同情心的 ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Автор экспериментально исследует специфику содержания этического понятия «вежливость» / «礼貌» в языковой картине мира китайцев-билингвов. Этот эксперимент является одним из этапов серии свободных ассоциативных экспериментов и экспериментов на шкалирование, на основе которых моделируется фрагмент языковой картины мира, представленный лексемой *вежливость* / 礼貌. Респонденты давали вербальные реакции как на слова *вежливость* / 礼貌, так и на их синонимы, полученные в ходе прямого свободного ассоциативного эксперимента со словами *вежливость* / 礼貌 и выбранные из синонимических словарей русского и китайского языков.

Полученные экспериментальные данные последовательно сопоставлялись с данными лексикографических источников, чтобы установить психологически актуальное значение исследуемых слов и обозначенных ими понятий. В настоящей статье исследуется ассоциативное поле лексемы *отзывчивый* / 富有同情心的 – частотной реакции, входящей в ассоциативное поле лексемы *вежливость* / 礼貌. В лексеме *отзывчивый* на основе словарных дефиниций выделены следующие ядерные (концептуальные) семы: «выражающий сочувствие», «готовый помочь» и коннотативная сема «легко» / «без усилия»; в слове 同情心– «сострадание, сочувствие»; «эмпатия». Слово *отзывчивый* не имеет однословного адекватного перевода с русского языка на китайский, а передается, как правило, словосочетанием 富有同情心的 или его контекстуальными вариантами.

Экспериментальные данные позволяют отметить, что количество разных реакций на русском и китайском языках и разнообразие единичных реакций значительно отличаются, что свидетельствует о закономерно более разветвленной ассоциативно-вербальной сети родного языка. Вместе с тем значительный, но не радикальный разброс реакций говорит о хорошем уровне владения исследуемой лексикой русского языка у китайцев-билингвов.

Ассоциаты, полученные в ходе эксперимента, в соответствии с принятой в психолингвистике классификацией, распределены на понятийные, эмоционально-оценочные, формальные, культурно обусловленные, реакции-представления, операциональные, реакции-представления.

Ключевые слова: образ мира; ассоциат; респондент; ассоциативное поле; эксперимент; культурный концепт; сема.

Yao Zhipeng

Postgraduate student of the Department General
and comparative linguistics MSLU; tel 89855730700

A COMPARATIVE STUDY OF ASSOCIATIVE FIELDS OF THE LEXEME "COMPASSIONATE / 富有同情心的" BASED ON THE DATA OF THE FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT

The author carries out experimental research on the specificity of the content of the ethical concept "politeness" / "礼貌" in the language picture of the world of bilingual Chinese. The experiment in question is a stage in the series of free associative and scaling experiments that serve as a basis for modelling a fragment of the language picture of the world represented by the "politeness" / "礼貌" lexeme. The respondents showed verbal reaction both to the words "politeness" / "礼貌" and their synonyms retrieved in the direct free associative experiment with the word "politeness" / "礼貌" and selected from Russian and Chinese synonymy dictionaries.

The results obtained had been consistently compared to the data from lexicographic sources in order to establish the psychologically relevant meaning of the researched words and concepts denoted by them.

On the basis of dictionary definitions the nuclear (conceptual) semes "expressing empathy" and "ready to help", and the connotative seme "easily" / "effortlessly" may be identified in the lexeme "compassionate"; in the word 同情心 / "compassion", "empathy". The word "compassionate" does not have a single-word adequate translation from Russian into Chinese – instead, it is translated with the help of the word-combination 富有同情心的 or its contextual alternatives.

The experimental data indicate that the number of different reactions in the Russian and Chinese languages as well as the variation of individual reactions differ considerably, reflecting a naturally more extensive associative-verbal network of the mother tongue. Never the less, the significant yet moderate variation of reactions reveals the bilingual Chinese having a high level of proficiency in the researched Russian lexis.

The associates retrieved in the experiment have been classified as conceptual, emotional-evaluative, formal, culturally conditioned, reactions-representations, and operational.

Key words: image of the world; associate; respondent; associative field; experiment; cultural concept; seme.

Введение

В современном языковедении активизировались исследования, выявляющие специфику языковых картин мира носителей различных культур. Это объясняется усилением двух разнонаправленных тенденций, определяющих развитие этносов / социумов: с одной стороны,

очевидны культурные интегративные процессы, с другой – процессы усиления этничности как противодействие глобализации. В этих условиях важно установить характер функционирования базовых культурных концептов, их возможную динамику, определить сочетание универсального и национально специфичного в их содержании, поскольку оно определяет бытие индивида и общества в целом.

Наше исследование посвящено изучению специфики содержания этического понятия «вежливость» / «礼貌» в китайском и русском языках с помощью моделирования ассоциативного поля одноименной лексемы. Использование ассоциативных реакций в анализе значения слова расширяет представления о культуре изучаемого народа, поскольку обнаруживает не отмеченные словарями сочетательные возможности лексем, что свидетельствует о включенности обозначаемых или понятий в разные виды ментальной деятельности. Особенно важно знание ассоциативного поля слова в межкультурном общении, поскольку оно помогает представить поле интерпретации данного слова, в свернутом виде дает представление о контекстах употребления каждого конкретного слова, а следовательно, об ассоциативных связях обозначенного им понятия.

На одном из предварительных этапов нашего исследования была поставлена цель – установить специфику ассоциата *отзывчивый* /富有同情心的, входящего в ассоциативное поле лексемы *вежливость* / 礼貌 в актуальной речевой деятельности китайцев-билингвов. Для достижения поставленной цели мы провели пилотный свободный ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 27 китайцев-билингвов, обучающихся в магистратуре разных вузов Москвы, в возрасте от 20 до 26 лет; из них четыре респондента мужского и 23 женского пола.

В эксперименте осуществлялось ассоциирование как на слова *вежливость* / 礼貌, так и на их синонимы, (а) полученные в ходе прямого свободного ассоциативного эксперимента со словами *вежливость* / 礼貌 и (б) выбранные из синонимических словарей русского и китайского языков.

Полученные экспериментальные данные последовательно сопоставлялись с данными лексикографических источников, чтобы установить психологически актуальное значение исследуемых слов и обозначенных ими понятий.

Исследование

Для установления структурно-содержательной специфики лексемы *отзывчивый* / 富有同情心的 обратимся к русским толковым словарям, чтобы определить лексическое значение слова, которое будем рассматривать как инвариантное, базовое при анализе структуры ассоциативного поля.

Отзывчивый-ая, -ое; -ив. Легко отзывающийся на чужие нужды, готовый помочь. О. человек. II сущ. отзывчивость, -и, ж. (*slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19121*)

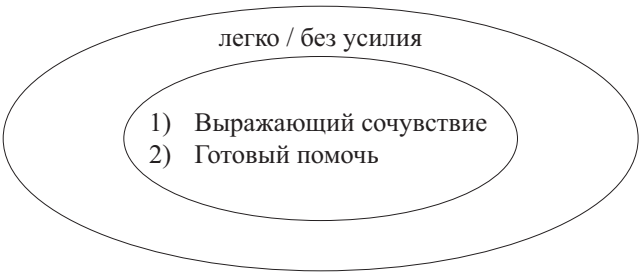
Отзывчивый -ая, -ое; -чив, -а, -о. *прил*. 1) легко отзывающийся, откликающийся на что-л. 2) сочувственно относящийся к нуждам других, готовый помочь (*efremova-online.ru/slovar-efremovoy/otzyvchivyj/63728/*)

Отзывчивый 1. Легко отзывающийся, откликающийся на чьи-л. нужды, готовый помочь. *О-ая медсестра. О-ая к чужому горю душа. О-ое, доброе сердце.* 2. Чутко воспринимающий что-л., живо реагирующий на что-л. *О-ая аудитория. О-ое студенчество.*

◁ **Отзывчиво**, *нареч*. О. отнестись к товарищу. Отзывчивость -и; ж. Привлекать своей отзывчивостью (*gufo.me/dict/kuznetsov/отзывчивый)*.

В соответствии с приведенными словарными определениями в слове *отзывчивый* можно выделить следующие ядерные концептуальные компоненты значения (семы): «выражающий сочувствие»; «готовый помочь»; и коннотативную сему «легко» / «без усилия». Представим семантическую структуру слова «отзывчивый» схематично.

Схема 1



Семантическое поле слова *отзывчивый*
по данным лексикографических источников

Отметим, что в процессах моделирования ассоциативное и семантическое поля выполняют разные задачи: ассоциативное поле выявляет характер отношения индивида к словам-стимулам, семантическое поле описывает системные отношения данного слова. Это разные модели, создаваемые в рамках разных парадигм – психолингвистическойи системоцентрической. Но результаты моделирования могут быть рассмотрены как взаимодополняющие, что позволит более глубоко представить актуальное содержание исследуемого понятия. Ассоциативное поле, основываясь на различных реакциях, интегрирует совокупность семантических, когнитивных, психологических, коммуникативных отношенийиндивида к слову как представителей ментального лексикона индивида [Пищальникова 2017].

Результаты ассоциирования со словом *отзывчивый* / 富有同情心的 в пилотном эксперименте сведены в таблицу 1. Ассоциаты представлены в порядке уменьшения частотности. Цифры, указанные в конце списка ассоциатов, последовательно обозначают общее число реакций, число разных реакций, число отказов испытуемых и число единичных реакций.

Таблица 1

Состав ассоциатов на стимул отзывчивый / 富有同情心的
(по данным свободного ассоциативного эксперимента)

добрый 4	好心人 / добрый человек 5
человек 4	热情 энтузиазм 2
отзыв 4	雷锋 / ЛэйФэн 2
помогать /помочь 3	青年 /молодёжь
сердечный	性格 /характер
бабушка	和蔼可亲的 / приветливый
хорошо	女孩 / девушка
всемогущий	热心的 / сердечный
душа	少年 / юноша
сочувствие	路人 / прохожий человек
любимый	善良 / доброта
ответственность	善良的 / добрый
общительный	消防兵 / пожарники
сочувствовать	奶奶 / бабушка
ответственный	白俄罗斯人 / белорусы
доброта	少 мало

Отказ – 0 27/17/0/13	我 / я 少先队员 / пионер 人 / человек 讨人喜欢的孩子 / симпатичный ребёнок 乐善好施 / помогать людям и делать много добра Отказ – 0 27/21/0/18

Отметим сначала, что количество разных реакций на русском и китайском языках отличается значительно: соответственно 62.9 % и 77.8 %, так же, как и разнообразие единичных реакций: 48.1 % и 66. 7%, что свидетельствует о закономерно более разветвленной ассоциативно-вербальной сети родного языка. Вместе с тем значительный, но не радикальный разброс реакций говорит о хорошем уровне владения исследуемой лексикой русского языка у китайцев-билингвов.

Наиболее частотная реакция, представляющая понятийный признак стимула, на русском и китайском языках у билингвов совпадает – *добрый* (*человек*), что объясняется частотностью словосочетания в обоих языках и следовательно, операциональным характером его употребления китайцами-билингвами как в родном, так и в русском языке. Кроме того, изучение русского синонимического ряда слова *отзывчивый* (*добрый, чуткий, обходительный, добросердечный, участливый, сострадательный, великодушный, бескорыстный, человеколюбивый, милосердный* и др.) способствует актуализации ассоциата *отзывчивый*. Именно в силу распространенности понятия *добрый человек* в обоих языках ассоциат *добрый* операционально воспроизводится в ассоциатах как синоним слова *отзывчивый*, реализующий понятийные (концептуальные) семы последнего.

Понятийные признаки стимула актуализированы также в реакциях *помогать* / *помочь 3*, *сердечный*, *душа*, *сочувствие*, *сочувствовать*, *доброта*, что составляет 59.3 % от общего числа ассоциатов. Это, во-первых, подтверждает известное в психолингвистике положение о том, что в ассоциатах формирующихся билингвов на неродной язык преобладают именно понятийные реакции, так как при изучении второго языка усваиваются прежде всего понятийные компоненты

лексического значения, а индивидуальные ассоциативные связи формируются гораздо медленнее и степень их разнообразия значительно меньше, чем в родном языке. Во-вторых, разнообразие понятийных реакций (37.0%) свидетельствует, как уже отмечалось, о хорошем уровне знания исследуемой лексики русского языка китайцами-билингвами. Например, реакция *помогать*говорит о том, что китаец-билингв понимает значение слова, актуализируя один из его понятийных признаков, и соотносит признак «отзывчивый» с действием по его реализации.

Вместе с тем китайцы-билингвы дают на русское слово частотную реакцию *отзыв,* которая является формальной, акцентирует корень слова, и свидетельствует лишь о том, что некоторые респонденты не различают прямое и переносное значение корня в лексемах *отзыв*и *отзывчивость.*

Помимо понятийных, в эксперименте получены следующие группы ассоциатов (состав ассоциатов установлен в соответствии с принятой в психолингвистике классификацией ассоциатов по характеру выражаемого значения предиката в паре стимул – реакция [Пищальникова 2005]): эмоционально-оценочные – *хорошо, всемогущий, любимый* (отметим, что выделенные понятийные ассоциаты *добрый, сердечный* тоже являются эмоционально-оценочными словами, но одновременно они представляют сущностные признаки понятия «отзывчивый», являются концептуальными семами слова *отзывчивый*); реакции-представления – *бабушка*; операциональные: *человек 4, отзыв 4, душа.*

Единичный ассоциат *ответственность* актуализирует убеждение респондента в том, что отзывчивый человек чувствует ответственность за других людей, и проявляет понятийный признак стимула опосредованно. Реакция *общительный* тоже опосредованно соотносится с понятийными семами стимула, поскольку отзывчивый человек не может быть необщительным.

Таким образом, совокупность полученных реакций можно представить в виде ассоциативного поля (см. схема 2).

Значение китайского слова 同情心 по данным разных толковых китайских словарей совпадает:

同情心: 1.对某事(如另一人的感情)的觉察与同情感;亦指这种感情的表露。2.一种才能,往往指培养成的能与他人感情起共鸣的一种才能,

而这种感情不必一定是悲伤。如：他所缺的不是同情心,而是使自己处于他人地位的那种能力. (*cihai.supfree.net/two.asp?id=67570*; *www.guoxuedashi.com/hydcd/605179h.html*; *xh.5156edu.com/html5/115617.html*). – Отзывчивость:1. Выражение симпатии к чему-либо (например, к чувствам другого человека); также указывает на демонстрацию таких чувств; 2. Своего рода талант, талант развить в себе способность понимать эмоции и сочувствовать другим людям, при этом не обязательно должно быть чувство печали (грусти). Например: его недостаток заключается не в том, что в нем не было сочувствия, а в том, что он не умеет поставить себя на место другого (перевод наш. – *Я.Ч.*).

Схема 2

Состав ассоциативного поля *отзывчивый*
по данным свободного ассоциативного эксперимента

Выделим главные (понятийные) признаки ядра лексического значения слова 同情心: сострадание, сочувствие; эмпатия (способность понимать эмоции и сочувствовать другим людям), отмеченные в китайско-русских словарях. Подчеркнем, что в силу разной типологии сопоставляемых языков русское слово *отзывчивый* не имеет в китайском языке однословного перевода и передается, как правило, словосочетанием, фразой富有同情心的и иными контекстуальными вариантами перевода.

Рассмотрим классификацию и состав полученных в эксперименте китайских ассоциатов:

- понятийные – 好心人 / *добрый человек 5,* 和蔼可亲的 / *приветливый,* 热心的 / *сердечный,* 善良 / *доброта,* 善良的 / *добрый,* 乐善好施 / *помогать людям и делать много добра*;
- эмоционально-оценочные – 热情 *энтузиазм 2,* 少 / *мало*;
- культурно обусловленные представления – 雷锋 / *ЛэйФэн 2,* 消防兵 / *пожарники,* 白俄罗斯人 / *белорусы,* 路人 / *прохожий человек*;
- операциональные – 性格 / *характер*, 青年 / *молодёжь*, 女孩 / *девушка,* 奶奶 / *бабушка,* 我 / *я*, 少先队员 / *пионер*, 人 / *человек,* 讨人喜欢的孩子 / *симпатичный ребенок*, 少年 / *юноша.*

Отметим, как и в случае с русскими ассоциатами, что выделенные понятийные ассоциаты 和蔼可亲的 / *приветливый,* 热心的 / *сердечный*, 善良的 / *добрый* тоже являются эмоционально-оценочными словами, но одновременно представляют сущностные признаки понятия «富有同情心的 / отзывчивый», являются концептуальными семами слова 富有同情心的 / *отзывчивый*).

Операциональные ассоциаты являются неосознаваемыми реакциями, воспроизводящими продуктивную языковую модель «качество, свойство, признак – носитель признака».

Частотная реакция 热情 / *энтузиазм* на китайский стимул 富有同情心的 / *отзывчивый* выявляет психологическую связь с положительно окрашенным понятием «энтузиазм» как состояния «воодушевления, а также совершения, под влиянием этого настроения, активных действий по достижению определенных целей» (*efremova-online.ru/slovar-efremovoy/otzyvchivyj/63728/*).Такая связь возможна в связи с тем, что: 1) именно отзывчивость как свойство людей способна порождать энтузиазм в решении социальных проблем; 2) в связи с актуализацией в процессе ассоциирования положительной эмоции как интегративного коннотативного признака стимула и реакции. В первом случае пара *стимул – ассоциат* выявляет их причинно-следственные отношения, во втором – доминирующий мотив речевой деятельности, который во внешней речи проявляется в эмоции.

Интерпретация некоторых реакций вызывает трудности, и поэтому мы по возможности обращаемся к испытуемым с просьбой объяснить характер реакции. Респонденты, давшие реакции *ЛэйФэн*,

пожарники, белорусы, объяснили мотивы выбора представленных ассоциатов.

Так, *ЛэйФэн* – китаец-сирота, воспитанный Народно-освободительной армией Китая, герой, жизненный подвиг которого заключался в бескорыстной помощи людям: он откладывал собственные деньги, чтобы отдать их бедным, заботился о старших, отличался необыкновенным трудолюбием. В Китае он является образцом безупречного альтруизма и верности коммунистическим идеалам, примером для воспитания молодежи (*ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%8D%D0%B9_%D0%A4%D1%8D%D0%BD*). В различных источниках подчеркивается, что самое важное в деятельности ЛэйФэна – верность родине, народу, искренность по отношению к другим людям (*way2china.ru/uchitsya-u-tovarishha-ley-fena.html*).

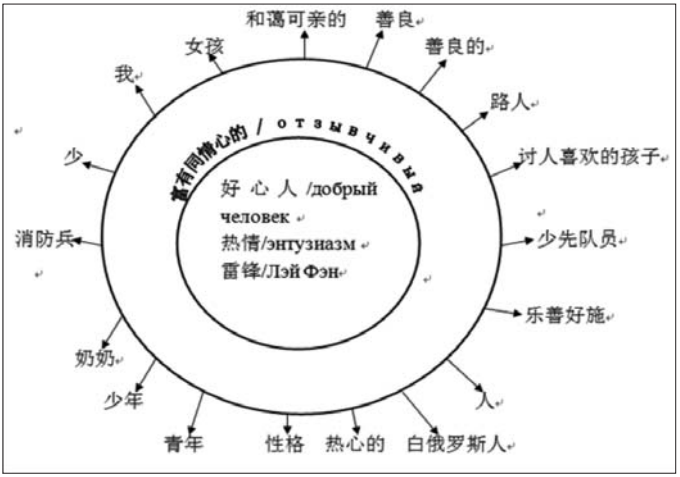
Таким образом, реакция *ЛэйФэн* обусловлена принадлежностью респондента к определенной национальной культуре, проявляющейся в определенных базовых ценностях, стереотипах, мифах [Пищальникова 2010], в том числе о реальных и вымышленных героях, которые, являясь воплощением социально-этических требований к индивиду, помогают обществу осуществлять функцию воспитания молодежи.

Китаец-билингв, давший реакцию *пожарники,* объяснил это тем, что недавно посмотрел кинофильм об истории пожарной команды, где детально представлена жизнь одного пожарного: его личный опыт, в том числе его семейная жизнь, его мечты, отношение к работе, любовь и дружба. Кроме того, в фильме подчеркнута важность профессии пожарных, и явно звучит мысль о необходимости уважать людей этой достойной профессии, всегда готовых прийти на помощь людям. Поэтому реакцию *пожарники* мы рассматриваем как обусловленную конкретным фактом культуры.

Ассоциат *белорусы*, как объяснил респондент, вызвана тем, что во время работы в Белоруссии (он был волонтером в течение года в республиканском институте китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета), он чувствовал искреннюю поддержку, желание помочь и доброе отношение со стороны белорусов, что на уровне представления закрепилось в ассоциативной связи *отзывчивый – белорус*.

Представим ассоциативное поле 富有同情心的 / *отзывчивый*.

Схема 3



Ассоциативное поле 富有同情心的 / отзывчивый
по данным свободного ассоциативного эксперимента

Выводы

Сравнив состав ядра и периферии исследуемого ассоциативного поля富有同情心的 / *отзывчивый* в китайской и русской лингвокультурах, мы получили следующие результаты. Китайцы-билингвы дают одинаковую реакцию на русский и китайский стимул *отзывчивый* / 富有同情心的: соответственно *добрый* 4, *человек* 4 и 好心人 / *добрый человек* 5, которую, на основании сравнения с данными словарей, можно признать главной концептуальной ядерной. Однако уже в ядре наблюдается разный состав смысловых компонентов, хотя и более низкой частотности: соответственно *отзыв* 4, *помогать* 3 и 热情 / *энтузиазм* 2, 雷锋 / *ЛэйФэн* 2.

Это свидетельствует о том, что свободный ассоциативный эксперимент выявляет более непосредственные связи компонентов ассоциативно-вербальной сети индивида. При этом связи русских слов практически ограничены их понятийными компонентами, а связи китайских обнаруживают значительное преобладание реакций-представлений и культурно обусловленных ассоциатов. Это свидетельствует о более сложных, разветвленных ассоциативных вербальных

связях родного слова и позволяет предположить, что обозначенное им понятие может вступать в значительно большее число ментальных связей и операций, чем слово неродного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ, 1990. 288 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 1209 с. [Электронный ресурс]. URL : efremova-online.ru/slovar-efremovoy/otzyvchivyj/63728/ (дата обращения 25.12.2017).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2010 [Электронный ресурс]. URL : slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19121(дата обращения 25.12.17).

Пищальникова В. А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 5 (584). Языковое существование человека и этноса. С. 73–83. URL : elibrary.ru/download/elibrary_15569801_35894448.pdf.

Пищальникова В. А. Теория и история психолингвистики. Ч. 1. М. : Ин-т язния РАН–МГЛУ, 2005. 296 с.

Пищальникова В. А. Функциональные эквиваленты понятия как ментальная основа динамики значения слова [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 78–96. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL : gufo.me/dict/kuznetsov/ отзывчивый (дата обращения 25.12.17).

夏征农、陈至立辞海 [Электронный ресурс]. URL : cihai.supfree.net/two.asp?id=67570.

罗竹风汉语大词典 [Электронный ресурс]. URL : www.guoxuedashi.com/hydcd/605179h.html.

商务印书馆出版新华字典 [Электронный ресурс]. URL : xh.5156edu.com/html5/115617.html.

雷锋 [Электронный ресурс]. URL : ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%8D%D0%B9_%D0%A4%D1%8D%D0%BD.

雷锋 [Электронный ресурс]. URL : way2china.ru/uchitsya-u-tovarishha-leyfena.html.

УДК 820

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор,
заведующий каф. отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

ОТ РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА К АБСОЛЮТНОМУ БЫТИЮ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СМЕНЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье на примере эволюции французской драматургии от классицизма XVII в. к романтизму прослеживаются этапы формирования просветительской «идеи человека», ее последующего кризиса и трансформации в учение об абсолюте. Комедии Мольера, а затем Реньяра и Лесажа высмеивали честолюбивых выскочек, пытавшихся изменить свой сословный статус. Комедии Мариво убедительно показывали, что «естественное чувство», тождественное сословному статусу, упрочивает структуру общества. Однако «семейные драмы» Дидро выявили конфликт между жизненными интересами «маленького человека» и игнорирующими их консервативными социальными установлениями. Просветительская теория правильно понятого интереса подверглась критике со стороны романтического учения об абсолютной полноте бытия. Очарование абсолюта радикально преобразовало внутреннего, социально униженного буржуазным обществом человека в исполненного достоинства и величия героя романтических драм В. Гюго.

Ключевые слова: идея человека; здравый смысл; разумный эгоизм; естественное чувство; сословное сознание; сословное бытие; внутренний человек; романтический абсолют.

A. P. Bondarev

Doctor of Philology (Dr. habil.), Prof., Head of the Department
of domestic and foreign literature the MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

FROM RATIONAL EGOISM TO ABSOLUTE BEING: HISTORICAL LOGIC OF CULTURAL CHANGE PARADIGM

In the article on the example of the evolution of French drama from the classicism of the 17th century to romanticism the stages of the formation of the educational “idea of man”, its subsequent crisis and transformation into the doctrine of the absolute

are traced. The comedies by Molière, then by Regnard and Lesage ridiculed ambitious upstarts, trying to change their class status. The comedies by Marivaux convincingly showed that "natural feeling", identical to the class status, strengthens the society structure. However, Diderot "family drama" revealed a conflict between the vital interests of ""little man" and ignoring him conservative social attitudes. The educational theory of properly understood interest was criticized by the romantic doctrine of the absolute fullness of life. The charm of the absolute radically transformed an inner man, socially humiliated by the bourgeois society man, in full dignity and greatness of the hero of V. Hugo romantic dramas.

Key words: idea of man; common sense; reasonable egoism; natural feeling; class consciousness; class being; inner man; romantic absolute.

Идея человека

Каждая эпоха, откликаясь на непрерывно возобновляемый историей вопрос о содержательном наполнении «идеи человека», отвечает на него в соответствии с нарабатываемыми ею представлениями об этической норме. Просвещение создало учение о «правильно понятом интересе» (intérês bien entendu) или «разумном эгоизме» (égoïsme raisonnable), прозвучавшее откликом мыслителей XVIII в. на оставленное им в наследство «Великим веком» нерешенное противоречие между моральным императивом и личной склонностью. Со временем выяснилось, что бескомпромиссное следование гражданскому долгу, рационально обоснованному социальной аналитикой героических трагедий Пьера Корнеля, провоцирует разрыв родственных и человеческих уз, а одержимость страстью, воссозданная любовно-психологической аналитикой трагедий Жана Расина, «певца влюбленных женщин и царей» (А. С. Пушкин), приводит к нравственной катастрофе.

Мольер во многом предварил усилия «века Разума», направленные на поиски гуманного решения этой социально-онтологической проблемы. Пародийный эффект его комедий порождался не внешним, независимым от сознательной воли стечением обстоятельств, а односторонней ориентацией диссоциированных характеров, удалявших своих жертв от нормы здравого смысла. Таков, в частности, характер Арнольфа, протагониста комедии «Урок женам», униженно вымаливающего у воспитанницы Агнессы снисхождение к своей постыдной слабости:

Подумать, до чего людей доводит страсть!
Любовь уже взяла всего меня во власть.

Агнессе

Чем доказать тебе, как я люблю глубоко?
Заплакать пред тобой? Избить себя жестоко?
Иль вырвать клок волос? Или, без дальних слов,
Убить себя? Скажи! О, я на все готов,
Чтоб ты, коварная, мой пламень понимала.

Однако Агнесса, очарованная красотой Ораса, не намерена приносить свою цветущую юность в жертву эгоистическим матримониальным проектам лукавого воспитателя:

Агнеса

Не трогает меня вся ваша речь нимало,
Меж тем как с первых слов пленил меня Орас[1].

Пер. В. Гиппиуса

Ничем не отличается от Арнольфа и Альцест, интеллектуальный герой высокой социальной комедии «Мизантроп». Не в силах, вопреки самоочевидным доводам рассудка, отречься от слепой страсти к кокетливой Селимене, он мизантропически клеймит и объект своего вожделения, и свое постыдное безволие:

Изменница, ужели
Всё чувство умертвить во мне вы не сумели!
Хоть страстно я хотел возненавидеть вас,
Но сердце не взялось мой выполнить приказ.

Пер. М. Левберг

Монологи Мадлон, Арнольфа, Гарпагона, Сганареля, Дандена, Журдена, Оргона, Дон Жуана, Альцеста, а по сути – всех без исключения персонажей Мольера, парадоксально объяснявшие «неотвратимость»

[1] Не во власти и лирического героя М. Лермонтова переломить холодное равнодушие своей возлюбленной, прототипом которой послужила А. О. Смирнова:

Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

их вынужденных отступлений от нормы здравого смысла, иносказательно воспитывали зрителей, выполняя, по сути, просветительскую функцию – проливали свет разума на нелепость ими же провоцируемых трагикомических положений.

В трактате «Об уме» (1758) Гельвеций констатировал, что охваченный аффектом человек обречен на принятие ошибочных решений: «Страсти вводят нас в заблуждение, так как они сосредоточивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне» [Гельвеций 1974, с. 158]. Предлагаемый Гельвецием *всесторонний* анализ призывал к обогащению сознания дополнительными сведениями посредством интеграции невротического события в более широкий социально-исторический контекст. По данным современной психотерапии, в результате этой когнитивной процедуры патогенный конфликт теряет свою первоначальную остроту, а проект расширения сознания открывает перспективы развития этической философии в направлении воспитания автономной личности.

Теория правильно понятого интереса возлагала на регулятивные способности суждения труд разбирательства между заблуждениями разума и деструктивностью аффекта, ибо картезианское cogito и ренессансное esse выступили в XVIII в. не союзниками, а провокаторами.

В самом деле, «евклидово сознание» навязывало разуму аксиоматическую ригидность мышления, выводящего неизвестное из известного – конечномерного векторного пространства евклидовой геометрии. В «Размышлениях о первой философии» (1641) Рене Декарт противопоставил свой «ум», «мыслящую субстанцию», своему телу – «протяженной субстанции», наделив разум релевантной автономией: «И хотя… я обладаю телом, теснейшим образом со мной сопряженным, все же, поскольку, с одной стороны, у меня есть ясная и отчетливая идея самого себя как вещи только мыслящей и не протяженной, а с другой – отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей, я убежден, что я поистине отличен от своего тела и могу существовать без него» [Декарт 1994, с. 63]. Утверждение возможности функционирования «чистого разума» без тела означало для Декарта такую его относительную автономию, которая позволяла очерчивать параметры разумной воли, направляемой лишь понятиями, независимыми от замутняющих их чувств.

Противоположную позицию занял Вольтер. В «Письме о душе» («Философские письма») он отверг умозаключения Декарта об автономии мыслящей субстанции и «врожденных идеях». Декарт «уверяет нас, – иронично перелагает Вольтер силлогизм Картезия, – что душа человека – это субстанция, сущность которой – мышление, что она постоянно мыслит и в материнской утробе занята великими метафизическими идеями или не менее замечательными всеобщими аксиомами, которые в дальнейшем позабывает» [Вольтер 1988, с. 115].

Заглавие романа Клода Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» (1736–1738) удачно формулирует взаимосвязь эмоциональной и аналитической функций человеческой души, каждая из которых побуждает к совершению ошибок.

Нерешенность вопроса о механизме переработки данных чувственного опыта в априорные понятия востребовала дифференциальную аналитику Джона Локка. Английский сенсуалист ввел в философский обиход термин «рефлексия» – наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность. В трактате «Опыт о человеческом разумении» (1690) Локк пришел к заключению, что эмпирический опыт трансформируется в интеллигибельное содержание в результате рефлексии, устанавливающей логические связи между вещами как объектами ощущений: «…Внешние материальные вещи, как объекты *ощущения*, и внутренняя деятельность нашего собственного ума, как объект *рефлексии*, по-моему, представляют собой единственное, откуда берут начало все наши идеи» [Локк 1985, с. 155].

Так наметилась перспектива гармонизирующей релятивизации конфликта между ригидностью корнелевского долга и компульсивностью расиновской страсти. Поиски способов обретения достоверного знания, необходимого для этически выверенного поступка, завершились созданием учения о разумном эгоизме. Введенный Д. Локком ценностный критерий «истинного счастья» позволял разуму совершать правильный выбор между ближайшими и отдаленными целями: «Чем крепче мы привязаны к неизменным поискам счастья вообще, нашего высшего блага, которому, как таковому, всегда следуют наши желания, тем свободнее мы от необходимости определить свою волю к какому-нибудь отдельному действию и от необходимости уступать своему желанию, направленному на какое-нибудь отдельное благо, которое кажется предпочтительным в

данный момент, пока мы должным образом не рассмотрели, содействует ли оно или противоречит нашему истинном счастью» [Локк 1985, с. 316].

Представление об «истинном счастье» как смысловом целом *всей* человеческой жизни, призывая воздерживаться от угождения сиюминутному порыву, побуждало к ответственному жизнестроительству. Содержащийся в понятии «истинного счастья» призыв к *компромиссу* выводил человека на путь самопознания, которое непрерывно корректировало его ценностные установки: эволюционирующий разум развивался до способности формулировать стратегические цели *личностного становления* – фундаментальной философско-антропологической категории. Правильно понятый интерес как конструктивный компромисс между чувством и разумом позволял человеку выживать в их противоборстве и постигать свое существование как даруемую жизнью возможность саморазвития.

Просвещение обогатило «идею человека» учением о способности разума отделять главное от второстепенного, сформулировало представление о человеке как целостном социально-биологическом организме, не сводимом ни к одной из его функций.

Ложно понятый интерес

Условия жизни человека эпохи феодализма не вменяли ему в обязанность трудиться над поисками своего места под солнцем. Оно даровалось ему условиями его рождения, преднаходилось его сословным статусом, который обеспечивал ему душевное, физическое и материальное благополучие. В этих условиях у сословного человека не могло зародиться романтического желания выйти за очерченные ему пределы, переломить свою судьбу, перерасти самого себя.

Мольеровские комедии иносказательно поэтизировали *органичное единство* сословных и личностных свойств индивида. Покупка Журденом («Мещанин во дворянстве») дворянского титула не сделала его аристократом. По психологии и мировоззрению он остался тем же, кем всегда был по рождению – рядовым обывателем. Комический эффект вызывали эпизоды, констатировавшие разрыв между его дворянскими претензиями и его мещанской сущностью.

В том же положении оказался и герой комедии «Жорж Данден, или Одураченный муж», который в угоду своей честолюбивой слабости

женился на дворянке Анжелике. Разбогатевшего крестьянина Дандена выгодно отличает от Журдена, пусть и запоздалое, но все же осознание совершенной ошибки. Его знаменитый речитатив: «Ты сам этого хотел, ты сам этого хотел, Жорж Данден, ты сам этого хотел, так тебе и надо, вот тебя и обвели вокруг пальца! Ты получил по заслугам!» свидетельствовал о прозрении выскочки, вознамерившемся породниться с дворянским семейством, нарушив тем самым сословное тождество своего сознания и бытия. Причины, побудившие крестьянина добиваться руки аристократки, а ее отца, господина де Сотанвиля, благословить этот брак, выходят за пределы мольеровского сюжета на более широкие просторы социально-исторической проблематики XVIII века.

Возрастающий интерес просветительской комедии к дерзкой инициативе честолюбивых выскочек, пытавшихся изменить свой статус и подняться по социальной лестнице, реагировал на возрастающую роль меновой стоимости как силы более могущественной, чем феодальное землевладение, обеспечивавшее дворянству экономическую и политическую самостоятельность.

Необходимость пополнения государственной казны, опустошаемой военными расходами и амбициозными проектами абсолютизма, побуждала Людовика XIV, а вслед за ним герцога Орлеанского и Людовика XV торговать дворянскими патентами. Этой распродажей грамот Версаль унижал и потомственное дворянство шпаги, и приобретавшее должности дворянство мантии. Ухудшение нравственного климата провоцировало и угодническое лицемерие придворной знати, и продажность государственного чиновничества. Престиж, эмансипировавшийся от своей материально-экономической основы, манил эфемерностью социального самоутверждения. Конфликт между буржуазным авантюризмом и феодальным консерватизмом формировал структуру комедий позднего классицизма и раннего Просвещения.

Так, персонаж комедии Франсуа Реньяра «Игрок» (1696) Вабанк, учитель игры в триктрак, выступает в роли резонера – адвоката новой, разрушающей сословную иерархию реальности:

Ах, сколько нынче крезов
Среди извозчиков, носильщиков портшезов,
Среди ростовщиков, торговцев и дельцов…

Ему вторит Эктор:

Так много тех, на ком вчера была ливрея,
Сегодня рядятся в шелк, бархат и атлас!

Пер. Мих. Донского
под редакцией А. А. Смирнова

Комедия А. Р. Лесажа «Криспин – соперник своего господина» (1707) исследует механизм вытеснения аристократов с жизненных подмостков. Криспин, слуга Валера, напоминает ловких и находчивых слуг комедий Мольера, однако его честолюбивая инициатива не упрочивает, а подрывает сословные устои. Он намеревается выдать себя за аристократа Дамиса и жениться на возлюбленной своего хозяина Анжелике, чтобы завладеть ее приданым. Ему небескорыстно помогает Лабранш, слуга Дамиса. В том, что дерзкая инициатива слуг не достигает цели, проявляется еще скрытая морально-этическая тенденция классицизма, восстанавливающая феодальную законность. Обманщики разоблачены, хотя и далеко продвинулись в своих начинаниях. Они не раз демонстрировали пробуждающую зрительскую симпатию находчивость, и лишь досадная случайность помешала им довести задуманную интригу до конца. Косвенное одобрение их дерзости выражается в том, что мошенников не наказывают. Отец Анжелики Оронт готов подыскать Лабраншу «какое-нибудь хорошее место», а Криспина женить «на крестнице своего друга арендатора».

Герой другой комедии Лесажа «Тюркаре» (1707) также еще остается комическим персонажем – зарвавшимся выскочкой, соединившим в одном лице простоватого Журдена и хитрого Тартюфа. Традиционному осмеянию подвергается его плебейское происхождение: в развязке его жеманная жена и претенциозная сестра – торговка, сводница и перекупщица краденного, закатывают в доме Баронессы скандал, бурлескно уличая друг друга в плебейском происхождении. Узнаваемым предстает и развенчание Тюркаре, доведенного кредиторами до банкротства. И все же вопрос о его финансовом крахе и аресте остается открытым. Во всяком случае, Маркиз убежден, что Тюркаре «выкрутится».

Законосообразность сословного сознания и бытия

Драматургия раннего Просвещения демонстрировала общественный оптимизм, когда утверждала, что сословному человеку нет нужды

выходить за пределы отведенной ему от рождения социальной роли, что обоснованная Лейбницем «предустановленная гармония» гарантирует его жизненное благополучие. Такова поэтика «мариводажа», изящно обыгрывающая мнимое противоречие между видимостью и сущностью. Комедии Мариво остроумно подтверждали тождество сословного статуса индивида и способа его присутствия в мире.

Для Мариво любовь – сословно детерминированное «естественное чувство». В отличие от трагедий Вольтера, в которых любовь приносилась в жертву ложно понятой чести («Заира») или религиозным предрассудкам («Магомет»), в комедиях Мариво спонтанно зарождающийся любовный порыв не только не посягает на устои сословного общества, но своей естественностью подтверждает их законность. Мариво выбирает такие фабульные ситуации, в которых личная склонность героев не вступает в противоречие со сложившимся порядком вещей.

В комедии «Двойное непостоянство» (1723) деревенский паренек Арлекин разделяет с Сильвией радость взаимной любви. Все идет к счастливой брачной развязке, когда вдруг за Сильвией начинает ухаживать Принц, красота и яркий гвардейский мундир которого пробуждают в наивной простушке ответное чувство. Намечается знакомый классицизму XVII века конфликт между своеволием чувства и императивом долга. Однако внезапное охлаждение Сильвии к Арлекину компенсируется его столь же спонтанным увлечением красавицей Фламинией. Герои расходятся вполне дружелюбно, без горестных ламентаций одной стороны и тщетных оправданий другой. *Случай* – сюжетообразующий посланник «предустановленной гармонии» – избавляет героев от сердечных мук.

В комедии «Еще один сюрприз любви» (1727) Маркиза и Шевалье любят друг друга. Маркиза – вдова, Шевалье – холост. Все располагает к их счастливому союзу, которому препятствуют сугубо психологические недоразумения: ревниво-подозрительному Шевалье мнится, что Маркиза неравнодушна к Графу. Развеивая его заблуждение, Маркиза берет инициативу на себя и сама признается незадачливому ухажеру в любви.

В комедии «Игра любви и случая» (1730) молодые аристократы, Дорант и Сильвия, желающие лучше узнать друг друга перед заключением одобренного их родителями брака, переодеваются в одежды

своих слуг. Сильвия выдает себя за служанку Лизетту, а Дорант – за слугу Арлекина. В свою очередь, Лизетта облачается в платье Сильвии, а Арлекин – в камзол Доранта. К своему удивлению «служанка» Сильвия испытывает склонность к «слуге» Доранту, который отвечает ей столь же нежданной взаимностью. И симпатии слуг так же безошибочно влекут их друг к другу.

На взгляд сословной этики любовь не ошибается в выборе, органично отдавая предпочтение родственной душе – равному ей в социокультурном отношении объекту. Сильвия, удостоверившись, что ее опасения беспочвенны и «слуга Арлекин» – ее одобренный родителями жених, торжествует над комичным стечением обстоятельств, кокетливо провоцируя Доранта на признание ей в любви как служанке.

Рефлектирующий герой Просвещения

Между тем, углубляющееся расхождение между внешним – сословным и внутренним – естественным человеком предъявляет повышенные требования к аналитическим способностям героя просветительской драмы отделять «правильный» интерес от «ложного». Сюжет пьесы Д. Дидро «Отец семейства» (1758) отражает перипетии этого аналитического труда. Дидро заимствует у Вольтера гуманизм естественного чувства, у Мариво – счастливую развязку. Однако в контексте этой семейной драмы социально-психологическим противоречиям уже не дано разрешиться самим собой. Социальное расслоение и упорствующий консерватизм мышления затрудняют поиск оптимального решения. Героям приходится прикладывать немалые умственные и эмоциональные усилия, чтобы отклонить навязываемое предрассудком ошибочное мнение и погасить вспыхнувший аффект, то есть применить на практике рекомендацию Гельвеция «не сосредоточивать все внимание на одной стороне рассматриваемого предмета», а подвергнуть его «всестороннему исследованию».

Отец семейства – господин д’ Орбессон, обеспокоенный частыми ночными отлучками сына, заблуждается, квалифицируя его поведение как безнравственное. В действительности, Сент-Альбен, движимый благородными чувствами, морально и материально поддерживает борющуюся с нищетой и бесправием добродетельную девушку Софи. Поддавшись на время влиянию сословных предрассудков, господин д’Орбессон дает волю неправедному негодованию: «Что вы дерзаете

мне предлагать? <…> Чтобы я из постыдной слабости одобрил подрыв всех основ общества, смешение крови и званий, вырождение семьи!». Завладевшее Сент-Альбеном чувство воспринимается его отцом и дядей, Командором д'Овиле, как посягательство на общественные устои. Однако «всестороннее исследование» показывает, что любовь Сент-Альбена «разрушительна» лишь в тенденциозном восприятии отца и дяди. Согласно демократической позиции Дидро *естественное чувство* глубоко нравственно и обладает потенциалом переустройства несправедливого общества на более разумных началах. Поэтому уравновешенный благодаря своему всепониманию Жермейль – рупор демократических идей Просвещения – усмиряет и охваченного страстью Сент-Альбена, и удрученного обидой г-на д'Орбессона. Он же удерживает от скоропалительных решений и Сент-Альбена, и провокатора семейных распрей Командора, отдавшего приказ об аресте Софи.

Воспитательный эффект осознания действительного, а не мнимого интереса всех участников этой семейной драмы проявляется в том, что г-ну д'Орбессону, проникнувшемуся социально-психологическим содержанием конфликта, удается не только умерить свое раздражение, но и аргументированно воспротивиться бесчеловечным инсинуациям брата.

Эволюционирующая литература Просвещения все чаще обращается к сюжетам, иллюстрирующим кризис теории правильно понятого интереса. Аффекты в виде эксцессов эгоизма и честолюбия, торжествуя над умозрительной теорией здравого смысла, ставят по сомнение ее применимость. Согласно наблюдениям Ж. О. Ламетри «счастье не может зависеть от образа мысли или, вернее, чувства, ибо несомненно, <…> что нельзя думать и чувствовать так, как этого хотелось бы. Поэтому те, кто ищет счастья в своих размышлениях или в поисках ускользающей от нас истины, ищут его там, где его нет» [Ламетри 1976, с. 112].

В комедии «Хорош он или дурен ?» (1781) Дидро инвертирует ценностные акценты, расставленные им в драме «Отец семейства», и дает понять, что эффективна лишь умелая апелляция к неискоренимому человеческому эгоизму.

Композиционно комедия состоит из двух эпизодов. В первом мудрый, знающий жизнь г-н Ардуэн, не слишком полагающийся на

бескорыстное благородство своих знакомых, достигает поставленных целей, воздействуя на их корыстный расчет.

Так, желая помочь своему другу, г-ну де Крансе, жениться на мадемуазель де Вертильяк, он намекает ее матери, что ее дочь – любовница г-на де Крансе. Пришедшая в ужас г-жа де Вертильяк не только мгновенно соглашается на этот брак, но еще требует от де Крансе расписки, обязующей его выплатить ей неустойку в 20 тысяч экю, если его матримониальные планы претерпят изменения.

Во втором эпизоде г-жа де Бертран, вдова капитана, тщетно добивается от морского министерства законной пенсии для своего сына. Г-н Ардуэн в приятельской беседе с г-ном Пультье, управляющим министерской канцелярией, дает ему понять, что он – отец сына вдовы Бертран. Заинтригованный чиновник мгновенно улаживает все бюрократические формальности.

Кризис теории правильно понятого интереса проявляется в лицемерном возмущении «облагодетельствованных» Ардуэном персонажей, догматизм которых не желает мириться с унижением их разума: «Вы недостойный, подлый, низкий человек, – обрушивает г-жа Бертран потоки негодования на своего благодетеля. – И вы думали, что я унижусь настолько, чтобы принять пенсию, полученную такой ценой? Вы ошиблись: я буду жить на хлебе и воде, я сумею умереть с голоду, если нужно».

Тщетно взывает г-н Ардуэн «к суду времени», пытаясь оправдаться и перед г-жой де Вертильяк. Такой поворот сюжета, хотя и облаченный в жанровые одежды комедии, констатировал обострение общественных противоречий, подрывавших возможность компромисса между ближайшими (эгоистическими) и отдаленными (разумными) интересами.

Романтический микромегас

«Микромегас» (мало-большой) – название одной из философских повестей Вольера. В ней остроумно обыгрывается относительность категорий большое / малое. Романтизм применил этот пространственный релятивизм к диалектической взаимообусловленности социального ничтожества и духовной значительности «маленького человека». А. Шопенгауэр проницательно заметил, что если целесообразная производственная деятельность «большого» по социальным меркам

человека направляется законом основания, бескорыстное присутствие в мире безосновного «маленького» человека поучительно своей «внутренней значительностью», «глубиной прозрения в идею человечества» [Шопенгауэр 1998, с. 424].

Историческое изгнание сословного индивида из феодального состояния мира было интерпретировано романтизмом как метаморфоза – вступление в принципиально иное онтологическое состояние – абсолютную полноту бытия.

Романтизм увидел в маленьком человеке, наивная психология которого сохраняла генетическое родство с ранним детством, и который оставался ребенком наперекор своему биографическому взрослению, перспективу гротескного преобразования социального унижения в духовное возрождение. Эстетика романтизма оценивала взросление как прискорбный процесс умирания «внутреннего человека» во «внешнем», как антигуманное жертвоприношение маленького человека тотемному идолу обезличенной чиновничьей государственности.

Процесс социальной адаптации формирует *характер* – устойчивый и предсказуемый механизм психологической реакции на вызовы внешней среды. Победа успешно интегрировавшегося в социальность взрослого человека над наивно сопротивлявшимся этой интеграции ребенком – пиррова победа обывателя над собственной живой душой. Она предрешает его духовное самоуничтожение задолго до его физической кончины. Сложившийся характер – трагический симптом поражения, которое не реализовавшаяся гениальность претерпевает от обывателя. Герой романа Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» глубоко прочувствовал невосполнимую безнравственность умирания внутреннего человека во внешнем: «Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и *нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным*; человек же с характером, деятель, – существом по преимуществу ограниченным. Это сорокалетнее мое убеждение. Мне теперь сорок лет, а ведь сорок лет – это вся жизнь; ведь это самая глубокая старость. Дольше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут».

Безосновность маленького человека была интерпретирована романтизмом как условие эмансипации человечества от всех форм бытового, экономического, социального и государственного

принуждения во имя творческой самоактуализации. Столь радикальная смена культурной парадигмы не могла не обновить статус литературного героя: из борца за социальное самоутверждение он превратился в художника-творца, ищущего эстетические способы самовыражения.

В «Речах о религии» (1799) немецкий философ Ф. Д. Шлейермахер выступил с проповедью *романтической религии* – творческой *бесконечности* человека и окружающих его явлений: «Во всем, что составляет ее сущность, во всем, что присуще ее проявлению, она противостоит и морали и метафизике. Те видят во всем универсуме человека только как средоточие всех связей, как условие всего бытия и предпосылки всякого становления; она же хочет видеть в человеке бесконечное в не меньшей степени, нежели во всех других частностях и конечных проявлениях, видеть в нем отражение и выражение этой бесконечности» [Шлейермахер 1980, с. 138].

В контексте новой вырабатываемой романтизмом «идеи человека» драма Альфреда де Виньи «Чаттертон» (1835) воспринимается не только как эпитафия в адрес «одухотворенного человека, задушенного обществом материалистов, в котором скупой делец безжалостно эксплуатирует ум и труд», – по определению самого автора. Факт добровольного ухода из жизни гениального юноши, семнадцатилетнего английского поэта XVIII века Томаса Чаттертона, –символический акт сознательного разрыва внутреннего человека с враждебной ему социальной средой.

Жизнь по законам красоты

Новая романтическая религия утверждает *эстетику* бесконечной духовной свободы, противопоставляя ее *этике* преходящей социальной необходимости. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1793–1794) Ф. Шиллер обосновал воспитательную роль художественного жизнетворчества: «…Если состояние чувственной определенности назвать физическим, а состояние разумного определения назвать логическим и моральным, то… состояние реальной и активной определимости следует назвать эстетическим» [Шиллер 1935, с. 259–260].

Принципиальным эстетическим требованиям «реальной и активной определимости» в полной мере отвечают герои романтических драм Виктора Гюго. Разночинец Дидье, протагонист исторической

драмы «Марион Делорм» (1829), – не теоретик правильно понятого интереса, а всецело овнешненный внутренний человек. Он претворил свою земную безосновность в духовную красоту, определяемую в терминах И. Канта как «целесообразность без цели». Труд жизнестроительства, требовавший от человека Просвещения умственных усилий, решительно отвергается Дидье как трусость обывателя, заключающего компромисс с социальностью ради механического продления процесса своего медленного умирания. Исповедуя религию абсолютного бытия, Дидье противопоставляет ее относительному – преходящему – злу абсолютизма. Лувр Людовика XIII являет собой толпу лицемеров и доносчиков, а король – ничтожного человека, малодушно передоверившего монаршую ответственность за своих подданных кардиналу Ришелье, персонифицирующему безличную абстракцию государственной власти.

Гюго поэтизирует разночинца Дидье за его бескорыстную любовь к куртизанке Марион Делорм. Эта любовь подтверждает не «предустановленную гармонию» Лейбница и не «избирательное сродство», воспетое одноименным романом Гете, а новый романтический миропорядок, согласно которому абсолютная полнота любви может зародиться лишь в сердцах людей, изгнанных из официальной жизни и благодаря этому сохранивших детскую чистоту своих душ.

Антагонизм социальных и романтических ценностей проявляется в том, что Дидье, вступившийся за человеческое достоинство своей возлюбленной, приговаривается Ришелье к смертной казни, а Марион Делорм, после безуспешных попыток добиться его помилования, добровольно разделяет его судьбу.

Обосновывая в предисловии к драме «Кромвель» общеевропейскую религию философского романтизма, В. Гюго выявляет исторический конфликт нового типа: не классицистический (между долгом и страстью) и не просветительский (между правильно и ложно понятым интересом), а собственно романтический – между конечной – земной и бесконечной – духовной ипостасями человека: «Эта религия… внушает человеку, что перед ним – две жизни, одна – преходящая, другая – бессмертная; одна – земная, другая – небесная» [Гюго 1980, с. 447]. Безусловная ценность новой религии однозначно предопределяет выбор романтического героя между двумя открывающимися перед ним жизненными перспективами.

В 1829 г. на сцене театра «Comedie française» состоялась премьера драмы «Эрнани», прозвучавшей эстетическим манифестом французского романтизма. Ее сюжет строится на конфликте между испанским королем доном Карлосом, будущим императором Священной Римской империи, и Эрнани, потомственным принцем Хуаном Арагонским. Совершаемые героями гротескные поступки отражают сверхчеловеческие трудности выбора между «двумя жизнями – преходящей и бессмертной, земной и небесной».

Дон Карлос попеременно дает волю то высокомерной дерзости по отношению к Эрнани и его возлюбленной донье Соль де Сильва, то величественному великодушию властелина мира – императора Священной римской империи.

Эрнани, невольный изгнанник и благородный разбойник, то выступает смертельным врагом дона Карлоса, то состязается с ним в самоотречении.

Донья Соль, невеста дона Руя Гомеса де Сильва, романтически отдает предпочтение не богатому и знатному жениху и не всемогущему по земным меркам дону Карлосу, а гонимому разбойнику. Она готова разделить судьбу с тем, кто в любую минуту рискует взойти на эшафот.

Дон Руй Гомес, герцог де Сильва, то завистливо посягает на счастье молодых влюбленных, то, потрясенный величием их любви, осознает подлую мелочность своей ревности и кончает жизнь самоубийством.

В отличие от завороженных земными иллюзиями дона Карлоса и дона Руя Гомеса, Эрнани воплощает сверхличное достоинство абсолютного бытия. Добровольно приняв яд, Эрнани и донья Соль символически выбрали смерть, противопоставившую их «земной преходящей жизни» «бессмертную небесную» жизнь в абсолюте. В предсмертном монологе, адресованном донье Соль, Эрнани благодарит судьбу, направлявшуюся гениальностью живущего в нем внутреннего человека:

Благодарю судьбу за весь мой путь прекрасный
В изгнанье, средь врагов, в ночи, всегда опасной,
За то, что в час, когда я жизнью утомлен,
Здесь, на твоей груди, мне послан этот сон!

Пер. Всеволода Рождественского

Просветительская теория правильно понятого интереса учила искать «истинное счастье» в компромиссе между личностью и обществом.

Романтизм понял «истинное счастье» как отождествление человека с его вневременной духовной родиной – абсолютной полнотой бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вольтер Ф. М. А. Философские письма // Философские сочинения. М. : Наука, 1988. С. 70–226.

Гельвеций К. А. Об уме // соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1974. Т. 1. С. 143–603.

Гюго В. Предисловие к драме «Кромвель» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 447–459.

Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.

Ламетри Ж. О. Трактат о душе (Естественная история души) // Сочинения. М.: Мысль, 1976. С. 63–153.

Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 77–582.

Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Статьи по эстетике. М.–Л. : ACADEMIA, 1935. С. 200–293.

Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 138–148.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск : Литература, 1998. С. 49–704.

УДК 81-2

Л. А. Ноздрина

доктор филологических наук,
профессор, каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: nosdrina-l@mail.ru

ЭТО НЕ СОВСЕМ ТАК

Статья посвящена тексту и его категориям. Текст в работе рассматривается как результат речевой деятельности, как речь в процессе познания окружающего мира, в создании картины мира. Функционирование важных для конституирования текста категорий времени, пространства, лица, референтности и модальности рассматривается с позиций их участия в создании текста. Такой подход к традиционным языковым категориям открывает их новые стороны. Они не проявляются на уровне предложения и имеют особое значение в когнитивном плане. Это касается в первую очередь категорий, участвующих в создании текста: категорий времени, пространства, персональности, референтности, которая заимствована у логиков, отражает связь предложений и является текстообразующей категорией. Почти все исследователи, занимающиеся текстом, отмечают тесное взаимодействие лексических, морфологических и синтаксических категорий, взаимообусловленных друг другом в тексте. Однако не существует единого мнения о том, каково это взаимодействие, каков его механизм. В статье рассматриваются различные точки зрения на взаимодействие категорий. Многие исследователи видят в числе текстообразующих и другие категории, например, категорию переходности / непереходности, либо глаголы, обозначающие деятельность человека. То же можно сказать и об имени существительном. Определенность / неопределенность есть и безартиклевых языках, но она не является текстообразующей категорией. Поскольку в статье невозможно представить все стили, то рассмотрение коснулось только художественной литературы. В других статьях будет продолжено рассмотрение категории времени в иных стилях.

Ключевые слова: категория; время; пространство; лицо; референтность; модальность; залог; глагол; существительное; установка автора.

L. A. Nosdrina

D-r. Habil, Professor of the Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: nosdrina-l@mail.ru

THAT IS NOT QUITE TRUE

The article considers the notion of text and its categories. The functioning of the categories of time, space, personality, referentiality and modality, which are crucial for text constitution, is considered from the point of view of their participation in text formation. This approach to language categories reveals their new facets. They do not manifest themselves on the level of sentence formation and are specifically important

for the process of cognition. This is mostly true for the categories of time, space, personality, modality and referentiality. Almost all linguists highlight close interaction of lexical, morphological and syntactic categories, which are interdependent in the text. However, they do not agree on the nature and mechanism of this interaction. In this article we consider various points of view on this issue. Nowadays literary text studies cannot exist only within the framework of linguistic analysis. We regard texts as works of literature, which means that we consider literary text poetics.The domain of literary text is not homogenous and can be divided into several types. The most important are physical and geometric space as objective reality and "animated" space. Semantic analysis of the text is aimed at the disclosure of its logical structure and the author's intentions.

Key words: category; time; space; person; referentiality; modality; aspect; verb; noun; author's attitude.

Изучение текста как результата речевой деятельности, его роли в процессе познания человеком окружающего мира в создании картины мира представляет собой одну из задач современной лингвистики. Функционирование важных для конституирования любого текста категорий, как категория времени, пространства, лица, референтности и модальности рассматривается сегодня с позиций их участия в создании текста как основной коммуникативной единицы. Такой подход к традиционным языковым категориям и явлениям открывает их новые стороны. Они не проявляются на уровне предложения и имеют особое значение в когнитивном плане. Это касается предложения, взятого заглавием данной статьи, заимствованного из книги Даниила Гранина [Гранин 1976, с. 1] и наиболее точно передающего содержание статьи. Это относится в первую очередь к тем категориям, которые создают текст и выступают в роли оснований для возникновения текста. Категории времени, пространства, персональности и модальности взяты из литературоведения и имеют разное толкование в разных науках. Категория же референтности заимствована у логиков и отражает, так же как и другие категории, связность предложений, являясь текстообразующей категорией, уникальной и универсальной в рамках текста, но об этом – дальше.

Практически все исследователи, занимающиеся изучением текста как единого целого, отмечают, что все элементы, составляющие текст (лексические, морфологические, синтаксические), тесно взаимодействуют друг с другом [Ноздрина 2004, с. 55]. Однако не существует единого мнения о самом взаимодействии и о том, каким является его механизм.

Иногда взаимодействие категорий сводится к видоизменениям одной из них. Так, например, категория наклонения и категория времени как две глагольные категории взаимодействуют друг с другом так, что в результате в императиве (иначе говоря, в повелительном наклонении) глагол не имеет временных форм.

Все определяется тем, что понимают под грамматической категорией. Если для О. И. Москальской это языковые знаки особого рода, регулярно повторяющиеся, перекрывающие лексические знаки, определяющие слова в речи в осознанное и связное высказывание [Москальская 1983, с. 64], то для В. Г. Адмони это «всякое системное, более или менее фронтально проведенное объединение некоторого множества грамматических явлений, обладающих каким-либо общим, формально выраженным семантическим или функциональным признаком» [Адмони 1988, с. 66]. Категории дополняют друг друга и соотносятся с определенной грамматической формальной структурой (например, категории глагола как части речи) и категории, которые соотносятся с определенным грамматическим значением (например, категория модальности). Так, эти категории подразделяются на формально-грамматические и семантико-грамматические [там же, с. 66–67].

Приводя определение грамматической категории Р. Якобсона и Пражской школы, О. И. Москальская отмечает, что это определение сегодня наиболее распространено и общепризнано [там же, с. 65].

Можно объединить в одно понятие лексические и грамматические единицы, например, сделать это с понятием времени. Тогда мы говорим о грамматико-лексическом или грамматико-семантическом поле, о функционально-семантическом поле [Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, К.-Э. Зоммерфельдт, Г. Штарке, А. В. Бондарко и др.].

Можно исходить из намерения говорящего и рассматривать языковые явления, говоря о прагмалингвистическом подходе [Шендельс 2006, с. 320].

Можно выделять глобальные категории, сущность которых выражается в морфологии, в синтаксисе, в словообразовании, например, категорию «человек», о которой пишет Е. И. Шендельс [Шендельс 2006, с. 294–306].

Ю. М. Лотман считал, что текст воспринимается не как сумма его элементов, которые интересны только для исследователя. Каждый

элемент рассматривается в его отношении к другим элементам. Тогда текст воспринимается читателем как некое структурное целое [Лотман 1972, с. 11].

Т. М. Николаева представляет следующее положение: текст – это макроструктура, глобальное единство, включающее в себя поверхностную и глубинную структуры [Николаева 1978, с. 34].

Исследование художественного текста, как мы уже сказали, не может сегодня замыкаться в рамках лингвистического анализа. Рассматривая текст как глобальную структуру и обращаясь, в первую очередь, к тексту художественному, невозможно обойти вниманием литературоведческий аспект, а именно – поэтику художественного текста, понимая ее как «структуру отношений внутритекстовых элементов» [ЛЭС 1990, с. 417].

Можно предположить, что пять структур (темпоральная, локальная, персональная, референтная и модальная) также взаимодействуют в тексте и объединяют отдельные предложения в единое целое [Ноздрина 2004, с. 56]. Текст выполняет художественно-эстетические задачи, главные задачи, стоящие перед ним [там же, с. 56].

Темпоральная и локальная структуры порождают хронотоп. Основная его задача – ориентировать читателя в художественном времени и в художественном пространстве. Интерес к временнóй характеристике текста в значительной мере определен той ролью, которую понятие времени играет в мировоззрении человека, в языковой картине мира. Обладая большим понятийно-культурным значением, категория времени приобретает особый вес в смысловой структуре текста, в его стилистическом, художественно-эстетическом, информационном, коммуникативном и других аспектах. Она относится к так называемым определяющим категориям человеческого сознания, образующим модель мира, т. е. ту сетку координат, при помощи которой люди воспринимают окружающую их действительность и строят образ мира, существующий далее в их сознании [Гуревич 1984, с. 84]. Согласно А. Я. Гуревичу, чувство времени не присуще человеку с рождения. Его временные и пространственные понятия определяются той культурой, к которой он принадлежит [там же].

Если для русской языковой картины мира характерно эмоционально-насыщенное мироощущение говорящего, заключенное, в частности, в словах с временнóй семантикой (например, «миг» и

«мгновение»), сгущение и уплотнение времени через сверхкраткость в их семантике, рациональное и аналитичное восприятие времени и концентрация на внешних обстоятельствах (в существительном «момент»), а в некоторых – проявление бытового времени (в существительных «минуты» и «секунды») [Яковлева 1994, с. 106], то с большой долей уверенности можно утверждать, что и в немецком языке соответствующие им единицы с темпоральным значением имеют свои отличительные черты, позволяющие составить определенное представление об одном фрагменте немецкой языковой картины мира. Вопрос заключается лишь в том, каковы эти черты.

Однако разрозненные факты не могут дать целостного представления об особенностях восприятия времени носителями языка. Глубинные выводы могут быть сделаны лишь после специального исследования, нацеленного на выделение специфических особенностей употребления единиц, имеющих темпоральное значение [Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность 1990]. Созданное фантазией автора, художественное время, например, обратимо и допускает возврат к прошлому и скачки в будущее. Кроме того, оно многомерно и разнонаправлено и имеет универсальное средство выражения – время грамматическое, весьма специфичное для каждого языка. Если в германских и романских языках это целая система, то в русском – трехчленная оппозиция «настоящее – прошедшее – будущее», а в японском и китайском языках – двучленная оппозиция «прошедшее – непрошедшее время» [Потаенко 1985, с. 43–52].

Грамматическое время играет ведущую роль в создании временно́го пласта не только предложения, но и всего текста. Неглагольные формы, имеющие в своей семантике значение времени, как отмечалось в ряде работ, берут на себя чрезвычайно важную задачу по переключению действия с одного временно́го плана на другой. Однако описание темпоральных характеристик текста начинается, как правило, с анализа использованных в нем временны́х форм глагола как универсального средства создания темпоральной структуры текста.

То же можно сказать и о пространстве художественного текста. Художественное пространство, так же как и художественное время, может быть подразделено на несколько видов. Среди них особое значение имеют физико-геометрическое пространство как объективная реальность, не зависящая от восприятия человека, и «одушевленное»,

«очеловеченное» пространство, пропущенное через сознание человека [Яковлева 1994, с. 20]. Именно его и описывает язык. Ю. М. Лотман понимал художественное пространство как модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений [Лотман 1968, с. 6]. Художественное пространство – это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие.

Объединение трех структур – темпоральной, локальной и персональной – дает категорию координат. Ее задача – оформить текст как коммуникативную единицу, т. е. упорядочить его во времени, в пространстве и по отношению к говорящему, разместить его в некой системе с тремя определяющими: временем, пространством и лицом [Ноздрина 2004, с. 57].

Четыре текстовые структуры – темпоральная, локальная, персональная и референтная – также взаимодействуют друг с другом и дают категорию дейксиса (указания, ссылки). Наряду с указанием на время, место действия и на форму повествования (от 1-го, 2-го или 3-го лица), эта категория включает в себя и текстовый референт, то есть то, о чем или о ком говорится в тексте. Основная задача этой категории – в полной актуализации поэтической действительности, которую изобрел автор [там же].

Присоединение к этим четырем структурам пятой, модальной, дает новую категорию – категорию точки зрения. Ее главная задача – определить позицию автора по отношению к тому, что он описывает в тексте. Благодаря категории точки зрения читатель может определить, находится ли автор в центре событий, среди героев или смотрит на них со стороны, из другого временного пласта, как на прошлое, «извне», говорит ли он как свидетель событий или как наблюдатель, расценивает ли он все изображаемое как реальное или как нереальное, возможное или только желаемое [Ноздрина 2004, с. 57].

Все эти категории выполняют в тексте ряд задач (комплементарных), но все задачи независимо от того, о какой категории идет речь, могут быть сведены к следующим [там же, с. 58]:

1) участие в создании текста;
2) участие в создании жанровой специфики текста;
3) создание литературно-стилистических эффектов;
4) определение «техники изложения» материала;
5) выполнение частных комплементарных задач.

Эти категории обладают несколькими характеристиками. Характеристики выражают их суть и могут считаться важнейшими. Это:

1. Принадлежность к поэтике [Гин 1992, с. 104–106]. Поэтика здесь поуимается в широком смысле, как структура отношений внутритекстовых элементов (Лихачев, Мелетинский, Гин).

2. Глубинный характер категорий. Это не новое понятие в лингвистике. Под ним в лингвистике текста понимается некоторое семантическое или понятийное образование. Оно служит «отправной точкой» при порождении поверхностных структур и выводится на основании косвенных данных [Тураева 1986, с. 58]

3. Универсальный характер категорий. Глубинные категории присущи любому тексту, независимо от жанра и типа текста. Различна лишь значимость этих категорий в разных жанрах: в художественном тексте или в газетном и журнальном текстах. Эти категории занимают разное место (выходят на передний план или уходят на задний план).

4. Системный характер категорий. Любое исследование должно быть описано с позиций некоторой системы, т.е. единицы одного уровня должны быть встроены в другие, более высокие уровни. Именно в этом случае возникает система. Хронотоп как исходная категория, присоединив к себе ссылку на лицо, «перерастает» в категорию координат. Последняя, подключив к себе референтную ссылку, превращается в категорию дейксиса, которая, приняв модальную оценку, перерастает в категорию точки зрения. Так возникает система категорий [Ноздрина 2004, с. 61]. Взаимоотношение этих категорий можно определить как «принцип снежного кома», где одна категория «обрастает» другой и переходит в иную категорию, родственную ей по характеру (глубинная, поэтическая), но более крупную [там же]. Все это составляет единое целое в рамках завершенного произведения.

5. Когнитивный характер категорий. Ю. М. Лотман говоря о художественном тексте, отмечает, что это – мощный механизм истолкования окружающего мира и ориентировки в нем. В нем заключается цель поэтического текста [Лотман 1972, с. 132]. Искусство расширяет границы познания, пишет дальше Ю. М. Лотман. Поэтому рассматриваемые глубинные категории необходимо изучать с точки зрения их участия в познании, с позиций человека как познающего субъекта. Необходимо показать, как человек познает мир не только через триаду «я – здесь – сейчас». Нужно сказать о том, как человек оценивает то, о чем он пишет: как нечто известное или данное впервые, как нечто

обобщенное или поданное в частностях, как реальное или ирреальное, только желаемое и так далее [Ноздрина 2004, с. 63].

Антропоцентризм выражен в тексте в отборе языковых средств, которые пропущены через сознание художника. Именно он моделирует мир, создает его, в частности, и при помощи глубинных категорий, которые должны быть рассмотрены не как чисто формально-смысловые, а быть построены так, чтобы дать глобальную картину видения мира глазами автора произведения как субъекта языкового творчества [Ноздрина 2004, с. 63].

Многие исследователи называют в числе текстообразующих и другие категории. Это не совсем так. Среди них есть и уникальные, но они не являются универсальными, т. е. встречающимися в любом тексте. Таким образом, они не удовлетворяют всем требованиям глубинных категорий. Они появляются не в любом тексте и не имеют системного характера (в нашем понимании системы). Такова, например, глагольная, морфологическая категория пассива. Все здесь решает автор: захочет ли он сделать грамматическим подлежащим агенс или пациенс? От этого зависит, вводится в текст индикатив пассив или актив, т. е. стоит ли глагол в изъявительном наклонении активного или пассивного залога. То же можно сказать и о переходности / непереходности глагола. Эта категория тоже зависит от воли автора. Какой глагол выбрать для передачи содержания, решает также он (в зависимости от характера текста): выбрать глагол, обозначающий деятельность человека (*arbeiten*, *bauen*, *tanzen*) или состояние (например, *schlafen*), как, впрочем, он же выбирает и состав глубинных категорий.

Глаголы, безусловно, играют определенную роль в общей характеристике текста и с позиций его стилистики, в частности. Классификация важна для стилистического наполнения, но эти глагольные категории не являются текстообразующими категориями. Так, в тексте Э. Штриттматтера «Grosse und kleine Mühlen» можно найти примеры для всех групп полнозначных глаголов (глаголов деятельности, глаголов состояния человека, процессуальных глаголов, для глаголов состояния природы и глаголов событийных). Благодаря их многообразию перед глазами читателя предстает осенний день, день подготовки природы к зиме [Богатырева, Ноздрина 2005, с. 244], но только этот факт не связывает предложения друг с другом структурно, а только тематически. Отдельные предложения объединены общей темой, что

и создает целый текст. Динамика повествования возникает благодаря частой смене этих глаголов.

Глаголы исчезают в своем первоначальном значении, появляются в новых и возникают новые глаголы. Их «особенность» необычна и часто создает метафоры, как, например, у Е. Штриттматтера: «Der Sommer summte durchs Land» [Богатырева, Ноздрина 2005, с. 246], но не текст. Исходя из глаголов, можно распределять тексты на беллетристику и научные, деловые и личные письма, а беллетристику – на прозаические и поэтические (т. е. стихотворные), но невозможно, исходя из глаголов, выделять тексты и нетексты, т. е. не связанные друг с другом предложения.

То же можно сказать и об имени существительном. Его категория определенности / неопределенности (в артиклевых языках она передается через определенный и неопределенный артикль, а в безартиклевых языках – при помощи лексических средств) не является текстообразующей, так же как и число (как категория, не зависящая от грамматики), и категория грамматического рода (в немецком языке все существительные, входящие в группы слабого склонения, – мужского рода, а все молодые особи – среднего рода). Невозможно каждую категорию считать текстообразующей. Они далеко не всегда составляют текст из независимых друг от друга предложений. Это не совсем так. В одном тексте они есть, в другом их нет, т. е. они не универсальны и, следовательно, не могут быть причислены к текстообразующим категориям, как, например, категории времени, локальности, персональности, референтности и модальности – категории, отвечающие всем требованиям, предъявляемым к текстообразующим категориям.

Конечно, могут быть исключения, например тексты пословиц и поговорок («Тише едешь – дальше будешь». Здесь непонятно, когда едешь и где будешь. Но здесь акцент делается не на времени и месте действия, а на самом действии. Поэтому эти тексты считаются текстами-исключениями).

О. И. Москальская видит в синтактико-семантическом анализе текста раскрытие его смысловой структуры как целого. В семантическую репрезентацию должны быть включены те элементы, которые релевантны для смысловой структуры целого текста [Москальская 1983, с. 76]. Задача анализа текста состоит в раскрытии его смысловой структуры как целого и целеустановки автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и теория грамматики. Ленинград : Наука, 1988. 240 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 342 с.

Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А. Стилистика современного немецкого языка. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. М. : Издательский центр АКАДЕМИЯ, 2005. 336 с.

Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск : КГПИ, 1992. 168 с.

Гранин Д. Все это было не совсем так. Л. : Олма Медиа Группа, 1976. 176 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1972. 350 с.

Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 5–50.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л. : Просвщение,1972. 201 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис,1992. 270 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

Москальская О. И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981. 184 с.

Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М. : Прогресс, 1978. С. 5–39.

Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий. Курс лекций по интерпретации художественного текста. М. : НВИ ТЕЗАУРУС, 2004. 212 с.

Потаенко Н. А. К языковому восприятию временной структуры действительности // Вопросы языкознания. № 6. С. 43–52.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди, Г. Г. Сильницкий, В. С. Храковский, С. Н. Цейтлин, М. А. Шелякин. Л. : Наука, 1990. 262 с.

Тураева З. Я. Лингвистика текста. М. : Просвещение, 1986. 128 с.

Шендельс Е. И. Грамматика текста и грамматика предложения / Е. И. Шендельс. Избранные труды. К 90-летию со дня рождения. М. : МГЛУ, 2006. С. 307–320.

Шендельс Е. И. Die Kategorie Mensch in der deutschen Grammatik / Е. И. Шендельс. Избранные труды. К 90-летию со дня рождения. М. : МГЛУ, 2006. С. 294–306.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, Времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 344 с.

Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M. : Vyssaja Skola, 1983. 344 с.

Schendels E. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. Изд. 3-е. М. : Высшая школа, 2005. 416 с.

Stepanowa M. D., Helbig G. Wortarten und das Problem der Valenz in der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches Institut in der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1978. 215 S.

УДК 80

Д. Б. Ольховиков

кандидат филологических наук, доцент;
доцент каф. русского языка и теории словесности МГЛУ;
e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ КАК ФОРМА РЕФЛЕКСИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ТЕКСТА

Статья посвящена оценке литературоведческого структурализма XX века как формы критико-литературной рефлексии: от ранних работ в рамках «формальной школы» до структурализма в исследованиях Пражского лингвистического кружка. В центре внимания автора – интерпретация художественного текста как многоуровневой структуры языковых образных средств, специфическим свойством которой являются динамические по самому своего существу стилистически значимые взаимоотношения между ее элементами.

Ключевые слова: литературный текст; литературоведческий структурализм; языковые образные средства; интерпретация.

D. B. Olkhovikov

PhD (Philology), Associate professor, MSLU;
e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

THE STRUCTURALIST VIEW OF EXPRESSIVE MEANS AND STYLISTIC DEVICES OF THE LITERARY TEXT

One of the urgent tasks of the 20th century literary studies consists of comprehending the nature of a work of verbal art: artistic language and artistic meaning. The article reviews a series of 20th century scientific papers dedicated to the problem of structuralist literary analysis. Special attention is given to the interpretation of the interrelations of expressive means and stylistic devices of the literary text within the limits of the structuralist paradigm. The author focuses on a number of significant concepts by Russian Formalists and proponents of the Prague school (or Prague linguistic circle) whose works have had a significant influence on comprehending the nature of the literary text as the outcome of its hierarchically organized structure, a sum of all component parts relevant to its artistic meaning.

Key words: literary text; structuralist literary analysis; expressive means and stylistic devices; interpretation.

Связь литературной традиции и истории критико-литературной рефлексии не требует особых доказательств. Интерпретация приобретает в литературной традиции функцию коллективной памяти,

сгущает историческую бытейность литературы и способна доставить искушенному читателю особое эстетическое переживание, дополняющее то, что он получает при восприятии литературного текста.

Стилистический потенциал интерпретации формируется совокупностью общепринятых критериев осмысления читателем как выбора, так и последующего комбинирования определенных членов языковых парадигм в ходе сплетения языковой ткани литературного текста. Наличие либо отсутствие стилистического потенциала интерпретации может служить основанием для выводов относительно стилистической релевантности лингвопоэтической парадигмы, в рамках которой возникла данная интерпретация. В свою очередь, степень стилистической релевантности лингвопоэтической парадигмы позволяет сделать заключение о ее характере: она либо эвристически значима в качестве научно-учебной концепции, либо представляет собой «теорию-пустышку», хотя когнитивно и значимую, но довлеющую самой себе.

Попробуем оценить с точки зрения этого критерия структурализм как направление в литературоведении, начиная с русского формализма в работах «Общества изучения поэтического языка (Опояза)».

Очевидно, что объем концепций в рамках литературоведческого структурализма намного превосходит возможности ограниченного обзора; не имея, поэтому, цели сколько-нибудь подробного их изложения или, хотя бы, перечисления, ограничимся здесь отдельными замечаниями, касающимися некоторых интересных идей.

Исходной концепцией, от которой отталкивались русские формалисты, была поэтика А. А. Потебни, в первую очередь – теория образа. Формалистская поэтика выявила слабое место предшествующей теории, а именно аналогии между словом и художественным произведением, вследствие чего поэтичность слова рассматривалась в качестве субстанционального свойства слова. В программной статье «Потебня» (1919) В. Б. Шкловский выделил следующие, на его взгляд, ошибочные положения поэтики Потебни: (1) уравнение «образность равна поэтичности» (по Шкловскому, носителями «поэтичности» могут быть и ритм, и звуки словесного произведения искусства, в то время как мыслимо употребление слова в непрямом его значении, без возникновения при этом поэтического образа); (2) образность, символичность отличает поэтический язык от языка прозаического

(в концепции Шкловского поэтический язык отличается от прозаического ощутимостью своего построения; при этом ощущаться может или акустическая, или произносительная, или же семасиологическая сторона слов или, наконец, не строение, а расположение слов); (3) поэзия, как и слово, есть особый способ мышления при помощи образов (под сомнение ставилась не верность содержания тезиса, а чрезмерная абсолютизация формулы) [Шкловский 1919, с. 4–6].

Как известно, формальная поэтика рассматривала язык в качестве первоэлемента литературы, из чего, в свою очередь, вытекала ценность исследования лингвопоэтической природы отдельных языковых средств и их отношений для понимания как бы самозначимой языковой структуры «поэзии». Важнейший тезис «формальной школы» – противоположение практического языка и языка поэтического – тезис, концептуально основывающийся на противопоставленности эстетической и коммуникативной функции, постулирует самоценность языковой ткани художественного текста. Такой подход к поэзии (в широком смысле слова) нашел отражение в ряде дополняющих друг друга формулировок. Так, согласно утверждению Р. Якобсона, поэзия есть высказывание с установкой на выражение, поэзия управляется своего рода имманентными законами, при этом функция коммуникативная здесь сводится к минимуму. Поэзия, по Р. Якобсону, есть язык в его эстетической функции. Следовательно, предмет науки о литературе – не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением [Якобсон 1987, с. 274–275]. В. Б. Шкловский, говоря о поэтической речи, неизменным признаком «художественного» считает намеренное, искусственно созданное, исходно заданное выведение речи из автоматизма восприятия; тем самым, отношение к тому, что можно назвать тратой и экономией творческих сил, в поэтическом и в практическом языках принципиально отлично. «Целью искусства, – пишет В. Б. Шкловский, – является дать ощущение вещи как ви́дение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающей трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно» [Шкловский 1919, с. 104, 105, 112]. Такое исследование формы словесно-художественных произведений

как некоего самодовлеющего, самостоятельно развивающегося ряда как бы обособленного от содержательной стороны текстов, предполагало определенный отбор литературных направлений, авторов и конкретных произведений, чья поэтика наиболее отвечала теоретическим принципам ортодоксального формализма. Ими, в первую очередь, стали современные группе «Опояза» произведения футуристов. Отношение к словесному ряду как самоценному средству выражения вне связи со смысловыми представлениями лежит в основе интереса «формалистов» к «заумному языку». Совершенно очевидно, что при всей односторонности и уязвимости данного подхода, его сильной стороной явилось снятие смысловых ограничений на соединение образных форм и, тем самым, максимальное увеличение множества лингвопоэтических комбинаций.

Среди внутренних законов организации произведений словесного искусства особое значение для формалистов играла трактовка сочетания «приемов» в качестве главенствующего фактора существования поэтической конструкции. По Р. Якобсону, «если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать «прием» своим единственным «героем» [Якобсон 1987, с. 275]. Сходную мысль формулирует В. Б. Шловский: «Вся работа поэтических школ сводится к накоплению и выявлению новых приемов расположения и обработки словесных материалов и, в частности, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их» [Шкловский 1919, с. 102]. Сегодня, когда совершенно очевидна полемическая заостренность тезисов раннего формализма, «сумма приемов» (задиристо комментируемая В. Б. Шкловским в общеизвестном утверждении, что он знает, как сделан автомобиль и отсюда – как «сделано» произведение) уже не должна казаться сколько-нибудь опасным «механистическим понятием, подменявшим собой живое бытие художественного целого» [Каверин 1977, с. 7]. Хорошо известно ретроспективное самоосмысление исходных понятий в работах позднего В.Б.Шкловского, в частности, – в следующем спокойном признании: «Формой мы занимались. И случайно про форму говорили много ненужного. Когда-то я говорил, что искусство состоит из суммы приемов, но тогда – почему сложение, а не умножение, не деление, не просто взаимоотношение. Сказано было наспех для статьи» [Шкловский 1983, с. 82].

Представляется, что эвристичность формулы «искусство как прием» можно увидеть, если внимательно вчитаться в, на первый взгляд, однозначно критический по тональности тезис: «Имеются все основания думать, что в утверждении ложных точек зрения повинен не только метод, но и материал. Недооценка явлений, лежащих вне поля зрения исследователей, работающих на ограниченном материале, есть факт» [Холодович 1930, с. 242]. Бесспорно, что, говоря словами А. Холодовича, воспитанные на образцах поэтических школ Европы лингвисты-поэтологи упускают, к примеру, во многом существенно иные явления поэтической жизни «Востока» [Холодович 1930, с. 242]. В равной мере справедливым будет, однако, и противоположное по духу утверждение, что значительная часть современной формалистам поэзии была тем историко-культурным контекстом, в рамках которого и для которого формалистская поэтика есть наиболее адекватная научная интерпретация. Уместно задуматься, например, насколько верно отражает лингвопоэтические реальности формула «искусство как прием» применительно к своеобразному широкопоставленному синтаксическому эксперименту в поэзии М. Цветаевой – эксперименту, направленному, согласно наблюдениям О. Г. Ревзиной, на вскрытие потенциальных возможностей русских деепричастий, в первую очередь – в предикативной функции [Ревзина 1983, с. 220]. Употребление деепричастного оборота в качестве самостоятельного предложения в стихотворении «Занавес» («Водопадами занавеса, как пеной – /Хвоей – пламенем – прошумя. / Нету тайны у занавеса – от сцены / Сцена – ты, занавес – я») есть, на наш взгляд, пример единственно возможной «реабилитации приема», состоявшейся в замкнутом «лингвоправовом» пространстве литературного факта. Сказанное, естественно, не опровергает хорошо известную уязвимость трактовки искусства как приема – этого краеугольного тезиса формалистской поэтики, – а лишь акцентирует возможность удачной литературной материализации, казалось бы, исключительно умозрительных формулировок. С точки зрения «наивного читателя», несущественно, вполне осознано или, наоборот, совершенно бессознательно проводится подобный эксперимент и первичен ли он или, так сказать, ретроспективен по отношению к научным интерпретациям. Значение формальной школы – в ее роли культурного контекста литературы эпохи, подобно тому, как античные риторики и поэтики в течение многих веков

служили вектором развития человеческого духа, а не просто списком правил для начинающих поэтов и риторов. Не менее значимо, конечно, и то влияние, которое оказало это направление на дальнейшее изучение поэтического языка, особенно – на выявление и описание его существенных характеристик в рамках структурной лингвистики.

Здесь исключительная, на наш взгляд, заслуга принадлежит сравнительно немногочисленным, но глубоко эвристическим работам Ю. Н. Тынянова, полемизирующего с Опоязом по ряду вопросов.

По мысли Тынянова, и отдельное литературное произведение, и литература в целом являются системой. При этом обнаруживается, что свойства литературы, кажущиеся основными, не остаются с течением времени неизменными и литературы как таковой не характеризуют; напротив, устойчивым и определяющим оказывается, казалось бы, само собою разумеющееся – «литература есть речевая конструкция, ощущаемая именно как конструкция, т.е. литература есть динамическая речевая конструкция» [Тынянов 1977, с. 261, 272]. Необходимость непрерывной динамики заключается в неизбежной автоматизации любой динамической системы, что диалектически обрисовывает противоположный конструктивный принцип и вызывает эволюцию. Своеобразие литературного произведения состоит в приложении конструктивного фактора к материалу, в деформации материала. Так называемое «имманентное» изучение произведения как системы, вне его соотнесенности с системой литературы есть та же неправоверная абстракция, что и абстракция отдельных элементов произведения и их соотношение вне системы, т.е. без их конструктивной функции, с подобным рядом других систем [Тынянов 1977, с. 261, 273]. Если попытаться в одном слове сформулировать концепцию Тынянова, то, думается, этим ключевым словом должно быть «соотнесенность». Согласно Тынянову, вне соотнесенности литературных явлений и не бывает их рассмотрения, и, хотя абстракция элементов произведения как рабочая гипотеза в известных пределах допустима, все эти элементы соотнесены между собой и находятся во взаимодействии [Тынянов 1977, с. 272, 274]. Очевидно, что соотнесенность элементов возможна лишь в рамках некой конструкции. Лингвопоэтическая природа конструкции раскрывается с помощью соотнесенных понятий «конструктивный принцип», «конструктивный фактор» и «материал». В целях точной передачи смысла емких формулировок Тынянова, здесь

и далее мы вынуждены прибегнуть к сравнительно многословным цитатам. «Материал, – находим мы у Тынянова, – подчиненный элемент формы за счет выдвинутых конструктивных. Таким стержневым, конструктивным фактором будет в стихе ритм, в широком смысле, материалом – семантические группы; в прозе им будет – семантическая группировка (сюжет), материалом – ритмические, в широком смысле, элементы слова. Каждый принцип конструкции устанавливает те или иные конкретные связи внутри этих конструктивных рядов, то или иное отношение конструктивного фактора к подчиненным. <...> Таким образом, тогда как «конструктивный фактор» и «материал» – понятия постоянные для определенных конструкций, «конструктивный принцип» понятие все время меняющееся, сложное эволюционирующее. Вся суть «новой формы» в новом принципе конструкции, в новом использовании отношения конструктивного фактора и факторов подчиненных – материала» [Тынянов 1977, с. 261, 262].

Один и тот же элемент играет существенно разную роль в разных литературных системах (например, ритм в стихе и ритм в прозе). Соотнесенность каждого элемента литературного произведения как системы с другими элементами и, соответственно, со всей системой Тынянов называет конструктивной функцией данного элемента. При этом элемент одновременно соотносится по ряду подобных элементов других произведений-систем и, вместе с тем, с другими элементами данной системы (так называемые, автофункция и синфункция). Однако система не есть равноправное взаимодействие всех элементов, а предполагает выдвинутость группы элементов (доминанта) и деформацию остальных. Именно доминантой произведение входит в литературу, приобретает свою литературную функцию [Тынянов 1977, с. 272, 277].

Научное творчество Тынянова не только вобрало в себя важнейшие течения предшествовавшей и современной ему филологической мысли, но – что главное – подарило науке такое богатство идей, задач и опередивших свое время методологических подходов, которое остается лишь отчасти освоенным и в настоящее время.

Влияние идей «формальной школы» на последующие исследования в области лингвопоэтики отчетливо проявилось в работах языковедов, связанных с деятельностью Пражского лингвистического кружка. Основные принципы пражской школы: системно-структурное

и функционально-целевое изучение языка – лежат в основе пристального внимания к широкому кругу проблем, связанных с дифференциацией языковых выразительных средств и совокупностью их отношений.

Одним из важнейших научных достижений Пражской школы является разработка теории актуализации. Стремясь осмыслить направленность семиологической структуры поэтического языка на само словесное выражение, соединяя структуральный подход с семиотическим, пражские ученые нашли теоретическое закрепление своего подхода в следующем ориентированном на текстовой уровень анализа емком программном тезисе: «Средства выражения, равно как и их взаимоотношения, стремящиеся в языке общения автоматизироваться, в поэтическом языке, напротив, направлены на актуализацию» [Тезисы Пражского лингвистического кружка 1967, с. 29].

Не будучи предметом специальных исследований чешских ученых, категория образности, тем не менее, в силу универсальности своей языковой природы, хорошо вписывается в сферу применения функционально-структурального метода. Признание направленности именно на словесное выражение в качестве организующего признака поэзии, равно как и утверждение необходимости изучать поэтический язык как таковой, оправдывает выделение при анализе текста двух нетождественных, но тесно взаимосвязанных оппозиций: «актуализированные/неактуализированные компоненты», «образные/нейтральные языковые средства». Дополнительный характер двух указанных оппозиций состоит в том, что автоматизация восприятия каких-либо отдельных образных элементов или целого уровня текста ведет не к утрате ими образной природы вообще, а лишь к ее деформации. Это тем более существенно, что, по утверждению представителей Пражского лингвистического кружка, описание синхронного состояния системы важно дополнить изучением путей перехода ее в следующее состояние. Смысл позиции пражских ученых заключается в том, что «художественное явление прошлого может сохраниться или возродиться как активный фактор в другой среде, стать неотъемлемой частью новой системы художественных ценностей, причем, естественно, его функция изменяется; само явление также подвергается соответствующему изменению» [Тезисы Пражского лингвистического кружка 1967, с. 31]. Применительно к явлению образности

плодотворность сформулированного подхода заключается в многомерности описания калейдоскопической цепочки меняющихся состояний образной системы словесно-художественного произведения, прежде всего – в аспекте «актуализации».

Как известно, имманентное рассмотрение формальной школой художественного текста в качестве системы организованной sui generis, переросло в творчестве Тынянова в понимание формы художественного произведения как развертывающейся динамической целостности. В многом сходное по направлению эволюции научной мысли картина наблюдается при взгляде на эстетическую доктрину и лингвистическую концепцию Пражской школы, в особенности – диалектическое соединение структурального подхода с семиотическим в трудах Яна Мукаржовского.

По мысли Мукаржовского, специфическим свойством структуры в искусстве являются динамические по самому своему существу взаимоотношения между ее элементами. Тождественность структуры сохраняется во временном континууме, но взаимосвязь ее элементов непрерывно изменяется. Структура как целое находится в постоянном движении, что отличает ее от суммарного целого, которое при изменении нарушается [Мукаржовский 1994, с. 257, 276]. «Хотя каждое художественное произведение само по себе является структурой, – пишет Мукаржовский, – художественная структура не представляет собой свойство отдельного произведения, а пребывает во времени, переходя в процессе его развертывания от произведения к произведению и постоянно при этом меняясь; изменения заключаются в непрестанной перегруппировке взаимных связей и относительной значимости отдельных элементов» [Мукаржовский 1994, с. 259]. Исследуя структуру как динамическое единство, Мукаржовский формулирует важнейший критерий ее идентификации. Структура – это прежде всего каждое отдельное произведение само по себе, создаваемое и воспринимаемое на фоне определенных художественных канонов, данных художественной традицией, бытующей в подсознании художника и воспринимающего [Мукаржовский 1994, с. 276]. Развивая под несколько иным углом зрения эту мысль, Мукаржовский размышляет о предопределенном предшествующим развитием взаимоотношении между творящим индивидуумом и надличностным развитием искусства. Поскольку известное состояние развития

структуры требует для своего преобразования определенным способом организованных индивидов, даже художественное дарование не является исключительно делом самого индивида, а связано с функцией, которая предначертана индивиду объективным развитием структуры [Мукаржовский 1994, с. 262–263]. Объективное развитие искусства, по заключению Мукаржовского, подчинено имманентной закономерности, источником которой является свойственное каждой развивающейся структуре стремление сохранить внутреннюю тождественность. Но чтобы вызвать движение, имманентная закономерность должна быть дополнена приходящей извне случайностью, роль которой берет на себя индивид.

Попробуем теперь оценить эвристический потенциал структурализма на фоне других литературно значимых поэтических парадигм. Нетрудно заметить, что исторически первичные поэтические парадигмы, или системы, по своей природе – либо собственно лингвистические, либо философско-лингвистические: последние помещают поэзию в создающий ощущение сопричастности языковой формы вещам духовно-культурный контекст. Это может быть особое удовольствие, испытываемое человеком от познания – как в греческой теории, или восприятие поэзии в качестве средства вызвать посредством «вкушения эстетического чувства» в душе человека преобладание доброго начала над злым – как в индийской теории, или литературная традиция в качестве выявления мировой идеи слова-логоса – как в китайской традиции [Рождественский 1979, с. 112–123]. В каждой из названных систем гносеологическая и этическая роль поэзии не доминируют в ее трактовке, а лишь как бы обрамляют ее внешнюю – стилистическую – сторону: «украшенность» слова и эстетический принцип восприятия изящества литературной отделки. Каждая из названных поэтических систем сочетала в себе особое представление об онтологической природе словесного искусства и совокупность эстетически значимых рекомендаций технического характера. Сложно однозначно утверждать, какого рода между ними связь: объективно существующая или всего лишь предполагаемая, или же, в каком-то смысле это – «самоисполняющееся пророчество».

Как справедливо отмечает Жерар Женетт, хотя, априори, структурализм как метод в праве изучать структуры всюду, где он их находит, эвристичность структуральной критики ограничена в силу двух

обстоятельств. Во-первых, структуры – это системы скрытых отношений, доступных скорее понятию, чем восприятию, отношений, которые конструируются самим аналитиком по мере их выделения. Поэтому аналитик порой рискует просто выдумать их, думая, что их открывает. Во-вторых, структурализм – это не просто метод, а общая тенденция мысли, идеология, основанная на волевом предпочтении структур в ущерб субстанциям и, потому, способная переоценивать их объяснительную силу. Вопрос, – объясняет Женетт, – состоит в том, насколько важна имеющаяся в тексте система отношений для его понимания в сравнении с другими составляющими этого понимания. Задачей структурального метода является сообщить имманентному анализу произведения некую рациональность понимания, которое заменило бы рациональность объяснения, вытекающего из рассмотрения его, произведения, источников и мотивов возникновения [Женетт, 1998, с. 167–168].

Представляется, что характерный для классического структурализма имманентный анализ текста, опирающийся на тезис о замкнутости, самонаправленности поэтической структуры, действительно и лишает эту лингвопоэтическую парадигму гносеологической основы, и является препятствием для понимания содержания художественного произведения в его отношении к форме литературного выражения текста. Исследование же синтеза языкового и экстралингвистического аспектов текста ведет к утрате структурализмом внутренней идентификации. Однако разработанный в рамках этого направления атомарный анализ текста может способствовать стилистической актуализации в языковом сознании читателя максимального количества, в принципе, любых компонентов структуры текста, что дает достаточные основания сделать заключение о стилистической релевантности этой лингвопоэтической парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Женетт Жерар. Работы по поэтике: Фигуры : в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.

Каверин В.А. Предисловие // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 5–16.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства : пер. с чешск. М. : Искусство, 1994. 606 с.

Ревзина О. Г. Из лингвистической поэтики (деепричастия в поэтическом языке М. Цветаевой) // Проблемы структурной лингвистики: 1981. М. : Наука, 1983. С. 220–233.

Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М. : Высш. школа 1979. 224 с.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М. : Прогресс, 1967. С. 17–41.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 255–270.

Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 270–281.

Холодович А. К вопросу о лингвистическом методе в поэтике // В борьбе за марксизм в литературной науке : сб. ст. Ленинград : Прибой, 1930. С. 241–277.

Шкловский В. Потебня // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919. С. 3–6.

Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919. С. 101–114.

Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.

Якобсон Р. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М. : Прогресс, 1987. С. 272–316.

УДК 801.73

В. А. Пищальникова

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
тел.: +79165043826

ПОНИМАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье автор обосновывает междисциплинарность проблемы понимания художественного текста, опираясь на данные нейрофизиологии восприятия и теорию речевой деятельности. Материал исследования – художественный текст как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его понимания. Деятельностный подход предполагает анализ речевых действий и речевых операций, представляющих в тексте личностные смыслы продуцента текста. Понимание текста – это возникновение функциональной системы личностных смыслов у реципиента в процессе восприятия. Личностные смыслы реципиента формируются на основе содержания языковых элементов, репрезентирующих авторскую систему смыслов, но при этом под значительным воздействием содержания ассоциативно-вербальной сети реципиента. Поэтому для понимания искусства вообще и художественного текста, в частности, важны определенные каноны их восприятия. Объектом психолингвистического исследования художественного текста являются механизмы порождения, восприятия и понимания художественной речи. Смысл текста существует только как проекция реципиента, возникающая в процессе понимания им текста. Организация языковых единиц в художественном тексте определяется личностным смыслом автора. Но для реципиента структура текста – объективный продукт речевой деятельности. Содержание его конституируется как некое семантическое пространство, обусловленное смысловой доминантой. Следовательно, понимание текста – сложный ментальный процесс, который управляется авторскими смысловыми доминантами, но осуществляется на базе всего опыта реципиента. Специфика междисциплинарного подхода изучения художественного текста состоит в том, что он исследуется специально разработанным универсальным методом установления смысловой доминанты, одинаково применимым как к разным типам лексических, так иных психологических значений и вообще к разным типам психической деятельности.

Ключевые слова: методология; психопоэтика; междисциплинарный; художественный текст; речевое действие; речевая операция; смысловая доминанта; личностный смысл; понимание текста.

V. A. Pishchalnikova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of General
and Comparative Linguistics Chair, Moscow State Linguistic University;
tel. +79165043826

LITERARY TEXT COMPREHENSION AS A CROSS-DISCIPLINARY PROBLEM

The author substantiates interdisciplinarity of the issue of understanding of a literary text on the basis of neurophysiology of perception and the theory of speech activity. The material for research is a literary text as a communicatively-aimed verbal composition that has an esthetic value which is brought out in the process of understanding. The activity approach presupposes analysis of speech actions and speech operations that represent personal meanings of the producer of the text. Understanding of a text is an emergence of a functional system of personal meanings in the recipient's mind in the process of perception. Personal meanings of the recipient are formed on the basis of content of language elements that represent the author's system of meanings but at the same time under significant influence of the content of the recipient's associative verbal network. That is why certain canons of art perception are necessary for understanding concrete literary texts and art in general. The object is psycholinguistic research of literary texts are psycholinguistics mechanisms of generation, perception, and understanding of literary speech. The meaning of a text exists only as a projection of the recipient that emerges in the process of understanding of the text. Organization of language units in a literary text depends on the author's personal meaning. But for the recipient this structure is an objective product of speech activity. Its content is structured as a certain semantic space that is conditioned by the dominant of meaning. Consequently, understanding of a text is a complex mental process that is regulated by the author's dominants of meaning, but is conducted on the basis of the recipient's overall experience. The specificity of interdisciplinary psycholinguistic approach to researching a literary text consists in the application of a specially designed universal method of establishing the dominant of meaning equally applicable to different types of lexical as well as psychological meanings and to different types of mental activity in general.

Key words: methodology; psychopoetik; interdisciplinary; literary text; speech act; speech surgery; the semantic dominant; personal meaning; understanding of the text.

Искажение поэтического произведения
в восприятии читателя –
совершенно необходимое социальное явление,
бороться с ним трудно и бесполезно:
легче провести в России электрификацию,
чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так,
как он написан, а не так, как того требуют их душевные
потребности и позволяют умственные способности.

О. Э. Мандельштам

Введение

Деятельностный подход к моделированию понимания текста, сформулированный А. А. Леонтьевым, предполагает анализ речевых действий и речевых операций, а не языковых элементов. Это анализ по *смысловым* единицам, но с опорой на способы репрезентации смыслов в знаках языка. Такой анализ возможен лишь как следствие понимания текста – выявления функциональной системы личностных смыслов, возникающей у реципиента *в процессе* понимания.

В известном высказывании А. А. Леонтьева «Искусство есть деятельность особого рода – художественное производство, художественное познание и художественное общение одновременно» [Леонтьев 1997, с. 199] подчеркнем аспект, который в большей степени актуализирует специфику отечественной психолингвистики – художественное *общение как взаимообусловленную деятельность коммуникантов*. Средством такого общения А. А. Леонтьев считал квазиобъект искусства – художественный образ, не имеющий конечного числа признаков, но обладающий «очень большой степенью обобщенности и эвристичности», а потому не требующий необходимого соотнесения с реалиями [там же]. Актуальные для данного речевого произведения признаки художественного образа представляют личностный смысл автора и выполняют ориентирующую функцию в понимании текста. Восприятие художественного образа «предполагает бессознательную поисковую деятельность, в ходе которой мы, воспринимая какие-то отдельные характеристики этого квазиобъекта, синтезируем из них не просто изображение, а изображение, отягощенное личностным смыслом, который вложил в него творец» [там же].

А. А. Леонтьев также полагал, что для восприятия искусства важны «навыки и умениях восприятия» [там же], которые закрепляют представления социума о характеристиках художественного образа и позволяют создавать и отождествлять эти образы. Это акцентирует собственно психолингвистический объект исследования художественного текста (далее ХТ. – *В. П.*) – психолингвистические механизмы порождения, восприятия и понимания художественной речи. Отсюда следует, что психолингвистика не устанавливает содержание художественного текста – она выявляет специфику речевой деятельности автора текста, которая детерминируется неисчислимым количеством языковых и экстралингвистических факторов.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с базовыми положениями отечественной психолингвистики, и создание ХТ, и его понимание непосредственно связаны с проблемами речевого *общения*.

Исследование

Опираясь на фундаментальное положение психолингвистики о речевом общении как *взаимообусловленной* речевой деятельности коммуникантов, определим состав интерпретативных понятий и терминов, необходимых для исследования понимания как междисциплинарной проблемы.

В свое время мы определили художественный *текст* как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его понимания [Пищальникова 1992]. В этом определении фиксируется несколько существенных свойств ХТ: 1) его коммуникативная направленность проявляется в том, что каждый создатель ХТ *предполагает читателя*, а потому любой ХТ реализуется в конвенциональных языковых единицах, в том числе стилистических конвенциях, на которые так или иначе опирается в своей эстетической деятельности автор; 2) эстетическая ценность ХТ – результат эстетической речевой деятельности автора, которая репрезентируется в тексте, а потому может быть смоделирована с той или иной степенью точности; 3) содержание ХТ возникает в процессе его понимания: «содержание текста есть функция читателя» [Рубакин 1927, с.14].

Смысл текста существует только как проекция реципиента, возникающая в процессе понимания им текста. Этот смысл называется

в психолингвистике личностным и, по мысли Л. С. Выготского, является функциональным, т. е. вне внутренней активности субъекта не возникает, хотя сама эта активность осознается индивидом далеко не всегда. *Личностный смысл* – это актуальная для индивида значимость предмета деятельности в рамках данной конкретной деятельности, в том числе вербальной. Значимость предмета деятельности определяется системой психологических и иных факторов, вызывающих устойчивую актуализацию цели. Поэтому А. Н. Леонтьев, вслед за Л. С. Выготским, определяет личностный смысл как «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [Леонтьев 1983, с. 147], акцентируя, что различение психологического значения и личностного смысла «относится не ко всему отражаемому содержанию, а лишь к тому, *на которое направлена деятельность субъекта*» (курсив наш. – *В.П.*) [Леонтьев 1983, с. 320]. Индивид, с одной стороны, присваивает знания о мире, закрепленные в системе «объективных» словесных значений, с другой – решает «задачу на смысл», осознавая содержание этих значений в рамках своей конкретной деятельности, для себя, «моего собственного действия, моего поведения, меня самого» [Леонтьев 1983, с. 237]. Вот это «значение для себя» в рамках конкретной деятельности и есть личностный смысл.

Под *психологическим значением* понимается то, «что открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового значения, оно составляет содержание общественного сознания» [Леонтьев 1983, с. 297]. Основной и постоянной характеристикой психологического значения А.Н. Леонтьев считает «отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека» [Леонтьев 1983, с. 299].

Психологическое значение, следовательно, представляет обобщенный культурно-исторический опыт конкретного общества, репрезентированный в знаковых системах, в том числе и в языке. Поэтому подчеркнем, что слово А.Н. Леонтьев называет лишь частным случаем фиксации психологических значений, тем самым допуская объективацию их единицами всех уровней языка, а также возможность неязыковой фиксации.

Отражение действительности индивидом и присвоение им психологического значения возникает только в системе его индивидуальных деятельностей. В отличие от психологического значения, которое закрепляется за тем или иным словом, личностный смысл может быть соотнесен с разными словесными единицами, но обязательно и при восприятии, и при продуцировании речи человек соотносит личностный смысл с тем или иным словом – другого способа объективации его нет. Поэтому, будучи психологически реальным, личностный смысл может стать объектом познания только через объективацию в слове.

Выражение и передача личностного смысла другим индивидам необходимы, так как личностный смысл – существенный момент познания, позволяющий выявить субъективно важные связи явлений и предметов: «Нам всем приходится решать задачи на смысл. И я, естественно, найдя решение этой задачи в той или иной связи, стоя перед той или иной проблемой, перед тем или иным явлением действительности, *могу и необходимо ставлю перед собой задачу... открыть этот смысл другим*, т. е. передать его» (курсив наш. – *В. П.*) [там же].

Таким образом, индивидуальное сознание, по А. Н. Леонтьеву, представлено системой личностных смыслов, и психологическое значение входит в личностный смысл как необходимая, но не исчерпывающая его часть. Именно во взаимосвязи психологического значения и личностного смысла заключена основная динамика сознания: «устранение личностного отношения ... как бы подразумевает устранение сознания как феномена жизни, как подлинного регулятора ее» [там же].

Такое понимание соотношения личностного смысла и психологического значения, определяющего любой тип деятельности человека, позволяет считать текст *континуумом потенциальных интерпретаций*, а так называемое авторское содержание текста – одной из возможных его интерпретаций. У текста нет «объективного» содержания – содержания вне читательской проекции [Рубакин 1927].

Область существования личностного смысла значительно шире области языка, но при этом всякое языковое выражение должно быть осмысленным. Организация языковых единиц в ХТ детерминируется личностным смыслом, и одновременно такой смысл является мотивом, целью и продуктом понимания речевого произведения. Поэтому понимание текста – сложный ментальный процесс, который

управляется *смысловыми доминантами* – актуальными для реципиента смыслами данного речевого произведения, возникающими на базе всего предыдущего опыта субъекта. Понятие смысловой доминанты [Пищальникова 1992] как конституенты семантического пространства текста позволяет вычленять его личностные смыслы.

Методологически гносеологи и психолингвисты вполне согласны с утверждением У. Матураны и Ф. Варелы: «То, что мы принимаем как некое простое восприятие чего-то, *в действительности несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры*» (курсив наш. – *В. П.*) [Матурана, Варела 2001, с. 20]; «всякое познание есть действие со стороны познающего, т. е. всякое *познание зависит от структуры познающего*» (курсив наш. – *В. П.*) [Матурана, Варела 2001, с. 30]. Но в моделях второго порядка, позволяющих анализировать процесс понимания, эта идея не реализована. Чаще актуализируется другое: «Никакая живая система как отдельность не может поддержать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее» [А. Н. Леонтьев, 1983, с. 1]. Понятие личностного смысла позволяет соотносить отраженную в тексте структуру личности его продуцента и понимание текста реципиентом.

В процессе такого понимания важными оказываются не только внешние, культурно-исторические факторы, обусловливающие речевую деятельность реципиента, но и «ментальный контекст прежнего переживания», ментальный опыт индивида, который является реальным компонентом актуальной речевой деятельности индивида, «интегративной смысловой опорой» [Голубева 2016, с. 7] и определяет направление выводного знания, структурацию его процедур в конкретном акте понимания. Смысловое переживание значения единицы языка базируется на системе когнитивных ментальных опор, связанных с той или иной вербальной единицей, и определяется актуализацией ассоциативных связей между опорами не только вследствие условий конкретной речевой деятельности, но и вследствие содержания смыслового инварианта опор. Признаки познанных реалий каким-либо образом зафиксированы в опыте индивида и интегрируются вербальной единицей в определенное ассоциативно-смысловое поле (что вполне

соответствует и нейрофизиологическим данным). Если эти признаки сколько-нибудь релевантны в данной деятельности индивида, они актуализируются в системе причинно-смысловых связей, и эта актуализация специфически маркируется.

Сказанное вполне согласуется с базовым положением теории самоорганизации и методологией психолингвистики, согласно которым структура внешней среды только «запускает» изменения в мыслительной деятельности человека, но не определяет их и не управляет ими.

Следовательно, содержание текста как результат его понимания не обусловливается ни только языковыми значениями, ни только культурно-историческими факторами, ни только содержанием концептуальной системы реципиента, а потому не может быть смоделировано в рамках отдельных лингвистических дисциплин без жесткой редукции.

Это позволяет предположить, что проблема понимания текста – проблема междисциплинарная. Определим специфику междисциплинарного подхода. Вот что об этом говорят философы: «***Дисциплинарный*** подход решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, подбирая методы из устоявшегося инструментария. Прямо противоположен ***междисциплинарный*** подход, когда под данный универсальный метод подбираются задачи, эффективно решаемые им в самых разнообразных областях человеческой деятельности. Это принципиально иной, холистический способ структурирования реальности, в котором скорее господствует полиморфизм языков и аналогия, нежели каузальное начало. Здесь ход от метода, а не от задачи» [Аршинов, Буданов 2004, с. 91].

Междисциплинарность – это не эклектичное соединение знаний об объектах, пусть и смежных, но различных по своим существенным параметрам. Это выявление таких сущностных свойств научного объекта, которые не могут быть изучены иначе, чем с помощью закономерностей и методов, выявленных при исследовании иных научных объектов.

Проблема понимания текста может быть решена только с помощью объединения различных методов наук, занимающихся ею, поскольку особенности интеграции языковых, познавательных, психических процессов при идентификации значения слова не могут быть объяснены ни методами языкознания, ни в рамках гносеологии и психологии отдельно.

Поэтому необходимо рассмотреть те базовые механизмы, которые обеспечивают такую интеграцию. Так, представление о смысловой доминанте опирается на учение о физиологической доминанте А. А. Ухтомского, который сформулировал принцип доминанты как один из ведущих принципов деятельности нервных центров, определяющий целенаправленный, активный характер поведения: «Доминанта – это господствующая направленность рефлекторного поведения субъекта в ближайшей его среде»: «доминанта – не только физиологическая предпосылка поведения, но и физиологическая предпосылка наблюдения» [Ухтомский 1950, с. 101]. Под доминантой понимается временно господствующий рефлекс (набор рефлексов), который направляет в данный момент времени всё поведение организма на решение одной, наиболее важной задачи. Это физиологическая основа формирования личностного смысла любой деятельности индивида, в том числе и речевой. Поведение живого организма строится не на основе случайных внешних воздействий, подчеркивает А. А. Ухтомский, а на основе рецепций, отобранных организмом в соответствии с той или иной физиологической доминантой. То есть организм не пассивно следует изменениям среды, а активно отбирает в среде те факторы, которые способствуют реализации определенной доминанты; аналогично при восприятии текста читатель активно устанавливает ассоциативные связи между содержанием единиц текста, реализующих авторские доминанты. Таким образом, формирование доминанты сопряжено с перестройкой рецепции. И чем более индивидуальные ассоциативные связи представлены в ХТ, тем более должно быть перестроено содержание концептуальной системы реципиента.

Доминанта – это рабочий принцип деятельности нервной системы, который позволяет понимать новое содержание любой деятельности и создавать его в процессе деятельности. Важно, что физиологически любое раздражение идет на подкрепление и усиление возбуждения господствующего рефлекса. Поэтому ХТ организуется вокруг личностного смысла – смыслопорождающего начала системы текста. Физиологически доминанта – это процесс, способный накапливать возбуждение из различных источников; поэтому возможна актуализация смысла в тексте в самых разных элементах языка – от просодических до синтаксических. И это позволяет смысловой доминанте выполнять направляющую понимание функцию: доминанта

способна тормозить, подавлять активность других нервных центров; любые раздражения, приходящие из внешней или внутренней среды, направляются к господствующей в данный момент группе нервных центров. Индивид избирательно реагирует лишь на те раздражители, которые необходимы для решения данной задачи (в нашем случае – задачи на понимание) при одновременном торможении реакций, несовместимых с доминантой. А это означает возможность селекции ассоциативно-вербальных связей при восприятии содержания речевого произведения. Важна и инерция доминанты – способность, сохраняясь и удерживаясь некоторое время, определять поведение организма, пока не будет разрешена вызвавшая ее потребность [Ухтомский 1950]; в случае ХТ – пока не будет завершен процесс его понимания.

Рассматривая превращение доминанты из комплекса симптомов в общий механизм действия, А. А. Ухтомский часто пользовался понятием «функциональный орган», подчеркивая, что в нервной системе складываются определенные констелляции связанных между собой центров, функционально интегрированные единством действий, направленностью на определенный результат.

Экстраполируя принцип доминанты на процесс порождения речевого произведения, можно полагать, что отбор языковых единиц – репрезентантов смысла – осуществляется в соответствии с действующей эмоционально-смысловой доминантой. Смысловая доминанта регулирует процесс селекции языковых выражений и определяет тем самым ход текстопорождения, структурирует «поле доминантного смысла».

На основе концепции А. А. Ухтомского П. К. Анохин создал универсальную модель деятельности человека в аспекте ее саморегуляции – теорию саморегулирующихся систем [Анохин 1979; Анохин 1980 и др.]. Способность организма к регуляции и коррекции деятельности (в том числе психической) П. К. Анохин рассматривает как свойство функциональной системы. Ключевым моментом этой теории является утверждение и доказательство того, что элементы функциональных систем могут при необходимости *саморегулироваться* (взаимозаменяться). Все части функциональной системы «вступают в *динамическое*, экстренно складывающееся *функциональное объединение* на основе непрерывной обратной информации о приспособительном результате» [Анохин 1980, с. 154] (курсив наш. – *В. П.*), т. е.

это «единица интеграции целого организма, складывающаяся динамически для достижения любой его приспособительной деятельности» [там же]. Этот механизм лежит и в основе смыслопорождения.

При сопоставлении содержания ряда художественных текстов одного автора могут быть выделены *инварианты личностных смыслов*, представляющие знание и мнение автора о каких-либо реалиях и их эстетическую оценку. Такие инварианты личностных смыслов можно считать *смысловыми универсалиями* определенной концептуальной системы**,** поскольку они интегрируют различные содержательные компоненты, представляющие одни и те же реалии на протяжении всего творчества писателя или поэта. Именно их мы называем *доминантными смыслами*. Поскольку интеграция личностных смыслов может осуществляться при сопоставлении речевых действий, репрезентированных как в одном тексте, так и в разных текстах, наряду с доминантными смыслами художественного текста возможно выделение доминантных смыслов концептуальной системы (сознания) индивида. Подчеркнем, что и личностный смысл, и доминантный личностный смысл – это научные конструкты, по-разному соотносящиеся с психической реальностью – смыслами как «компонентами» реального процесса мышления индивида. Личностный смысл моделируется в конкретной деятельности на основе «отраженного» содержания эмпирических объектов, в том числе и речевых произведений. Доминантный личностный смысл – на основе интегрирования содержательных характеристик личностных смыслов как абстракций «первого порядка».

Если опираться на теорию доминанты как объяснительный механизм порождения смысла, то можно заключить, что об актуальности личностного смысла свидетельствует намеренная акцентуация языковой единицы – его репрезентанта. Поэтому понимание текста основывается на выделении смысловых опор, которые обнаруживаются реципиентом именно в силу их акцентирования автором текста. Непрерывное пространство смысла ХТ дано реципиенту как ряд языковых репрезентантов этого пространства, вследствие восприятия которых актуализируются те или иные участки ассоциативно-вербальной сети и в сознании воспринимающего возникают новые личностные смыслы. Поэтому интерпретация языковых выражений реципиентом осуществляется одновременно и как процесс осмысления авторских

личностных смыслов, зафиксированных вербально, и как эстетическое осмысление характера вербальной репрезентации. Практически посредством языка происходит оперирование смыслами, возникает возможность построения новых смысловых полей, что, в свою очередь, позволяет осуществлять и эстетическую речевую деятельность.

Отсюда возникает вопрос о смысле текста – это вопрос его интерпретации в определенной системе языковых значений, соотносящихся с содержанием сознания реципиента, вопрос о возможности построения релевантной структуры смыслов в его сознании с помощью той же системы языковых значений. При этом в художественном тексте неактуально системное значение, представленное единицей языка, – здесь осуществляется процесс «проникновения за значение» (А. Н. Леонтьев), представление личностного смысла. Значение языковой единицы, конвенционально соотносимое с определенным содержанием, – только опора для представления личностного смысла, потому что иного способа его объективации у индивида нет. Язык здесь в полной мере реализует свою способность быть средством ориентации в сознании другого. «Степень расхождения» между психологическим значением и личностным смыслом свидетельствует об индивидуальности ассоциативно-вербальной сети продуцента текста. Доминантные личностные смыслы разных концептуальных систем никогда не являются тождественными, не совпадают полностью, а могут лишь так или иначе соотноситься, иметь определенные «пространство тождества» (О. Д. Кузьменко-Наумова). Поэтому в ХТ осуществляется не личностное представление конвенционального смысла – психологического значения, а *представление личностного смысла в языковых единицах*.

Так, одним из доминантных личностных смыслов поэзии Н. С. Гумилева является противопоставление *природное – духовное*, которое реализуется в каждом ХТ в разных единицах: *природа* и *дух*, (*Так вот и вся она, природа, / Которой дух не признает...*); *враждебная*, *пугающая природа – робкое*, *тихое слово*, *ненужный*, *не твой бог – царственная мысль*; *жизнь – свет* и др.:

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Все в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли, –
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий.
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром (*Правый путь*).

Противопоставление враждебности природы и близости поэзии – это одна из констант эстетической подсистемы автора. Еще отчетливее проявляется это в стихотворении «Творчество», где *творчество*, ассоциативно соотносящееся с личностным смыслом, репрезентированным в «Правом пути», представлено словосочетанием *ночные виденья*. В стихотворении актуализируются иные составляющие *творчества*, но противопоставление его *враждебной природе* не только не устраняется, а углубляется, будучи подчеркнуто оппозицией *день* (*свет*) – *ночь*:

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

Творчество актуализируется в системе смысловых компонентов, представленных лексемами *ночь*, *зловещий, страшный,* словосочетанием *ночные видения*. Эти компоненты позволяют соотнести *ночь* с *поэзией* как «мукой, пыткой слова» на основе объединяющей их негативной эмоции актуального интегративного смыслового компонента *страшны*й («Правый путь»). В «Творчестве» представлено еще одно основание противопоставления *природное – духовное*, существенного для Н. С. Гумилева. *День*, репрезентирующий *природ*у как член доминантной смысловой оппозиции, представлен словами *вольный* (свободный) и *без меня.* Поэзия же связывается с *ночью – ночных видений* (тетрадь), (тетрадь) *зловещая* – страшная, предвещающая несчастье,

однако близкая поэту – *моя*. Утверждение неразрывности бытия и творчества, творчества и страданий обнаруживается в системе соотношений личностных смыслов, представленных речевыми действиями: *но я не в силах порвать*, *умчаться б вдогонку свету,* отражающими ассоциативную общность попыток освобождения от ночного кошмара и мучительного процесса творчества: страшно, мучительно, но неизбежно. Таким образом, в основании доминантного противопоставления *природа – дух* обнаруживается еще один актуальный признак: *свободная* природа – *несвободный* дух. Это очевидно выражено в стихотворении «Я верил, я думал...»:

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року создатель;
Я продан!

Творчество – это, по Гумилеву, рабство, полная зависимость от рока. Поэтому *творчество* субъективно соотносится с *мучительной неизбежностью*, которая и является доминантным личностным смыслом анализируемого текста. Зависимость творца от судьбы репрезентируется и в других текстах Н. С. Гумилева – без акцентирования негативных эмоций (которые тем не менее представлены), с меньшей степенью экспрессивности, но очевидно:

У меня не живут цветы.
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день-другой и завянут.
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут.
Только хохлятся скорбно и глухо,
Я наутро – комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
... Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

Личностный смысл данного художественного текста, акцентирующий оппозицию *природа – дух* (*творчество*), – недолговечность, мимолетность природы, способность ввести в заблуждение, несовместимость природы и творчества: *красотой их на миг я обманут*. Смыслообразующими в анализируемом тексте становятся вербальные ассоциации, обусловленные употреблением слова *птица* в рамках определенной культурной традиции: *петь как птица, вольный* (*свободный*) *как птица*. Эти ассоциативно-вербальные связи акцентируют противопоставленность свободы естества и несвободы духа. Личностный смысл проявляется как результат противопоставления *птиц* и *цветов книгам*: *молчаливые грузные томы* противопоставляются *поющим* вольным птицам; *вольные* птицы – книгам-*сторожам*, *красота* природы – *горбатому* и *нищему* букинисту. Подчеркнуто противопоставлены *мимолетность* и *ложность* естественной красоты и *мудрость, вечность истины*: *на миг я обманут – вековые истомы*.

Таким образом, духовность, по Н. Гумилеву, в отличие от естественной красоты, связана с постижением истины, что доставляет наслаждение (вековые *истомы*), но достижение духовности, сосредоточение на ней требует известной жертвенности от человека, отказа от мимолетной красоты, и в этом поэт видит некое несовершенство мира, уродство его, которое, однако, принимает как роковую неизбежность.

Некоторые формальные элементы текста, например, повтор, позволяют акцентировать концептуально важные компоненты авторской смысловой системы, представленные в словах *цветы*, *птицы*, а также предположить, что их соотнесение имеет субъективно важный смысл, который раскрывается в противопоставлении их лексеме *книги*. *Цветы* и *птицы* — атрибуты естественной, а потому враждебной поэту жизни (Ср.: *Цветов* и песен благодатный хмель / Нам запрещен, как ветхие мечтанья, / Лишь *девственные наименованья* / Поэтам *разрешаются* отсель). «Пространство» доминантного личностного смысла в поэзии не прерывается, потому что интегрирующий признак, ассоциативно объединяющий разные психологические значения, совместим с каждым из них. И это обусловлено психофизиологически: доминантный смысл определяется не интегративным значением фиксирующих его *лексем*, а индивидуальными ассоциативными связями компонентов опыта индивида, а потому является синкретичным эмоционально-

понятийным образованием, функционально реализующимся в разных языковых элементах. Такая организация языковых единиц не может, конечно, зафиксировать психической континуальности личностного смысла, его принципиальной эмоционально-понятийной нерасчлененности, но задает путь интерпретации, способ построения адекватной системы смыслов в сознании реципиента.

Выводы

Таким образом, понимание личностного смысла всегда базируется на известной общности концептуальных систем автора и реципиента, на той их части, которая отражает интерсубъектное знание о мире в системе психологических значений, в том числе и вербальных, но никогда личностный смысл «интерсубъектной» частью не исчерпывается. «Проникновение за значение» – это всегда установление субъективной связи, личностный смысл – всегда субъективная значимость этих связей в конкретной деятельности индивида. Исходя из того, что художественный текст структурируется в соответствии с мотивами и целью эстетической деятельности, «само по себе произведение никогда не может быть ответственно за те мысли, которые могут появиться в результате его» [Выготский 1987, с. 42], но понимание ХТ «вызывается с *принудительной необходимостью организацией поэтического материала*» (курсив наш. – *В. П.*) [Выготский 1987, с. 123].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М. : Наука, 1979. 454 с.

Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М. : Наука, 1980. 196 с.

Аршинов В. И., Буданов В. Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика в психологии. Тексты. Вып. 3. Когнитивные процессы / под ред. В. А. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. М. : Когито-Центр, 2004. С. 82–127.

Выготский Л. С. Психология искусства. М. : Педагогика, 1987. 344 с.

Голубева О. В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход : дис. …д-ра филол. наук. Тверь, 2016. 345 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические исследования : в 2 т. Т. I. М. : Педагогика, 1983. 392 с.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. 131 с.
Рубакин Н. А. Что такое метр и метрические меры. М.–Л. : Гос. изд-во, 1927. 32 с.
Ухтомский А. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Учение о доминанте. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1950. 317 с.

УДК 80

Л. К. Салиева

кандидат филологических наук, доцент,
каф. международной коммуникации, факультет мировой политики, доцент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ДАР»

Цель настоящей статьи – во-первых, установить, как системы ключевых слов и единиц плана повествования литературно-художественного текста связаны с его системой концептов, и, во-вторых, проиллюстрировать теоретические выкладки результатами разбора концептосферы романа Владимира Набокова «Дар». Исследование выполнено на пересечении когнитивного литературоведения и риторики. В статье показано, что ключевое слово (речевая единица) и единица плана повествования связаны с текстовым концептом, ментальной категорией, посредством топоса, коммуникативной категории. Исследование установило, что в основе концепции *жизни-смерти* в романе В. Набокова «Дар» лежит внешний топос «жизнь духовная / жизнь биологическая», категории которого связаны внутренним топосом «антитеза».

Ключевые слова: концепт; ключевое слово; топос; когнитивное литературоведение; риторика.

L. K. Salieva

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of International Communication,
Faculty of World Politics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University;
e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

CONCEPTS OF LIFE AND DEATH IN THE WORLD PICTURE OF VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "THE GIFT"

The aim of the article is, firstly, to establish how the systems of keywords and units of the narrative plan of a literary text are related to its system of concepts, and, secondly, to illustrate theoretical points by the results of the analysis of the system of concepts in Vladimir Nabokov's novel 'The Gift'. The study is carried out at the intersection of cognitive literary criticism and rhetoric. The article shows that the key word (a speech unit) and the unit of the narrative plan are associated with the textual concept, which is a mental category, through topos, which is a communicative category. The study demonstrates that the basis for the *life-death* conception in Nabokov's novel

'The Gift' is the external topos "spiritual life / biological life", the categories of which are connected by an internal topos "antithesis".

Key words: concept; keyword; topos; cognitive literary criticism; rhetoric.

Введение

Великий русский ученый А. Н. Веселовский определил историю литературы как историю «общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах» [Веселовский–Электронный ресурс]. Одним из вопросов, вытекающих из этого определения, является вопрос о методах исследования текстовой презентации образно-поэтического переживания, с помощью которых можно было бы восстановить авторскую мысль, стоящую за поэтическим образом, и увидеть место того или иного литературно-художественного произведения и его автора в истории общественной мысли. В настоящее время широкое применение находят методы когнитивного литературоведения, в частности изучение индивидуальных концептов. Исследование, результаты которого представлены в статье, также выполнено в русле этого направления (на пересечении с когнитивной риторикой), и посвящено рассмотрению содержания концепта *жизнь* в романе В. Набокова «Дар». Принято считать, что индивидуальные концепты выражаются в тексте при помощи системы ключевых слов. Однако вопрос о том, как ключевое слово связано с концептом, остается за пределами внимания исследователей. В связи с этим статья направлена на решение двух задач: 1) установить, как система ключевых слов литературно-художественного текста связана с его концептосферой; 2) проиллюстрировать теоретические выкладки результатами разбора концептосферы романа Набокова В. «Дар» [Набоков].

Определение понятий

При решении первой задачи рабочей гипотезой было следующее умозаключение: индивидуальный концепт, ментальная категория, связан с ключевым словом, речевой единицей, при помощи топоса, коммуникативной категории. С целью внесения ясности определим понятия *концепта, индивидуального концепта, топоса и ключевого слова*. Концепт – когнитивная единица, содержащая осмысленное (этимологически-образно-эмоционально-оценочно-культурно-

исторически-диалогически наполненное) понимание некой единицы действительности (материальной, духовной, реальной, воображаемой). «...Можно воссоздать концепт, объективируя его по следу (треку) его движения в преобразованиях форм, через образ, понятие, символ. Культурный концепт в современном его виде <...> создан исторически…» [Колесов 1992, с. 36]. Индивидуальный концепт – ноэма – данное в конкретном тексте толкование языкового концепта, возможный исторический момент развития содержания последнего. Топос – необходимый способ развертывания текста [Хазагеров]. В топосе содержатся [Волков 2003, с. 47]: 1) внешний топос – отложившиеся в культуре в качестве смыслового единства две соотнесенные категории (два концепта), которые могут образовывать суждение, например, «добро / зло», «жизнь / смерть»; 2) внутренний топос – отношение, посредством которого связываются между собой части внешних топосов («род / вид», «предыдущее / последующее» и т. д.); 3) общее место – общепринятое суждение, в котором категории внешнего топоса соотнесены по модели того или иного внутреннего топоса; предикативная конструкция, в которой подлежащим может выступать любая из категорий внешнего топоса. В диалоге общее место подразумевается, при этом оно может быть как утверждено, так и отвержено или видоизменено. Последнее может привести к возникновению нового общего места, новой интерпретации входящих в его состав категорий, а значит к новому толкованию языкового концепта. Это становится возможным в результате включения концепта в разные смысловые ряды (например: «искусство / мастерство», «искусство /прекрасное», «искусство / способ идеологического воздействия», «искусство / самовыражение»). Ключевое слово текста является предикатом ноэмы – индивидуального концепта. Содержание ноэмы может быть раскрыто рядом ключевых слов, смысл которых в свою очередь также может определяться ключевыми словами следующего уровня. Контекстуально-обусловленные значения ключевых слов, являющихся предикатами в рамках одного индивидуального концепта, образуют иерархическую систему.

Метод

В. В. Виноградов в работе «О художественной прозе» пишет о том, что тексты прозо-поэтических жанров, к категории которых он также

относит и жанр романа, следует исследовать риторическим методом [Виноградов 1980б с. 116–118]. Релевантность использования данного метода для целей данной статьи определяется следующим. Одним из аспектов риторики является то, что она представляет собой «учение о развитии мысли в слове <…>. В основе инвенции и элокуции лежит понятие семантизации высказываний в виде понятий и образов» [Рождественский 2015, с. 52]. Образы и понятия связываются со словом (ключевым в тексте) посредством топоса, и тем самым топос обусловливает значение ключевого слова в данном тексте. Контекстуально-обусловленное значение ключевого слова представляет собой интерпретацию концепта. Риторическая критика позволяет пройти путь от ключевого слова к образу или понятию через топос и тем самым реконструировать индивидуальную концептосферу текста.

Художественная картина мира романа В. Набокова «Дар»

Картина мира романа строится вокруг заглавного слова. Слово *дар* имеет положительную коннотацию во всех своих словарных значениях, причем в значении «подарок» оно также имеет помету *высокое*. Это слово служит своеобразным аксиологическим ориентиром в картине мира романа: всё, что оно именует (и, следовательно, что составляет его смысл в данном контексте) является провозглашаемой автором ценностью. Концептосфера романа представляет собой иерархическую систему компонентов смысла слова *дар*.

Первым шагом на пути реконструкции концептосферы может служить соположение сильных позиций текста: заглавия, эпиграфа и посвящения. Эпиграф «*Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше Отечество. Смерть неизбежна*. П. Смирновский. Учебник русской грамматики» (графическое оформление текста цитаты Набокова) [Набоков 1990, с. 37] составлен из трюизмов, общих мест, которые, будучи собранными вместе, приобретают новый смысл. В основе суждения, выделенного курсивом, лежат топосы «часть-целое» и «присущее». Природа и общество составляют жизнь, которой присуще свойство быть смертной. Эта часть также содержит идею о гибели России-отечества. Суждение в целом интерпретируется от топоса «часть-целое»: Русская грамматика возводится к понятию ‘русский язык’; язык же способен вобрать в себя жизнь, сделать из нее текст (в цитате обозначено курсивом).

В посвящении «ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ» [Набоков 1990, с. 37] содержатся внешние топосы: «память / книга – слово – язык», «мать / жизнь», «мать / родство», «память / свое – родство», категории которых находятся в отношениях присущего свойства, производности и др.

Соположение заглавия романа, эпиграфа и посвящения обнаруживает внешние топосы «дар / наша смертная земная жизнь», «дар / русский язык, слово», «дар / память» с внутренним топосом «имя»; имя *дар* выражает сущность именуемых предметов, состоящую в их производности от Бога. На этом этапе можем сделать вывод: смысл слова *дар* в рассматриваемом контексте ассоциируется с двумя концептами –*жизнь* и *слово*, концептосфера романа в целом может быть построена как раскрытие содержания этих концептов в контексте романа.

Понимание слова *дар* как ‘жизнь’ и слова *жизнь* как ‘дар’ словарями русского языка не фиксируется, однако контексты русской духовной и художественной литературы позволяют говорить о наличии у одноименных концептов такого содержания. Известный литературный контекст – диалог Пушкина А. С. и Митрополита Филарета [Малинин], который развивается от выражения сомнения в наличии смысла жизни и ценности дара жизни к приятию Божьей воли. В основе диалога топосы: «дар / жизнь» (имя, производность); «жизнь человеческая / случайность, бессмысленность, страдание, тоска» (присущее); «жизнь / судьба» (причина); «Божья воля / своя воля» (соположение).

Возникает вопрос: какой точки зрения придерживается Набоков? При утвердительном развертывании одного из основных внешних топосов эпиграфа «жизнь / смерть», имеем суждение ‘жизнь смертна, дар напрасный’; при отрицательном – ‘жизнь бессмертна, дар бесценный, дар вечной жизни’.

В ходе исследования, результаты которого отражены в монографии автора статьи [Салиева 2012], было установлено, что концепция жизни в романе «Дар» строится от внешнего топоса «жизнь духовная / жизнь биологическая», категории которого соединены внутренним топосом «антитеза». Картина мира романа базируется на противопоставлении двух ментальных миров:духовного (мир и жизнь отца протагониста) и утилитарного (мир и жизнь Чернышевского). Эти миры противопоставлены по типу сознания и воли, их формирующих: с одной стороны, люди, принимающие дар духа и служащие ему, с другой – те, для кого

практическая польза является главной ценностью и целью жизни. Композиция романа представляет собой спираль-триаду: 1) Тезис: жизнь в этом мире в соответствии с духовными ценностями – путь в вечную жизнь. Смерть – переход. Именно духовная жизнь и есть жизнь, дар Неизвестного. Человек – это то, что любит. Принимающим дар духа дается дар слова для того, чтобы познавать и именовать познанное, чтобы сохранить и передать другим опыт и знания (жизнь отца Федора Годунова-Чердынцева). 2) Антитезис: жизнь в соответствии с ценностями утилитаризма и материализма (биологическая жизнь) – мертвый мир. Тот, кто не принимает дар духа, лишен дара слова (жизнь Чернышевского). 3) Синтез: жизнь как выбор между (1) и (2), как путь отрицания утилитаристских ценностей и обретения духовных (жизнь протагониста Федора Годунова-Чердынцева).

Ментальные схемы описания мира жизни духовной (или просто – жизни) и утилитарно-биологического существования (состояния смерти) одинаковы, строятся по одним и тем же внутренним топосам (пространство и время жизни и их свойства, люди с присущими им свойствами и т. д.). В результате картины этих миров составляют одни и те же концепты, но с противоположным содержательным наполнением (см. таблицу).

Таблица

Краткая схема содержания базовых концептов картины мира романа В. Набокова «Дар»

Жизнь духовная (духовный мир) Содержание концепта	**Концепт**	**Состояние смерти (утилитарный мир) Содержание концепта**
+	Дар духа	–
Свет	Пространство	Мрачность, чернота
Гармония красок		Катастрофа красок
Тепло		Холод
Роза, ирис		Подсолнух (утилитарный цветок)
Вечность	Время	Настоящее

Жизнь духовная (духовный мир) Содержание концепта	**Концепт**	**Состояние смерти (утилитарный мир) Содержание концепта**
Отец	Человек	Чернышевский
Доверие Высшему	Бог	Будь вторым Спасителем
Святой Дух		Здравый смысл
Гегель	Philosophy	Фейербах
+	Дар слова	–
Все виды восприятия и познания, восприятие и познание как материального, так и духовного, непредвзятость, открытость, основа на предыдущем знании	Восприятие, познание	Слепота, отсутствие способности воспринимать непредвзято, навязывание своего видения всему, профанность и, отсюда – неспособность именовать
Образец именования	Пушкин	Вздор и роскошь, производитель «пошлой болтовни»
Познание, именование и передача знания; Перевод духовного в словесное; овеществление памяти;	Цель именования	Практическая цель: пропаганда или приобретение популярности
Единство мысли и формы; тщательная разработка слога; вкус, пленительный ритм	Стиль	Путаный, туманный, бледный, долбящий, бубнящий, вялый, бедный, эпигонский
Всестороннее исследование	Подготовка к созданию текста	Самовыражение
Рост таланта, признания, слава в будущем, истинная любовь	Награда / Кара	Затухающий талант, забвение. Нелюбовь

Концепты жизни и смерти в романе В. Набокова «Дар»

Понятие смерти обсуждается в каждой из пяти глав романа в связи со смертью того или иного персонажа. В начале первой и начале пятой (последней) главы мы находим следующие два рассуждения о смерти и жизни (первое в связи с воспоминаниями Федора о своем детстве, второе – в связи со смертью Александра Яковлевича): «… все это самые ранние, самые близкие к подлиннику из всех воспоминаний. Я часто склоняюсь пытливой мыслью к этому подлиннику, а именно – в обратное ничто: так туманное состояние младенца мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, удалением из начального небытия, становящимся приближением к нему, когда я напрягаю память до последней крайности, чтобы вкусить этой тьмы и воспользоваться ее уроками ко вступлению во тьму будущую; но ставя жизнь свою вверх ногами, так что рождение мое делается смертью, я не вижу на краю этого обратного умирания ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу, который говорят испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной, – ничего, кроме разве упомянутых теней…» [Набоков 1990, с. 44].

«Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы <…>, он ответил: «Я жду, чтобы смерть начала первая <…>. В этом есть метафизическая негалантность, но смерть большего не стоит <…>. Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру да то, что сделали столяр и плотник <…>. Опять же: несчастная маршрутная мысль, с которой давно свыкся человеческий разум (жизнь в виде некоего пути) есть главная иллюзия: мы никуда не идем, мы сидим дома. Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия. В земном доме вместо окна – зеркало, дверь до поры до времени затворена; но воздух входит сквозь щели. Наиболее доступный для домоседных чувств образ будущего постижения окрестности, долженствующий раскрыться нам пораспаде тела, это – освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира

при нашем внутреннем участии <…>. Страшно больно покидать чрево жизни. Смертный ужас рождения» [Набоков, с. 316–317].

Эти два рассуждения, первое о смерти, имеющей отрицательный вектор, второе – о положительном конце, раздвигают рамки подлинной человеческой жизни, жизни духа, в оба ее конца: рождение – смерть и кончина – рождение становятся только переломными моментами. И если в первом рассуждении о земной жизни сказано лишь то, что она является тенью некого подлинника, то во втором раскрыты образы земного и последующего бытия человека; образы, являющиеся логическим обобщением всего предшествующего повествования. Земная жизнь человека – дарованный ему дом (темница?), покинуть который – значит, уйти из жизни. Понять жизнь невозможно – окрестностей не видно, перед человеком лишь его собственное отражение в зеркале. Но можно ощутить истину «при нашем внутреннем участии», почувствовав воздух, проникающий сквозь щели. Развитие способности видеть, развитие внутреннего зрения (прозрения) – одна из главных целей человеческой жизни, которая может быть полностью реализована только «по освобождении духа из глазниц плоти» и превращения «в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света». Круг (рамка) метафоры жизни–смерти–жизни – глубинный каркас «Дара», который, сделав еще один виток, в конце романа дает нам идеал жизни и смерти, т. е. человеческое кредо автора.

Исследование методом сплошной выборки остальных рассуждений о смерти и жизни в романе позволило сделать привело нас к следующему: мир без человека мертв: неживая природа, мир вещей не восстают из небытия, живая природа безмолвно уходит в небытие. Жив только человек.

Но смерть вездесуща. По большому счету к смерти все привыкли. Смерть человека ничего не меняет в жизни мира, всё продолжает крутиться по-прежнему, природа и люди (кроме самых близких) ее не замечают. Соблюдение ритуала, предназначенного для того, чтобы почтить память ушедших, либо превращается в фарс (как на собрании союза литераторов), либо все происходит исключительно формально по давно отработанному сценарию (как в случае похорон Александра Яковлевича). Человеческая душа в массе своей не отзывается на смерть, она слепа и глуха. В таком же состоянии оказывается и Федор Константинович – чуткий, совестливый и памятливый человек.

Однако его непонятно-слепое состояние души, как и неосознаваемое поведение всех остальных, оправдано, и ответственность за всё это возложена на кого-то, знающего в чем дело, ибо главное в чем-то другом, но не в физической смерти тела. Телесно люди также смертны (мертвы) и также уходят в небытие, как и весь остальной мир. Что же тогда жизнь?Жизнь – это великолепная ткань, но мы способны видеть лишь ее изнанку, это сияние, но оно находится вне нашей слепоты. Жизнь - это книга, но прочитать ее мы не можем, потому что не знаем языка. Человеку не дано знать (религии он не очень доверяет), в чем дело и где главное. Замысел о твоей судьбе и о земной и другой жизни в целом неясен. А от незнания, слепоты и страх перед смертью, как перед экзаменом, к которому не готов. Понять же все можно будет только потом, когда вырастешь из своего тела.

Дверь в загробное чуть-чуть приоткрывается со смертью дорогих людей. Чужая смерть безразлична, своя страшит, и только смерть самых близких (любимых) людей поражает глубоко, она отключает человека от земного, ставит его на границу миров. Уход дорогих сердцу людей развивает сверхчувственные способности и тем самым отменяет саму смерть. Для близких люди не умирают, образы ушедших живут в их памяти, общение с ними не прекращается. Это и есть воскресение. Ведь тело – только наш двойник, нечто меняющееся, а настоящий человек – это то, что способно любить.

Истинные связи и в материальном мире (Федора с Кончеевым – автора с современной ему русской литературой) основаны не на физических контактах, а на Божественной связи, которая и есть осуществление (в приведенном выше отрывке корень *-сущ-* меняет в итоге свое значение на противоположное: в сущности = в материальной действительности, существование = земная жизнь, дорваться до осуществления = стать явью, это и есть осуществление = духовное воплощение).

Жизнь во всей полноте ее замысла – это бесценный, хотя и неведомый дар, он не от мира сего. Здесь же надо уметь быть ответственным перед своим даром, прозревать его смысл, культивировать его, благодарить за него, не разбазаривать, не жертвовать им даже ради самых близких, и тогда жизнь будет добра, и ты получишь проценты с капитала уже здесь на земле (ключевые слова данного ряда можно расположить в следующем порядке: хочется благодарить – 10 000 дней от

Неизвестного – наши здешние дни только карманные деньги, гроши, звякающие в темноте – где-то есть капитал, с коего надо уметь при жизни получать проценты, в виде снов, слез счастья, далеких гор – оборотный капитал, нужный для частных целей – душа).

Всякое насильственное прекращение земной жизни, будь то самоубийство, смертная казнь или война, представляет собой противоестественный акт. Всякое оправдание подобных актов (сентиментально-умственное, болезненно-изысканное неоромантическое Яши, психолого-социологическое беллетриста в роговых очках, религиозно-романтическое Жуковского, патриотическое обывателя) – ложь, вздор, подлость, идиотизм, ибо не в воле человека распоряжаться тем, о чем ничего не знает.

Дар человеку жизни наделяет его способностью дарить жизнь – одухотворять всё то, с чем соприкасается его душа.

Таким образом, смерти нет, а жизнь не есть жизнь биологическая. Живет только то, что одухотворено. Жизнь – это дар духа от Неизвестного. Жить надо, служа этому дару и даря его всему окружающему, а умирать – празднуя окончание срока службы, таково человеческое кредо автора и его послание будущему читателю, что и выражено в конце романа словами «одного старинного французского умницы»: «…был однажды человек <…> он жил истинным христианином; творил много добра, когда словом, когда делом, а когда молчанием; соблюдал посты; пил воду горных долин (это хорошо, – правда?); питал дух созерцанием и бдением; прожил чистую, трудную, мудрую жизнь; когда же почуял приближение смерти, тогда вместо мысли о ней, слез покаяния, прощаний и скорби, вместо монахов и черного нотария, созвал гостей на пир, акробатов, актеров, поэтов, ораву танцовщиц, трех волшебников, толленбургских студентов-гуляк, путешественника с Тапробаны, осушил чашу вина и умер с беспечной улыбкой среди сладких стихов, масок и музыки… Правда, великолепно? Если мне когда-нибудь придется умирать, то я хотел бы именно так» [Набоков 1990, с. 370].

Таков путь к бессмертию души – к тому загробному, где люди в золотых тюбетейках.

Но человеку также дан особый дар сохранять бренное и для относительной земной вечности. Это дар слова, способность именовать, но он дан только тем, кто принимает дар духа. Тот же, кто отрицает дар духа, оказывается лишенным дара слова, способности творить.

В заключение отметим, что большую роль в реализации авторской концепции выполняет игра содержанием понятий базовых для русской культуры *концептов жизнь, смерть, слово, свет, тень, радуга, награда, кара, дом, семья, дети* и др.; автор наполняет их то материалистическим, то духовным содержанием; слова, совершая круг в своем значении, вновь получают в романе свой исходный для русской культуры духовный смысл. В результате роман «Дар» как духовная Россия, Россия, которую герой увез с собой, оказывается противопоставленным географической России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. URL : biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Veselovskij_A._N._Istoricheskaya_poetika._1989.pdf (Дата обращения: 23.06.2018)

Виноградов В. В. О художественной прозе // Избранные труды. Т. 5. М. 1980. 360 с.

Волков А. А. Основы риторики. М.: Академический Проект, 2003. 304 с.

Колесов В .В. Концепт культуры: образ – понятие– символ // Вестн. С.- Петерб. ун-та. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). 1992. С.30-40.

Малинин И. К литературной переписке митрополита Филарета и А. С. Пушкина // Православие.ru. URL: http://pravoslavie.ru/526.html (Дата обращения: 13.06.2018)

Набоков В. Избранное / Сост. Анастасьев Н.А. М.: Радуга, 1990. 688 с.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 544 с.

Салиева Л. К. Риторика романа Владимира Набокова «Дар»: фигура мысли. М.: Издательство Московского университета, 2012. 136 с.

Хазагеров Г.Г. Топос *vs* концепт // Георгий Хазагеров. Авторский сайт. URL: http://www.khazagerov.com/pragmatics/82-topos-vs-concept (Дата обращения: 13.06.2018)

УДК 811

И. С. Тибилов

аспирант, ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы
Юго-Осетинского государственного университета
им. А. А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА «ТАУРАГ» В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается вопрос определения жанра «тауpаг» в осетинской литературе. На основе фактического материала анализируется возникновение и развитие прозы на осетинском языке. Фольклорный жанр «тауpаг» сыграл огромную роль в развитии жанра рассказа в осетинской литературе. Фактически «тауpаг» стал переходным жанром от фольклорной формы пересказа к литературному рассказу. Большинство исследователей осетинской литературы отмечали роль фольклорного таурага в генезисе осетинской прозы, однако в большей степени по причине его широкого употребления в фольклоре, отрицали тауpаг как особый переходный жанр на начальном этапе становления литературного рассказа. Проведенное исследование дает возможность определить значение термина «тауpаг» и проследить его эволюцию от фольклорного жанра к литературному. Результаты исследования могут быть применимы при изучении генезиса и эволюции прозы в осетинской литературе, а также при проведении исследований творчества писателей-прозаиков, стоявших у истоков зарождения осетинской литературы.

Ключевые слова: осетинская литература; литературоведение; фольклор; проза; рассказ; тауpаг; жанры; композиционная структура; образ.

I. S. Tibilov

Postgraduate student. Lecturer, Department of Russian
and Foreign Literature at South-Ossetian State University
named after A.A.Tibilov, Tskhinvali, the Republic of South Ossetia

THE PROBLEM OF DEFINING THE GENRE “TAURAG” IN OSSETIAN LITERATURE

The article discusses different approaches to defining the genre of ‘taurag’ in Ossetian literature and analyzes the roots and the development of prose in the Ossetian language. The folklore genre of ‘taurag’ has always played a huge role in the development of the story genre in Ossetian literature. In fact, the ‘taurag’ was a transition from the folk genre to the literary form of telling a story. Most researchers of Ossetian literature highlighted the role of the genre of ‘taurag’ in the genesis of Ossetian prose, however, largely because of its wide use in folklore they refused to recognize the ‘taurag’ as the initial stage of the emergence of literary narrative. This study reveals the role of the ‘taurag’ and traces its evolution from the folklore genre

to literary one. The results of the analysis may be useful in studying the genesis and the evolution of prose in Ossetian literature, as well as in researching the literary contribution of writers and novelists who founded Ossetian literature.

Key words: Ossetian literature; literary criticism; folklore; prose; story; taurag; genres; compositional structure; image.

Жанр рассказа в осетинской литературе проделал сложный путь становления, прежде чем обрел собственный стиль и достиг такой художественной зрелости, которая сделала его возможным стать частью общероссийской литературы.

Истоки становления и самоопределения жанра рассказа в осетинской литературе восходят к прозаическим жанрам национального фольклора. «Идейное и эстетическое богатство народного творчества, его поэтика и язык, фольклорные, особенно эпические традиции, – всё это сыграло решающую роль в становлении и развитии осетинской литературы, в генезисе осетинской прозы» [Кожевников, Николаев 2000, с. 3].

В современном осетинском литературоведении очень мало исследований, посвященных жанровым особенностям. Это, прежде всего, связано с тем обстоятельством, что в советское время внимание исследователей литературы было приковано преимущественно к идейному содержанию художественного произведения.

По этой причине в осетинском литературоведении, как впрочем, и в фольклористике очень мало специальных исследований прозаических жанров (тауpаг, сказки, притчи, пословицы с сюжетной предпосылкой и т. д.).

Проблема формирования и развития жанра рассказа в осетинской литературе освящается в трудах многих исследователей. Впервые к проблеме развития жанра прозы в контексте исследования литературного процесса в его исторической преемственности обратился Цомак Гадиев в статье «Вехи осетинской литературы» [Вехи осетинской литературы, с. 17–58]. В своей работе Ц. С. Гадиев дает ряд концептуальных положений по истории становления и развития осетинской литературы, впервые высказав мысль о том, что возникновение осетинской литературы связано с последствиями присоединения Осетии к России, а также дав идейно-эстетическую характеристику творчеству Темырболата Мамсурова, Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Елбасдуко Бритаева и Александра Кубалова. Хотя исследование Ц. Гадиева не

претендует на системный анализ становления и развития осетинской литературы, он дал толчок к осмыслению историко-литературного процесса как самостоятельного предмета исследования и по праву считается основателем осетинского литературоведения и критики.

Вслед за Ц. С. Гадиевым М. С. Тотоев в своей работе «Очерки истории культуры» дает более глубокий анализ истории становления литературы. Хотя научный труд М. С. Тотоева привлекает обилием фактического материала и четкостью периодизации, однако в силу того, что предметом научного исследования М. Тотоева оказались публицистика, художественные произведения, социально-экономическая история, этнография, лингвистика, события революционного движения, историография, фольклористика и педагогические идеи, анализ литературы оказался «размыт» разнохарактерностью фактического материала. Периодизацию осетинской литературы, предложенную М. С. Тотоевым, продолжил и развил Х. Н. Ардасенов в работе «Очерк развития осетинской литературы (дооктябрьский период)» [Ардасенов 1959].

Проблемы осетинской прозы в той или иной мере находили отражение и в последующем в исследованиях авторов, обращавшихся к истории осетинской литературы. Отдельные вопросы осетинской прозы освещались в трудах А. А. Тибилова, Т. А. Епхиева, В. М. Гаглоева, В. И. Абаева, З. Н. Суменовой, Р. Г. Цомартовой и др. Наиболее же фундаментальные исследования осетинской прозы появляются в работах Н. Г. Джусоева. В своей докторской диссертации «Очерк развития осетинской литературы» [Джусойты 1968] в 1968 г. Н. Г. Джусоев решает целый ряд вопросов осетинской литературы, проводит глубокий научный анализ творчества писателей Темирболата Мамсурова, Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Цомака Гадиева, Елбыздыко Бритаева. Благодаря новому концептуальному подходу к исследованию становления и развития национальной литературы, работа Н. Джусоева оказала огромное влияние на последующее развитие литературоведения не только Осетии, но и всего Северокавказского региона.

Изучение генезиса осетинской прозы свое дальнейшее развитие получило в научных трудах З. М. Салагаевой [Салагаева 1984; Салагаева 1970], рассматривавшей осетинскую прозу в историко-генетическом плане. Однако эволюция жанра рассказа в осетинской литературе в целом не привлекал еще внимание литературоведов.

На сегодняшний день в осетинском литературоведении не существует однозначного ответа на вопрос: что представляет собой *тауараг*? В семантику термина *тауараг* Ш. Ф. Джикаев включает практически все формы прозаических жанров осетинского фольклора, отмечая при этом, что все эти термины близки по значению, представляя собой синонимичный ряд, в то же время каждый из них имеет отличительные признаки. Однако в осетинском языке для их обозначения применяется универсальный термин *тауараг* [Ирон таурæгътæ, с. 4].

В осетинском литературоведении термину «рассказ» в фольклоре соответствует термин «тауараг»: «Когда еще не появился термин “рассказ”, первые осетинские писатели свои короткие прозаические произведения называли таурæгътæ (‘тауараги’)» [Ирон таурæгътæ, с. 4].

По всей видимости, отказ современных осетинских литературоведов от употребления термина «тауараг» применительно к произведениям на осетинском языке продиктован именно своей полисемией, употребляя в каждом конкретном случае калькированный перевод или прямое заимствование. Так *рассказ* переводится как *радзырд*, в то время как «новелла» употребляется как заимствованный термин.

Термин «тауараг» Ш. Ф. Джикаев считает «коротким устным рассказом» [Ирон таурæгътæ, с. 4].

Размытость определения термина *тауараг* не дала возможность многим исследователям осетинского фольклора провести четкую границу между *таурагом*, сказками и другими видами прозаических жанров. В сборнике сказок, вышедшем в Цхинвали в 1962 г., А. Х. Бязыров впервые предпринял попытку определить место *таурага* в жанровой системе осетинского фольклора. Он обратил внимание на тот факт, что *таурагом* сказители называют как рассказ, имеющий в своей основе реальное событие, так и рассказ, отошедший от реальности и вобравший мифологические или фантастические мотивы. Такое многогранное употребление термина «тауараг» не дало возможности А. Х. Бязырову разграничить *тауараг* и сказку (‘*аргъау*’) [Ирон адæмон аргъæуттæ 1962, с. 4–7]. Потому и в сборнике фольклорных текстов, подготовленном им, нет четких принципов. В итоге *тауараги* оказались в одной «связке» со сказками. Некоторые варианты одних и тех же сюжетов указаны и как *тауараги*, и как сказки. Невозможно определить употребление термина *тауараг* и по сборнику фольклорных текстов, подготовленных З. М. Салагаевой [Ирон адæмон

сфæлдыстад 1961]. З. М. Салагаева выделяет только исторические тауараги (*историон таурæгътæ*), в то время как многие *тауараги* она неправомерно причислила к сказкам.

Согласно этимологическому словарю В. И. Абаева, осетинское *таурæгъ*, означающее ‘историческое предание’, ‘легенда’, ‘рассказ’, восходит к арабскому *tawārīh* (мн.ч. *tārīh*) ‘дата какого-либо события’, ‘история’, ‘хроника’ [Абаев 1958, с. 239]. Арабское слово вошло в персидский, тюркские и кавказские языки.

Безусловно, исходя от первоначального значения *тауараг*, можно с уверенностью сказать, что даты каких бы то ни было событий, история и хроники фиксируются, как правило, в прозаической форме. И в осетинском языке тоже *тауараг* стал употребляться именно для прозаических жанров. Примечателен тот факт, что эпические сказания о Нартах, бытовавшие в поэтической форме и называемые *кадæг* ‘эпическая песня’, ‘сказание’, ‘сага’, ‘былина’ [Абаев 1958, с. 566], часто обозначаются термином *тауараг*, а именно те сюжеты, которые бытуют не в поэтической, а в прозаической форме. Хотя некоторые прозаические сказания о Нартах обозначаются не как *таурæгъ*, а как *кадæг*.

Тауараг по своим внешним формальным характеристикам равнозначен литературному рассказу, восходящему к фольклорным жанрам устного пересказа в виде сказаний, поучительного иносказания или притчи. Как и в рассказе, в *тауараге* немного действующих лиц и одна сюжетная линия (реже несколько) при характерном наличии какой-то одной проблемы. *Таурагу* также свойственно линейное изложение фактов и событий. Подобно тому, как расплывчат значение *тауараг*, различен в своих трактовках и жанр рассказа: «С точки зрения литературоведения – это малая форма прозаического эпоса, повествовательное произведение, пересказ какого-либо события в прозе, сжатое по объему произведение, заключающее в себе некие действия и ряд персонажей, совершающих эти поступки…» [Кожевников, Николаев 2000, с. 617]. Перечисленный синонимический ряд определений имеет свое продолжение, оно исходит из проблематики самого жанра рассказа, из его трактовки и специфики. И если иное значение рассказ приобретает с использованием национального компонента, элемента народности, то в *тауараге* этот национальный компонент или элемент народности сидит изначально.

Таурагу характерно единство времени. Время действия в рассказе ограничено. При этом ограниченность не обязательно ограничивается одними сутками, как у классиков литературного рассказа. Однако *таурагов*, сюжет которых охватывает всю жизнь персонажа, не много, редко когда действие длится столетиями, или на протяжении нескольких поколений. Даже если *тауpаг* охватывает значительный период, всё равно он посвящен развитию какого-то одного действия, точнее, одного конфликта. К примеру, фамильные *тауpаги*, как правило, повествуют о нескольких поколениях, но и здесь временная длительность относительна, так как рассказ о нескольких поколениях служит одной цели – показать генезис фамилии (рода). В своем изображении частной жизни человека и его конфликта с обществом *тауpаг* сближается с драмой, но с драмой как жанр, а не с драмой как род литературы. Наиболее характерные *тауpаги*, близкие к жанру драмы – «Тауpаг об одиноком» [Ирон адæмон сфæлдыстад 1961, 387], «Почему сын Бата Асланбег стал абреком» [Ирон таурæгътæ 1989, с. 203], «Ос-Багатар и царь» [Ирон адæмон сфæлдыстад 1961, с. 115] и т. д.

Часто *тауpаг* изображает действительность в предельно напряженной и насыщенной форме, вскрывая глубочайшие конфликты реальности, обретая при этом значение художественного символа, что сближает его с жанром драматургии – трагедией. Единство действия *таурага* связано с событийным единством. В фольклоре осетин *тауpаг* чаще всего обладает простой фабулой, с одной фабулярной нитью, с короткой цепью сменяющихся ситуаций, с одной центральной сменой ситуаций. При этом простота построения фабулы не касается сложности и запутанности отдельных ситуаций. Другими словами, *тауpаг* или ограничивается описанием одного события, или одно-два события становятся в нем главными, кульминационными, смыслообразующими. Действие в *тауpаге* происходит или в одном месте, или в строго ограниченном количестве мест. Если количество мест превышает трех-четырех, то они только лишь упоминаются сказителем, но не расписываются.

Таурагам характерно наличие одного персонажа. В пространстве *таурага* чаще всего наблюдается один главный герой. Иногда их бывает два, реже – несколько. В принципе, второстепенных персонажей может быть много, но они сугубо функциональны. Цель второстепенных персонажей в *тауpаге* – создавать фон, помогать или мешать главному

герою, давая возможность проявлению его характера. Ярким примером такого единства выступает т*ауараг* «Об Одиноком». Так или иначе, все перечисленные единства сводятся к одному – единству центра. В этом плане сказанное М. Б. Храпченко относительно рассказа – «Рассказ не может существовать без некоего центрального, определяющего знака, который бы “стягивал” все прочие» [Храпченко 1975, с. 146] – в полной мере может относиться и к *таурагу*. И для *таурага* не важно, является ли кульминационное событие или развитие действия этим центром. Самое важное для этого жанра – главный образ, за счет которого, как правило, строится композиционная структура.

Есть и отличия между литературным жанром рассказа и *таурагом*. В рассказе повествование может вестись и от первого, и от третьего лица. *Таурагу* нехарактерно повествование от первого лица. Повествование от первого лица, как правило, в осетинском фольклоре обозначаются термином *хабар* – новость, известие, случай, происшествие, история. Но, в отличие от *таурага*, который может быть реалистичным, фантастичным, сказочным, мистическим, философским, историческим, любовным и назидательным, то *хабар* может выступать только как реалистический рассказ. Поэтому *хабар* заменяет термин *тауараг* только в тех случаях, когда прозаическое повествование отражает реально случившийся факт («*Мамиаты Хъарадзауы хабар*» ‘история о Карадзауе Мамиеве’, «*Къостайы тыххæй иу хабар*» ‘одна история (рассказ) про Коста’). Употребление термина *хабар* предполагает исключение художественного вымысла, в то время, как в *тауараге* сказитель может проявлять свой талант риторики, как с целью придания своему рассказу психологического настроя, для получения ответной реакции от слушателя в виде его заинтересованности, так и с целью удовлетворения художественно-эстетических потребностей слушателя. С целью усиления выразительности, в *таурагах* часто используется гипербола, что нехарактерно для *хабара*.

Термин *тауараг* может выступать синонимом термина «хабар», но хабар не всегда может заменять тауараг. В реалистических *таурагах*, как и в *хабарах*, концовка часто неожиданно, а порой – парадоксальна. Всё зависит от конкретных обстоятельств. В фантастичных, сказочных, мистических, философских, любовных и назидательных *таурагах* приключения героя могут продолжаться сколь угодно долго, а финал, как правило, всегда формален и предрешен заранее.

Сравнивая *тауараг* и *рассказ*, можно сделать следующий вывод: хотя они и не тождественны на все сто процентов, но всё же близки по семантике употребления и могут выступать как синонимы.

Есть и отличия между литературным жанром рассказа и *таурагом*. В рассказе повествование может вестись и от первого, и от третьего лица. *Таурагу* же не характерно повествование от первого лица.

Исходя из обозначенных определений жанра, можно заключить, что «*тауараг*», как вид произведения, является переходной формой прозаического жанра от фольклора к литературному рассказу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. 656 с. ; Т. III. Л., 1979. 358 с.

Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы (дооктябрьский период). Орджоникидзе, 1959. 284 с.

Вехи осетинской литературы. Рукопись. Архив СОИГСИ. Фонд Ц. Гадиева, папка V, л. 17–58.

Джусойты Н. Г. История осетинской литературы (дореволюционный период) : дис. … д-ра филол. наук, 1968 (рукопись).

Ирон адæмон аргъæуттæ. Историон æмæ бынæттон аргъæуттæ, таурæгътæ æмæ хабæрттæ. Т. III. (Осетинские народные сказки. Исторические и местные сказки, легенды и сказания. Т. III / сост. А. Х. Бязыров). Цхинвали, 1962. 362 с.

Ирон таурæгътæ (Осетинские легенды) / сост. Ш. Ф. Джикаев. Орджоникидзе, 1989. 496 с.

Ирон адæмон сфæлдыстад (Осетинское народное творчество) : в 2 т. / сост. З. М. Салагаева. Орджоникидзе, 1961.

Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь. М., 2000. 811 с.

Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману: Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе, Ир, 1984. 312 с.

Салагаева З. М. Четыре этюда об осетинской прозе. Орджоникидзе : Ир, 1970. 242 с.

Храпченко М. Б. Внутренние свойства и функции литературных произведений. М., 1975.

УДК 82-1/29

С. Н. Шевченко

аспирант, каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: floradale@mail.ru

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА УИЛЬЯМА КАЛЛЕНА БРАЙАНТА

Исследование призвано выявить роль образов природы в творчестве американского поэта Уильяма Каллена Брайнта, а также определить ключевые образы и вскрыть смысловые функции, которые они выполняют в его стихотворениях. Анализу подверглось, в том числе, цветовое видение природы и мира поэтом, были определены ведущие для его поэтической картины мира цвета. В работе дается обоснование структуры поэтического концепта, вскрывается его многослойность, рассматривается содержание и функции его внешних и внутренних слоев. Значительное место отводится изучению с помощью корпусного анализа частотного словаря поэта, выделению ключевых слов и их значений. Предпринимается попытка разрешить возникающие в ходе количественного анализа сложности, связанные с непрямым многовариантным воплощением ментальных представлений в слове. Для решения данной проблемы строятся синонимические ряды, частотный анализ которых точнее, чем частотный анализ отдельных слов позволяет выявить значимые для автора концептуальные представления. Если внешний слой концепта, представленный чувственными образами природы, продуктивно изучается с помощью анализа языка поэта, то внутренний слой, содержащий отвлеченные идеи и абстрактные понятия, исследуется с помощью анализа имплицитных смыслов. Образы природы рассматриваются, с одной стороны, как символы тех или иных представлений и идей, с другой стороны, они являются знаковыми элементами сложного поэтического языка, обращаясь к которому автор повествует о философских категориях, таких как счастье, время, изменчивость, жизнь и смерть, свобода, совершенство.

Ключевые слова: образы природы, концепт, частотность, символичность, сложный знак.

S. N. Shevchenko

Postgraduate student, Department of General
and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: floradale@mail.ru

IMAGES OF NATURE AS CONCEPTUAL ELEMENTS IN WILLIAM CULLEN BRYANT'S POETIC WORLDVIEW

The research reveals the role of the images of nature as well as identifies the key images and their semantic functions in William Cullen Bryant's poems. Among other things, the article focusses on the poet's colour perception of the world and

nature. The article deals with the structure of the poetic concept which is considered to be complex phenomenon, so the content and functions of its outer and inner layers are studied. Much attention is paid to the study word frequency with the help of the corpus analysis, which helps to highlight the poet's key words and their meanings. An attempt is made to overcome the difficulties of quantitative analysis caused by indirect multivariable verbalization of mental representations. To solve the problem synonym sets are constructed as their frequency analysis yields more accurate results than the frequency analysis of separate words for identifying the poet's key concepts. While the outer layer of the concept represented by sensory images of nature is effectively studied through direct analysis of the poet's language, the inner layer containing abstract ideas and abstract concepts is analysed through the analysis of implicit meanings. The images of nature are viewed, on the one hand, as symbols of various ideas; on the other hand, they are the signs or elements of complex poetic language using which the author speculates philosophical categories such as happiness, time, mutability, life and death, freedom, perfection.

Key words: images of nature; concept; frequency; symbolism; complex sign.

Введение

Уильям Каллен Брайант принадлежит к числу американских поэтов-романтиков XIX в., в чьем поэтическом наследии образы природы и пейзажные зарисовки занимают видное место. С одной стороны, они являются ключевыми объектами и главными героями, которые чаще всего привлекают внимание автора. С другой – природа выступает в роли собеседника поэта, своеобразного посредника, помогающего передавать сокровенные мысли и эмоции, абстрактные представления. В результате леса, поля, цветы превращаются в компоненты своеобразного символического или иносказательного языка природы, с помощью которого автор ведет повествование об отвлеченных идеях.

Восприятие мира и самого человека как части этого мира для У. К. Брайанта происходит в тесной взаимосвязи с природой, с ощущением неразрывного единства с ней. В то же время обращение к природе свойственно всему романтическому направлению литературы, ярким представителем которого, в свою очередь, является У. К. Брайант. Поскольку большинство художественных поэтических концептов поэта, облеченных в словесную форму, связаны с пейзажем, изучение структурных и функциональных особенностей концептосферы «Природа» в поэтической картине У. К. Брайанта имеет большое значение в исследовании его творчества.

Исследование

Структура поэтического концепта (теоретическое обоснование)

Художественный концепт представляет собой структурно многомерное образование, в составе которого обнаруживается разного рода содержание: многочисленные элементы картины мира; следы чувственного постижения окружающей действительности, представленные в сознании в виде образов; переплетение субъективных оценок и философских идей; метафорическое осмысление сущности и смысла происходящего вокруг человека и результаты осознания его самого, роли и значения в общей системе мироздания. К концептам можно отнести разнородные ментальные образования. Еще более сложен поэтический концепт как разновидность художественного, где связь с реальной действительностью непрямая, законы логики часто нарушены, а субъективные и эмоциональные компоненты преобладают над рациональными.

Концепты природы в поэтической картине мира У. К. Брайанта, как правило, являются сложными многослойными образованиями. Внешний слой содержит в себе множественные красочные ментальные образы и представления, навеянные созерцанием природы. Однако тактика описания и созерцания не является ведущей для У. К. Брайанта. Особое значение для него имеет внутренний слой концепта, наполненный отвлеченными идеями и абстракциями. Образы природы не являются конечной целью мышления поэта, он их использует как сложные символы, как единицы иносказательного образного языка, с помощью которых пытается передать глубинный, не обнаруживаемый явно план содержания. Если внешний слой поэтического концепта заполнен простыми чувственно воспринимаемыми картинами, основанными на зрительных и слуховых представлениях, окрашенных эмоциями, то внутренние слои концепта связаны с использованием абстрактного уровня мышления, приводящего к выражению отвлеченных идей, морали, ценностей, изложению жизненных позиций и убеждений. Природа в данном случае выступает в роли особого коммуникативного средства (формы, знака) речемыслительной деятельности поэта.

Исследование образов природы с помощью элементов количественного анализа

Поэтические концепты – образы природы – как ментальные образования в художественном мире автора явственно предстают перед нами посредством изучения «частотного тезауруса языка писателя» [Гаспаров, с. 125]. В этом смысле они рассматриваются как конструкции, репрезентируемые в языке определенными лексемами, транслирующими конкретно-чувственные представления. Ставя перед собой задачу исследования концептуального содержания поэтических произведений У. К. Брайанта, мы обратились к методу изучения частотного словаря поэта. Нами был проанализирован лексический состав его стихотворений. Для этого использовалась программа AntConc, позволяющая работать со специально созданным корпусом, отвечающим конкретным целям текущей работы. В нашем случае был создан корпус стихотворений поэта, содержащий 138 стихотворений, состоящих более чем из 49000 слов. Выявлялись наиболее частотные лексические единицы как отражающие значимые компоненты концептуальной картины мира поэта.

Прежде всего, анализу подверглись существительные и субстантивные прилагательные с частностью от 154 до 10 употреблений. Указанные части речи анализировались одновременно, поскольку в английском языке они нередко имеют одну форму. Выбранные границы частоты употребления обусловлены следующим: 154 – наибольшая выявленная частотность, а слова с частотностью ниже 10 оказываются в достаточном отдалении от ядерной части поэтического лексикона писателя. При ранжировании лексем по частоте возникли некоторые трудности, связанные со сложностями вербализации концептов. Опора на слова как формы не позволяет в полной мере исследовать содержание концепта, поскольку ментальные образы и представления не всегда прямо связаны с определенными вербальными знаками. Концептуальное исследование, в основе которого лежит метод выявления частотности, должно ориентироваться не на слова, а на их значения. Разные по форме лексемы могут передавать одинаковое (или достаточно схожее) концептуальное содержание: *ветер* в творчестве У. К. Брайанта, например, принимает словесные формы *wind(s), gale, breeze, zephyr(s), air(s)*. В. В. Карасик указывает

на то, что «невозможно зафиксировать все языковые средства выражения концепта» [Карасик 2004, с. 130]. С другой стороны, «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта» [Болдырев 2001, с. 40]

Однако рассматриваем ли мы слова как формы или подсчитываем частотность значений слов в синонимических рядах, в стихотворениях У. К. Брайанта количественно преобладают существительные и субстантивные прилагательные, обозначающие структурно-образующие компоненты природы.

В списке ключевых слов корпуса, выявленных с помощью используемой нами программы, первым существительным является *earth* ‘земля’ с частотой 154 употреблений. В то же время, если анализировать не лексемы, а значения, концептуальные образы, которые стоят за лексемами, то обнаруживается, что представление о *земле* также вербализуется с помощью слов *ground* 46, *land(s)* 47 (37+10), *world* 61, что повышает конечную цифру частотности концепта «земля» до 308 единиц.

На втором месте находится представление о *небе* в различных словесных выражениях со следующими показателями: *heaven(s)* 87 (78+9) + *firmament* 10 + *sky(ies)* 99 (70+29) + *vault(s)* 3 (2+1) + *sphere(s)* 10 (6+4) + *vast cerulean hall* 1= 210. Следующую строчку в этом случае занимают образы *леса*: *wood(s)* 98 (34+64) + *woodland(s)* 12 (10+2) + *forest(s)* 54 (43+11) = 164. Но вместе с *рощами (перелесками)* и *чащами* цифра способна вырасти еще: *grove(s)* 37 (12+25), *thicket(s)* 13 (11+2) повышают частотность до 214 лексических единиц, помещая древесные насаждения в центр мира и делая их центральным компонентом природы в представлении автора; а с добавлением в эту группу *деревьев – tree(s)* 60 (23+37), общее количество лексем со схожим значением способно достичь 274 единицы. В то же время, если в данный синонимический ряд внести частотную *сень деревьев (shade),* то древесные насаждения становятся самым значимым элементом природы. Важность леса как поэтического концепта для У. К. Брайанта подтверждается строчками стихотворения «A Forest Hymn» / «Гимн лесу»:

> The groves were God's first temples. – *Рощи были первыми храмами Бога.*

Ключевые образы стихотворений У. К. Брайанта, которыми являются *небо*, *земля* и *леса*, дополняют *цветы* с их частотным упоминанием: *flower(s)* 98 (31+67) + *blossom(s)* 39 (14+25) = 137. Вместе с видовыми названиями цветочных растений цифра оказывается намного большей.

Изучив частотность слов в синонимических рядах, передающих те или иные образы, можно сделать вывод о том, что поэтическая картина мира автора вращается вокруг ключевых точек, своеобразных координат в системе видения мира, в роли которых выступают *небо*, *земля*, *леса* (*деревья*) и *цветы*. Они являются основными компонентами концептосферы «Природа».

Результаты, полученные в ходе проведения корпусного исследования лексики, говорят о том, что большое значение У. К. Брайантом уделяется также некоторым природным стихиям. Обнаруживается многократное упоминание *ветра*: *wind(s)* 113 (57+56) + *breeze(s)* 20 (13+7) + *gale(s)* 9 (5+4) + *zephyr(s)* 3 (2+1) + *air(s)* 20 (2+18) = 165, и *света*: *light(s)* 109 (101+8), вместе с *sunshine* 17 показатель составляет 126. При подсчете частотности образов света вскрылась проблема наличия омонимии, типичная при работе с корпусами. В процессе анализа конкорданса из итоговой цифры были исключены случаи со значением слова *light* как ‘легкий’ (*light winds, light clouds*). Можно сделать вывод, что стихии ветра и света, согласно представлениям У. К. Брайанта, являются движущими силами природы, в которых заключено ее дыхание и проявлена жизненная сила.

Вывод о важности природы в поэтической картине мира поэта следует также из анализа частотности упоминаний цветовых оттенков в его стихотворениях. Наиболее часто встречается слово *зеленый* как цвет, символизирующий природу, в современном языке получивший новое значение, связывающее его с экологией и окружающей средой, имеющее метафорическое расширение ‘природно-первозданный’. Ранжированный по частоте список упоминаемых поэтом цветовых оттенков выглядит следующим образом:

зеленый:	green 93 + verdant 4 + verdure 7 + emerald 1 = 106
белый:	white 70
сине-голубой:	blue 53 + azure 5 + cerulean 2 + sapphire 1 = 61
красный:	red 34 + ruddy 13+ scarlet 4 = 51
желтый:	yellow 12 + gold(en) 34 (12+22) + saffron 1 = 47

коричневый: brown 21 + russet 4 = 25
серый: grey 25
малиновый: crimson 18 + cherry 1 + roseate 1 = 20
черный: black 18+ jetty 2 = 20
серебристый: silver 18
пурпурный: purple 7

Из списка видно, что в языке поэта помимо зеленого цвета *green* (растительность), частотны другие природные цвета: белый *white* (свет, солнечный свет), синий *blue* (небо).

Однако стоит отметить сложность группировки слов, обозначающих цвет, в синонимический ряд, связанную с репрезентацией цвета как определенного представления, концепта. Следует указать на известную размытость границ выделенных групп, причиной чему является наличие возможных «переходных» оттенков цвета, когда один цвет может входить одновременно в разные группы (*серебристый: белый* и *серый*), отсутствие полной идентичности синонимов (*красный* и *алый* не являются равнозначными оттенками, а *золотистый* и *шафрановый* представляют собой гипонимы *желтого*). Тем не менее небольшая разница, улавливаемая при восприятии оттенков цвета, часто игнорируется при его номинации, что может приводить даже к многозначности слов (*blue*: синий и голубой, *red*: красный и рыжий). Можно констатировать *факт наличия условной, не однозначной, связи лексического знака с элементом реальности, из чего вытекает вывод о существовании некоторой рассогласованности концептуальных представлений и инструментов их материальной вербализации.* Такая рассогласованность обнаруживается не только при анализе цветовых представлений, но также и других простых и сложных ментальных образов. Таким образом подтверждается мысль о том, что концепт не вполне дискурсивен по своей природе. Пытаясь ранжировать упоминаемые представления по частотности, мы столкнулись с проблемой определения границ синонимических рядов при подсчете, например, частотности образа *поля*: необходимо решить вопрос, являются ли взаимозаменяемыми в поэтическом мышлении слова *поле* (*field*), *луг* (*meadow*), *долина* (*valley*), *дол* (*vale*), *равнина* (*plain*). Очевидно, данные слова не являются синонимами в научной картине мира, в художественном же восприятии природы разница между ними не так существенна. В поэтическом мышлении различение объективных

характеристик компонентов природы менее важно, чем в научном, поэтому построение длинных синонимических рядов для репрезентации одного концепта можно считать правомерным. «Художественный мир всегда несет в себе больше, чем просто изображение фикционального и фактуального миров» [Миловидов 2003, с. 154–155].

Далее приводится составленный в ходе изучения словаря поэта частотный список некоторых ключевых образов, выраженных существительными и субстантивными прилагательными. Большая их часть непосредственно связана с природой, и только незначительная – с человеком как ее элементом, либо с природными процессами:

земля	earth 154 + ground 46, land(s) 47 (37+10) + world 61 = **308**
лес	wood(s) 98 (34+64) + woodland(s) 12 (10+2) + forest(s) 54 (43+11) + grove(s) 37 (12+25) + thicket(s) 13 (11+2) = **214 +** деревья – *tree(s)* 60 (23+37) = **274 +** сень деревьев – *shade(s)* **66** (47+19) = **340**
небо	heaven(s) 87 (78+9) + firmament 10+ sky(ies) 99 (70+29) + vault(s) 3 (2+1) + sphere(s) 10 (6+4) + vast cerulean hall 1 = **210**
ветер	wind(s) 113 (57+56) + breeze(s) 20 (13+7) + gale(s) 9 (5+4) + zephyr(s) 3 (2+1) + air(s) 20 (2+18) =**165**
день	day(s) **142** (109+33)
цветы	flower(s) 98 (31+67) + blossom(s) 39 (14+25) = **137**
свет	light(s) 109 **(**101+8) + sunshine 17 = **126**
ручьи	stream(s) 63 (38+25) + streamlet(s) 4 (3+1) + brook(s) 21 (10+11) + rill(s) 9 (5+4) + rivulet(s) 16 (14+2) = **113**
жизнь	life **96**
сердце	heart **90** (76+14)
любовь	love **87**
солнце	sun(s) **81** (76+5)
горы	mountain(s) 71 (49+22) + upland 4 = **75**
птицы	bird(s) **57** (35+22)
Бог	God 45 + Power 3 + Almighty (One) 4 + Deity 1 + Creator 1 + All 1 + He 1= **56**
вода	water(s) **55 (**13+42)

Замыкают ядро концептосферы «Природа» представления о полях (*field*(*s*) 45 (16+29)), облаках (*cloud*(*s*) 45 (19+26)), скалах (*rock*(*s*)

45 (21+24)), звездах (*star*(*s*) 41 (21+20)), холмах (*hills* 36 + *hillock* 1 + *knoll* 3), долинах (*valley*(*s*) 22 (12+10) + *vale* 17 = 39) и др.

Образы природы как сложные семиотические знаки в художественном языке автора

Однако для У. К. Брайанта вербализация чувственных представлений о природе, запечатление ее образов в стихотворном произведении не является главной целью. По мнению А. А. Потебни, образы есть средства сокращения умственных усилий, это «заместители тех масс мыслей, из которых они возникли» [Потебня 1976, с. 520]. Образ природы можно рассматривать как знак, замещающий содержание мысли подобно тому, как языковой знак-слово замещает денотат или референт. По этому поводу Г. О. Винокур писал: «Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции как раз в том и заключается, что это “более широкое” или “более далёкое” содержание не имеет собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо неё формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом, формой здесь служит содержание. Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения». [Винокур 1991, с. 28].

Образы природы в поэзии У. К. Брайанта выступают в роли своеобразных семиотических знаков-символов, которые указывают на отвлеченные идеи высокого порядка, конструируемые в духовной деятельности человека. *Небо* в поэтическом тексте может выступать символом *вечности, чистоты, могучей силы*; *солнце* – символом *счастья* и т. д. По мнению А. Г. Шейкина, символ — это «материальный или идеационный культурный объект, выступающий в коммуникативном или трансляционном процессе как знак, значение которого является конвенциональным аналогом значения иного объекта» [Шейкин 1998, с. 199–200].

Образы природы как символы могут носить универсальный или этнокультурный характер. У. К. Брайант часто упоминает, например, неактуальное для русской поэтической картины мира дерево *бук*/*beech* (встречается в 3,5 раза чаще *березы*). В его стихотворениях мы обнаруживаем не известных нам, но характерных для Северной Америки птиц – *red-birds*/*красных кардиналов*. Их можно рассматривать как некий символ континента, поскольку слово *redbirds* прочно вошло

в ономастический слой американской лексики: данное имя имеют многие населенные пункты в различных штатах, звукозаписывающая компания, вагоны Нью-Йоркского метро, *красный кардинал* – талисман одной из средних школ. Образы природы как этнокультурные символы заслуживаются отдельного всестороннего исследования.

Если рассматривать образы природы в творчестве У. К. Брайанта как ключи, открывающие дверь к разным ментальным идеям и смыслам, содержащимся не на периферии концептов, а в их глубинной структуре, то нам становится доступным следующее содержание, имеющее для поэта большое значение.

Природа (леса, поля, облака и т. д.) выступает воплощением красоты и представляет собой квинтессенцию **прекрасного**. Автор, любуясь цветущими майскими пейзажами, произносит, например, следующее: *My heart was touched with joy / At so much beauty, flushing every hour / Into a fuller beauty* – в моем сердце поселилась радость при виде такой красоты, и она открывалась мне все больше с каждым часом. The old man's counsel.

Для У. К. Брайанта природа также является образцом **совершенства**. Описывая ее картины, он часто прибегает к словам, обозначающим чистоту и непорочность: *the unsinning earth* – совершенная земля; *the sinless plants and breathing things* – безупречные цветы и живые существа; *небо* для него – *seats of innocence and rest* – место, где царят чистота и покой; *пейзажи* – *innocence and peace* – возвышенные и мирные; *works of God* – творения Бога, обнаруживаемые в природе, в видении поэта предстают *sinless* –чистыми и непорочными.

Другой философской категорией, раскрываемой с помощью образов природы, является **Бог**. Как уже указывалось выше, упоминание Бога частотно в стихотворениях поэта, а способы его номинации многочисленны (7). Бог, создав природу, растворился в ней, дав основание метонимическому тождеству: природа – это Бог, а Бог – это природа. Автор, гуляя по лесу, обращается к Богу: *but thou art here – thou fill'st the solitude* (ты здесь, ты растворен в этой тишине).

Неотъемлемая характеристика и принцип существования живой природы для У. К. Брайанта – **свобода**. В его стихотворениях были обнаружены 44 слова *free* вместе с их дериватами, 9 слов *liberty.* Большая часть из них имеет отношение к природе: *free heaven* – свободное небо, *this is freedom! – these pure skies* – это свобода! – эти чистые

небеса, *free mountain air* – свободный горный ветер, *yon free hilltops* – свободные холмы, *the free wind's breath* – дыхание свободного ветра, *the mountains … proclaim the everlasting creed of liberty* – горы – место обретения вечно желанной свободы – *free stray the lucid streams* – прозрачные реки текут свободно.

Также для поэта образы природы являются компонентами языка, повествующего о **текучести времени и изменчивости мира**. Например, У. К. Брайант посвящает стихотворение убывающему месяцу (The waning moon), используя его как символ тленности и конечности земного бытия. Наблюдая за жизнью природы, для него становится очевидным, что *all is gone – all* (все проходит – все), он замечает *the speed with which our moments fly* (скорость, с которой летят мгновения) и *bright and dark, but rapid days* (скорость, с которой тают как счастливые, так и печальные дни).

Но несмотря ни на что, природа для У. К. Брайанта является источником подлинного безусловного **счастья**. Он пишет о ветрах, которые шумят повсюду и несут с собой невыразимую радость: a*irs, that wander and murmur round, bearing delight where'er ye blow!* Природа помогает поэту обрести покой и радость: *It is sweet To linger here, among the flitting birds And leaping squirrels, wandering brooks, and winds That shake the leaves, and scatter, as they pass, A fragrance from the cedars* – Как хорошо здесь среди перелетающих с ветки на ветку птиц, скачущих по земле белок, журчащих ручьев, где ветер шелестит в листве и разносит повсюду смолистый запах кедра.

Заключение

Результаты исследования поэтической концептуальной картины мира У. К. Брайанта свидетельствуют о том, что образы природы в ней занимают центральное место. Исследование концепта, основанное на изучении частотности, продуктивно в том случае, если оно опирается не на анализ и подсчет слов как языковых форм, а на анализ их значений. В этом случае в поле зрения исследователя попадает развернутый синонимический ряд. Однако существуют сложности с определением правомерности отнесения того или иного слова к выбранному синонимическому ряду и сложности с установлением его границ. В то же время поэтическая картина мира представлена значительной семантической полиморфностью слов, входящих в синонимический ряд,

что связано с тем, что поэтический концепт слабо детерминирован рациональными принципами объективной действительности. Вместо этого в нем преобладают эмоциональные, метафорические компоненты, сложные конструкты сознания, приводящие к семантическому сдвигу и смешению.

Поэтический концепт У. К. Брайанта многослоен. Чувственный образ, который содержится в наружном слое, может выступать одновременно и сложным знаком, обозначающим идеи более высокой степени абстракции, выражать философские значения и передавать отвлеченные понятия. Образ может функционировать как символ. С помощью языка образов природы У. К. Брайант раскрывает такие философские категории как *категория красоты, совершенства, Бога, счастья, изменчивости мира* и *текучести времени*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–36.

Винокур Г. О. Понятие поэтического языка. О языке художественной литературы. М. : Высшая школа, 1991. 448 с.

Гаспаров М. Л. Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1988. С. 125–137.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. 2-е изд. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

Миловидов В. А. Введение в семиологию. Тверь : Твер. гос. ун-т (ТГУ), 2003. 176 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 613 с.

Шейкин А. Г. Символ / Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. Т. 2. 446 с.

УДК 81'27

Т. Б. Агранат

доктор филологических наук, доцент,
профессор каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ВИТАЛЬНОСТИ ЮНЕСКО

Миноритарные языки, распространенные на Европейской части России, принадлежат к двум языковым семьям – уральской и кавказской. Уральские языки расположены на северо-западе, кавказские – на юго-западе. Автор рассматривает эти языки с точки зрения факторов языковой жизнеспособности ЮНЕСКО. Кавказские языки в целом менее угрожаемые, чем уральские. Наиболее вероятной причиной является компактное проживание носителей; этот фактор не отмечен в документе ЮНЕСКО, но упоминается некоторыми исследователями.

Ключевые слова: миноритарные языки; жизнеспособность языков.

T. B. Agranat

Doctor of philology, Associate professor,
Professor of the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University;
Leading researcher of Institute of Linguistics RAS

MINORITY LANGUAGES OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA FROM THE POINT OF VIEW OF UNESCO FACTORS OF LANGUAGE VITALITY

Minority languages which belong to the Uralic and the Caucasian families are spread across the European part of Russia. The Uralic languages are located in the north-west, and the Caucasian ones – in the south-west. The author examines these languages with regard to UNESCO factors of language vitality. The Caucasian languages on the whole are in less danger than the Uralic ones. The most logical explanation is the compact habitation of speakers; this factor is not mentioned in the UNESCO document but is stressed by some researchers.

Keywords: minority languages; language vitality.

На Европейской части России локализованы миноритарные языки, принадлежащие к двум языковым семьям: уральской и кавказской. Уральские языки, представленные здесь только прибалтийско-финской и саамской подгруппами финно-угорской группы, распространены на северо-западе РФ, кавказские – на юго-западе.

Рассмотрим этим языки с точки зрения факторов жизнеспособности.

Разные авторы выделяют различные критерии жизнеспособности языков, хотя в целом, конечно же, пересечение велико. Ср. мнение Н. Б. Вахтина о том, что лингвисты, в общем, едины в понимании того, какие факторы имеют отношение к языковому сдвигу [Вахтин 2001, с. 11]. В указанной статье Н. Б. Вахтин делает обзор работ, посвященных факторам, имеющим отношение к языковому сдвигу.

В документе ЮНЕСКО, составленном в 2003 г. несколькими лингвистами, представлено девять факторов витальности языков (*www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_FR.pdf*), на них мы и будем опираться в данной статье. По каждому фактору в документе жизнеспособность языка предлагается оценивать по шестибалльной шкале от 5 до 0 с учетом приведенных критериев.

Ни один фактор, взятый отдельно, не может быть применен для оценки жизнеспособности языка или срочности его документирования. Языковое сообщество является комплексным и разнообразным; даже оценка числа говорящих на языке представляет трудность. Никакой из этих факторов нельзя использовать изолированно. Язык, получающий высокую оценку по одному критерию, может заслуживать срочного внимания, согласно другим факторам. Поэтому ЮНЕСКО предлагает девять основных факторов оценки жизнеспособности языка и шкалу от 0 до 5 для их оценки. Итак, рассмотрим языки с точки зрения этих факторов.

В описании финно-угорских языков автор будет опираться на собственные полевые исследования. Материал по кавказским языкам взят из работ следующих авторов: кубачинский, кайтагский, ботлихский, ахвахский, андийский, багвалинский, чамалинский, гунзибский, годоберинский, тиндинский, цезский, каратинский, – М. Е. Алексеев; абазинский, агульский, рутульский, цахурский – Н. Г. Колесник; бежтинский – М. Ш. Халилов; хваршинский – З. М. Халилова, Р. Ш. Каримова; арчинский – Н. Р. Добрушина; гинухский – Д. Фокер.

1. Передача языка от поколения к поколению

Карельский язык располагается между двумя отметками на шкале: «Нестабильный. В большинстве случаев используется в быту и в разговоре с детьми, но это ограничивается специфическими сферами (например, дома, где дети разговаривают с родителями и бабушками и дедушками)»; 4 балла и «Угрожаемый. Язык больше не передается дома детям как родной. Наиболее молодые носители – поколение родителей. В этом случае родители продолжают обращаться к детям на своем языке, но дети им уже не отвечают на этом языке»; 3 балла. Не всегда можно однозначно оценить язык с точки зрения какого-либо фактора, собственно, и в документе ЮНЕСКО есть указание на это: «Языковое сообщество является комплексным и разнообразным; даже оценка числа говорящих на языке представляет трудность». Карельский язык лучше сохраняется в сельской местности.

Вепсский в большей степени, чем карельский приближается к отметке «Угрожаемый. Язык больше не передается дома детям как родной. Наиболее молодые носители – поколение родителей. В этом случае родители продолжают обращаться к детям на своем языке, но дети им уже не отвечают на этом языке»; 3 балла.

Ижорский: «Крайне угрожаемый. На языке говорят только бабушки и дедушки, старшее поколение; родители иногда понимают язык, но не употребляют ни с детьми, ни между собой»; 2 балла.

Водский: «Вымирающий. Языком владеют только немногие представители старшего поколения. Язык не используется в повседневной жизни»; 1 балл.

Саамский[1]: «Крайне угрожаемый. На языке говорят только бабушки и дедушки, старшее поколение; родители иногда понимают язык, но не употребляют ни с детьми, ни между собой»; 2 балла.

[1] В российской традиции было принято говорить о саамском языке с множеством диалектов. В настоящее время признается наличие нескольких саамских языков (см. [Агранат 2015]). На территории РФ еще живы кильдинский, йоканьгский и скольтский (колтта), Во Всероссийской переписи населения 2010 г. нет разделения по языкам. Из общего числа наибольшее количество носителей кильдинского языка, йоканьгским владеет не больше 10 чел., скольтским – не больше 20. Из распространенных в РФ саамских языков письменность существует только на кильдинском.

Сето: «Угрожаемый. Язык больше не передается дома детям как родной. Наиболее молодые носители – поколение родителей. В этом случае родители продолжают обращаться к детям на своем языке, но дети им уже не отвечают на этом языке»; 3 балла.

Ботлихский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Ахвахский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Андийский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Багвалинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Абазинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Агульский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Рутульский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Цахурский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Бежтинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Хваршинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Гинухский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Кубачинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Чамалинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Годоберинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов. Тем не менее знание родного годоберинского языка среди подрастающего поколения значительно хуже, чем среди старшего поколения.

Арчинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Цезский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Каратинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Гунзибский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Тиндинский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

Кайтагский: «Язык используется всеми поколениями, в том числе детьми»; 5 баллов.

2. Общее число носителей языка

Карельский: 25605 чел.
Вепсский: 2362 чел.
Ижорский: 68 чел.
Водский: 14 чел. (по оценкам, не более 10 чел.)
Саамский: 299 чел.
Сето: 119 чел.
Ботлихский: 3508 чел.
Ахвахский: 5793 чел.
Андийский: 11789 чел.
Багвалинский: 5000 чел.
Абазинский: 31733 чел.
Агульский: 29287 чел.
Рутульский: 30360 чел.
Цахурский: 10596 чел.
Бежтинский: 6461 чел.
Хваршинский: 1872 чел.
Гинухский: 548 чел.
Кубачинский: около 5000 чел.
Чамалинский: по оценкам, 7000 чел.
Годоберинский: по оценкам, 12000 чел.
Арчинский: по оценкам, 1300 чел.
Цезский: по оценкам, 8000 чел.
Каратинский: 6198 чел.
Гунзибский: 1839 чел.
Тиндинский: по оценкам, 7000 чел.
Кайтагский: 20000 чел.

3. Доля носителей языка в общей численности населения

Карельский: «На языке говорит меньшинство»; 2 балла.

Вепсский: «На языке говорит меньшинство»; 2 балла.

Ижорский: «На языке говорит меньшинство»; 2 балла.

Водский: «Очень малое число людей говорит на языке»; 1 балл.

Саамский: «На языке говорит меньшинство»; 2 балла.

Сето: «На языке говорит меньшинство»; 2 балла / «На языке говорит большинство»; 3 балла. Трудно сделать однозначный выбор, скорее, можно говорить о среднем числе говорящих.

Ботлихский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Ахвахский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Андийский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Багвалинский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Абазинский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла. За последние 10 лет произошло значительное снижение численности владеющих своим этническим языком среди абазин: так, если в 2002 г. в КЧР не владели своим этническим языком 5,4% абазин, в 2010 г. их доля составила 14%. Внутри группы «владеющие языком» происходят изменения: увеличивается доля владеющих своим этническим языком в качестве родного сокращается, доля владеющих данным языком как вторым (родным, как правило, становится русский).

Агульский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла. Если судить по данным переписей, уровень владения языком остается высоким, однако, по оценкам специалистов, цифры переписи неточно отражают действительное положение, так как многие говорящие, хотя и заявляют о своем владении «родным языком», однако реально владеют этническим языком только как вторым (причем иногда способны только понимать, но не говорить на нем) – прежде всего это городская молодежь.

Рутульский: «Все говорят на языке»; 5 баллов.

Цахурский: «Все говорят на языке»; 5 баллов.

Бежтинский: «Все говорят на языке»; 5 баллов.

Хваршинский: «Все говорят на языке»; 5 баллов.

Гинухский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла. Цезский язык оказывает большое влияние на гинухский (многие гинухские мужчины женятся на цезках, которые не всегда учатся говорить по-гинухски, так что их дети дома больше говорят по-цезски, чем по-гинухски.

Кубачинский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла.

Чамалинский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла.

Годоберинский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла.

Арчинский: «Все говорят на языке» 5 баллов. Полевые исследования в Арчибе в 2004–2009 гг. показали, что арчинским языком свободно владеют все жители Арчиба. Никаких признаков утраты материнского языка у жителей Арчибского сельсовета в настоящее время не наблюдается. До поступления в школу дети в подавляющем большинстве не знакомы ни с какими языками, кроме арчинского, тем самым процесс передачи языка от родителей к детям происходит без нарушений.

Цезский: «Почти все говорят на языке»; 4 балла.

Каратинский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Гунзибский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Тиндинский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Кайтагский: «Все говорят на языке» 5 баллов.

Для кавказских языков оценка «Почти все говорят на языке»; 4 балла подразумевает, что некоторые представители этноса, мигрировав за пределы компактного расселения, утратили язык.

4. Области употребления языка

Карельский: «Язык используется в ограниченных социальных сферах и в нескольких функциях»; 2 балла.

Вепсский: «Язык используется в ограниченных социальных сферах и в нескольких функциях»; 2 балла.

Ижорский: «Язык используется в очень ограниченных сферах и в очень малом количестве функций»; 1 балл.

Водский: «Язык используется в очень ограниченных сферах и в очень малом количестве функций»; 1 балл.

Саамский: «Язык используется в ограниченных социальных сферах и в нескольких функциях»; 2 балла.

Сето: «Язык используется в ограниченных социальных сферах и в нескольких функциях»; 2 балла / «Язык используется в семье во многих функциях, но доминирующий язык начинает проникать в семейную сферу»; 3 балла. Очень сильно зависит от состава семьи, от возраста ее членов.

Ботлихский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Ботлихцы в основном общаются на своем родном ботлихском языке в пределах своих населенных пунктов. На территории Западного Дагестана для ботлихцев, так же как и для всех аваро-андо-цезских народностей, языком общения является аварский литературный язык, который преподается и изучается в школах сс. Ботлих и Миарсу. В Дагестане языком межнационального общения служит русский.

Ахвахский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла. Ахвахский является языком воспитания и обучения в дошкольных учреждениях.

Андийский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла. Андийский является языком воспитания и обучения в дошкольных учреждениях.

Агульский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Багвалинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Абазинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Агульский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Рутульский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Цахурский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Бежтинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Хваршинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Гинухский: «Язык используется в семье во многих функциях, но доминирующий язык начинает проникать в семейную сферу»; 3 балла.

Кубачинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Чамалинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Годоберинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Арчинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла. На сегодняшний день арчинский язык остается языком исключительно бытового общения. Никакого расширения функций не произошло: арчинский язык не используется даже в школьном образовании, не имеет никакого применения в письменной сфере.

Цезский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Каратинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Гунзибский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Тиндинский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

Кайтагский: «Два или более языка могут использоваться в большинстве социальных сфер и в большинстве функций»; 4 балла.

5. Использование языка в новых областях и СМИ

Карельский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Вепсский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Ижорский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Водский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов. (Последние его носители считают музейным экспонатом не только свой язык, но и отчасти самих себя.)

Саамский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Сето: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Ботлихский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Ахвахский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Андийский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Багвалинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Абазинский: «Язык используется во многих новых сферах»; 3 балла.

Агульский: «Язык используется в нескольких новых сферах»; 2 балла.

Рутульский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Цахурский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Бежтинский: «Язык используется только в небольшом количестве новых областей»; 1 балл.

Хваршинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Гинухский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Кубачинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Чамалинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Годоберинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Арчинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Цезский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Каратинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Гунзибский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Тиндинский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

Кайтагский: «Язык не используется ни в каких новых сферах»; 0 баллов.

6. Наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности

Карельский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»;

4 балла. Существует закон (см. параграф **1.1.3.**), позволяющий использовать карельский язык в административной сфере, но на деле он не работает.

Вепсский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»; 4 балла. Существует закон (см. параграф **1.1.4.**), позволяющий использовать вепсский язык в административной сфере, но на деле он не работает.

Ижорский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. (В прошлом непродолжительное время язык имел орфографию и на нем велось начальное образование, но в настоящее время письменность утрачена.)

Водский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Саамский: «Существует письменность, дети могут овладевать навыками практической грамотности. Нет печатных материалов, поддерживающих алфавитизацию»; 3 балла.

Сето: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. До 2005 г. языком обучения в средней школе у сето был эстонский, с 2005 г. – русский.

Ботлихский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Ботлихский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются ботлихским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Ахвахский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Ахвахский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются ахвахским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Андийский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Андийский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются андийским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Багвалинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Багвалинский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются багвалинским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Абазинский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»; 4 балла.

Агульский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»; 4 балла. Агульский язык ограниченно используется в высшей школе – изучается как предмет - в Дагестанском государственном университете (ДГУ), где готовятся учителя родного языка для работы в агульских школах.

Рутульский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»; 4 балла. Язык используется в дошкольном образовании, в начальной и средней школе, в высшей школе, уровень использования невысок.

Цахурский: «Есть письменные материалы, дети в школе обучаются языку, но в административной сфере язык не используется»; 4 балла.

Бежтинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Бежтинский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно, в первом классе) учителя пользуются бежтинским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Хваршинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Гинухский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Кубачинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Чамалинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Годоберинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Арчинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Официально арчинский язык не является языком, использующимся в школе.

В качестве предмета «Родной язык» арчинцы изучают аварский язык. Преподавание, согласно школьным установкам, должно вестись на аварском языке в начальной школе и на аварском и на русском – в средней и старшей. Однако, по свидетельству всех учителей начальных классов, дети не говорят ни на каком языке, кроме арчинского, когда поступают в школу. Поэтому в младших классах учителя активно используют арчинский язык для объяснения материала. По словам учителей, всё, что они говорят на уроке, они стремятся произнести на двух языках: на арчинском и на аварском.

Цезский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Письменности на цезском языке нет. Языком обучения (и как родной язык) официально для цезов является аварский литературный язык. В 1990-е гг. был составлен букварь и предпринимались попытки обучения цезской грамоте в школе. На первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются цезским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Каратинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов.

Гунзибский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Гунзибский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются гунзибским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Тиндинский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Тиндинский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются тиндинским языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни аварского, ни русского языков.

Кайтагский: «Орфография отсутствует»; 0 баллов. Кайтагский язык не является средством обучения в образовательных учреждениях начального уровня и не изучается как предмет в учреждениях начального уровня. Однако на первой стадии обучения детей в начальных классах (особенно в первом классе) учителя пользуются кайтагским

языком как средством общения с учениками, так как дети не знают ни даргинского, ни русского языков.

7. Государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование

Карельский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла.

Вепсский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла.

Ижорский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла.

Водский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла.

Саамский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла.

Сето: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла.

Ботлихский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана ботлихский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Ахвахский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана ахвахский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Андийский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана андийский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Багвалинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана багвалинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Абазинский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла. Абазинский язык – один из пяти государственных языков на территории Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). Абазинский также имеет официальный статус «Язык малочисленного народа» (Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», 1999). В соответствии с Конституцией Республики, принятой в 1996 г. (статья 11, п. 1.), статус государственных языков КЧР имеют абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский, а «языком межнационального общения и официального делопроизводства» назван русский язык.

Агульский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла. Юридического статуса «язык малочисленного народа» не имеет.

Рутульский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла. Юридического статуса «язык малочисленного народа» не имеет.

Цахурский: «Миноритарные языки защищены главным образом в частной сфере. Использование доминирующего языка престижно»; 4 балла. В соответствии с текстом проекта Закона «О языках Республики Дагестан» цахурский входит в перечень 14 письменных языков, которым придается статус государственных. Однако текст Закона в настоящее время не принят.

Бежтинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана бежтинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Хваршинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование

доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана хваршинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Гинухский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана гинухский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Кубачинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана кубачинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Чамалинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана чамалинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Годоберинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана годоберинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Арчинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. Арчинский язык не принадлежит к государственным языкам республики Дагестан.

Цезский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана цезский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Каратинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана каратинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Гунзибский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана гунзибский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Тиндинский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана тиндинский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

Кайтагский: «Пассивная ассимиляция. Отсутствует выраженная политика, касающаяся миноритарных языков; использование доминирующего языка превалирует в публичных сферах»; 3 балла. В Конституции Дагестана кайтагский язык определен как один из бесписьменных языков народностей Дагестана.

8. Отношение членов общины к родному языку

Карельский: «Бóльшая часть сообщества благосклонна к передаче языка, многие другие индифферентны или даже не готовы к передаче языка»; 3 балла.

Вепсский: «Только небольшое число благосклонно относится к сохранению языка; большинство группы индифферентно или неблагосклонно к передаче языка»; 2 балла.

Ижорский: «Только небольшое число благосклонно относится к сохранению языка; большинство группы индифферентно или неблагосклонно к передаче языка»; 2 балла.

Водский: «Община привязана к своему языку и желает видеть укрепление его позиций»; 5 баллов.

Саамский: «Только небольшое число благосклонно относится к сохранению языка; большинство группы индифферентно или неблагосклонно к передаче языка»; 2 балла.

Сето: «Только небольшое число благосклонно относится к сохранению языка; большинство группы индифферентно или неблагосклонно к передаче языка»; 2 балла.

Ботлихский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Ахвахский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Андийский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Багвалинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Абазинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Агульский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Рутульский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Цахурский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Бежтинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Хваршинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Гинухский: «Бóльшая часть сообщества благосклонна к передаче языка, многие другие индифферентны или даже не готовы к передаче языка»; 3 балла. Цезский язык оказывает большое влияние на гинухский (многие гинухские мужчины женятся на цезках, которые не всегда учатся говорить по-гинухски, так что их дети дома больше говорят по-цезски, чем по-гинухски.

Кубачинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Чамалинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Годоберинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Арчинский: «Община привязана к своему языку и желает видеть укрепление его позиций»; 5 баллов.

Цезский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Каратинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Гунзибский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Тиндинский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

Кайтагский: «Большинство поддерживает сохранение языка»; 4 балла.

9. Вид и качество документации

Карельский: «Существует по крайней мере одна хорошая грамматика, словари, тексты, литература, ежедневная пресса; аннотированные аудиовизуальные документы приемлемые и хорошего качества»; 4 балла.

Вепсский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Ижорский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла. Надо признать, что ижорский язык описан довольно плохо.

Водский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Саамский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Сето: «Нет никакой основы»; 0 баллов.

Ботлихский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имею аннотаций»; 1 балл.

Ахвахский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла.

Андийский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного

лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла.

Багвалинский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла.

Абазинский: «Имеются комплексные грамматики и словари, большие тексты и постоянный поток языковых материалов. Существует много качественных аннотированных аудио- и видеозаписей»; 5 баллов.

Агульский: «Существует по крайней мере одна хорошая грамматика, словари, тексты, литература, ежедневная пресса; аннотированные аудиовизуальные документы приемлемые и хорошего качества»; 4 балла.

Рутульский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Цахурский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Бежтинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Хваршинский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла.

Гинухский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имею аннотаций»; 1 балл.

Кубачинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Чамалинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Годоберинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Арчинский: «Довольно неплохие. Есть хорошая грамматика, словари и тексты, но отсутствует ежедневная пресса; существуют аудиовизуальные документы, но их качество или уровень разметки варьируют»; 3 балла.

Цезский: «Фрагментарные. Есть некоторые грамматические описания, лексика и тексты, полезные в рамках ограниченного лингвистического исследования, но их количество недостаточно. Могут иметься аудио- и видеозаписи разного качества, с аннотацией и без аннотации»; 2 балла.

Каратинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Гунзибский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Тиндинский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

Кайтагский: «Существуют краткое грамматическое описание, небольшой словарь и фрагментарные тексты. Аудио- и видеоматериалы отсутствуют, непригодного качества или не имеют аннотаций»; 1 балл.

В целом кавказские языки сохраняются значительно лучше, чем финно-угорские: на них говорят дети. Приведем пространную цитату. «На сегодняшний день арчинский язык остается языком исключительно бытового общения. Никакого расширения функций не произошло: арчинский язык не используется даже в школьном образовании, не имеет никакого применения в письменной сфере. Тем не менее в настоящий

момент нет свидетельств утраты этого языка: он по-прежнему является единственным средством общения между арчинцами в селении, им полноценно владеют сельчане всех возрастов. Многоязычность, свойственная арчинцам, – свободное владение русским и аварским языками – едва ли может быть прямым источником опасности для языка, поскольку владение несколькими языками было свойственно этому этносу и раньше. Положительным фактором является и рост населения, наблюдавшийся вплоть до самого последнего времени. Тем не менее в настоящий момент существуют две тенденции, которые могут оказать отрицательное влияние на жизнеспособность языка: падение рождаемости, начавшееся в самые последние годы, и усиливающиеся процессы миграции из селения в город» [Добрушина 2016, с. 76].

Эти слова применимы ко всем миноритарным кавказским языкам, но ни к одному из финно-угорских. Представляется, что важную роль в сохранении языков играет фактор компактности проживания, этот фактор учитывается в [Кибрик 1992]. Носители миноритарных кавказских языков утрачивают язык при миграции в город, носители миноритарных финно-угорских языков давно не проживают компактно даже в местах исконного расселения.

Примеры кавказских языков показывают, что вынужденное многоязычие не может стать причиной отказа от этнического языка. Пример сето демонстрирует ситуацию, когда уменьшение количество используемых языков повлекло за собой утрату этнического языка. До 2005 г. языком школьного обучения для сето был эстонский, близкородственный сето и типологически сходный. Русский преподавался как предмет и являлся языком общения с русскоязычным населением. Дистрибуция языков была очень интересной: сето-эстонская диглоссия и сето-русский билингвизм. Поколение, для которого языком школьного обучения стал русский, на сето не говорит.

Интересно, что отсутствующий в Документе ЮНЕСКО, но приведенный в [Кибрик 1992] фактор «Воспитание детей дошкольного возраста», не играет существенной роли в сохранении языка. Например, некоторые этнические ижорцы 1960-х гг. рождения утверждали, что до школы не владели никаким языком, кроме ижорского, однако все они полностью утратили этнический язык.

Как показывает материал кавказских языков, не столь важным является наличие письменности и преподавание языка – язык даже

в XXI в. может передаваться в устной форме. С последним не соглашаются носители миноритарных финно-угорских языков, которые считают наличие письменности и преподавания языка необходимым условием его сохранности и связывают гибель языка не с отсутствием его естественной передачи, а с отсутствием его в школьном обучении. Представляется, что «сакральное» отношение к письменности, появляется в момент исчезновения языка и является, скорее, сигналом его исчезновения. Вообще, как кажется, рефлексия над языком в среде неспециалистов возникает, когда язык «болен». В этом смысле фактор «Отношение общины к родному языку» стоит несколько особняком. Когда язык является средством ежедневного общения, его носители не задумываются о своем отношении к нему. Когда язык находится на грани исчезновения, отношение к этническому языку может колебаться от неблагосклонного до оценки «Община привязана к своему языку и желает видеть укрепление его позиций». Впрочем, даже такое отношение уже вряд ли может спасти язык. поскольку проявляется в создании музеев, фольклорных ансамблей, возрождении традиционных промыслов, но не в естественной передаче языка.

В таблице по горизонтали под номерами представлены критерии:

1. Передача языка от поколения к поколению.
2. Общее число носителей языка.
3. Доля носителей языка в общей численности населения.
4. Области употребления языка.
5. Использование языка в новых областях и СМИ.
6. Наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности.
7. Государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование.
8. Отношение членов общины к родному языку.
9. Вид и качество документации.

Во всех колонках, кроме 2, представлены баллы, в колонке 2 – число говорящих.

Таблица

Критерии / Языки	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Карельский	3-4	25605	2	2	1	4	4	3	4
Вепсский	3	2362	2	2	1	4	4	2	3
Ижорский	2	68	2	1	0	0	3	2	2
Водский	1	14	1	1	0	0	3	5	3
Саамский	2	299	2	2	1	3	4	2	3
Сето	3	119	2-3	2-3	0	0	3	2	0
Ботлихский	5	3508	5	4	0	0	3	4	1
Ахвахский	5	5793	5	4	0	0	3	4	2
Андийский	5	11789	5	4	0	0	3	4	2
Багвалинский	5	5000	5	4	0	0	3	4	2
Абазинский	5	31733	4	4	3	4	4	4	5
Агульский	5	29287	4	4	2	4	4	4	4
Рутульский	5	30360	5	4	1	4	4	4	3
Цахурский	5	10596	5	4	1	4	4	4	3
Бежтинский	5	6461	5	4	1	0	3	4	1

Критерии / Языки	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Хваршинский	5	1872	5	4	0	0	3	4	2
Гинухский	5	548	4	3	0	0	3	3	1
Кубачинский	5	5000	4	4	0	0	3	4	1
Чамалинский	5	7000	4	4	0	0	3	4	1
Годоберинский	5	12000	4	4	0	0	3	4	1
Арчинский	5	1300	5	4	0	0	3	5	3
Цезский	5	8000	4	4	0	0	3	4	2
Каратинский	5	6198	5	4	0	0	3	4	1
Гунзибский	5	1839	5	4	0	0	3	4	1
Тиндинский	5	7000	5	4	0	0	3	4	1
Кайтагский	5	25000	5	4	0	0	3	4	1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агранат Т. Б. Саамские языки // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 167–168.

Алексеев М. Е. Андийский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 69–70.

Алексеев М. Е. Ахвахский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 77–78.

Алексеев М. Е. Багвалинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 78–79.

Алексеев М. Е. Ботлихский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 94–95.

Алексеев М. Е. Годоберинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 122–123.

Алексеев М. Е. Гунзибский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 125–126.

Алексеев М. Е. Кайтагский язык // Язык и общество : энциклопедия. М., «Азбуковник», 2016. С. 185–186.

Алексеев М.Е. Каратинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 196–197.

Алексеев М. Е. Кубачинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 234–235.

Алексеев М. Е.. Тиндинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 489–490.

Алексеев М. Е. Цезский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 545–546.

Алексеев М. Е. Чамалинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 551–552.

Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Сер. Филологические науки. 2001. № 1. С. 11–16.

Добрушина Н. Р. Арчинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 72–76.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания, М., 1992. 336 с.

Колесник Н. Г. Абазинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 31–35.

Колесник Н. Г. Агульский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 43–47.

Колесник Н. Г. Рутульский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 412–416.

Колесник Н. Г. Цахурский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 541–544.

Фокер Д. Гинухский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 117–119.

Халилов М. Ш. Бежтинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 85–87.

Халилова З. М., Каримова Р. Ш. Хваршинский язык // Язык и общество : энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 539–541.

ЮНЕСКО Vitalité et disparition des langues. Groupe d'experts spécial de l'UNESCO sur les langues en danger. URL : www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_FR.pdf

УДК 81-11/ 81'33 / 378.4/ 37.017

Т. А. Валиулина

старший преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН;
соискатель каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КАНАДСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В XX ВЕКЕ

В статье дается обзор тематики научных статей по языкознанию в XX в. в Канаде, а также рассматривается содержание лингвистических образовательных программ в крупнейших канадских вузах, что позволяет составить представление о том, как поликультурность реализуется в системе лингвистического образования Канады. В статье затрагиваются до настоящего времени недостаточно разработанные вопросы лингвистического образования в Канаде и историографии канадского языкознания. Языковая ситуация в Канаде обуславливает направление развития лингвистики и лингводидактики. На протяжении XX века канадские ученые проявляли неизменный интерес к изучению миноритарных языков и диалектов официальных языков страны, а также к вопросам билингвизма, многоязычия, обучения иностранному языку и усвоения иностранного языка. Канадский подход к науке и образованию, основанный на концепции «культурной мозаики», ставит своей задачей сохранение социокультурного плюрализма. Опыт Канады в этих областях представляется ценным для отечественной науки и практики преподавания по ряду причин, в том числе, в силу сходства языковых ситуаций в России и Канаде в плане их многокомпонентности, что не может не отражаться на целях и принципах высшего образования. Кроме того, глобализационные процессы формируют ориентиры развития высшего образования, делая поликуликультурность ее обязательной характеристикой.

Ключевые слова: канадская лингвистика; высшее лингвистическое образование в Канаде; поликультурность; многоязычие.

T. A. Valiulina

Senior Teacher, Department of Linguistics
and Professional Communication in Mediatechnologies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
MSLU; e-mail: tatiana.valiulina@gmail.com

MULTICULTURAL ASPECTS OF CANADIAN LINGUISTICS IN 20TH CENTURY

The article reviews the themes of academic articles in Canadian linguistics in the 20th century, as well as linguistic curricula in major Canadian universities, which demonstrates how multiculturalism is implemented in Canadian Higher linguistic

education. The article brings up the topics of higher linguistic education in Canada and the historiography of Canadian linguistics, which have not been sufficiently explored yet. The linguistic situation in Canada determines the course of development of theoretical and applied linguistics. Throughout the 20th century Canadian linguists showed a keen and continuing interest in the issues of bilingualism, multilingualism, teaching languages, language acquisition, minority languages and the dialects of the official languages. The Canadian approach to humanities and education based on the concept of 'cultural mosaic' aims to preserve sociocultural pluralism. The experience of Canada in these fields seems to be of considerable importance to Russian science and education for a number of reasons, namely similar linguistic situations in Russia and Canada in terms of their multicomponent nature, which is bound to shape the goals and principles of higher education. Moreover, globalization sets the priorities of higher education, with multiculturalism being its essential feature.

Key words: Canadian linguistics; higher linguistic education in Canada; multiculturalism; multilingualism.

Актуальность данной темы обусловлена тем обстоятельством, что в виду современных глобализационных процессов образование в высшей школе приобретает все более поликультурный характер. Этот факт находит отражение в Концепции развития поликультурного образования в РФ (2010), согласно которой система поликультурного образования подразумевает учет государственных интересов, национальных и этнокультурных особенностей населения, создание условий межкультурного диалога и проектирование межэтнической и межконфессиональной гармонии [Концепции развития поликультурного образования в РФ 2010].

Наглядным примером сохранения социокультурного плюрализма является канадский подход к науке и образованию, основанный на концепции «культурной мозаики» (мультикультурализма), в отличие от американского «плавильного котла» (интеграции и ассимиляции) [Чеймберз 2006]. Поскольку модернизация российского образования неотделима от развития поликультурности, рассмотрения опыта Канады представляет научный и практический интерес.

Новизна материала заключается в том, что в статье поднимается до настоящего времени недостаточно разработанные вопросы лингвистического образования в Канаде и в целом канадского языкознания.

В статье приводится краткий обзор публикаций «Канадского лингвистического журнала», что позволяет составить представление о характере и направленности научных интересов канадских лингвистов в

XX в., а также рассматриваются образовательные программы в области лингвистики в крупнейших вузах, по которым также можно судить о задачах, целях и ценностях лингвистического образования в Канаде.

Как отмечает канадский лингвист Дж. К. Чеймберз, языковая ситуация в Канаде создала благодатную почву для развития лингвистики и смежных наук. Первый факультет лингвистики появился в Канаде в 1940-х гг. в Монреальском университете благодаря Ж.-П. Вине [Chambers 2006], а Канадская лингвистическая ассоциация была учреждена в 1954 г., в этом же году начал издаваться «Канадский лингвистический журнал», статьи в котором выходят на английском и французском языках. Краткий обзор содержания всех выпусков за период с 1954 до 2000 гг. позволяет сделать вывод о поликультурном векторе развития канадской лингвистики.

Так, в редакторской статье 1954 г. говорится о том, что цель Канадской лингвистической ассоциации – это развитие изучения языка в целом и отдельных языков, особенно письменных и устных языков Канады. Хотя первый выпуск и был посвящен лингвистической географии, редактор отметил, что подобный выбор темы не говорит о том, что только этот вопрос занимает умы канадских ученых, и последующие выпуски журнала продемонстрируют, что канадских лингвистов интересуют все области языкознания [Editorial announcement 1954, с. 2]. Как и было обещано во вступлении первого журнала, дальнейшие номера содержат разнообразный материал из всех областей лингвистики, но неизменным остается акцент на мультикультурализме и многоязычии в Канаде. В этом ключе примечательна статья крупного канадского лингвиста М. Скарджилла «Канадский английский и канадская культура в Альберте», в которой он задается вопросом о канадской идентичности и пытается найти на него ответ с позиции лингвистики [Scargill 1955, с. 26–29]. Проблематика статей, выходящих в 1950-е гг., обширна, в них продолжается обсуждение вопросов лексикографии канадского английского [Lovell 1956; Lovell 1958], диалектологии [Wilson 1956; Seary 1958; McDavid 1957], социолингвистики, в частности, языковая ситуация в провинциях Канады [Graham 1957], поднимается важный для Канады вопрос многоязычия и билингвизма [Mackey 1956; Mackey 1958], появляются работы по фонологии [Drysdale 1959], фонетике [Gregg 1957] и истории языка [Scargill 1956] разных регионов страны.

В 1960-х гг. сохраняется интерес к обозначенным выше темам, однако приоритетным направлением можно назвать работы по лексикологии и фонетике канадского французского [Dulong 1961; Follette & Valin 1961; Fondeau 1963; Léon, James & Sévigny 1968] и другим языкам, существующим на территории Канады, например, индейцев [Haas 1965; Li 1965; Rogers 1970] (надо отметить, что в современной Канаде предпочтителен термин «первые народы» (First Nations)), канадских эскимосов и сербо-хорватских иммигрантов [Gagné 1962; Surducki 1966], антропологии и дескриптивной лингвистике [Hale 1965].

Языковая ситуация в Канаде обусловливает интерес к прикладной лингвистике (лингводидактике), и, начиная с 1960-х гг., в большом количестве выходят работы по обучению иностранному языку и усвоению иностранного языка [Lado 1960; Joos 1972; Scargill 1960; O'Grady 1986; Piper 1987; Carroll 1989; White, Travis & MacLachlan 1992].

В 1970-х гг. активно развивается социолингвистика, не ослабевает интерес к проблеме билингвизма [Samarin 1973; Saint-Jacques 1973; Samarin 1978; Fletcher 1976; Stanford 1984; Singh 1985], фонетике английских диалектов [Mitchell 1979; Bollard 1979; Chambers 1973; Gregg 1973], а также фонетике и лексикографии канадского французского [Baligand & James 1973; Rogers 1978].

В 1980–1890-е гг., как и прежде, живой интерес вызывает изучение диалектов, например, издаются статьи по лексикологии ванкуверского и ньюфаундлендского английского, фонетике акадского французского (Акадия – французская колония в XVII–XVIII вв. на атлантическом побережье Канады, завоеванная в середине XVIII в. англичанами), синтаксису и семантике числительных в квебекском диалекте французского [Avis 1983; Wrenn 1985; Leard 1985; Rochet 1987; Gregg 1983; Hewson 1983; Shorrocks 1991; Thomas 1991; Chambers & Heisler 1999; King 1991]. Социолингвисты изучают роль языка в осознании национальной идентичности канадцев. Например, Х. Дж. Варкентайн в статье «Социальные установки и языковое поведение» приводит результаты исследования, проведенного среди носителей английского в Британской Колумбии с целью выявления путем анализа языковых предпочтений, идентифицируют ли себя жители провинции с британцами, канадцами или осознают свою отдельную, уникальную канадскую идентичность [Варкентайн 1983, с. 71-76]. Анализ дискурса также применяется для изучения разных культурных установок носителей

языка и изучающих [Хардер 1984, с. 115–130]. По-прежнему важное место занимает исследование языков коренных народов (бабинов, алгонкинов, инуитов) [Bagemihl 1988; Cook 1990; Junker 1994].

Тот факт, что китайцы являются вторым по величине национальным меньшинством и составляют 4 % от всего населения страны, объясняет неизменный интерес к китайскому языку [Statistics Canada, 2018].

Изучение современного образовательного рынка Канады показывает, что многие канадские вузы предлагают программы прикладной лингвистики. Например, Канадский институт лингвистики в Лэнгли, провинция Британская Колумбия, ставит своей целью подготовку специалистов для работы в кросс-культурной среде в качестве преподавателей и волонтеров, в группах носителей миноритарных языков [Why Study Linguistics? Canada Institute of Linguistics].

Университет Торонто предлагает учебные программы по теоретической лингвистике (подразумевая под ней генеративную грамматику), языковому варьированию (социолингвистика и диалектология) и психолингвистике (понимание, продуцирование и усвоение языка) [Department of linguistics. University of Toronto].

В проспекте для абитуриентов университета Альберты говорится о том, что лингвистика – наука для тех, кого интересуют когнитивные процессы, связанные с языком; то, как дети усваивают язык; как возникают диалекты; как развивается язык и как сохранить вымирающие языки.

Мемориальный университет Ньюфаундленда гордится крепкими связями между научными исследованиями и преподаванием языка, большое внимание уделяется изучению языков коренных народов и языковому варьированию [Why linguistics? Memorial University of Newfoundland].

Университет имени Саймона Фрейзера в числе прочих учебных программ также предлагает курсы по языкам коренных народов Канады (First Nations languages) [Department of Linguistics. Simon Fraser University].

Университет Макгилл и Оттавский университет специализируются на теоретической и экспериментальной лингвистике; в сферу ключевых интересов входят вариативность языка, социолингвистика и диалектология [Department of Linguistics. McGill University; Department of Linguistics. The University of Ottawa].

Факультет языкознания и лингвистических исследований Карлтонского университета делает особый акцента на прикладных исследованиях в области лингводидактики, билингвизма и грамотности, кросс-культурной коммуникации, сохранении языков коренных народов и социологии языка [School of Linguistics and Language Studies. Carleton University].

Информация о научных интересах руководителей магистерских и докторских диссертаций Университета Британской Колумбии также позволяет сделать вывод о высокой значимости изучения и сохранения миноритарных языков, а также вопросов лингводидактики [Department of Linguistics. The University of British Columbia].

Таким образом, обзор тематики публикаций «Канадского лингвистического журнала» в XX в. и содержание учебных программ канадских вузов в области языкознания говорят о мультикультурном характере теоретической и прикладной лингвистики Канады. Развитию поликультурности способствую всесторонние исследования диалектов и языков Канады, а также вопросов билингвизма и многоязычия. Проанализированный материал свидетельствует о том, что такие принципы образования, как полилингвальность, дифференциация и разнообразие, культурная целостность, вариативность, декларируемые в Концепции развития поликультурного образования в РФ, во всей полноте реализуются в канадском лингвистическом образовании [Концепции развития поликультурного образования в РФ 2010]. Схожие цели и принципы образования в России и Канаде дают основание для дальнейшего, более углубленного изучения данного вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Концепция развития поликультурного образования в Российской Федерации : проект [Электронный ресурс]. URL: pnu.edu.ru/media/filer_public/1b/a5/1ba5a122-7f0f-4008-a73d-9f5c2a8c922b/concept.pdf (Дата обращения 21.01.2018)

Avis W. Canadian English in its North American context // Canadian Journal of Linguistics. 1983. № 28 (1). P. 3–16.

Bagemihl B. The Morphology and Phonology of Katajjait (Inuit Throat Games) // Canadian Journal of Linguistics. 1988. № 33 (1). P. 1–58.

Baligand R. & James E. The intonation of wh-questions in Franco-Ontarian // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (2). P. 89–101.

Bollard J. ‘Backsliding’ in English Dialects // Canadian Journal of Linguistics. 1979. № 24 (2). P. 133–136.

Carroll S. Language Acquisition Studies and a Feasible Theory of Grammar // Canadian Journal of Linguistics. 1989. № 34 (4). P. 399–418.

Chambers J. Canadian raising // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (2). P. 113–135.

Chambers J. & Heisler T. Dialect Topography of Québec City English // Canadian Journal of Linguistics. 1999. № 44 (1). P. 23–48.

Chambers J. K. Linguistics [Электронный ресурс] // The Canadian Encyclopedia. 2006. URL : thecanadianencyclopedia.ca/en/article/linguistics/ (accessed January 24, 2018).

Cook E. Consonant Classes and Vowel Qualities in Babine // Canadian Journal of Linguistics. 1990. № 35 (2). P. 123–143.

Department of Linguistics. University of Toronto – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://linguistics.utoronto.ca/people/faculty.html (Дата обращения 24.01.2018)

Department of Linguistics. McGill University. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mcgill.ca/linguistics/ (Дата обращения 24.01.2018)

Department of Linguistcs. Simon Fraser University. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.sfu.ca/linguistics/about.html (Дата обращения 24.01.2018)

Department of Linguistics. The University of British Columbia. URL : www.grad.ubc.ca/unit/department-linguistics (дата обращения 24.01.2018)

Departmant of Linguistics. The University of Ottawa. URL : arts.uottawa.ca/linguistics/ (дата обращения 24.01.2018).

Drysdale P. A First Approach to Newfoundland Phonemics // Canadian Journal of Linguistics. 1959. № 5 (1). P. 25–34.

Dulong G. Le Mot “Sauvage” en franco-canadien // Canadian Journal of Linguistics. 1961. № 6 (3). P. 161–163.

Editorial Announcement // Canadian Journal of Linguistics. 1954. № 1(1). P. 2-2.

Fletcher P. Review on “Language Acquisition and Communicative Choice” / Essays by Ervin-Tripp S. M. Selected and Introduced by Dil Answar S. : review // Canadian Journal of Linguistics. 1976. № 21 (2). P. 199–205.

Follette J. & Valin R. Un curieux emploi de la négation en français canadien // Canadian Journal of Linguistics. 1961. № 7 (1). P. 15–25.

Gagné R. Towards a Canadian Eskimo orthography and literature (II) // Canadian Journal of Linguistics. 1962. № 8 (1). P. 33–39.

Graham R. The Transition From German to English in the German Settlements of Saskatchewan // Canadian Journal of Linguistics. 1957. № 3 (1). P. 9–13.

Gregg R. Notes on The Pronunciation of Canadian English as Spoken in Vancouver, B.C. Canadian Journal of Linguistics. 1957. № 3 (1). P. 20–26.

Gregg R. The diphthongs *əi* and *al* in Scottish, Scotch-Irish and Canadian English // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (2). P. 136–145.

Gregg R. Local Lexical Items in the Sociodialectical Survey of Vancouver English // Canadian Journal of Linguistics. 1983. № 28 (1). P. 17–23.

Haas M. Is Kutenai related to Algonkian? // Canadian Journal of Linguistics. 1965. № 10 (2-3). P. 77–92.

Hale K. On the use of informants in field-work // Canadian Journal of Linguistics. 1965. № 10 (2-3). P. 108–119.

Hamilton D. Notes on Montreal English // Canadian Journal of Linguistics. 1958. № 4 (2). P. 70–79.

Harder B. Cultural Attitudes in Discourse Analysis // Canadian Journal of Linguistics. 1984. № 29 (2). P. 115–130.

Hewson J. The Speech of Nations // Canadian Journal of Linguistics. 1983. № 28 (1). P. 33–46.

Immigration and Ethnocultural Diversity in Canada [Электронный ресурс]. URL : www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/as-sa/99-010-x/99-010-x2011001-eng.cfm#a4 (Дата обращения 24.01.2018)

Joos M. Reading knowledge testing // Canadian Journal of Linguistics. 1972. № 17 (2-3). P. 191–215.

Junker M. Syntaxe du quantifieur universel en algonquin // Canadian Journal of Linguistics. 1994. № 39 (1). P. 1–13.

King R. WH-Words, WH-Questions and Relative Clauses in Prince Edward Island Acadian French // Canadian Journal of Linguistics. 1991. № 36 (1). P. 65–85.

Lado R. Testing Proficiency in Writing a Foreign Language // Canadian Journal of Linguistics. 1960. № 6 (1). P. 21–28.

Leard J. Syntaxe et sémantique de quelques quantificateurs en franco-québécois // Canadian Journal of Linguistics. 1985, № 30 (2). P. 126–157.

Léon P., James E., & Sévigny G. (). Observations sur une forme progressive en canadien-français // Canadian Journal of Linguistics. 1968. № 13 (2). P. 94–98.

Li F. Some problems in comparative Athapaskan // Canadian Journal of Linguistics. 1965. № 10 (2-3). P. 129–134.

Lovell C. Whys and Hows of Collecting for the Dictionary of Canadian English II. Excerption of Quotations // Canadian Journal of Linguistics. 1956. № 2 (R1). P. 23–32.

Lovell C. A Sampling of Materials for a Dictionary of Canadian English Based on Historical Principles // Canadian Journal of Linguistics. 1958. № 4 (1). P. 7–33.

Mackey W. Toward a Redefinition of Bilingualism // Canadian Journal of Linguistics. 1956. № 2 (R1). P. 4–11.

Mackey W. Bilingualism in the Americas : A Bibliography and Research Guide by H. Einar : review // Canadian Journal of Linguistics. 1958. № 4 (2). P. 94–98.

Maury N. Forme et fonction de -hein? D'après un corpus de francais ontarien // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (2). P. 146–156.

McDavid R. Tape Recording in Dialect Geography : A Cautionary Note // Canadian Journal of Linguistics. 1957. № 3 (1). P. 3–8.

McDavid R. The Second Round in Dialectology or North American English // Canadian Journal of Linguistics. 1960. № 6 (2). P. 108–115.

Mitchell J. 'Sliding' in English dialects // Canadian Journal of Linguistics. 1979. № 24 (1). P. 7–24.

O'Grady W. In Defense of General Nativism // Canadian Journal of Linguistics. 1986. № 31 (1). P. 45–54.

Piper T. On the Difference Between L1 and L2 Acquisition of Phonology // Canadian Journal of Linguistics. 1987. № 32 (3). P. 245–259.

Rochet B. Walker Douglas C. Pronunciation of Canadian French : review // Canadian Journal of Linguistics. 1987. № 32 (1). P. 101–107.

Rogers J. Missionary Linguistics in New France: A study of seventeenth- and eighteenth-century descriptions of American Indian languages / by H. V. Elgin. The Hague: Mouton, 1969. 141 p. // Canadian Journal of Linguistics. 1970. № 16 (1). P. 68–70.

Rogers D. Dictionnaire canadien-français, Clapin de Sylva . Reproduction de l'édition originale de 1894. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1974. Pp. xlvi 389. Le Parler populaire des Canadiens français, Dionne de N.-E. . Reproduction de l'édition originale de 1909. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1974. Pp. xix 671. Glossaire du Parler français au Canada, préparé par La Société du Parler français au Canada. Réimpression de l'édition publiée en 1930. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1968. Pp. xix 709 : review // Canadian Journal of Linguistics. 1978. № 23 (1-2). P. 186–187.

Rondeau G. Morphophonologie française: Observations sur les variations Morphophonologiques du Présent de L'Indicatif en Français // Canadian Journal of Linguistics. 1963. № 8 (2). P. 71–81.

Saint-Jacques B. Linguistic Diversity in Canadian Society, edited by Darnell Regna . Edmonton: Linguistic Research, Inc., 1971. 307 + xiv p. // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (2). P. 183–189.

Samarin W. The Social Meaning of Language, by Pride J[ohn] B. // Canadian Journal of Linguistics. 1973. № 18 (1). P. 86–87.

Samarin W. The Social Significance of Speech: An Introduction to and Workbook in Sociolinguistics / by Platt John T. and Piatt Heidi K. : review // Canadian Journal of Linguistics. 1978. № 23 (1-2). P. 197–198.

Scargill M. Canadian English and Canadian Culture in Alberta // Canadian Journal of Linguistics. 1955. № 1 (R1). P. 26–29.

Scargill M. Eighteenth Century English in Nova Scotia // Canadian Journal of Linguistics. 1956. № 2 (R1). 3-3. doi:10.1017/S0008413100000025

Scargill M. Linguistics and the Teaching of English in Schools // Canadian Journal of Linguistics. 1960. № 6 (2). P. 136–138.

School of Linguistics and Language Studies. Carleton University. URL : carleton.ca/slals/research/ (дата обращения 24.01.2018).

Seary E. The French Element in Newfoundland Place Names // Canadian Journal of Linguistics. 1958. 4 (2). P. 63–69.

Shorrocks G. Away to Go in the Southwest of England and in Newfoundland, and the Question of Celtic Analogues // Canadian Journal of Linguistics. 1991. № 36 (2). P. 137–146.

Singh R. Grammatical Constraints on Code-Mixing: Evidence from Hindi-English // Canadian Journal of Linguistics. 1985. № 30 (1). P. 33–45.

Stanford L. Paradis Michael (ed.). Readings on Aphasia in Bilingual Polyglots : review // Canadian Journal of Linguistics. 1984. № 29 (1). P. 83–85.

Surducki M. English loanwords in the Serbo-Croatian immigrant press // Canadian Journal of Linguistics. 1966. № 12 (1). P. 52–63.

Thomas E. The Origin of Canadian Raising in Ontario // Canadian Journal of Linguistics. 1991. № 36 (2). P. 147–170.

Warkentyne H. Attitudes and Language Behaviour // Canadian Journal of Linguistics, 28(1) . 1983. P. 71–76.

White L., Travis L., & MacLachlan A. The Acquisition of *Wh*-Question Formation by Malagasy Learners of English: Evidence for Universal Grammar // Canadian Journal of Linguistics. 1992. № 37 (3). P. 341–368.

Why linguistics? [Электронный ресурс] // Memorial University of Newfoundland. URL : www.mun.ca/linguistics/ (дата обращения 24.01.2018).

Why Study Linguistics? [Электронный ресурс] // Canada Institute of Linguistics. URL : www.canil.ca/about/why-study-linguistics/ (дата обращения 24.01.2018).

Wilson R. The Implication of Tape Recording in the Field of Dialect Geography // Canadian Journal of Linguistics. 1956. № 2 (R1). P. 17–22.

Wrenn P. Word Stress, Sentence Stress and Syllable Prominence in Nova Scotia Acadian French // Canadian Journal of Linguistics. 1985. № 30 (1). P. 47–75.

УДК 81'42

И. А. Гусейнова

доцент, доктор филологических наук,
профессор каф. лексикологии и стилистики немецкого языка
и каф. немецкого языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: ginnap@mail.ru

РЕТРО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ГЕОПОЭТИКИ

В статье исследуется проблема взаимопроникновения различных видов пространств в художественной литературе, подчеркивается решающая роль такого рода взаимодействия как фактора, обусловливающего формирование условий для множественности интерпретации. Автор анализирует различные способы трансляции культурно значимого содержания в жанре ретродетектива, выявляет специфические жанровые параметры текстовых категорий, акцентирует роль ключевых слов детектива как средств актуализации ценностного компонента преемственности. Особое внимание уделяется установлению геопоэтического потенциала ключевых слов как средств репрезентации компонента *ретро*. В результате анализа делается вывод о том, что принимая различные формы, ретро компонент объективирует пространственные характеристики прошлого и задает параметры будущего.

Ключевые слова: геополитика; геопоэтика; ретродетектив; ретро; событие; текстовая категория.

I. A. Guseinova

Doctor of Philology, Professor at the Department of German Lexicology
and Stylistics at the German Faculty, Professor at the Department
of the German Language at the Faculty of Translation
and Interpretation, Moscow State Linguistic University (MSLU);
e-mail: ginnap@mail.ru

RETRO AS A KEY TO UNDERSTANDING GEOPOETICS

The article looks into the problem of interaction of different kinds of spaces in fiction and stresses its decisive role in providing proper conditions for diversity and plurality in text interpretation. The author analyzes different ways of translating the cultural component in retro detective prose, regarded as a special genre, reveals the distinctive features of the genre, emphasizes the role of specific key words as means of actualizing the component of continuity. Special attention is paid to the geopolitical potential of these key words as means of representing the retro component. The analysis shows that by taking different forms the retro component represents the spatial characteristics of the past and determines the parameteres of the future.

Key words: geopolitics; geopoetics; retro detective prose; retro; event; text category.

«…Геопоэтика – всё-таки родная, в крайнем случае двоюродная сестра геополитики. Можно сказать, что геопоэтика – продолжение геополитики, но более тонкими (более гуманными, более гуманитарными, более артистичными...) методами»[1]

Художественное описание геополитических пространств в современной литературе представлено весьма широко, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, современное человечество стоит перед задачей возрождения духовности и культуры, во-вторых, современные люди заинтересованы в укреплении нравственных основ личности, в-третьих, страны и целые народы стремятся к сохранению своей идентичности в глобализирующемся мире. Именно поэтому в современной литературе существенное место отводится двум философским категориям, определяющим физическое и духовное существование человека – пространству и времени. Несмотря на то, что данные феномены в различных культурах вербализуются по-разному, во всех этносоциумах они являются базовыми ценностями, на основе которых формируются вторичные ценностные системы. В свете вышесказанного закономерно возникает вопрос о том, какие средства используются для манифестации культурно-исторического наследия в контексте геопоэтики. На наш взгляд, в качестве иллюстративного примера следует рассматривать компонент **ретро**, который широко представлен в современной литературе, прежде всего в жанре **ретродетектива**.

Напомним, что к ретродетективам в отечественном гуманитарном знании относятся те из них, в которых описываются события, произошедшие до 1917 года. Безусловно, данная условная временная граница может быть нарушена: это касается тех случаев, когда сюжет выстроен на воспоминаниях главных действующих лиц, которые переживают прошлое в более поздний временной период. В остальных случаях современные отечественные ретродетективы обладают устойчивыми жанровыми характеристиками, не позволяющими им раствориться в тривиальной литературе. Остановимся ниже на их некоторых жанровых особенностях.

[1] Текст доклада И. О. Сидоренко на второй Международной конференции по геопоэтике (Москва, 25.11.2009). Опубликовано в: Введение в геопоэтику. Антология. М. : Арт Хаус медиа ; Крымский Клуб, 2013.

Во всех отечественных ретродетективах сохраняются основные признаки **детектива**, которые не позволяют читателю спутать его с историческим романом, хрониками или автобиографическими жизнеописаниями, несмотря на сходство и близость упомянутых литературных жанров.

Следует отметить, что все ретродетективы описывают **события** определенного культурно-исторического периода. В российских ретродетективах **события** происходят в различных регионах России. Если ранее основным местом, в котором разворачивались события, были изначально крупные столичные города – Санкт-Петербург и Москва, то в настоящее время в романах представлена и «российская глубинка»: при этом описываются не только города, постепенно превращающиеся в промышленные, но и описываются деревни и деревеньки, уездные города, сельская местность, что способствует переходу сюжета из геополитического в геопоэтическое русло.

Языковые средства, используемые в создании **ретро** в геопоэтическом ключе, носят **регулярный** характер, что позволяет **тренировать** читателя на адекватное восприятие культурно-исторического материала, избегая потери читательского интереса.

В российских ретродетективах, независимо от их сюжетных особенностей, для привлечения внимания массового читателя применяется **неожиданный ход**. Для его осуществления среди многого другого используются и **прецедентные единицы** [Моисеенко 2015, с. 16], которые в анализируемых нами текстах нередко функционируют в виде прецедентных феноменов или, в более узком смысле, в виде **географических реалий**. Для иллюстрации вышесказанного приведем следующий пример. Так, главным действующим лицом в ретродетективе Н. Филатова «Последний выстрел камергера» [Филатов 2016] является Федор Иванович Тютчев, известный широкому кругу читателей скорее как поэт, поэт-переводчик, благодаря которому в XIX в. российский читатель смог познакомиться с произведениями известных немецкий классиков – Г. Гейне и др. Культурно-просветительская деятельность Ф. И. Тютчева открыла русскому читателю зарубежные книжные новинки, а зарубежный читатель благодаря эссе и статьям Ф. И. Тютчева, опубликованным в германской и французской прессе, узнавал о культурных, политических и экономических событиях в России. Однако из упомянутого романа российский, т.е. современный

читатель, одновременно узнает, что Ф. И. Тютчев был также блестящим дипломатом, выполнявшим различные сверхштатные поручения по линии иностранного ведомства, ср.:

> «Действительно, в Мюнхене Федор Тютчев оказался исключительно благодаря протекции давнего друга семьи, однорукого ветерана наполеоновских войн графа Александра Ивановича Остермана-Толстого. Приглядевшись к молодому губернскому секретарю, только что поступившему в иностранное ведомство, граф порекомендовал его на должность сверхштатного чиновника русской миссии при баварском дворе» [Филатов 2016, с. 42].

Упоминание города Мюнхена и баварского двора позволяют читателю сделать выводы о геополитическом контексте того времени и о российско-германских отношениях. С одной стороны, о развитии культурных и литературных связях и о нарастающем противостоянии, с другой. К геопоэтическим заслугам автора ретродетектива следует также отнести пассажи, в которых события прошлого перекликаются с событиями современными. Прежде всего, речь идет о глобальном политическом контексте, транслируемом сегодня современными СМИ, ср.:

> «Некоторые даже требовали, чтобы Молдавия и Валахия[1], население которых имеет одно и то же происхождение, говорит на одном и том же языке и преследует одинаковые интересы, слились в одно государство! Более того, они мечтали о воссоздании великого румынского отечества путем присоединения к нему всех тех его провинций, которые находились в руках Австрии и России – Трансильвании, Буковины, Бессарабии…» [Филатов 2016, с. 66].

Мы не ставим перед собой задачу комментировать актуальные политические события геополитического характера, однако, приводим любопытные для современного читателя цитаты, свидетельствующие о непреходящем значении некоторых событий и для современной политики, ср.:

> «Документы, которые видел перед собой сейчас Тютчев, неопровержимо свидетельствовали о попытках британских и турецких секретных

[1] *Валахия* – историческое название Румынской земли или страны с главным городом Бухарестом.

> служб установить связь с мятежным кавказским имамом Шамилем, который из многочисленных раздираемых феодальными междоусобицами и внутренними противоречиями мелких дагестанских и чеченских владений сумел создать единое государство в горах Северо-Восточного Кавказа» [Филатов 2016, с. 275].

Некоторые эпизоды из прошлого достаточно точно передают коллизии, происходящие в современном европейском пространстве, ср.:

> «Можно было выдумать какую угодно нелепость о победах греков и пустить в ход – всему верили, все служило пищей для толков и преувеличений. Однако же во всяком случае мнение очень часто делилось надвое: одни радовались успехам греков, другие проклинали греков, нарушивших тучную жизнь бояр в Дунайских княжествах» [Филатов 2016, с. 71].

Внимательный читатель может усомниться в достоверности фактического материала, опубликованного в ретродетективе: сомнения развеют, например, издания типа советская историческая энциклопедия, или ссылка на известных авторов исторических романов, написанных на основе реальных исторических событий с опорой на хроники, архивные документы или исторические справки; на биографические издания, на литературоведческие труды, а также публикации в прессе XIX в. и др. (И. Аксаков, В. Пикуль, В. Кожинов и др.).

В современной литературе используется широкая палитра языковых средств, включающих также слова, которые можно отнести к классу **поэтических**. В данном случае мы придерживаемся взглядов современных ученых-когнитологов, которые полагают, что «в системе языка когнитивную функцию наиболее полно выражают единицы лексического уровня – лексемы и фразеологизмы. Каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире» [Киклевич 2014, с. 74]. Таким образом, любое слово, погруженное в определенные культурно-исторические условия, способно выполнять поэтическую функцию. Отметим, однако, что данное утверждение справедливо в том случае, если слово выполняет одновременно ***несколько*** функций, обеспечивающих им устойчивое существование в дискурсивной среде. Применительно к **ретро** к разряду поэтических слов можно отнести **ключевые слова**, повторяющиеся на протяжении всего сюжета или серии изданий и имеющие устойчивую, ярко выраженную культурно-историческую коннотацию.

Знание о быте и исторических фактах вкрапливается в основное повествование, что позволяет постепенно познавать культурно-исторический фон. Например, в одном из диалогов главного персонажа с извозчиком речь идет о наименовании улицы:

> «Чертольской поедем? – буркнул наконец. Какая тебе Чертольская, свет? Нет больше Чертольской, – вразумил Семейка. – А есть Пречистенка. Государь ей так зваться указал. – Отродясь на Москве прозвания улицам не меняли, – возразил извозчик. – Было Чертолье – и будет Чертолье. Стало быть, государь на богомолье в Новодевичий поедет, к Пречистой Смоленской Богоматери, а все по дороге будут непристойно черта поминать? – спросил Семейка. – Гляди, притянут тебя в Земской приказ, свет! Там-то научат, что улица ***Пречистенкой*** зовется!» [Трускиновская 2016, с. 122].

Из геопоэтических описаний можно почерпнуть много полезной информации, касающейся бытового обустройства, например, в Москве, включенного в основную сюжетную линию, ср.:

> «Московские дома строились на один лад. Может, у кого из богатых бояр и князей и были диковинки – мебель из Польши, расписанные звездами потолки, немецкие часы весом в полпуда, с серебряными болванами и с боем, а обустройство простого человека было конюхам знакомо досконально. Они старательно обыскали и подклет, и верхнее жилье, и горенку, и чуланы, и по клетям прошли…» [Трускиновская 2016, с. 350].

Напомним, что словом **подклет** обозначали нижний – цокольный или полуподвальный этаж жилища горожанина, к которому вел отдельный ход, и который служил преимущественно для хозяйственных нужд. Одновременно следует отметить, что традиция расписывать потолки звездами сейчас в большой моде, равно как и приобретение иностранной мебели. Упомянутые факты также служат поддержанию связи между прошлым и настоящим, удерживая читателя на стыке реального и фикционального миров.

Геопоэтические описания обладают свойством **кинематографичности**, объективируемой при помощи вербальных средств. Известно, что в различных культурах издавна используются два вида знаков – слово и рисунок. Применительно к ретродетективам геопоэтический «рисунок» формируется при помощи **авторской речи** и в **нарративных** пассажах. Именно в них задаются параметры прочтения сюжета,

отношения к персонажам, формирования эмоций у читателя. Нередко, однако, это происходит и в диалогической речи. Обратимся к конкретным примерам. В одном из значимых для повествования разговоре, происходящем между Ф. И. Тютчевым и А.Х. Бенкендорфом[1], в котором речь идет о влиянии европейских держав на мировую политику, а также об интересах европейских государств на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, ср.:

> «Неужели Вам непонятно? Ведь корни всего, что происходит и будет происходить на Востоке, лежат именно в отношениях между державами европейскими / Совершенно согласен с этим, ваше сиятельство / Государственные интересы Российской империи, равно как и стремительно возрастающие британские притязания на контроль над Центральной Азией, уже вошли между собой с такое серьезное противоречие, что несколько раз едва не доходило до прямых вооруженных столкновений» [Филатов 2016, с. 193].

Понимая, что не каждый внимательный читатель имеет возможность обратиться к справочному изданию, чтобы получить соответствующий комментарий к тому или иному явлению культуры, автор вплетает толкование в сюжетную линию с тем, чтобы читатель сразу же получил представление о явлении или событии. Следует отметить, что подобный прием широко распространен во всех анализируемых нами современных отечественных ретродетективах. Безусловно, толкованию подвергается самая разнообразная информация, в том числе касающаяся краеведения и этнографии. Нередко приводятся факты малоизвестные читателю, но несущие в себе конкретное историко-культурное знание, ср.:

> «В тюрьме перед отправкой каждому каторжному выдали полное вещевое довольствие. Туда входили: полушубок, летняя короткая куртка со штанами, армяк с тузом на спине, серая бескозырка, суконная зимняя куртка с подбитыми ватой штанами, суконная шапка с наушниками, по

[1] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783–1844) – граф, генерал-адъютант, участвовавший в турецких войнах, а также в войне с Наполеоном. С 1826 г. до самой своей смерти состояли шефом жандармов, командующим Императорской Главной квартирой и начальником Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии – русской политической полиции [Филатов 2016, с. 303].

> две пары летнего и зимнего белья, рукавицы, четыре пары чирков с подвертками, две пары бродней, четыре пары подкандальников» [Свечин 2017, с. 32].

Из вышеприведенного описания следует конкретная и значимая для читателя информация о суровом и непредсказуемом климате Сахалина, с одной стороны, и одновременно об организации сопровождения и порядке обеспечения ссыльных в конце XIX в. При этом «сухое» описание позволяет читателю самому делать вывод об исторических обстоятельствах того времени и составлять свое собственное мнение о происходящем. Очевидно, что одних читателей привлечет информация о действиях государственных и властных структур, других – о быте и условиях содержания каторжан. При этом автору ретродетектива удается удержать интерес и поддержать внимание читателя к описываемым в книге событиям. Описание суровых климатических и географических условий осуществляется не только в нарративных пассажах, но и присутствует в диалогах между главными персонажами, включающими элементы разъяснения, ср:

> «Бар – это что за зверь? / Эх, ваше сухопутство… Бар – это поперечная песчаная подводная отмель. Ее намывает река при впадении в море. На мелководье сталкиваются две силы: течение реки и встречные морские волны. Жуть! Шлюпки переворачивает!» [Свечин 2017, с. 156].

Актуальным является вопрос, касающийся языковых средств, придающих **выразительность** как повествованию, так и диалогической речи в геопоэтических пассажах. Безусловно, выразительность формируется благодаря опоре на компонент ретро, но, прежде всего, отметим, что для его объективации в тексте используется **определенный лингвистический инструментарий**. Его применение мы наблюдаем во всех анализируемых нами ретродетективах.

Напомним, что **выразительность** – это сложная категория, основанная на традициях античной риторики, в основе которой лежат трактаты Аристотеля, прежде всего, его «Риторика. Поэтика» [Аристотель 2000]. Отметим также, что современные лингвисты вслед за Аристотелем выделяют политическую, юридическую, публичную и другие разновидности речи, однако принято считать, что любая коммуникация определяется прагматическими интенциями автора. Практические функции коммуникации, нацеленные на достижение

воздействие на реципиента, в обобщенном виде можно представить следующим образом: познавательная, обучающая, объяснительная, разъяснительная (ср. *лат*. docere); развлекательная, доставляющая удовольствие, услаждающая, привлекающая внимание (ср. *лат*. delectare); аффективная, вызывающая волнение, привлекающая внимание, побуждающая к действию (ср. *лат*. movere).

Лингвистическое толкование трех упомянутых латинских терминов дает толчок к выделению в институциональном дискурсе его дальнейших разновидностей, как это, например, можно выполнить, опираясь на *docere*, формирующем основу для выделения педагогического дискурса, *delectare*, позволяющем вычленить рекламный, маркетинговый, медийный, литературный и другие виды институционального дискурса; *movere*, стимулирующем изучение оценочного, неискреннего и иных разновидностей дискурса. Одновременно, несмотря на различное коммуникативно-прагматическое наполнение, все разновидности институционального дискурса нуждаются для их реализации в выполнении определенных лингвистически обусловленных действий, а именно: в выборе темы и поиске теоретико-практического материала (ср. *лат*. inventio); в систематизации эмпирического и теоретического материала (ср. *лат*. dispositio); в порождении текста (ср. *дат*. elocutio); в риторическом оформлении сообщения (ср. *лат*. ornatus) [Городникова, Гусейнова 2011, с. 17]. Иными словами, вербализация компонента **ретро** требует от автора произведения эмоциональных и интеллектуальных усилий. При этом эмоциональные усилия основаны на всестороннем наблюдении и «выхватывания» фрагмента действительности, в то время как интеллектуальные усилия предполагают вербальное оформление фрагмента действительности – **события** при помощи различных языковых средств.

Геопоэтика в ретродетективе может быть представлена в двух видах: а) как реальное географическое пространство, описанное в различных аутентичных источниках, отвечающих критерию достоверности; б) как вымышленное пространство, введенное автором ретродетектива для придания сюжету динамичности. Несмотря на то, что сообщение соотносится в первом случае с объективным изложением фактов, а в другом случае с необъективным описанием, тем не менее, в обоих случаях читатель сталкивается с необходимостью интерпретации фрагмента фиктивной или действительной реальности.

В свете вышесказанного любое пространство, представленное в ретродетективе, может быть проанализировано с учетом: а) специфики восприятия текста через призму родного языка и культуры; б) специфики индивидуального практического и жизненного опыта у читателя; в) специфики отношения автора к происходящему, т. е. его положительного или отрицательного восприятия героя, места, где происходит некое событие и др. Таким образом, пространство, как реальное, так и фиктивное «перегружено» эмоциональной информацией, которая оказывает на читателя воздействующую функцию – воспитательную или информационно-развлекательную. При этом читатель, погружаясь в фиктивный мир ретро, переживает чувство сопричастности к культурно-историческому прошлому. Результат подобного «погружения» – сформированное отношение к описываемому пространству.

Для достижения выразительности при реализации компонента ретро автору ретродетектива необходимо учитывать не только вышесказанное, но и **явно** проявить свое **отношение** к описываемому пространству.

В ретродетективе **отношение** автора к происходящему в геополитических условиях выражено преимущественно в культурно-исторических нарративных пассажах, в которых заключается оценка происходящего, например:

> «Император Наполеон III любил и баловал военных – наверное, еще никогда ни одно правительство так низко не льстило армии и ни одной европейской армии в современной истории не предоставлялось такой безудержной свободы действий, как французской после гражданской войны и восстановления монархии. Поэтому всевозможные военные парады и шествия проводились едва ли не ежедневно. По случаю великолепной погоды на Елисейских Полях оказалось весьма многолюдно – толпа, состоявшая по большей части из бездельников разного рода и возраста, студентов и домохозяек, выстроились вдоль домов, шумно приветствуя походящие войска» [Филатов 2016, с. 228].

Употребление оценочной лексики, в том числе *баловать, низко льстить, безудержная свобода, бездельник* и др., дает возможность автору ретродетектива не только заявить свое отношение к прошлому, но и побудить современного читателя к интеллектуальной обработке полученных сведений. Кроме того, использование многочисленных **отрицаний**, ср. *никогда ни одно правительство не льстило*, различных

преувеличений придают пассажу комическую нотку. Подчеркнем, еще один аспект данного пассажа: подобное ироническое описание характерно для произведений немецкого поэта Г. Гейне, прежде всего для его «Путевых картин. Часть первая. Путешествие по Гарцу» [Heine 2009]. Отсылка к Г. Гейне в данном случае нам представляется уместной, потому что Ф. И. Тютчев был лично знаком с великим немецким классиком и первым популяризовал его произведения в переводах в России.

Нередко в процессе диалога между действующими лицами, когда автор разделяет мысли, чувства и мировоззрение действующего лица, или обоих собеседников. Это наиболее иллюстративно демонстрируют диалоги, служащие выражению **геополитического дискурса**. Приведем конкретный пример:

> «Вот, смотрите… России всегда принадлежали равнины, простирающиеся на севере и на юге Кавказа. Мы овладели также и Владикавказским проходом, который перерезывает горы там, где они всего уже. На восток и на запад от этого прохода обитают разнообразные горцы, которые никогда и никому не были подчинены… Самыми многочисленными из этих народностей считаются черкесы, лезгины и чеченцы. Живут они в аулах, то есть в укрепленных селениях, вполне независимо друг от друга и часто враждуют между собой. Когда после военных поражений, нанесенных нашими войсками, персидский шах, глава шиитов, и турецкий султан, глава суннитов, окончательно отступились от кавказских народностей, все эти черкесы и лезгины, не приученные к мирной жизни, легко поддались увещеваниям местных религиозных фанатиков – мюридов, которые проповедуют соединение мусульманских племен различного толка для священной войны с неверными. И вот теперь их предводитель Шамиль уже второй десяток лет отбивается в горах от наших войск, нарушая спокойствие южной границы…» [Филатов 2016, с. 188].

Жанр данного пассажа напоминает **репортаж с места событий**, его тематика полностью коррелирует с новостными сюжетами, транслируемыми современными СМИ, в частности, на телевидении в государственных политических новостных программах. Таким образом, ретродетектив выступает связующим элементом между прошлым и настоящим, информируя читателя о глобальном политическом контексте, актуальном и в настоящее время. Преемственность достигается за счет использования ключевых слов, нередко встречающихся в

современных СМИ, в том числе *Кавказ, персидский, турецкий, шииты, сунниты, религиозные фанатики, Шамиль, граница* и др.

Отношение автора ретродетектива к культурно-историческому наследию, а также его **национально-ценностная ориентация** выражается также в активном поиске исторически достоверных фактов, релевантных для современной эпохи. Приведем два примера:

> «О России в последние годы говорили и спорили много – в особенности после Крымской войны она служила предметом пламенного тревожного любопытства, сделавшись одною из главнейших забот всех европейских политиков» [Филатов 2016, с. 290].

Другой пример:

> «Однако больше всего Запад в 1860-е годы тревожило стремительное восстановление военного и политического престижа Российской империи, потерпевшей, казалось, почти смертельное поражение в Крыму от объединенных сил англо-французской коалиции» [Филатов 2016, с. 290].

Примечательно, что если из приведенных выше примеров устранить компонент ретро, выраженный при помощи конкретных дат (*ср. 1860-е годы*) и точных наименований событий (ср. *Крымская война*), то представленная информация релевантна для современного мирового сообщества.

Обстоятельство, что приводимые нами конкретные примеры являются объемными, не случайно. Это объясняется тем, что пассажи построены автором детектива в виде **периодов** – однотипных придаточных предложений, содержащих ценностную составляющую высказывания, которая формируется в результате инференции – процедуры вывода знания из широкого контекста. Периоды необходимы для передачи философских размышлений, как автора, так и главных действующих лиц. В периодах представлены все типы моделей – временной, условный, определительный, однако предпочтение в ретродетективе отдается различным видам перечислений – асиндетонам, полисиндетонам и смешанному перечислению, фокусирующим внимание читателя на ключевых словах.

В заключение подчеркнем, что взаимопроникновение различных видов пространств в художественной литературе формирует основу

для множественности интерпретации, порождает основание для стирания временных границ или создания переходов из одного пространственного континуума в другой.

На наш взгляд, это стимулирует развитие тех литературных жанров, которые позволяют объединить в тексте прошлое и настоящее, прогнозируя, таким образом, будущее. В этом смысле особое значение приобретает компонент **ретро**, позволяющий конструировать геопоэтическое прошлое с учетом духовных и нравственных потребностей современного человека. При этом **ретро** в силу своей многоликости и способности принимать различные формы объективирует пространственные и временные характеристики прошлого, управляя тем самым будущим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000. 224 с.

Гордникова М. Д., Гусейнова И. А. Практикум по анализу и интерпретации текста. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 96 с.

Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: Между кодом и дискурсом. Харьков : Гуманитарный центр, 2014. 444 с.

Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности. автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. 52 с.

Свечин Н. Мертвый остров. М. : Издательство «Э», 2017. 352 с. (Детектив Российской империи).

Трускиновская Д. Деревянная грамота. СПб. : ООО Торгово-издательский дом «Амфора», 2016. 446 с.

Филатов Н. Последний выстрел камергера. СПб. : ООО «Торогово-издательский дом ‘Амфора’», 2016. 319 с. («Ретродетектив»).

Heine H. Die Harzreise. Hamburg: Hamburger Lesehefte Verlag, 2009. 80 S.

УДК 81’42

Е. Ф. Косиченко

доктор филологических наук, доцент;
заведующая каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА (на примере события «Убийство Цезаря»)

В статье на примере четырех исторических документов конца прошлой – начала нашей эры показано, что культурно значимое событие «Убийство Цезаря» по-разному конструируется в этих литературных источниках благодаря тому, что в фокусе внимания оказывается отдельный аспект события, который и выступает средством конструирования и интерпретации всего происшествия. При этом событие понимается как история, которая способна обретать новую жизнь в новом семиотическом контексте, а именно, в письменном памятнике, являющимся носителем культурной информации.

В статье историческое событие «Убийство Цезаря» рассматривается в четырех аспектах: 1) с позиции участника события – Децима Юния Брута Альбина (брата убийцы Цезаря Марка Юния Брута), который 17 марта 44 года до н. э., через день после убийства императора, написал письмо Бруту и Кассию, где призывал их искать пути спасения; 2) с позиции историка Веллея Патеркула, описавшего данное событие в своем труде «Римская история», делая особый акцент на благородстве Цезаря, который, по мнению автора, простил своих врагов и был готов скорее умереть, нежели думать о мести; 3) с точки зрения Плутарха, который вводит в фокус внимания предначертанность убийства, полагая, что судьба Цезаря была роковым образом предопределена; 4) на основе позиции Гая Светония Транквилла, который вписывает историю Цезаря в общий контекст произведения «Жизнь двенадцати Цезарей», созданного через 150 лет после рассматриваемого события и особо акцентирует готовность Цезаря принять смерть. Анализ данных текстов позволяет сделать вывод о том, что в документе, наиболее приближенном к событию, само убийство выводится из фокуса внимания, акцент делается на постсобытии, а именно, – на поиске путей решения возникших проблем; автор первого исторического описания концентрирует свое внимание на добродетелях Цезаря, очевидно пренебрегая фактором исторической объективности; в более поздних повествованиях Плутарха и Светония важными средствами конструирования события выступают отсылки к «авторитетным источникам», вербализуемые посредством вводных слов «рассказывают», «сообщают», что придает повествованиям данных авторов достоверность, несмотря на то, что и в этих текстах явно просматривается субъективное отношение авторов к самому событию.

В целом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что повествование о некотором событии в историческом памятнике неизменно связано с его конструированием, которое осуществляется посредством соответствующей расстановки акцентов. Как правило, для достижения желаемого эффекта акцентируются

некоторые аспекты пред- или постсобытия, что позволяет автору не только создать оригинальную историю, но также выразить свою собственную позицию.

Ключевые слова: событие; нарратив; культурный текст; структура текста; семиотический контекст.

E. F. Kosichenko

Doctor of Philology, Associate professor,
Head of the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: ekosichenko@gmail.com

EVENT AS CULTURAL TEXT CATEGORY
(an analysis of the cultural text 'Assassination of J. Caesar')

The article provides an analysis of four texts written within a century after the assassination of Julius Caesar. It is shown that the chosen perspectives of the narrative are created by placing a special focus on a certain aspect of the event, thus diminishing the importance of the other, no less important aspects. *Event* is defined as a story that becomes different in every new semiotic context, including a written document of cultural significance.

The historical event "Assassination of Caesar" is presented; 1) as it is referred to in the letter written to Brutus and Cassius on March, 14 – the day after the assassination – by Brutus' brother; 2) as it is constructed in 'History of Rome' by Velleius Paterculus, who stresses the generosity of Julius Caesar; 3) as it is viewed by Plutarch, who accentuated the role of fate and believed that the event was predestined; 4) as it is reproduced in 'The Twelve Caesars' by Gaius Suetonius Tranquillus, who believes that Caesar had long before reconciled himself to the coming death. It is pointed out that in the document following the assassination the focus is not on the event itself but on its consequences and on possible ways for the conspirators to escape revenge; the author of the first historical record focuses on the generosity of the Emperor, obviously ignoring any kind of objectivity; the essential feature of later narratives by Plutarch and Suetoniusis the usage of constructions that introduce reported speech, like 'it is said', "it is reported', thus making the interpretations of historical events look credible. However, despite the objectivity of linguistic form, the narratives of these authors are quite conspicuous for their subjectivity.

On the whole the analysis shows that a story about a certain historical event is never simply told, but is – in most cases – constructed and interpreted by means of placing the 'right' accents. As a rule it is the pre- and the post aspects of the event that are accentuated, which helps the author to create an original story and express his personal opinion.

Key words: event; narrative; cultural text; text structure; semiotic context.

В одной из своих работ В. З. Демьянков отмечает возможность двух подходов к понятию события – онтологического подхода, когда событие рассматривается как то, что существует самостоятельно, но

при этом описывается или характеризуется некоторыми высказываниями; и интерпретативного подхода, когда событие понимается как то, что создается интерпретацией текста или действительности [Демьянков 2004].

На возможность рассмотрения события в онтологическом и / или интерпретативном ключе имплицитно указывает также исследователь проблемы современных ценностей Ж. Бодрияр. Понимая событие в первую очередь как общественное явление, Ж. Бодрияр отмечает, что если раньше предназначение события заключалось в том, чтобы произойти, то в наше время оно заключается в том, чтобы быть произведенным, в результате чего в современном обществе происходят только недостоверные, маловероятные события [Бодрияр 2014].

Интерпретативный подход признано считать наследием постмодернизма, когда событие противопоставляется вещи или положению вещей и мыслится как явление, которое фиксируется и разрушается языком. О том, что язык описывает событие и одновременно способствует установлению его границ, говорит, в частности, один из теоретиков постмодернизма Ж. Делез, иллюстрируя данную идею на примере произведения Л. Кэррола «Алиса в стране чудес» [Делез 1998, с. 16–29]. Таким образом, событие – это и некоторый зафиксированный языком фрагмент знания о мире, и часть действительности, сконструированная при помощи языка.

Разграничение двух подходов к пониманию события представляется совершенно оправданным, при этом возникает вопрос о том, насколько к событию, описанному в некотором историческом литературном источнике, возможно подходить исключительно с позиций онтологии. Очевидно, что повествование, вписанное при помощи определенных языковых средств в некоторый семиотический контекст, например культуры, исторического памятника или литературного произведения, может быть заново созданным, а не просто зафиксированным. Это связано с тем, что собственно процесс адаптации события к конкретному семиотическому окружению осуществляется через выбор перспективы и через тщательный отбор языковых средств, что позволяет автору акцентировать в этом событии стороны, наиболее актуальные для данного контекста. Таким образом, мы полагаем, что оригинальная структура литературного памятника неизбежно приводит к конструированию исторического события, и степень

оригинальности его интерпретации зависит от того, какие элементы текста оказываются в центре внимания автора.

В этой связи целесообразно присоединиться к исследователям, отмечающим, что описание некоторого события предполагает создание нового сюжета, который «всегда “органически” связан с картиной мира, дающей масштабы того, что является событием, а что – его вариантом, не сообщающим нам ничего нового» [Лотман 2016, с. 224]; «сопровождается перераспределением внимания, в ходе которого часть события затемняется, а часть – выводится на первый план» [Ирисханова, 2014, с. 282]; при этом «на уровне текста фокусным событием может стать любой элемент сценария, в том числе измененный под влиянием культурной традиции [Карпенко 2016, с. 103].

Иными словами, повествование о некотором значимом событии неизбежно связано с его интерпретацией и предполагает такую расстановку акцентов в тексте, которая приемлема для данного семиотического окружения и не будет отторгнута им. В процессе создания нарратива на первый план выводится некоторый новый, ранее не акцентированный аспект, и таким образом создаются условия для узнавания и одновременно более глубокого познания описываемого события, в то время как уже известное либо уходит на второй план, либо вовсе выводится из фокуса внимания.

С учетом изложенного в статье событие понимается как двойственное явление: как то, что произошло в определенный период времени и имеет «привязку», в том числе языковую (текстовую) к этому времени, но вместе с тем способно адаптироваться к новым историческим условиям и получать в ином контексте оригинальную интерпретацию. Иначе говоря, *событие – это не любое происшествие, а такое, которое способно обретать еще одну жизнь в новом семиотическом контексте*. Событийность может при этом пониматься как абстрактная категория, предполагающая, во-первых, наличие одного события или ряда взаимосвязанных событий, во-вторых, некоторого семиотического контекста, благодаря которому один аспект события вводится в фокус внимания, а остальные, напротив, выводятся из него. В нашем случае под семиотическим контекстом понимаются литературно обработанные культурно-исторические памятники, структура которых задана культурой, с одной стороны, и личностным отношением автора к событию – с другой.

Далее обратимся к событию «убийство Юлия Цезаря», точнее, к культурным текстам, описывающим данный исторический факт, и на примере этих текстов установим особенности репрезентации (интерпретации) данного события, способствующие тому, что оно обретает новую жизнь в новом контексте. Еще раз подчеркнем, что культурным текстом в данном случае мы называем письменный памятник, являющийся носителем культурной информации.

1. Внутри события: Что делать?

Первым историческим документом, где речь идет об убийстве Цезаря, является найденное среди писем Цицерона послание, адресованное заговорщикам – Бруту и Кассию и написанное братом Брута 17 марта 44 г. до н. э., т. е. через два дня после трагедии. Автор письма выражает опасения относительно своей судьбы и судьбы своих сотоварищей, и призывает их присоединиться к Сексту Помпею и Басса Цецилию, которые, с «получением *этого известия насчет Цезаря* станут более крепкими» [Цицерон 1951]. Примечательно, что само событие не названо в письме, отсылка к нему дается при помощи эвфемизма *этого известия насчет Цезаря*. Можно предположить, что, являясь одним из участников данного события и человеком, переживавшим на тот момент его последствия, автор письма счел неуместным говорить о происшествии прямо, считая тему опасной (отсюда использование эвфемизма) или полагая более важным для себя и двух других заговорщиков поиск путей спасения.

Таким образом, несмотря на то, что письмо стало непосредственным результатом исторического события «убийство Цезаря», собственно происшествие выводится из фокуса внимания автора сообщения, уступая место более насущной для двух братьев Брутов и Кассия проблеме спасения. Данная структура письма задает перспективу всего события таким образом, что область постсобытия расширяется и выступает средством интерпретации самого события.

2. По следам события: Он римлянин был самый благородный?

Наиболее близкий к событию «Убийство Цезаря» историк Веллей Патеркул в своем труде «Римская история» описывает данное событие весьма фрагментарно, не уделяя ему большего внимания, чем

другим фактам римской истории. Несмотря на то, что в книге В. Патеркула присутствуют отдельные нарушения хронологической последовательности событий, а также встречаются авторские комментарии в адрес исторических лиц, по своей структуре книга представляет собой скорее исторический справочник, нежели литературное произведение. Данный формат книги, однако, не мешает ее автору предложить оригинальную интерпретацию рассматриваемого нами события, в контексте которой Цезарь предстает как благородный человек, простивший всех и готовившийся встретить смерть:

> Цезарь, вернувшись в Рим победителем, ***простил*** – во что трудно поверить – ***всех***, ***кто поднял против него оружие*** <....>. Он вернулся в Рим в октябре, а в мартовские иды был убит в результате заговора, зачинщиками которого были Брут и Кассий, одного из которых он не привлек к себе обещанием консулата. Кассия же, напротив, оскорбил его отсрочкой; среди же присоединившихся к заговорщикам были все самые близкие друзья, вознесенные судьбою партии Цезаря на самые высокие должности [Патеркул 1985, LVI].

> События подтвердили правоту советов Пансы и Гирция, постоянно предупреждавших Цезаря, что принципат, приобретенный оружием, нужно и удерживать оружием. Повторяя, что ***он предпочитает умереть, нежели внушать страх***, Цезарь ожидал милосердия, которое проявлял сам [Патеркул 1985, LVII].

Свое личное отношение к убийцам Цезаря Веллей Патеркул выражает следующими словами:

> ***Вместе с шайкой заговорщиков***, сопровождаемые отрядом гладиаторов Д. Брута, они заняли Капитолий. Тогда консул Антоний созвал сенат (Кассий до того решил убить Антония и одновременно уничтожить завещание Цезаря, но Брут воспротивился, утверждая, что гражданам не нужно больше ничьей крови, кроме крови тирана, – ***так ему было угодно называть Цезаря, чтобы оправдать свои действия***) … [Патеркул 1985, LVIII].

> Это было еще в то время, когда ***Цицерон, верный помпеянской партии***, полагал, что Цезарь достоин похвалы и вознесения, ***говоря одно, но желая, чтобы подразумевалось другое*** [Патеркул 1985, LXII].

Очевидно, что часто прямолинейные и субъективные авторские замечания способствуют созданию особой атмосферы книги и таким

образом по-новому конструируют событие. В этом контексте интерес представляет также предложенная в книге версия кончины заговорщиков:

> Тогда Цезарь и Антоний перебросили свои войска в Македонию и у города Филиппы встретились в открытом бою с Брутом и Кассием. <…>. Кассий … приказал ветерану разведать, какова численность и сила войска, устремившегося ему навстречу. Ветеран запоздал, и, когда войско приблизилось (а из-за пыли нельзя было рассмотреть ни лиц, ни знамен), ***Кассий решил, что это прорвались враги, закутал голову плащом и бестрепетно подставил ее вольноотпущеннику***. Голова Кассия упала <…>. Спустя несколько дней Брут столкнулся с врагами и, потерпев поражение, в ночь после бегства поднялся на холм и обратился с мольбой к своему другу Стратону из Эг, чтобы тот помог идущему на смерть. Закинув за голову левую руку, ***он правой придвинул острие его меча к груди***, к тому месту, где бьется сердце, толкнул его и тут же, пронзив себя одним ударом, испустил дух [Патеркул 1985, LXX].

Таким образом, несмотря на вполне нейтральную стилистику повествования Патеркула, способствующую созданию эффекта объективности и достоверности, окказиональные употребления оценочной лексики, а также представление кончины Брута и Кассия как мистического происшествия говорят о том, что историку, равно как и литератору, сложно оставаться в рамках описания события, избегая его конструирования в создаваемом тексте. Однако, чем больше отдалялось событие «Убийство Цезаря», тем более оригинальными становились авторские нарративы и тем более неожиданные аспекты освещались в исторических трудах.

3. Первый нарратив о событии: от судьбы не уйдешь?

Исторические нарративы об убийстве Цезаря появились несколько позднее, в частности в труде Плутарха, родившегося через два года после данного события и строившего свою летопись «Сравнительные жизнеописания» на свидетельствах очевидцев. Подробно освещая годы правления Цезаря, Плутарх выстраивает оригинальную сюжетную линию, где важное место отводится причинам недовольства римлян своим правителем, описаниям того, как Кассий подстрекал Брута к покушению, спекуляциям на тему подозрений Цезаря, который спрашивал своих друзей:

«Как вы думаете чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность» [Плутарх: 62 (4)].

В строфе 66 (1) подробно описаны прибытие Цезаря в Сенат, сцена обращения заговорщиков к императору с просьбой помиловать изгнанного брата Туллия, отказ Цезаря и жестокая расправа над ним. Далее следует эпизод обращения Брута к народу на следующий день после убийства и негодование народа в адрес заговорщиков. Заканчивается данное повествование рассказом о навязчивых видениях Брута и его кончине.

Несмотря на то, что по своей структурной организации и стилистике история Цезаря в изложении Плутарха представляет собой не столько исторический трактат, сколько роман-триллер, в тексте широко используются фразы, предающие повествованию достоверность. Например, слово «рассказ» и его производные используются в тексте 17 раз, фраза «как сообщают» – 12 раз:

Как пример его умеренности в пище приводят следующий ***рассказ*** [Плутарх, строфа 17, строка 5].

Многие ***рассказывают*** также, что какой-то гадатель предсказал Цезарю, что в тот день месяца марта, который римляне называют идами, ему следует остерегаться большой опасности [Плутарх, строфа 63, строка 3].

Рассказывают, что этот человек менее всех полководцев нуждался в сне и от природы был способен бодрствовать наибольшее количество времени [Плутарх, строфа 69, строка 5].

Цезарь, ***как сообщают***, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование [Плутарх, строфа 3, строка 2].

Среди многих чудесных знамений, предвещавших победу Цезаря, как о самом замечательном ***сообщают*** о знамении в городе Траллах. В храме Победы стояло изображение Цезаря. Земля вокруг статуи была от природы бесплодна и к тому же замощена камнем, и на ней-то, ***как сообщают***, у самого цоколя выросла пальма [Плутарх, строфа 47, строки 1, 2].

Важное место в тексте Плутарха отводится предсказаниям о смерти Цезаря, недобрым знакам и вещему сну Кальпурнии:

> Но, по-видимому, то, ***что назначено судьбой***, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым. И в этом случае были явлены, ***как сообщают***, ***удивительные знамения и видения*** [Плутарх, строфа 63, строка 1].

Заканчивается повествование не смертью Цезаря, а рассказом о смерти главных заговорщиков, основанном, по утверждению автора, на свидетельствах очевидцев. Примечательно, что, в отличие от В. Патеркула, который пишет, что Кассий закутал голову плащом и бестрепетно подставил ее вольноотпущеннику, Плутарх делает акцент на «удивительной» судьбе Кассия, который сам себя заколол:

> ***Из всех случайностей человеческой жизни*** самая удивительная выпала на долю Кассия. Потерпев поражение при Филиппах, он покончил с собой, заколовшись тем самым коротким мечом, которым убил Цезаря [Плутарх, строфа 69, строка 3].

Что касается судьбы Брута, то Плутарх также выдвигает версию самоубийства Брута, но в иных обстоятельствах:

> Когда Брут задумал дать второе сражение, ночью к нему явился призрак; он ничего не сказал Бруту, но ***Брут понял, что судьба его решена,*** и бросился навстречу опасности. Однако он не пал в сражении; во время бегства своей армии он, как сообщают, подялся на какой-то обрыв и, бросившись обнаженной грудью на меч, который подставил ему кто-то из друзей, скончался [Плутарх, строфа 69, строки 13–14].
>
> ***Из сверхъестественных же явлений самым замечательным было появление великой кометы***, которая ярко засияла спустя семь ночей после убийства Цезаря и затем исчезла, а также ослабление солнечного света [Плутарх, строфа 69, строка 4].

Таким образом, в историческом по своей задумке нарративе Плутарха о жизни и смерти Цезаря акцент делается на предистории главного события – предсказаниях и знамениях, а также на мистических событиях, последовавших за смертью Цезаря, благодаря чему создается оригинальная интерпретация самого события, основанная на идее о предначертанности всех событий. Такая фокусировка, в сочетании с весьма кратким и сухим изложением главного события, придает тексту интригу, способствует созданию атмосферы напряженности и мистицизма.

4. Через 150 лет после события: Suae quisque fortunae faber est?

И, наконец, обратимся к труду Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати Цезарей», написанному через 150 лет после рассматриваемого события. Как и Плутарх, Светоний пользуется оборотами «рассказывают» и «сообщают», но не в безличных предложениях, а с отсылкой к конкретному источнику информации, что обусловлено невозможностью для него опираться на рассказы современников Цезаря:

> ***Это тем правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает,*** как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: «Они сами этого хотели! Меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!» [Светоний, строфа 29, строка 3].
>
> ***Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают***, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном [Светоний, строфа 9].

В отличие от Плутарха, который особо подчеркивает, что кончине Цезаря предшествовали различные знамения, и поэтому убийство было неотвратимым, Светоний не уделяет собственно событию «Убийство Цезаря» должного внимания, но, тем не менее, предлагает свою интерпретацию гибели императора, концентрируя внимание на том, что в последние годы император слишком пренебрегал грозящей ему опасностью, подсознательно желая себе смерти:

> У некоторых друзей осталось подозрение, что ***Цезарь сам не хотел дольше жить***, а оттого и не заботился о слабеющем здоровье и пренебрегал предостережениями знамений и советами друзей. Иные думают, что он полагался на последнее постановление и клятву сената и после этого ***даже отказался от сопровождавшей его охраны из испанцев с мечами***: (2) другие, напротив, полагают, что он ***предпочитал один раз встретиться с грозящим отовсюду коварством, чем в вечной тревоге его избегать*** [Светоний, строфа 86]. Как бы то ни было, в одном согласны почти все: ***именно такого рода смерть была ему почти желанна*** [Светоний, строфа 87]. Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричтен к богам, не только словами указов, но и убеждением толпы [Светоний, строфа 88].

Что касается судеб Брута и Кассия, то здесь автор крайне лаконичен:

> Из его убийц почти никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и все погибли по-разному: кто в кораблекрушении, кто в битве. ***А некоторые поразили сами себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря*** [Светоний, строфа 89].

Тот факт, что Светоний не останавливается подробно на событии «Убийство Цезаря», соответствует общей структуре книги «Жизнь двенадцати Цезарей», где истории каждого императора уделяется равное внимание. Эффект правдивости и объективности суждений достигается главным образом за счет отсылок к современникам императора. Однако и Светонию не удается полностью оставаться в рамках описания события, поскольку спекуляции историка на тему о том, что смерть была желанна Цезарю, задают параметры интерпретации (конструирования) всего события.

Проведенный анализ показывает, что авторы четырех исторических источников, в которых дается отсылка к событию «Убийство Цезаря», не только по-разному описывают данное историческое происшествие, выбирая для этого оригинальные языковые средства, но также вводят в фокус внимания разные его аспекты, тем самым каждый раз иначе конструируя само событие. Подчеркнем, что три из четырех авторов – Децим Брут, Веллей Патеркул и Гай Светоний Транквилл – практически полностью игнорируют главное событие и фокусируются либо на постсобытии, либо на предсобытии. Плутарх выводит на первый план одновременно предсобытие и постсобытие, при этом, пусть и весьма лаконично, обращается также к самому убийству. Более широкий контекст в труде Плутарха, с одной стороны, дает более полную картину происшествия, с другой – оставляет больше места для авторского вымысла. По сути именно широкий охват добавляет тексту Плутарха драматизма, способствуя созданию стилистического (поэтического) эффекта и позволяя автору не только по-своему интерпретировать известное событие, но и конструировать оригинальную реальность.

Таким образом, презентация некоторого культурного события в исторических памятниках подразумевает его конструирование, которое осуществляется, главным образом, посредством введения в фокус

внимания предсобытия или постсобытия. Это означает, что даже если само культурное событие подлежит дефокусированию, акценты на пост- и / или предсобытии способствуют воссозданию главного события в новом ракурсе, который задан как общим социокультурным контекстом, так и структурой конкретного исторического труда. Важно, что, чем сильнее акцентируются пред- и постсобытия, т. е. чем более детально и развернуто они описываются, тем более поэтическим и менее исторически достоверным является культурный источник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрияр Ж. Судьбоносные события. Библиотека электронной литературы. 2014. URL : litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bodrijyar-zhan/prozrachnostj-zla/6

Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.

Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. Ч. 2 / отв. ред. М. Н. Володина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 68–83.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Карпенко Е. И. Имя и событие [Электронный ресурс] // События в коммуникации и когнициа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 7 (746). С. 96–104. (Языкознание) . URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/746-7n.pdf].

Лотман Ю. Структура художественного текста // Проблема сюжета. М. : Азбука, 2016. 704 с.

Патеркул В. Римская история / ред.: А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 211 с. URL : ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1425002000

Плутарх А. Цезарь // Сравнительные жизнеописания : в 2 т. М. : Наука, 1994. 2-е изд., испр. и доп. URL : ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1439003400

Светоний Т. Жизнь двенадцати Цезарей. URL : rubook.org/book.php?book=345962

Цицерон М. Т. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III. Годы 46–43 / пер. и комм. В. О. Горенштейна. М.–Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1951. URL : ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1345960702

УДК 008

Ю. А. Сухарев

профессор, доктор философских наук;
профессор каф. философских наук института гуманитарных
и прикладных наук МГЛУ; e-mail: y.a.sukharev@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО «МИРОУСТРОЙСТВА» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассмотрены основные категории и социальные модели мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, одного из ведущих представителей современного обществознания. Показана их связь с глобальными трансформациями в индивидуальном и общественном сознании, в межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных отношениях. Раскрыты различные варианты дальнейшего развития мир-системы с учетом социокультурной динамики ее организационной структуры и необходимости выбора как перспектив модернизации, так и очевидно назревших радикальных изменений глобального миропорядка.

Ключевые слова: мир-системный анализ; глобальные культурные трансформации; ядро; периферия и полупериферия как полюсы современного мироустройства.

Yu. A. Sukharev

Professor, Doctor of Philosophy,
Professor at the Department of Philosophy,
Faculty of the Humanities, MSLU; e-mail: y.a.sukharev@gmail.com

PERSPECTIVES OF THE MODERN WORLD ORDER IN THE CONTEXT OF GLOBAL CULTURAL TRANSFORMATIONS

The article discusses the main categories and social models of world-system analysis of Immanuel Wallerstein, one of the leading representatives of modern social studies. Their connection with global transformations in individual and public consciousness, in interethnic, interfaith and interstate relations is shown. Various options for the further development of the world system are disclosed, taking into account the sociocultural dynamics and the need to choose both the prospects for modernization, as well as urgent radical changes in the global world order.

Key words: world-system analysis; global cultural transformations; core, periphery and semi-periphery as poles of the modern world order.

Осознание глобальных трансформаций, происходящих в последние десятилетия в социокультурном пространстве идет в нескольких направлениях. В рамках глобалистики анализируются специфические проблемы, которые приобрели статус всеобщих изменений в окружающей среде, мировом климате, народонаселении, мировых

экономических рынках, массовых коммуникациях и т. д. К этому направлению можно отнести использование понятия «глобальная культура» при анализе влияния глобальных изменений на культурную регуляцию отдельных стран и регионов в теской связи с текущими вопросами геополитики и современного состояния международных отношений. В рамках второго направления «мироведения» или «мир-системности» анализируется целостность мира как некая общность – системная, структурная, динамичная, полисистемная, социальная, экономическая, геополитическая, культурная и т. д. Соответственно, вопросы культуры здесь могут быть представлены как проблемы культуры той или иной мир-система, находящейся на определенном этапе развития.

Как известно, основу как глобалистики, так и мир-системного подхода, составляет идея всеобщей взаимозависимости. Но в отличие от глобалистики мир-системный подход включает также идею «мирового пространства», в конкретных случаях – экономического, политического, культурного пространства и т. д. А это автоматически предполагает, что, как и любое пространство, «мировое пространство» должно быть определенным образом структурировано.

Таким образом, проблематика культуры и культурных трансформаций в контексте глобальных изменений может быть рассмотрена в двух аспектах: как специфический тип культуры – «глобальная культура», и как культура конкретной мир-системы со всеми ее атрибутами и характеристиками. В данной статье предметом анализа будет культура и культурные трансформации мир-системных образований.

В мир-системных представлениях культурная проблематика может рассматриваться также в двух аспектах. Во-первых, мир в целом предстает как цивилизационная общность при доминанте одной цивилизации или как взаимодействие ряда разнородных цивилизаций и культур. Более полно до сих пор были представлены концепции «локальных цивилизаций». В последнее время усиливается интерес и к общему цивилизационному видению, оптимальному межцивилизационному взаимодействию и синтезу. Во-вторых, приоритетное значение приобретает общая характеристика, прежде всего, экономическая – текущего состояния мир-системы, где вопросы культуры занимают подчиненное место. Но хотя культура как бы отодвинута на второй план в рамках данного подхода, общий акцент на документальность,

фактологичность и разработку сценариев будущего развития придает анализу культурных трансформаций мир-системы конкретный, комплексный и в то же время реальный характер. В работах И. Валлерстайна анализ культурной проблематики в связи с будущим развитием западной мир-системы представлен наиболее полно.

И. Валлерстайн активно использовал в своих работах понятие «геокультура», которому он придает значение, сближающее его с понятием «глобальная культура». Культура понимается Валлерстайном в традиционном антропологическом смысле как система регулирующих ценностей, норм и правил. Значимость его подхода в отличие от сторонников концепции глобальной культуры он выводит перспективы геокультуры не из узко культурологического контекста, а из гораздо более широкого мир – системного анализа. Такое тесное увязывание культурных, политических и экономических перспектив позволяет оценить подход Валлерстайна как более прагматичный и целесообразный. Конечно, анализ Валлерстайна, как и всякое конкретное исследование, вызывает много вопросов, в частности, в том, что его общий мир – системный подход игнорирует специфику различных типов цивилизаций, взаимодействие культур [Ерасов 1997]. Но проработка сценариев мирового развития, и в этой связи геополитическая оценка перспектив культурных трансформаций в различных регионах делает рассмотрение взглядов И. Валлерстайна важным элементом современного научного культурологического анализа.

Дело в том, что И. Валлерстайн создал принципиально новый объект исследования, базовая единица анализа которой – «мир в целом», «мир–как–система», «мир-система». Именно мир, а не цивилизация, государство, рынок или гражданское общество. Мир-системный анализ конституируется в рамках качественно принципиально иного объекта, чем существующие социальные дисциплины. Поэтому мир-системный анализ – это не социология, не экономическая теория, не политическая наука, а мир-системный анализ. Его принципы по сути отрицают традиционное деление науки об обществе на экономику, социологию, политологию. Это разделение является, по мнению И. Валлерстайна, наследием XIX в, которое необходимо преодолеть и переосмыслить заново [Ерасов 1997; Фурсов 1992; Мир-системный анализ: интерпретации… 1992; Чешков 1997].

Валлерстайн обосновал и ввел принципиально новую базовую структурную единицу социального анализа – «историческую систему». Предложенный им категориальный аппарат отражает пространственно-временную целостность, которая позволяет наиболее адекватно выразить динамические аспекты современной реальности. Решающую роль в «исторической системе» играют интегрированные процессы производства, первичные по отношению к обмену, политическим отношениям, культурному единству и т. д.

Капиталистическая мировая экономика, родившаяся в XVI в., представляет собой такую историческую систему, в основе которой лежит стремление к накоплению капитала и постепенная поляризация классов (буржуазия – пролетариат) и регионов (центр – периферия). Развитие капиталистической мировой экономики включало создание всех основных институтов современного мира в том виде, в каком они присутствуют в нем в настоящее время: классов, стратов, этносов, семьи и государства. Все эти структуры не предшествовали капитализму, а созданы им и способствовали его развитию.

Валлерстайн выделяет три типа исторических систем: мини-системы (небольшие целостности, существующие относительно короткое время – не дольше жизни шести поколений); мир-империи (крупные политические структуры) и мир-экономики (обширные и неравномерные цепи интегрированных структур, основная логика развития которых заключается в неравномерности распределения продукта в пользу тех, кто сумел достичь того или иного типа монополии в рыночных сетях – это «капиталистическая» логика). С 8000 г. до н. э. до 1500 г. н. э. на планете сосуществовали все три типа, при этом мир-империи постоянно подрывали и разрушали мир-экономики. В целом, по Валлерстайну, предшествующая эволюция «мир-систем» шла в направлении усиления позиций экономических «мир-систем» [Wallerstain 1980].

И. Валлерстайн отделяет современную мир-систему от других мир-систем, которые существовали в двух структурных вариантах: мир-империи и мир-экономики. Если интерпретировать мир-империи и мир-экономики в современных терминах, то следует особо выделять доминирующую политическую власть в мир-империях, и доминанту экономической власти в мир-экономиках. Согласно Валлерстайну, до 1500 г. политическая власть в лице мир-империй всегда оказывалась победителем над экономической властью в лице мир-экономик.

Однако около 1500 г. произошло нечто странное, не получившее до сих пор удовлетворительного объяснения: соотношение сил мир-империй и мир-экономик изменилось; точнее, одна мир-экономика, включающая часть Европы, оказалась менее хрупкой, чем другие, выжила и стала каркасом для развития капиталистического способа производства, который может существовать только в форме мир-экономики. Возникнув и упрочившись, капиталистическая мир-экономика стала расширяться, поглощающая окружавшие ее мир-империи (Российскую, Османскую, Монгольскую, Цинскую) и мини-системы. В XIX в. она охватила земной шар, и впервые в истории стала существовать только одна историческая система, что создало качественно новую структурную и стратегическую ситуацию.

В этой связи возникает важный вопрос – что объясняет экспансию нынешней исторической системы и как долго еще она будет продолжаться? С точки зрения Валлерстайна, постоянная экспансия капиталистической мир-системы есть функция целенаправленного накопления капитала. Эта динамика реализуется в основном следующим образом. Во-первых, экспансия в пространстве как следствие процесса накопления капитала специфическим образом создает поле изъятия излишков каждый раз, когда оно сокращается в глобальном масштабе с тем, чтобы вывести мир-экономику из спада посредством расширения мирового спроса. Происходит это путем частичного перераспределения продуктов в секторы с низким доходом. Процесс географической экспансии служит средством включения в капиталистическую мир-систему новых групп непосредственных производителей, получающих низкую плату за свой труд. Это увеличивает долю продукта, оказывающегося в руках небольшого числа относительно «крупных накоплений капитала». Однако к настоящему времени практически не осталось значительных групп профессионально подготовленного населения, не включенных в современную мир-систему.

Другая угроза экспансии капиталистической мир-экономики идет от среднего класса. Численность среднего класса, представляющего собой фундамент стабильности политических систем Запада, увеличилась в последние десятилетия как абсолютно, так и относительно. Общей ценой этого расширения стало увеличение издержек производства, инфляция, ограничение накопления капиталов. Нынешняя фаза экономического развития постоянно порождает тревоги

относительно конкурентоспособности и финансового кризиса государства. С наступлением фазы новой экономической турбулентности эта тревога не уменьшалась, а увеличивалась. К этому приводит обострение соперничества, характерное для периода упадка гегемонии однополярного мира. В связи с этим следует ожидать постоянных усилий государства и капитала по сокращению – абсолютному и относительному – численности среднего класса. Уже сейчас политика сокращения государственного бюджета начинает угрожать большей части этого класса. Политические последствия сокращения среднего класса, как предсказывает Валлерстайн, будут очень тяжелыми.

Одна из особенностей новых средних классов заключается в том, что у них значительно меньше реальных возможностей для аристократизации, чем у «классической» буржуазии. Они не могут перевести нынешний доход (прибыль) в будущий доход (ренту). Они, как правило, не могут обеспечить то будущее, на которое могут прожить их дети. Поэтому не только они живут в настоящем, но и их детям и детям их детей суждено жить только в настоящем. Вот в чем суть настоящей буржуазификации, а именно – в прекращении возможности создавать будущее в прошлом, обреченности жить в настоящем. Здесь намечается параллель с пролетаризацией. Пролетарий живет тем, что он зарабатывает в настоящее время, у него нет средств от прошлого. «Новые буржуа» находятся в аналогичном положении. Они не контролируют капитал (их буржуазность – по линии потребления, стиля жизни), они живут тем, что зарабатывают в настоящем. Но новые средние классы живут гораздо лучше, чем пролетариат.

У новых буржуа есть то, чего нет у пролетариев, – человеческий капитал (human capital). Человеческий капитал приобретается в высших учебных заведениях, чья главная функция – готовить людей к тому, чтобы они стали членами существующих средних классов. Современная система образования занимается не формированием человеческого капитала, а выполняет функцию социализации и фильтрации для тех, кто должен стать в будущем новым средним классом. Единственная вещь, которую этот класс может предложить и передать своим детям, – это привилегированный доступ к лучшим институтам образования. Неудивительно, что в этой связи ключевой зоной политической борьбы становятся правила «образовательной игры». И сегодня, по мысли Валлерстайна, драматизм ситуации заключается

в том, что необходимо абсолютное и относительное сокращение этих новых буржуа – среднего класса. Поскольку именно только таким путем возможно обеспечить основную функцию капиталистический мир-системы – приращение капитала. Все иные способы к настоящему времени практически уже исчерпаны.

Напряженность в современный мир-системе возникает и в силу значительных особенностей ее организационной структуры. Капиталистическая мир-экономика как целостная глобальная единица разделения труда характеризуется И. Валлерстайном различными вариантами развития, которые можно свести в три зональных потока: «ядро», «периферия» и «полу-периферия». При этом центры экономической активности со временем меняются – в результате их экологического истощения, развития технологии, климатических изменений и т. д. Поэтому одни районы прогрессируют, другие регрессируют. Однако тот факт, что отдельное государство перемещается из «полупериферии» в «ядро» или наоборот не меняет природу капиталистической мир-экономики с характерной для нее поляризацией ядра и периферии [Wallerstain 1979]. В то же время конкретный облик капиталистической мир-экономики от этого меняется. Чаще всего это происходит на полупериферии и особенно в ситуациях упадка гегемонии и обострения соперничества. Полупериферийные страны играют особую роль в капиталистической мир-экономике. Частично они выступают как периферии для стран ядра, частично – как ядро для стран периферии.

Итак, организационная структура представлена тремя слоями (или уровнями). Верхний уровень (ядро) – это государства, постоянно присваивающие огромную долю мировой прибыли. Государства низшего слоя (периферия) получают такой объем благ, который в лучшем случае покрывает долгосрочные затраты участия в мировом разделении труда. Государства, расположенные на среднем уровне (полупериферия), присваивают пропорциональную долю мировой прибыли, превышающую долгосрочные затраты участия в капиталистической мир-экономике, но меньшую, чем в ядре. Данные определения носят не количественный характер, а качественный. Они во многом параллельны известным понятиям «олигархического» и «демократического» богатства. Поэтому государствам верхнего слоя довольно легко обеспечить сохранение своего положения; государствам низшего слоя

крайне трудно подняться наверх; «среднеслойные» государства могут противостоять периферизации, но не могут обеспечить себе место в ядре. Такова общая структура динамики капиталистической мир-системы.

Анализ эмпирических данных относительно динамики «ядра/периферии» привел И. Валлерстайна к следующим выводам:

1. Разрыв между ядром и периферией, измеряемый в ВНП на душу населения, за период 1938–1983 гг. увеличивался; при этом самое резкое увеличение произошло в середине 1960-х годов; ядро и периферия испытывали быстрый рост в 1938–1948 гг., медленный рост – в 1950–1960 и нулевой рост в 1960–1965 гг. Во все отрезки темпы роста обеих зон были идентичны. После 1965 г. ядро постепенно набирает скорость, а периферийный – стагнирует;

2. Относительный размер периферийной зоны увеличился; если в 1938 г. она была больше ядра и 3–4 раза, то в 1960–1970 гг. – в 7–9 раз.

Главным событием, повлиявшим на эти сдвиги, стало установление в последнем десятилетии абсолютной гегемонии США, которое революционизировало отношения «ядро – периферия» и установило новый уровень и «качество ядра». На какое-то время США (государство и капитал) получили «действительно эффективное орудие конкуренции». Пресс конкуренции резко перемещался из одной сферы в другую. В результате, почти везде произошел сдвиг вниз, по направлению к периферии. Органичные члены ядра – Германия и Великобритания – оказались отодвинутыми к самой границе ядра; Франция и Бельгия, находившиеся вблизи границы, на какое-то время были вообще вытолкнуты на полупериферию. В 1950–1960-е гг. четыре указанные государства начали активно конкурировать с полупериферийными странами за доступ к технологии и технике, за обеспечение новых форм организации производства, «ноу-хау» и т. д. Средством конкуренции стало предоставление дешевой рабочей силы. Только два традиционные государства ядра прошли проверку на соответствие американскому уровню ядра – Канада (структурный элемент американской экономики) и Швеция.

Установление гегемонии США, как и любой стратегический блок, изменило правила мировой конкуренции. Оно заставило страны ядра играть полупериферийные роли. В той степени, в какой зона ядра стала менее «населенной», полупериферия расширилась и стала зоной

наиболее интенсивных конкурентных процессов. Последние, распространяясь сверху вниз, в свою очередь, начали подталкивать полупериферийные страны к границе их зоны или даже выталкивать за ее пределы, на периферию.

Однако сам факт перемещения из ядра на полупериферию (и наоборот) в результате шокового воздействия технологических изменений не превращает автоматически данное государство в органичного члена зоны. Это происходит только тогда, когда экономические институты длительное время осуществляют данную комбинацию ядрово-периферийной (или ядерной) деятельности. Поэтому-то все государства ядра, оказавшиеся в 1950–1960-х гг. на полупериферийных ролях, смогли в 1970-е гг. вернуться в ядро. Как только это произошло, конкурентные прессы в низших слоях отчасти ослабли, и тогда возникла тенденция к мобильности вверх, которой и воспользовались страны Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур).

Современная мир-система, которая сложилась с 1996 г., имеет один принципиально новый момент – абсолютное, явное и тотальное доминирование США на финансовых рынках мира. По сути дела, США осуществляют с конца 1990-х гг. настоящую и полную монополию в сфере финансов и не только по оси стран «ядро – периферия», но и внутри самого ядра среди наиболее развитых стран. Тем самым, следуя логике Валлерстайна, мы можем утверждать, что в области мировых финансов сложился олигархический тип власти, который в принципе дает абсолютные преимущества (и соответственно, максимальную прибыль) американскому доллару.

Переход указанной конкуренции с производственного уровня на уровень финансов во многом отражает ограниченность мировой экологической базы. Развитие капиталистической мир-системы во многом достигло своего предела и это проявляется прежде всего в экологии. Финансовая сфера – своего рода «последний бастион» крайне обострившейся борьбы между всеми зонами и внутри зон современной мир-системы.

Итак, перед нами картина усиления напряжения во всех механизмах, воплощающих противоречия капиталистической мир-системы. Согласно Валлерстайну, современный мир вступает в период самой острой конкуренции, которая будет усиливаться двумя факторами: 1) постепенное падение гегемонии США; 2) сокращение мировой

резервной армии труда, способной снизить норму накопления. Поляризация мира и дальше будет усугубляться; в условиях соперничества за гегемонию это означает наступление эпохи массовых локальных, региональных и мировых беспорядков, смутных времен, которые будут значительно менее структурированы и менее сдерживаемы, чем конфликты эпохи предшествующих войн периода 1914–1945 гг.

Самый сильный удар из полученных до сих пор капитализмом, – это крах, по словам Валлерстайна, советской модели полупериферийного развития. Он обозначал конец веры в возможность революционно-реформистского развития «одного, отдельно взятого государства» (или их группы); развития, позволяющего прийти в ядро иным, чем эволюционно-капиталистический, путем. Теперь бывшие коммунистические страны реинтегрируются в капиталистическую мир-экономику в прежнем качестве «не-ядра». Причем нынешний распад государственных структур в Восточной Европе и в бывшем СССР не сопровождается оптимистичным и стабилизирующим эффектом национального развития и сопутствующих позитивных иллюзий, характерных для мир-системы после 1918 г. и после 1945 г.

Крайне важно то, что нынешний кризис режимов полупериферии вполне возможно приведет к тому, что они станут благодатной почвой для нового вида крайних этнических националистических режимов, хотя и более или менее парламентских – в зависимости от внешних обстоятельств. Не имея возможности ни удовлетворить, ни подавить требования обеспечения демократии и нормального уровня жизни, все большее число таких режимов будет испытывать соблазн выйти из сложившегося политического тупика путем селективного удовлетворения этих требований – на основе расовой, этнической и религиозной дискриминации других граждан. Пример такого подъема этнонационализма (или этнизма) из недр авторитарного режима, подала, по словам Валлерстайна, – Югославия. Можно добавить сюда современную Украину

Этот неприемлемый вариант решения кризиса легитимности полупериферийных стран имеет свои противоречия и ограничения. По истечении определенного времени этнонационализм породит такие контрдвижения, которые станут подрывать существующую базу власти и вырабатывать столь сильный потенциал ненависти, что уже нельзя будет вообще контролировать. С другой стороны, эскалация

расовой, этнической и религиозной вражды на полупериферии может соединиться с аналогичными формами в ядре и на периферии, резко усилив их. Если не воспрепятствовать этой тенденции, то мир может погрузиться в ситуацию системного хаоса, гораздо худшего, чем в XX в.

Не меньшие проблемы возникают и в странах, находящихся непосредственно в самом «ядре». Главная среди них – обеспечение внутренней стабильности. Этнические меньшинства составляют большинство уже сегодня почти во всех крупных городах США – и это в условиях быстро растущей экономической и социальной поляризации, в ситуации, когда впереди начинает маячить упадок. «Ключевой элемент сегодняшней политической жизни США – «раса». И это абсолютно не формула социального мира» – пишет Валлерстайн [Wallerstain 1992]. Учитывая ухудшение положения США в мирэкономике, «расовую» ситуацию не удастся так относительно легко блокировать, как это было сделано в 1960-е годы. В то же время, по закону «кумулятивного цикла» внутренние беспорядки еще более ослабят позиции США в мировой экономике и политике. Соединенным Штатам потребуется в этой ситуации политическая перестройка, однако она может оказаться еще более сложной проблемой, чем перестройка СССР. К тому же в Америке лишь очень немногие политики, по словам Валлерстайна, готовы признать ее необходимость.

Значительные демографические изменения, вызванные ослаблением государственных структур, в свою очередь, ослабят последние еще более. Социальные беспорядки скоро станут нормальным состоянием для стран ядра. В последние 20 лет эта проблема активно обсуждается, но под неверным углом зрения «роста преступности». Впереди нас ждет, пишет Валлерстайн, учащение и усиление гражданских войн, которые станут своеобразным лицом мирового смутного времени. Борьба за обеспечение защиты от этих бед уже началась, но государствам это не под силу: у одних нет денег, другим не хватает легитимности. Поэтому неизбежен рост частных армий и полицейских структур, принадлежащих этнокультурным группам, корпоративным структурам, муниципальным органам, местным общинам, религиозным организация и, конечно же, преступным синдикатам. Это не следует именовать анархизмом, скорее мы имеем дело с детерминистским хаосом.

Но, как известно, хаос порождает порядок. К какому порядку мы движемся? Валлерстайн видит три возможных варианта. Первый – нечто вроде неофеодализма, который в более или менее уравновешенном виде воспроизводит изменения и форму прошлых времен, мир индивидуалистичных суверенитетов, значительно более автаркичных регионов, местных иерархий. Все это может оказаться вполне совместимым и с поддержанием относительно высокого уровня современной технологии (но не дальнейшего ее развития). Бесконечное накопление капитала не может быть главной движущей силой такой системы, она будет скорее элитарной и иерархизированной, а не эгалитарной, справедливой.

Второй вариант – нечто вроде «демократической диктатуры». Она предполагает разделение мира на две группы кастового типа. В верхней страте, составляющей 1/5 населения мира, возможна высокая степень равномерного распределения. Такая общность интересов в рамках большой группы может дать этим двадцати процентам власть и ресурсы для контроля над остальной частью населения.

Данный вариант представлялся ранее Валлерстайну маловероятным, поскольку многое в американских национальных традициях и ценностях препятствует успеху диктаторских движений. Более вероятным видится ему третий вариант – децентрализованный и справедливый мир. Но именно он кажется сегодня наиболее утопичным. Его реализация потребует реального перераспределения уже накопленных богатств, а это полностью противоречит природе капиталистической мир-системы и вряд ли может быть реализовано в существующей исторической системе.

Итак, видение Валлерстайном ближайших лет таково: с одной стороны, все более богатеющий Север, внутренне (для своих граждан) относительно справедливый, и США, которые более не являются лидером ни экономически, ни геополитически; но они лидируют по такому показателю, как социальное равенство. С другой стороны, – Юг, оказывающийся во все более невыгодном положении, готовый использовать имеющуюся военную силу, которая достигнет уровня, достаточного для подрыва функционирования всей мир-системы; Юг, все чаще выступающий против западных ценностей и традиций; Юг, часть населения которого старается самостоятельно попасть на Север и таким образом воссоздает «Юг на Севере», как это и происходит

сейчас не только в США, но и в Германии, Франции, Великобритании и в других европейских странах.

Как показывает реальная ситуация начала XXI в. абсолютное большинство идей, высказанных И. Валлерстайном, оказываются пророческими. Это, прежде всего, касается тезиса о важности и необходимости разделения стран, на тех, кто находится в центре, в «ядре» и тех, кто на периферии. Интересно, что Дж. Сорос активно использовал эту идею в своей книгедля объяснения дальнейших перспектив – пессимистических – капитализма [Сорос 1998]. Крайне своевременной оказывается и высказывание Валлерстайна о том, что главной проблемой в перспективе для США будет проблема социальной внутренней стабильности и взвешенная внутренняя политика.

Как пишет Валлерстайн, капиталистическая мир-система переживает в настоящее время структурный кризис, который должен через 50 и более лет привести к смене мир-системы. Это означает, что общие механизмы капиталистической мир-экономики, которые распределяют в пользу элит прибавочный продукт посредством рынка и при активном участии нерыночных структур, подвергнутся принципиальной реорганизации. Чтобы оценить глубину такой реорганизации, достаточно напомнить, что в предшествующих мир-империях господствующая элита собирала дань с непосредственных производителей с помощью таких первичных структур, как армия и бюрократия. Отсюда ясно, что новая мир-система должна довольно радикально отличаться от предшествующих как в отношении доминирующих групп (имперская элита; буржуазия), так и в отношении механизмов и структур перераспределения прибавочного продукта (армия, бюрократия; рынок, нерыночные структуры), а также и в отношении нового структурирования экономического пространства (центр – полупериферия – периферия) и т. д. Очевидно, что иной должна быть и культура, мировоззрение и ценности будущей мир-системы. Однако то, каково может быть общество, его культурные идеалы и нормы в предстоящий период существования капиталистической мир-системы, обсуждается Валлерстайном с гораздо меньшей долей спекулятивности.

Как полагает Валлерстайн, в настоящее время капиталистическая мир-экономика стоит сегодня перед следующей альтернативой развития: либо эгалитарный, т. е. более справедливо устроенный мир, либо неэгалитарный, как и ранее, но частично модернизированный мир. Как

мыслит Валлерстайн переход к более справедливому обществу? Здесь следует, по мнению Валлерстайна, прежде всего подчеркнуть, что речь не идет в целом о всей капиталистической мир-системе. В ней, как и ранее, существовала и будет существовать иерархия стран, входящих в центр, периферию и полупериферию. Неизменными останутся и механизмы распределения прибавочного продукта, поскольку они составляют суть этой мир-системы. Предполагается, что более эгалитарным, т. е. менее социально дифференцированным, станет общество наиболее развитых стран и прежде всего США. Каким образом можно достичь этой ситуации? Первый путь предполагает перераспределение имеющегося прибавочного продукта в сторону среднего класса с помощью и посредством государственного социального страхования, увеличения доли среднего управленческого звена частного предпринимательства, и объемов потребления в секторе услуг, увеличения доли военных расходов, что будет способствовать в конечном счете более равномерному распределению доходов в развитых странах.

Второй путь распределения дополнительного прибавочного продукта предполагает резкое увеличение притока внешнего капитала, направленного на развитие собственной экономики, создание новых рабочих мест и благоприятных условий для торговли, что действительно и наблюдается в США в последние три года. Однако – и это принципиально важно – хотя распределение поступающего извне прибавочного продукта действительно способствует увеличению доходов, так называемого, среднего американского жителя, но оно отнюдь не ведет к уменьшению социальной дифференциации. Распределение нового прибавочного продукта осуществляется в рамках тех же – несправедливых, по сути пропорций, что и ранее. Поэтому, несмотря на то, что доходы средних американцев в общем выросли, расслоение и дальнейшая поляризация американского общества еще более усилилась[1]. А это, в свою очередь, означает, что исходный тезис Валлерстайна о возможном пути к более эгалитарному, справедливому обществу не подкрепляется (по крайней мере, в настоящее время) эмпирическими данными.

[1] По данным журнала «Economist», доходы высших менеджеров крупнейших мировых компаний в последние пять лет росли гораздо более высокими темпами, чем доходы иных служащих. При этом доходы менеджеров компаний США значительно больше, чем у их коллег стран Европы и Азии.

Чем же важен исходный тезис об эгалитарности будущего социального устройства с точки зрения культуры. Дело в том, что эгалитарный мир – это тот мир, в котором все или почти все разделяют единые универсальные ценности. В таком идеальном эгалитарном «мире равенства» с его минимальными социальными дифференциациями нет необходимости в групповой (в том числе, и прежде всего, в этической) идентичности и, следовательно, нет условий для формирования, подъема и расцвета национальных (этнических) культур. В том случае, если проявляется противоположная тенденция – рост неэгалитарности, неравенства – что и наблюдается сегодня в США, то можно утверждать о создании объективных предпосылок подъема групповой идентичности и целого универсума национальных культур. В свою очередь развитие множества этнических культур, часто несовместимых с доминирующей национальной культурой, может вести к возрождению культурного фундаментализма, что и наблюдается в последнее время в ряде европейских стран (Германия, Италия, Франция). Таким образом, усиление неравенства в получении доходов, достигнутое в том числе и за счет глобализации производства, ведет не только к формированию множества разнородных этнических культур, но и к дальнейшей иерархизации этих культур, которая в свою очередь иногда может обусловить и появление культурного фундаментализма.

В рамках второго – неэгалитарного, по определению Валлерстайна – пути предполагается сохранение прежнего иерархического по сути центристско-периферийного членения и, соответственно, неэквивалентного межстранового обмена. Неэгалитаризм в данном случае проявляется в том, что будут и далее возрастать различия между наиболее богатыми и наименее развитыми странами. По мысли Валлерстайна, усиление межгосударственного неравенства может и должно параллельно способствовать ослаблению такого неравенства внутри развитых стран. Применительно к сфере культуры, реализация этой схемы приведет к доминированию единых универсальных ценностей внутри развитых стран, и в то же время на уровне отдельных неразвитых (периферийных) стран к подъему и росту этнической идентичности, подъему партикуляризма в его предельной форме – к национализму. Существующие в настоящее время международные демократические институты, неправительственные организации

с трудом противостоят различным проявлениям фундаментализма и, тем самым, сдерживают развитие конфликта между странами центра и периферии. Однако способность этих институтов противостоять будущим вызовам со стороны неразвитых стран периферии вызывает сомнения.

Таким образом, существующая реальность не дает оснований утверждать, что развитие капиталистической мир-экономики в основном идет по заданному неэгалитарному пути. Действительно, в последние годы наблюдается усиление разрыва между наиболее богатыми и бедными странами. Но, как показал предшествующий анализ, доходы от дополнительного прибавочного продукта, полученного от эксплуатации менее развитых стран, распределяются в развитых странах далеко неравномерно. И это – главное. Констатация этого факта позволяет нам сделать следующий вывод: усиление неравномерности в распределении прибавочного продукта как внутри, так и между странами способствует усилению социальной поляризации и дифференциации на всех уровнях. В свою очередь, эта тенденция находит свое логическое продолжение в усилении значимости групповой идентичности в общей системе социальной идентичности, а также в «сломе» прежней относительно стабильной иерархии системы идентичности.

Последствия данного вывода могут обсуждаться в различных контекстах – политических, геополитических, экономических и т. д. Применительно к сфере культуры оценка последствий указанного вывода несомненно предполагает констатацию факта функционирования как множества отдельных, автономных культур, включая и явно противоречивый, неиерархический характер отношений между ними, так и наличие универсалистских культур или, точнее говоря, транс-культур, которые могут быть объединены общим понятием «глобальной культуры». Если принять мир-системный подход Валлерстайна в качестве исходной теоретической базы, то выводы, сделанные на его основе, свидетельствуют о наличии противоположных тенденций – универсалистских и партикуляристских – в развитии глобальной культуры как внутри отдельных стран, так и в процессе их взаимодействия. При этом глубина и острота противоречий в культурной сфере проявляются в большей степени, нежели в области экономики и политики.

Таким образом, можно утверждать, что трансформация прежних систем культурной и социальной идентичности значительно ослабила устойчивость и стабильность как конкретных обществ, так и всей социальной системы в целом. Переход к новому уровню устойчивого развития в гораздо более динамичной внешней среде требует как реорганизации исходных базовых ценностей на индивидуальном уровне, так и институтов, призванных обеспечить стабильность отдельных сообществ и всей мировой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ерасов Б. С. Цивилизационный плюрализм против миросистемного монизма // Осмысливая мировой капитализм. М. : РАН ИМЭМО, 1997. 192 с.

Фурсов А. И. Мир-системный анализ и его критики : научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН РАН, 1996. 43 с.

Фурсов А. И. Мир-системный анализ: интерпретации И. Валлерстайном периода 1945–1990 гг. (основные идеи и оценки) // Восток. 1992. № 3. С. 32–55.

Фурсов А. И. Школа мир-системного анализа «Основные положения концепции И. Валлерстайна» // Восток. 1992. № 3. С. 19–38.

Чешков М. А. Концепция Валлерстайна и его критики // Осмысливая мировой капитализм (И. Валлерстайн и миросистемный подход в современной западной литературе). М. : РАН, 1997. С. 10–55.

Wallerstain I. Capitalist Civilization. N.Y., 1992. P. 13.

Wallerstain I. Semiperipherial Countries and the Contemporary World-crisis // Wallerstain I. The Capitalist World-economy. Cambridge, 1979. P.119.

Wallerstain I. The States in the Institutional Vortex of the Capital World-economy // International Social Science Journal. 1980. № 4. P. 743–751.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма : пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 1998. xxvi + 262 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University

Гуманитарные науки

Humanitarian Sciences

Выпуск 9 (801)

Issue 9 (801)

Над выпуском работали:

доктор филологических наук, доцент Е. Ф. Косиченко (*отв. редактор*);
доктор филологических наук, профессор Н. Н. Германова;
кандидат филологических наук, доцент Н. С. Панарина (*отв. секретарь*)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 24.10.2018
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 25,1
Заказ № 113

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: LIBRANET.LINGUANET.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна